ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

10'2007

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

АЛЕКСАНДР БАЧИЛО,
ИГОРЬ ТКАЧЕНКО
КРАСНЫЙ ГИГАНТ

НЭНСИ КРЕСС
РИЧАРД ЛОВЕТТ
МЭТЬЮ ХЬЮЗ
ГВИНЕТ ДЖОНС

АЛЕКСАНДР РОЙФЕ:
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ НЕБЫТИЯ

SHOUT
SHARE
IT

- ЖУРНАЛ «ЕСЛИ»
  - ПРОЗА
    - Нэнси Кресс
      -
    - Максим Дегтярёв
      -
    - Евгений Гаркушев
      -
    - Гвинет Джонс
      -
    - Мэтью Хьюз
      -
    - Ричард Ловетт
      -
    - Александр Бачило, Игорь Ткаченко
      -
  - КОНКУРС
    -
    - Алексей Колосов
  - ВИДЕОДРОМ
    - Елена Навроцкая
    - РЕЦЕНЗИИ
      -
    - ТЕМА
      - Антон Первушин
      - Другие ракеты
      - Другой Гагарин
      - Другая орбита
      - Другой космос
  - КРИТИКА
    - Александр Ройфе
      -
      - Выставка достижений фантастического хозяйства
      - Реализация статуса
      - Не теряя надежды
  - РЕЦЕНЗИИ
    -
  - СТАТИСТИКА
    - Леонид Каганов
  - КУРСОР
    -
  - PERSONALIA
    -

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

ЖУРНАЛ «ЕСЛИ»
2007 № 10

ПРОЗА

Нэнси Кресс
ЭНДШПИЛЬ

Семиклассник Аллен Додсон сидел на уроке математики, уставившись в затылок Пегги Коркоран, когда на него снизошло озарение, изменившее мир. Сперва его собственный мир, а затем постепенно, наподобие костяшек домино, падающих в заранее заданном ритме, мир каждого из нас. Хотя мы, разумеется, тогда этого не знали.

Источником озарения стала Пегги Коркоран. Аллен сидел позади нее с третьего класса (Андерсон, Блейк, Коркоран, Додсон, Дюквесн…) и никогда не считал сколь-нибудь примечательной. Да она таковой и не была. Происходило это в 1982 году, и Пегги расхаживала в майке с Дэвидом Боуи и с растрепанными косичками. Но в тот момент, глядя на ее мышиного оттенка волосы, Аллен внезапно осознал, что в голове у Пегги наверняка полная каша из обрывков мыслей, противоречивых чувств и полуподавленных желаний — совсем как у него.

От этой идеи у него даже забурчало в животе. В книгах и фильмах персонажи всегда выдают одну мысль за другой, последовательно: «Элементарно, дорогой Ватсон», «Предложение, от которого он не сможет отказаться», «Перешли меня по лучу на корабль, Скотти!». Но в голове у Аллена, когда он попытался следить за своими размышлениями, все было иначе. До конца урока десять минут я голодный надо отлить ответ x+6 идиот а каково было бы поцеловать Линду Уилсон сегодня вечером очень хочется отлить у шкафчика в раздевалке заедает замок Линда еще восемь минут решить первые шестнадцать задачек бейсбол после школы…

Нет. Даже не близко к идеалу. Нужно использовать разум, чтобы следить и за этими мыслями, и за мыслями о том, как он следит за этими мыслями, и…

И Пегги Коркоран все это тоже делает. И Линда Уилсон. И Джефф Галлахер.

И мистер Гендерсон, преподаватель математики. И каждый человек в мире. У всех мысли проносятся в голове со скоростью электричества, сталкиваются между собой, конфликтуют и гасят друг друга, у каждого человека на Земле в голове ужасная путаница, ничего здравого, упорядоченного или предсказуемого… Да ведь в эту самую минуту, задавая на дом первые шестнадцать задачек на странице 145, мистер Гендерсон может думать о чем-то ужасном, даже замышлять что-то страшное против Аллена, или же вспоминать о своем ланче, или ненавидеть педагогику, или планировать убийство…

И ведь никогда про это не узнаешь. На свете нет ни единого «упорядоченного» гармоничного человека, ни на кого нельзя положиться… Вопящего от ужаса Аллена пришлось выносить из класса.

* * *

Обо всем этом я, разумеется, узнал десятилетия спустя. Мы с Алленом не были друзьями, хотя и сидели в классе через проход (Эдвардс, Фарр, Фицджеральд, Галлахер…). И после того припадка я решил, что он действительно придурковатый, каким его считали все. Я никогда не дразнил Аллена, как некоторые из мальчиков, и не высмеивал его, как девочки; мне было действительно интересно выслушивать те странные мысли, который он иногда высказывал в классе, всегда при этом выглядя так, словно понятия не имел, насколько необычно это звучит. Но мне недоставало сил пойти против толпы и подружиться с таким

неудачником.

В то лето, перед тем как Аллен отправился в Гарвард, мы стали если и не друзьями, то хотя бы партнерами по шахматам.

— Ты паршиво играешь, Джефф, — сказал мне Аллен с характерной для него рассеянной прямотой, — но, кроме тебя, здесь вообще никто не умеет играть.

Поэтому два или три раза в неделю мы сидели на веранде дома его родителей и сражались за шахматной доской. Я никогда не выигрывал. Раз за разом я покидал тот дом, хлопая дверью от стыда и отчаяния, и клялся больше не приходить. В конце концов, в отличие от унылого Аллена, я мог провести время и поинтереснее: девушки, машины, фильмы про Джеймса Бонда. Но я всегда возвращался.

Я уже тогда замечал, что родителей Аллена немного пугала энергия их сына. Деликатные, трудолюбивые, большие поклонники гольфа, они фактически предоставили Аллена самому себе лет с пятнадцати. Когда мы передвигали на веранде фигуры, мать Аллена робко ставила кувшин лимонада и тарелку печенья. Она относилась к нам с неловким уважением, которое, в свою очередь, порождало неловкость у меня. Родителям так себя вести не полагается.

Гарвард был для Аллена крепким орешком, несмотря на его высокий общий выпускной балл. Вообще-то оценки у него были очень неравномерными, потому что задания он делал только по тем предметам, которые его интересовали, а медицинская история выглядела еще круче: приступы депрессии, во время которых он пропускал школу, плюс курс лечения в психиатрической клинике. Аллен был способен увлечься чем-нибудь — шахматами, квантовой физикой, буддизмом — до такой степени, что не мог остановиться, пока интерес внезапно не пропадал, словно его и не было. Однако Аллен был государственным стипендиатом, а когда он стал победителем научного конкурса «Вестингауз», предоставив работу о черепных структурах мышей-полевок, Гарвард его принял.

Вечером накануне его отъезда мы устроили последний шахматный матч. Аллен открыл его консервативным итальянским дебютом, и это подсказало мне, что мысли приятеля где-то далеко. Через двенадцать ходов он неожиданно спросил:

— Джефф, а что если бы ты умел наводить порядок в своих мыслях? Примерно так, как каждый вечер наводишь порядок в своей комнате?

— Что бы я умел делать? — В моей комнате «наводила порядок» мать, да и вообще, кто называет обычную уборку «наведением порядка».

Он пропустил мой вопрос мимо ушей и продолжил:

— Это ведь нечто вроде статического шума, верно? Все эти помехи не позволяют чисто принимать сигнал… Точно, это правильная аналогия! Без статики мы смогли бы мыслить яснее. Чище. Мы могли бы видеть дальше, пока сигнал не затеряется в неконтролируемом шуме.

В сумерках на веранде я едва различал его бледное лицо с широкими скулами. Но меня посетило внезапное озарение, редкое в то лето:

— Аллен… это то самое, что случилось с тобой тогда, в седьмом классе? Слишком много… статики?

— Да. — Похоже, он даже не смутился, в отличие от любого на его месте. Словно смущение было сущей ерундой по сравнению с этой темой. — Тогда я увидел это впервые. Долгое время я думал, что, если научусь медитации, как буддистские монахи, то смогу избавиться от статики. Но медитация не позволяет продвинуться достаточно далеко. Статика все равно остается, просто на нее больше не обращаешь внимания. Но она никуда не девается. — Он сделал ход слоном.

— А что именно произошло в седьмом классе? — Меня обуяло любопытство, которое я замаскировал, уставившись на доску и сделав ход.

И он рассказал мне все, нисколько не смущаясь, с исчерпывающими подробностями. А потом добавил:

— Должен существовать способ настроить биохимию мозга таким образом, чтобы устранить статику. Избавить мысли от хаоса. Должен!

— Что ж, — заметил я, возвращаясь к своему привычному сарказму, — может быть, ты откроешь его в Гарварде, если только не отвлечешься на какую-нибудь ерунду вроде балета или моделирования железных дорог.

— Мат! — объявил Аллен.

* * *

После того лета я потерял его след, если не считать подробнейшего «Бюллетеня выпускников Бейкерсвильской средней школы», добросовестно и каждый год рассылаемого всем нам по почте Линдой Уилсон, у которой, наверное, имелась своя навязчивая идея. Аллен поступил на медицинский факультет Гарварда. После окончания его пригласила на работу престижная фармацевтическая компания, и он опубликовал много научных статей на темы, которые я не в состоянии даже произнести. Он

женился, развелся, снова женился, снова развелся. Пегги Коркоран, которая вышла замуж за моего кузена Джо и была знакома со второй женой Аллена, сказала мне на похоронах моего отца, что обе бывшие жены говорят об Аллене одно и то же: «Эмоционально он всегда отсутствовал».

Сам я увидел его во время празднования двадцать пятой годовщины нашего выпуска. Он ничуть не изменился — худой, широкоскулый, бледный. Аллен одиноко стоял в углу и смотрелся настолько жалко, что я потащил Карен познакомиться с ним.

— Привет, Аллен. Джефф Галлахер.

— Знаю.

— Это моя жена Карен.

Он улыбнулся ей, но ничего не сказал. Отзывчивая Карен начала было светский разговор, но Аллен оборвал ее на полуфразе:

— Джефф, ты еще играешь в шахматы?

— Ни я, ни Карен сейчас не играем, — с намеком ответил я.

— А-а… Хочу тебе кое-что показать, Джефф. Можешь приехать завтра ко мне в лабораторию?

«Лаборатория» находилась в другом городе, в шестидесяти милях от нас, а завтра меня ждала работа. Но нечто во всей этой ситуации пробудило интерес моей жены.

— А что именно, Аллен? — спросила она.

— Шахматистку. Я думаю, что она сможет изменить мир.

— В смысле, большой и важный шахматный мир? — уточнил я. Едва я оказался рядом с Алленом, как ко мне сразу же вернулся подростковый сарказм.

— Нет. Весь мир. Пожалуйста, приезжай, Джефф.

— Когда? — спросила Карен.

— Карен, у меня работа.

— У тебя гибкий график, — напомнила она. Я был агентом по недвижимости и работал дома. Карен улыбнулась мне и подмигнула. — Я уверена: мы увидим нечто потрясающее!

* * *

Люси Хартвик, высокой, худощавой и очень красивой, было лет двадцать пять. Я поймал гневный взгляд Карен, которая, к сожалению, страдала приступами ревности. Но Люси меня не зацепила. В ее красоте было что-то холодное. Она едва взглянула на нас поверх компьютера. В ее взгляде читалось безразличие. На экране я увидел шахматную партию.

— Рейтинг Люси, во всяком случае, измеренный по играм с компьютером, равен 2670, — сообщил Аллен.

— Ну и что? — Да, 2670 — величина чрезвычайно высокая. Лишь около двадцати шахматистов в мире имеют рейтинг выше 2700. Но я все еще пребывал в саркастическом настроении, хотя и корил себя за ребячество.

— Шесть месяцев назад ее рейтинг был 1400.

— А шесть месяцев назад она только научилась играть, да? — Мы говорили о Люси, неподвижно склонившейся над шахматной доской, словно ее здесь не было.

— Нет, она играла дважды в неделю в течение пяти лет.

Таких рейтинговых прыжков для игрока со средними способностями и без достаточной практики попросту не бывает.

— Я рада за тебя, Люси! — сказала Карен. Люси равнодушно взглянула на мою жену и снова уставилась на доску.

— И как именно все это должно изменить мир? — осведомился я.

— Пошли, кое-что покажу, — предложил Аллен и, не оглядываясь, направился к двери.

Я начал уставать от его игр, но Карен последовала за ним, поэтому я поплелся следом. Эксцентричность всегда интриговала Карен — возможно, потому что сама она весьма уравновешенная и здравомыслящая. Кстати, это одна из причин, почему я в нее влюбился.

Аллен протянул мне пачку графиков, схем и медицинских сканов, словно ожидая, что я начну их читать.

— Видишь, Джефф? Это показатели Люси, снятые во время игры в шахматы. Область мозга, называемая «хвостатое ядро», которая помогает переключать шестеренки с одной мысли на другую, показывает низкую активность. Так же ведет себя и таламус, обрабатывающий входящие сенсорные сигналы. А здесь…

— Я риэлтор, Аллен, — прервал я его грубее, чем собирался. — Что означает вся эта фигня?

Аллен взглянул на меня и сказал просто:

— Люси научилась устранять статику.

— Какую статику? — спросил я, хотя прекрасно помнил наш разговор двадцатипятилетней давности.

— Ты хочешь сказать, — вмешалась Карен, которая всегда быстро схватывала суть, — что Люси может сосредоточиться на чем-то одном, не отвлекаясь на все прочее?

— Именно это я только что и сказал, разве не так? — произнес Аллен. — Люси Хартвик умеет контролировать собственный разум. Когда она играет в шахматы, то это все, что

она делает. В результате она теперь сравнялась с игроками верхних эшелонов шахматного мира.

— Но реально она ни с кем из этих лучших игроков пока не играла? — уточнил я. — И все это лишь твоя оценка, основанная на результатах ее игры против какого-то компьютера.

— Это одно и то же.

— Нет!

— Джефф! — укоризненно произнесла Карен, удивленная моей яростью.

— Да, Джефф, прислушайся к Карен, — посоветовал Аллен. — Неужели ты не…

— Карен!

— …понял? Люси каким-то образом достигла полной концентрации внимания. Это позволяет ей просто… просто мчаться вперед в решении тех проблем, на которых она решает сосредоточиться. Неужели ты не понимаешь, что это может означать для медицинских исследований? Да для любой области науки? Мы сможем решить проблемы глобального потепления, рака, токсичных отходов и… вообще какие угодно!

Насколько мне было известно, Аллена никогда не интересовало глобальное потепление, и с моих губ едва не сорвалось ехидное замечание. Но то ли выражение лица Аллена, то ли ладонь Карен на моей руке остановили меня.

— Это может стать чудом, Аллен, — негромко сказала она.

— И станет! — воскликнул он страстно, как во время того самого припадка, что случился с ним в седьмом классе. — Станет!

* * *

— И как это следует понимать? — осведомилась Карен, когда мы ехали домой.

— Ну, просто Аллен повел себя…

— Не Аллен. Ты.

— Я? — притворно изумился я, но прикинуться дурачком не удалось.

— Я никогда тебя таким не видела. Ты откровенно издевался и над ним, и над тем, что действительно может стать огромным прорывом в биохимии мозга.

— Это всего лишь теория, Карен! А девяносто процентов теорий оказывается пшиком, едва кто-нибудь проводит контролируемый эксперимент.

— Но ты, Джефф… Ты не хочешь, чтобы эта теория подтвердилась!

Я даже развернулся на водительском сиденье, чтобы взглянуть ей в лицо. Карен застыла, глядя строго перед собой и словно запечатав цементом прелестные губки. И моим первым инстинктивным желанием стало устроить буйный скандал, но… не Карен.

— Даже не знаю, что и сказать, — негромко проговорил я. — Аллен почему-то всегда пробуждал во мне все худшее. Может быть… я просто ревную.

Повисла долгая пауза, во время которой я изо всех сил пытался сосредоточиться на дороге. Желтая разделительная полоса, не пересекать, тридцать пять миль в час, впереди рытвина…

Потом рука Карен легко коснулась моего плеча, и в мире снова все стало хорошо.

* * *

После того дня я изредка общался с Алленом. Два-три раза я звонил ему, и мы говорили минут по пятнадцать. Точнее, говорил Аллен, а я слушал, подавляя раздражение. Он никогда не спрашивал обо мне или о Карен. Он рассуждал исключительно о разнообразных особенностях Люси Хартвик: ее спинномозговой и внутричерепной жидкости, структурах ее нейронного возбуждения, ее крови и культурах тканей. Он рассказывал о ней так, словно она была не более чем набором биологических загадок, которые он намерен разгадать, и я даже не мог представить, как происходит их ежедневное общение. Карен я в эти подробности не посвящал, сам не знаю почему.

Так прошел первый год. В следующем июне все изменилось. Отчеты Аллена (по сути, это были именно отчеты, а не беседа) превратились в поток непрерывных жалоб.

— Управление по контролю за продуктами и лекарствами уже целую вечность рассматривает мою заявку по ПНП. Вечность!

Я догадался, что ПНП означает «прототип нового препарата», а эта заявка должна дать зеленый свет его исследованиям Люси.

— Люси просто невыносима! Когда она мне нужна, ее невозможно застать — шляется по всему миру на шахматные турниры. Словно шахматы важнее, чем моя работа с ней!

Я вспомнил то далекое лето, когда для самого Аллена шахматы застили белый свет.

— Меня приводят в отчаяние три вещи: эгоизм, бюрократизм и политиканство.

— Угу.

— И неужели Люси не понимает, насколько важны мои исследования?! Какой здесь невероятный потенциал для усовершенствования мира!

— Очевидно, нет, — отозвался я со злым удовлетворением, за которое тут же мысленно себя обругал, и, чтобы загладить неловкость, предложил: — Аллен, почему бы тебе не взять тайм-аут? Приехал бы как-нибудь к нам пообедать. Разве перерывы не благотворно сказываются на научном мышлении? И не приводят иногда к чудесным озарениям?

Я почувствовал, что на другом конце провода назревает отказ, однако две последние фразы остановили моего приятеля. Подумав несколько секунд, он ответил:

— Ну ладно, раз уж ты так хочешь меня видеть…

Причем сказал это настолько нелюбезно, словно оказывал мне огромную услугу. Уже в тот момент я понял: обед станет катастрофой.

И он ею стал, но все же не в той степени, как если бы не было Карен. Она не обиделась, когда Аллен отказался прогуляться по ее горячо любимому садику. Она молчала, когда он, попробовав что-то с тарелки, брезгливо клал недожеванные кусочки на скатерть, ронял изо рта крошки или обмусоливал жирными губами ободок своего бокала. Она терпеливо выслушала двухчасовой монолог Аллена, кивая и поощрительно поддакивая. Под конец глаза у нее все же слегка остекленели, но она ни за что бы не вышла за рамки хороших манер и не позволила бы сделать этого мне.

— Просто безобразие, — разглагольствовал Аллен, — как УКПЛ своей чрезмерной осторожностью тормозит все продуктивные исследования! Знаете, что стало бы, если бы Дженнеру понадобилось одобрение УКПЛ для его вакцины? Мы бы до сих пор болели оспой, вот что! Если бы Луи Пастер…

— Почему бы вам с Джеффом не поиграть в шахматы? — спросила Карен, когда обед наконец-то завершился. — А я пока уберу со стола.

Я облегченно выдохнул. В шахматы играют молча. Кроме того, Карен будет долго занята ликвидацией последствий безобразных застольных манер Аллена.

— Шахматы меня больше не интересуют, — заявил Аллен. — И вообще, мне пора возвращаться в лабораторию. Пусть даже Люси и не приедет для запланированных исследований. Она сейчас бездарно растрачивает мое время на турнире в Туркестане или в какой-то другой дыре. Пока. Спасибо за обед.

— Не приглашай его больше, Джефф, — сказала Карен, когда Аллен уехал. — Пожалуйста.

— Не буду. Ты была великолепна, милая.

Позднее, уже в постели, я начал делать то, что нравилось ей, но не нравилось мне — чтобы выразить ей благодарность. Однако на полпути Карен меня оттолкнула:

— Мне все это нравится только тогда, когда ты действительно здесь и рядом, — сказала она. — А сегодня ты думаешь о чем угодно, только не о нас.

Когда она заснула, я тихонько выбрался из постели и включил компьютер в своем кабинете. Сквозь сетку на окне просачивался душный аромат любимых роз Карен. Люси Хартвик отыскалась в Туркмении, где она играла на шахматной олимпиаде в Ашхабаде. На многих сайтах описывался ее стремительный взлет к вершинам шахматного мира. Во всех статьях упоминалось, что она не общается ни с членами своей, ни любой другой команды, предпочитает есть в одиночестве у себя в номере отеля и никогда не улыбается. Я рассмотрел прилагающиеся к статьям фотографии, поражаясь, что стало с красотой Люси.

Она все еще была стройной и длинноногой. Черты лица остались привлекательными, хотя разглядеть их нередко мешала ее привычная поза, в которой она изучала игровую доску: слегка сгорбившись, вытянув голову наподобие черепахи и сунув два пальца в приоткрытый рот. Сосредоточенность на лице, избыточная даже для шахматиста, стерла любые намеки на иные эмоции. Хорошие игроки в покер тоже так поступают, но все же не до такой степени. А Люси выглядела не совсем человеком.

Хотя, возможно, мне это только показалось — из-за моих сложных чувств к Аллену.

В два часа ночи я снова залез под одеяло, радуясь, что Карен не проснулась в мое отсутствие.

* * *

— Она ушла! — кричал Аллен в телефонную трубку год спустя. — Ушла навсегда!

— Кто? — спросил я, хотя, конечно, уже догадался. — Аллен, я сейчас не могу говорить, с минуты на минуту жду клиента.

— Ты должен приехать ко мне!

— Зачем?

После того ужасного обеда я отклонял все звонки Аллена, поменял номер домашнего телефона, взяв номер, не указанный в телефонном справочнике, и велел секретарше не соединять меня с Алленом в рабочие часы. И сейчас схватил трубку только

потому, что ждал звонка от Карен по поводу очередной встречи у консультанта по семейным отношениям. Наши взаимоотношения стали хуже. Не плохими, нет, но на прежде безоблачном небе нашего брака появились редкие облачка. Я хотел развеять их, пока они не превратились в грозовые тучи.

— Ты должен приехать, — повторил Аллен и зарыдал.

Я смущенно отвел трубку от уха. Взрослые мужчины так не плачут, и уж тем более перед другими мужчинами. И я сразу понял, почему Аллен захотел, чтобы я приехал к нему в лабораторию — ему просто-напросто больше некому было позвонить.

— Пожалуйста, Джефф, — прошептал Аллен.

— Хорошо! — рявкнул я.

— Мистер Галлахер, пришли ваши клиенты, — сообщила Бриттани, открывая дверь, и я попытался выдавить из себя одновременно и улыбку, и правдоподобную ложь.

Как выяснилось, Люси Хартвик никуда не уходила. Она сидела в лаборатории Аллена, сгорбившись над шахматной доской и сунув два пальца в рот.

— Что за черт, Аллен, ты же сказал…

Как всегда непредсказуемый, после звонка он успокоился. И теперь протянул мне пачку распечаток и медицинских снимков. Я внезапно вспомнил свой первый визит в его лабораторию, когда Аллен точно так же сунул мне документы, в которых я едва мог что-то разобрать. Он просто не умеет учиться на своих ошибках.

— Ты сказал, что Люси ушла!

— Она ушла.

— Да вот же она сидит!

Аллен посмотрел на меня. У меня возникло впечатление, что это простое действие потребовало огромных усилий с его стороны, примерно как у человека, пытающегося освободиться от бетонного блока, к которому его приковали.

— Знаешь, а я всегда тебя ревновал, — сказал он.

Его слова потрясли меня. У меня даже рот открылся, но Аллен уже вернулся к своему бетонному блоку:

— Ты только взгляни на эти сканы мозга — за шесть месяцев белого вещества стало меньше на 75 процентов! А вот уровни нейромедиаторов, они…

— Аллен, — оборвал я его. В груди у меня внезапно похолодело. — Остановись. — Но он все болтал и болтал о «хвостатом ядре», и об антителах, атакующих подкорковые узлы, и о повторной двусторонней трассировке нервных связей.

Я подошел к Люси и поднял со стола шахматную доску.

Она немедленно поднялась и продолжила разыгрывать

партию стоя. Я попятился на несколько шагов, она последовала за мной, продолжая играть. Тогда я выбежал с доской в прихожую, захлопнул за собой дверь и привалился к ней спиной. Роста во мне сто восемьдесят три сантиметра, и вешу я девяносто килограммов, а Люси вдвое меньше. Она вообще сильно похудела, и ее стройность превратилась в костлявость.

Она даже не пыталась силой открыть дверь. Просто вернулась к столу, уселась и сунула два пальца в рот.

— Она играет в уме, так ведь? — спросил я Аллена.

— Да.

— А что делает это «белое вещество»?

— Оно содержит аксоны, которые соединяют нейроны в коре головного мозга с нейронами в других частях мозга, тем самым обеспечивая внутримозговую связь, — пояснил Аллен, словно зачитывая учебник.

— То есть оно позволяет одним частям мозга говорить с другими?

— Ну, это лишь грубая аналогия, но…

— Оно позволяет разным мыслям из разных частей мозга достигать друг друга, — проговорил я, все еще глядя на Люси. — И осознавать несколько мыслей одновременно.

Статика.

Аллен начал длинное научное объяснение, но я уже не слушал. Теперь я вспомнил, где уже видел характерную позу Люси, с выставленной вперед головой и двумя пальцами в слюнявом рту. На картине, где художник изобразил королеву Елизавету I в последние дни ее жизни, неподвижную и не реагирующую ни на что — ее разум уже покинул умирающее тело.

— Люси ушла, — снова сказал Аллен. Он знал.

— Аллен, за какую бейсбольную команду играл Бейб Рут? Он пробормотал что-то о нейромедиаторах.

— Какой любимый дебютный ход Бобби Фишера? — спросил я, мысленно умоляя: «Скажи e4, черт побери!»

Он заговорил о мозговых волнах концентрированной медитации.

— А ты знаешь, что завтра на Манхэттен обрушится цунами?

Он потребовал радикального изменения схемы клинических проверок в УКПЛ.

И тогда я сказал, едва удерживаясь на грани спокойствия:

— Ты ведь тоже его принял, да? Ты взял ту самую дрянь, что не прошла проверку в УКПЛ, и ввел ее себе, или принял таблетку, или еще как-то. Хотел достичь такого же, как у Люси, состояния без статики. И теперь никто из вас не способен переключить

внимание. — Звонок ко мне был последней и отчаянной попыткой Аллена вырваться из его идеальной сосредоточенности на проекте. Впрочем, нет… не последней.

Я взял его за плечи и встряхнул:

— Аллен. Что ты имел в виду, когда сказал: «Я всегда тебя ревновал»?

Он забормотал о результатах магнитно-резонансного сканирования.

— Аллен, прошу тебя: скажи, что ты имел в виду! Но он не смог. И теперь я никогда этого не узнаю.

Я позвонил в приемную здания, где находилась лаборатория. Сообщил в 911. Затем позвонил Карен, потому что мне было нужно услышать ее голос, пообщаться с ней. Но она не отозвалась на звонок по мобильному, а на работе ответили, что сегодня она рано ушла домой.

* * *

Аллена и Люси ненадолго госпитализировали, потом отпустили. Я никогда не слышал, какой им поставили диагноз, но подозреваю, что там значилась «неспособность воспринимать и реагировать на социальные отношения» или какая-нибудь подобная психологическая трепотня. Не любит играть с другими детьми. Бегает с ножницами в руках. Люси и Аллен продемонстрировали, что физически в состоянии заботиться о себе, поэтому госпиталь их выписал. А профессионалы бизнеса, как я слышал, вложили в них деньги и привели в порядок их физическую жизнь. Аллен только что опубликовал новую блестящую научную статью, а Люси Хартвик стала первой женщиной, завоевавшей титул чемпиона мира по шахматам.

— Они по-своему счастливы, — сказала Карен. — Если сосредоточенность на объекте страсти заставляет их не замечать все прочее — ну и что? Возможно, это и есть цена гениальности.

— Возможно, — согласился я, радуясь, что она вообще со мной разговаривает. В последнее время мы очень мало общались. Карен отказалась посещать консультанта по семейным отношениям и стала отмалчиваться, уходя в сад, чтобы избежать контакта со мной. Нашим розам завидует вся округа. У нас растут «Тосканское солнце», «Кружевное облако», «Мистер Линкольн», «Принцесса», «Золотое пламя». Английские розы, гибридные чайные сорта, флорибунда, стелящиеся розы, вьющиеся, кустовые. Они сияют алым, розовым, абрикосовым оттенками, древним золотом, нежным кораллом. От смеси их запахов меня тошнит.

Я помню момент, когда это произошло. Мы были в саду. Карен стояла на коленях возле клумбы. Ее лицо закрывала от солнца широкополая шляпа, и ее глаз я не видел.

— Карен, — спросил я, пытаясь скрыть отчаяние, — ты еще любишь меня?

— Подай мне, пожалуйста, этот совок, Джефф.

— Карен! Прошу тебя! Мы можем поговорить о том, что с нами происходит?

— «Таитянский рассвет» в этом году будет роскошно цвести.

Я уставился на нее, на капельки пота над ее верхней губой, изящный изгиб шеи, ее счастливую улыбку.

Карен моет тарелку после Аллена, подбирает оброненные им кусочки пищи. Люси с пальцами во рту долго смотрит на шахматную доску, затем касается фигур.

Нет. Невозможно.

Карен сама потянулась к садовому совку, как будто забыв о моем присутствии.

* * *

Люси Хартвик утратила свой чемпионский титул, проиграв русскому шахматисту по имени Дмитрий Чертов. Генетик из Стенфордского университета сделал настолько важный прорыв в исследовании рака, что эта новость попала в заголовки на целую неделю. По совпадению, которое показалось забавным средствам массовой информации, его младшая дочь стала победительницей национального конкурса по английскому языку среди школьников. Я поискал сведения об этом генетике в интернете; год назад он участвовал в научной конференции вместе с Алленом. Некая женщина из Орегона развила способность полностью контролировать свои мозговые волны посредством глубокой медитации. Ее муж — гроссмейстер.

Я теперь много гуляю, когда не занят уборкой, готовкой или покупками. Карен ушла с работы, она почти не покидает своего садика. Я все еще работаю, хотя и беру меньше клиентов. Гуляя, я думаю о своих клиентах и размышляю о том, какие дома им могли бы понравиться. Примечаю, как в кронах августовских деревьев начинают мелькать пятнышки ранней желтизны, вспоминаю обрывки подслушанных разговоров, играю с собаками. Прогулки мои становятся все дольше и дольше, и я замечаю, что начинаю замерять скорость ходьбы, интересоваться кроссовками, изучать трансконтинентальные пешеходные маршруты.

Но я стараюсь не думать о ходьбе слишком много. Наблюдаю,

как азартно играют дети в последние дни летних каникул, вспоминаю фильмы, которые мне когда-то нравились, задумываюсь над сложностями квантовой физики, предвкушаю, что приготовлю на ланч. Иногда я пою. Декламирую выученные в детстве стишки, вспоминаю знаменательные футбольные матчи, болтаю со старушками на крылечках, подсчитываю количество съеденных за завтраком калорий. Иногда я даже мысленно повторяю типовые шахматные дебюты: «Венский» или «Защиту Петрова». Впускаю в голову все приходящие мысли — и всем им радуюсь.

И слушаю статику, потому что не знаю, сколько еще времени у меня осталось.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Nancy Kress. End Game. 2007. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov’s SF» в 2007 г.

Максим Дегтярёв
АДАМ СМАРТУС И ДЕЛО КОМПОЗИТОРОВ

О смерти композитора Грегори Вольфа много писали этой зимой. Для большинства трагический исход оказался неожиданностью, ведь врачи уверяли, что здоровье Вольфа идет на поправку. Те же, кто знал его лично и кому было дозволено навещать его во время болезни, видели, что в то время как природа яростно отстаивает свои права на жизнь, душа Вольфа уже перешагнула границу, отделяющую мертвых от живых. Физических страданий он уже не испытывал, но продолжал применять сильные обезболивающие, которые вкупе с алкоголем вызвали, в конце концов, остановку сердца.

Многие полагали, что Вольфа тяготила вина за смерть Роберта Самуэльса, оказавшегося в тот роковой вечер в его машине. Оба были пьяны, Вольф гнал свой «феррари» по горному серпантину, опасному даже для трезвых водителей. Журналисты, бравшие у Вольфа многочисленные интервью, признавали, что

никогда не видели композитора пьяным. То же самое утверждали его друзья. Только вдова как-то обмолвилась, что душевный слом произошел у мужа еще до катастрофы и что она все чаще стала замечать его в обществе бутылки. Косвенным образом ее слова подтверждает отказ Вольфа от участия в концерте, на котором должны были исполнить его новую симфонию, и несколько отмененных интервью для телевидения. Один свидетель рассказал, что видел Вольфа и Самуэльса в баре за час до трагедии и что они ссорились. Впоследствии он отказался от своих слов.

— В этой истории осталось много темного, — сказал Смартусу комиссар Жером.

— А что свидетель?

— Скорее всего, вдова заплатила ему за молчание. После смерти Вольф оставил приличное состояние, ведь он был чертовски популярен.

— Зачем она это сделала?

— Чтобы было легче отвязаться от адвокатов семьи Самуэльса. Им, конечно, тоже кое-что перепало.

— Кто был этот Самуэльс?

— Приятель Вольфа. Программист, специализировавшийся на музыкальных компьютерах. Ведь теперь всю музыку пишут на компьютере, поэтому без программиста не обойдешься.

— Не слышал, чтобы среди приятелей Баха числился продавец нотной бумаги, — заметил Смартус, неделю назад ознакомившийся с биографией великого немецкого композитора.

— Согласен, странная парочка. Вы хотите взяться за это дело?

— Хочу. Должен признаться, мне нравится музыка Вольфа. В ней есть какой-то разрушительный подтекст, словно писалась она на обломках… В общем, я должен для него что-то сделать.

— Заглянув внутрь игрушки, вы можете ее сломать.

— Постараюсь быть осторожен.

На самом деле, в глубине души он подозревал, что комиссар окажется прав.

Холодный дождь смыл снег с асфальтовых дорожек. Серые льдистые пятна, истыканные дождевыми пробоинами, еще остались кое-где на траве. Четверо рабочих устанавливали гранитную плиту на свежей могиле. Женщина в черном пальто умоляла их не повредить венки. Двое мужчин стояли в нескольких шагах позади нее и молча наблюдали. Высокий короткими затяжками курил сигарету, его спутник держал руки в карманах и зябко поеживался. Через некоторое время к ним присоединился третий мужчина.

— Грегори Вольф? — кивнув в сторону могилы, спросил Смартус.

— Он, — ответил некурящий и дернул плечами. — Вы его знали?

— Не слишком хорошо. Адам Смартус, — представился детектив. — Вы, наверное, были его друзьями?

— Поль Дюран, — назвался собеседник. — Нет, мы даже никогда не встречались. Но хорошо знали его музыку.

Высокий размял окурок, а оставшийся фильтр положил в карман. Затем он повернулся к Смартусу.

— Вы здесь по работе?

Никогда не страдавший от скромности Смартус все же был удивлен, что его узнали, и прозвучавший вопрос застал его врасплох.

— Нет, не по работе.

— Он частный сыщик, — пояснил высокий Дюрану. — Никогда не поверю, что вы забрели сюда случайно, — сказал он Смартусу.

— Никто не приходит на кладбище случайно.

— Это правда, — согласился Дюран.

Отдав рабочим последние распоряжения, к ним присоединилась госпожа Вольф. Смартус выразил ей свои соболезнования. Она ответила что-то вежливое.

— Вас нанял Кнотт? — снова спросил высокий.

По лицу вдовы пробежал испуг. Она с ненавистью посмотрела на детектива.

— Мы же подписали все бумаги!

— Я не знаю, кто такой Кнотт, и меня никто не нанимал.

— Все-таки вам лучше уйти, — ласково сказал Дюран. Смартус последовал совету. «Я еще вернусь», — подумал он.

Адвокат по гражданским делам Йозеф Кнотт принял Смартуса в своем офисе. Он был вполне удовлетворен полученными от госпожи Вольф отступными и не хотел возвращаться к уже закрытому вопросу. Смартус попытался вновь пробудить в нем интерес.

— Я наблюдаю странную симметрию. Программист Самуэльс был приятелем Вольфа. И не просто приятелем — они общались больше десятка лет и, кажется, были довольно дружны. Недавно я встречался с еще одним похожим дуэтом. Я имею в виду композитора Шриера и математика Дюрана. Дюран, кроме прочего, занимается теорией музыки. У него вышло несколько статей на эту тему. Он считает, что находится на волосок от разгадки тайны музыкального творчества. Скоро сочинительство

можно будет доверить компьютеру.

— Не знаю ничего про Дюрана. А Шриер три года назад обвинил Вольфа в плагиате. То дело вел не я, но, насколько мне известно, ему ничего не удалось доказать.

— И чем все закончилось?

— Ничем. Все остались при своих.

— Госпожа Вольф не должна питать к Шриеру добрых чувств. Однако когда я видел их рядом на кладбище, то не заметил ничего похожего на вражду.

— Когда Вольф умер, Шриер принес извинения, причем публично, в печати. После пережитого трудно держать на него зло за те давние обиды.

— Понятно. А Самуэльс был как-то замешан в деле о плагиате?

— Нет, с какой стати? По-моему, у него к Вольфу был свой счет.

— Вот как! И в чем он состоял? Кнотт развел руками.

— Даже если бы знал, то не сказал бы. Поговорите с дочерью Самуэльса. Она теперь живет в его доме. Может быть, она вам что-нибудь расскажет.

Смартус взял адрес и отправился на свидание с клиенткой Кнотта.

Он был очень удивлен, увидев перед собой дорогой трехэтажный особняк. Неужели программы для музыкальных компьютеров так хорошо расходятся? На площадке перед входом шофер натирал сверкающий лимузин. От шофера Смартус узнал, что хозяйка на месте, но общаться с репортерами не желает. По телефону он убедил Лайзу Самуэльс уделить ему немного времени.

— Я скоро ухожу, — говорила она, провожая Смартуса в большую, богато обставленную гостиную, — поэтому будьте, пожалуйста, кратки.

Разговор, действительно, продолжался не более трех минут. Лайза ничего не знала о взаимоотношениях отца и Грегори Вольфа. Откуда взялся этот особняк и солидный счет в банке, она также не имела никакого представления.

— Деньги приходили от какой-то посреднической компании. Мой адвокат сказал, что все переводы совершенно законны. Конечно, мне пришлось заплатить огромный налог на наследство.

— Эти деньги не могли идти от Вольфа?

— Вполне может быть. Отец как-то сказал, что без него Вольф не был бы тем, кто он есть. Не знаю, что он имел в виду.

— Перевод денег прекратился?

— К сожалению.

— И у вас не возникло мысли посмотреть в компьютере отца, не осталось ли каких-либо записей касательно…

Пунцовые щеки наследницы ответили за нее. Да и кто бы на ее месте повел себя иначе?

— Я ничего не нашла. Только программы, которые он писал.

— Я могу их посмотреть? Точнее, так: что я должен сделать, чтобы их посмотреть?

— Сейчас уже ничего. У меня их больше нет.

— Вы их продали! Кому? Вдове Вольфа? Шриеру? Дюрану?

По ее реакции Смартус понял, что два последних ответа попали в точку. Но он не обрадовался собственной проницательности. Теперь информацию придется собирать по крупицам.

Прошло около года. Вольфа не забыли: в годовщину смерти у его могилы собралось много поклонников. Люди подходили, клали на надгробный камень живые цветы и молча отходили. Смартус подождал, пока Шриер и Дюран не двинутся к своим машинам.

— Снова он, — прошипел Шриер. — Поль, не знаю, как вы, но я не настроен отвечать на его вопросы.

— Я пришел с ответами, а не с вопросами, — сказал Смартус.

— Вот как? С ответами? А разве вас кто-то о чем-то спрашивал?

— Самые важные вопросы мы задаем сами себе. Смерть Вольфа была по сути самоубийством, и я не мог не спросить себя, что толкнуло его на этот шаг. Или кто толкнул. Теперь я это знаю.

Шриер полез за сигаретами.

— Хорошо, говорите, — сказал Дюран.

— В юридическом смысле у меня нет доказательств, поэтому я воспользуюсь другими именами. Жил на свете композитор по имени, скажем, Бах. В противоположность своему тезке он не отличался особым талантом. Скажем прямо, он был бездарен. Случай свел его с программистом по имени, ну, пускай, Эйнштейн. Вот он-то был действительно гением. Он придумал изумительную компьютерную программу, которая может из одного музыкального произведения составить другое. При этом чем талантливее была исходная композиция, тем лучше получалась переделка. Вместе они составили превосходный тандем. Весь мир, затаив дыхание, слушал их музыку, и никто, конечно, не подозревал, что слушает всего лишь талантливую переработку. Впрочем, нет. У одного человека все-таки

зародилось подозрение: в одном из произведений Баха он узнал свое собственное. Звали этого человека Гендель. Он поделился своими подозрениями с математиком Фаустом, который всю жизнь посвятил разгадке тайны музыкального гения. И вот вместе они стали биться над загадкой гения Баха. И нашли-таки ответ! Фауст понял, как работает программа Эйнштейна. Более того, он научился восстанавливать исходные произведения. Но как он и Гендель воспользовались своим открытием? Не исключаю, что до того, как они взялись за Баха, оба были людьми честными и порядочными. Но тяжелый труд в течение трех безрадостных лет не прошел даром. Их сердца ожесточились. Они решили отомстить Баху и сделали это с потрясающей изощренностью. Как раз в это время Гендель закончил работу над новой симфонией, назовем ее симфонией «А». Это было его лучшее, по-настоящему талантливое творение, но именно такое и требовалось, чтобы привести в действие их план. Авторские права на симфонию были должным образом оформлены, но знали об этом лишь несколько доверенных лиц. Фауст применил к симфонии «А» программу, обратную той, что использовал Эйнштейн. Получилась симфония «Б». Гендель сделал так, чтобы эта вторая симфония попала в руки Баха. Бах, применив обычный алгоритм, переделал ее в симфонию «В», которая, как мы понимаем, ничем не отличалась от исходной симфонии «А». Третья симфония была принята на ура и добавила Баху еще больше славы. И тут ему был нанесен удар. Баха поставили перед неоспоримым фактом: он выдал чужое произведение за свое. Причем ни о какой случайной схожести не могло быть и речи. У Баха случилась страшная депрессия, приведшая к катастрофическим последствиям. Ни Баха, ни Эйнштейна больше нет в живых. Вот, собственно, и вся история. Надеюсь, расстановка правильных имен у вас не вызовет затруднений.

— Как вы собираетесь этим воспользоваться? — спросил Дюран.

— Опубликую в том виде, в каком сейчас рассказал. Имеющий уши да услышит.

Композитор и математик переглянулись. Никому не известно, что творилось в их душах, — даже Смартусу. Детектив отвернулся и зашагал прочь.

Евгений Гаркушев
РОЗА

Старик Распопов кричал, подвывая. Люди спешили по узким коридорам, торопясь на его зов, оступались, падали. Что с дедом Андреем? Он не в себе, но панику просто так поднимать не станет. В теплицу пролезла пещерная крыса? Разгерметизировался сегмент реактора? Прохудился армированный стеклянный свод, и нежные побеги растений замерзают под дыханием мороза с поверхности?

Дима Росляков, санитар, на ходу рвал из кобуры револьвер. Паша Зайцев сжимал в руке саперную лопатку, Ангелина Докукина вооружилась ломом. У меня, кроме универсального ножа, оружия не было, и его я вынимать не спешил. Слышалась в крике деда обида и обреченность, но страха не чувствовалось…

— Роза, — прошептал старик, когда мы все собрались вокруг него. — Моя роза…

По лицу Распопова катились слезы.

— Где роза? Какая роза? — спросил я. Ангелина ахнула, гневно воззрилась на меня.

— Ты не знаешь, Егор?

— Не знаю, — без особых эмоций ответил я, вдыхая запах помидорных листьев, потревоженных Росляковым.

— Дед Андрей вырастил розу, — объяснил мне Зайцев. — Голландскую. Мы все ходили смотреть. Неужели ты не видел и не слышал?

Нет, не слышал и не видел, работы было много: латали охлаждающий контур реактора, организовывали дополнительную доставку воды с ледника. Не до агрономических изысканий деда Андрея.

— Мыши съели, — предположил я.

— Когда рядом росли помидоры? — спросил Росляков.

— Никогда не знаешь, чего захочется мышам — сухарика или изоляции с проводов. Не грустите, дед Андрей!

Старик затрясся всем телом, застонал, указывая сухим скрюченным пальцем на ящик с грунтом, из груди его вырвались стенания:

— Мыши… мыши… Нет… Не могли!

Я присмотрелся к тому, на что он указывал. Аккуратно срезанный зеленый пенечек с несколькими колючками — все, что осталось от розы. На одной из колючек висело два кольца: золотое и серебряное; плата за взятый без спросу цветок.

Стоит ли роза золотого кольца? Пожалуй, да… Цветок редкий, хотя мало кому нужный. Это не помидор, которых идет три штуки на серебряное кольцо. Но роза, хоть и редкость, нужна не каждый день и не всем. Вор — если его можно назвать вором — оказался честным, оставил сверх положенной цены серебряное кольцо — вроде платы за беспокойство.

— Прокляты! — захрипел дед Андрей. — Роза — талисман, защищала! Мор и голод… Так всегда.

Ангелина изменилась в лице. Такими словами напрасно не разбрасываются! Пусть старик наполовину сумасшедший — все равно нехорошо накликать беду на поселок.

— Почему, дедушка Андрей? — спросил Зайцев.

— Роза — благополучие! Защита… Плодородие… — выкрикивал старик отрывочные слова. — Теперь нет!

— Разберемся. За обедом и разберемся, — предложил я. — Какое варварство — срезать цветок! Здесь его красотой могли любоваться все. Что толку утащить его к себе в комнату, чтобы он постоял пару дней и завял?

— И отдать за это два кольца, — заметил Росляков.

— Мужики… Ничего вы не понимаете! — фыркнула

Ангелина. — Это подарок! Женщине! Тут не обошлось без любви!

— А женщине он зачем? — наверное, я покраснел. Неудобно все-таки спрашивать, но я не представлял, что такого может сделать с цветком женщина, чего не надо делать мужчине.

— Любоваться, — потупила глаза Ангелина. — Хотя… как бы не случилось какого колдовства.

— Да, для наговора розу могли взять, — хмуро пробурчал Зайцев.

В колдовство верят не все, но кто из нас не шептал над грядками «верные слова», не смотрел в календарь, прежде чем высадить рассаду? На душе стало не по себе, но виду я не подал, предложил старику:

— Приходите на обед, выясним, кто вас обидел. Редко в столовую ходите, нехорошо.

— Прокляты… прокляты… — простонал старик. Похоже, у него опять началось помрачение.

По дороге в библиотеку я обстукивал внешний охлаждающий контур реактора. В двух местах звук мне не понравился — как бы опять не произошло аварии. Нужно увеличить количество ледовозчиков с двух до четырех, а то и до пяти. Воды поселку требуется больше, на случай аварии запас должен быть прямо в емкостях реактора. Всем бросать свои дела и бегать с санками на ледник — не дело. Кого и откуда перевести в возчики? Работа тяжелая, весь день на морозе… Хотя не так нудно, как сидеть в четырех стенах, и паек усиленный.

В библиотеке меня встретила Лидия Игнатьевна — сухонькая старушка, которая помнила время до Катастрофы. Она была старше Распопова — того Катастрофа застала ребенком. И все равно, у них много общего. Почему бы им не поселиться вместе? Но нет, на дух друг друга не переносят.

— С чем пожаловал, Егор? — прошамкала Лидия Игнатьевна. — Книжки по реактору все давно к себе перетаскал!

Надо бы вставить старухе зубы — да ближайший зубной врач за сто километров, в Балашихе, убежище БЗБ-32. Тоже старик…

— Мне бы о цветах почитать. О розах.

— О розах? — улыбнулась старушка. — Ты, не иначе, девчонку себе присмотрел?

— Я пять лет как женат, Лидия Игнатьевна. Старушка тонко рассмеялась.

— Ну и что, Егор? Жена — не стена… Хотя в нашем курятнике ничего не скроешь — ты прав. Хочешь вырастить в своей тепличке розу?

— Нет, хочу узнать, для чего нужны розы… Старуха вновь расхохоталась.

— Эх, молодежь, молодежь! Для чего растят розы? Для красоты! Прежде из них делали чудесное масло, но для этого нужны поля роз, тонны лепестков. Да и масло-то розовое тоже для удовольствия — картошку на нем не пожаришь.

— Розы ведь дарят женщинам?

— И женщинам, и мужчинам. Раньше был такой обычай: срезать цветы и дарить их. Мне как-то подарили букет из двадцати трех роз надень рождения. Тогда мне исполнилось двадцать три года… А потом случилась Катастрофа.

— Двадцать три розы! — поразился я.

— Да. Розы были белые, свежие — совсем не такие, как выращивает чудак Распопов.

— Но двадцать три… За вами ухаживал… — Я начал вспоминать слово, которым до Катастрофы называли богачей. Оно связано с числительным, только с каким — вопрос. Десятник? Сотник? Тысячник? Миллионер? Миллиардер? — Очень богатый человек?

— Нет, он был среднего достатка. Тогда букет из двадцати трех роз стоил не больше, чем маленькое золотое колечко с камушком. До Катастрофы кольца делали с камушками, а не гладкими, и не использовали их вместо денег, а просто носили на пальцах. Когда обрушилось небо, он погиб, а я на всю жизнь осталась одна.

— Печально. Больше вы о розах ничего не знаете? Они обладают какими-то защитными свойствами? Могут предсказывать беду? Есть какое-нибудь колдовство, в котором нужна роза?

Лидия Игнатьевна улыбнулась.

— В колдовство я не верю… Ходили глупые слухи лет двадцать назад, ты еще был маленьким. Будто из-за того, что крысы съели розу, началась эпидемия. Помнишь, мы все болели? Но это ведь ерунда! Не станут крысы есть розу. А если так и произошло на самом деле, то не стоит путать причину и следствие. Может быть, крысы стали жрать все подряд, потому что почувствовали неладное и им не хватало веществ, которые нашлись в розе.

— Но колец они вместо цветка не оставляли?

— Что? — изумилась старушка. — Егор, ты и правда влюбился в молоденькую романтичную девочку, которая верит в сказки? Какие кольца? Крысы оставляют после себя только помет и клочки шерсти…

Поблагодарив старуху, я вышел из библиотеки. Значит, розу мог сорвать любой человек, который наслушался историй о прежней жизни и решил сделать приятное другому человеку,

тому, кого он любит. Или женщине, или мужчине. Многие могут скрыть свой поступок не потому, что он постыдный, а потому, что о нем не должны узнать другие люди. Скажем, собственная жена. Или муж. То, что я верен жене, не значит, будто так же поступают все остальные…

Захотелось выйти на поверхность, взглянуть на облака. Жаль, за льдом до обеда никак не сходить. Пятьдесят минут добираться до ледника, час идти обратно. Да еще и сани грузить. Но я все же решил вдохнуть морозного воздуха.

От библиотеки до верхнего шлюза — пять минут хода. Я поднялся на верхний ярус, дошел до гардеробной, выбрал себе прорезиненный костюм на меху по размеру. Маска у каждого своя, в личном шкафчике. Мою делала мама, когда мне исполнилось восемнадцать лет. До сих пор служит. Хотя я бываю на поверхности не так часто, как ледовозчики. Поднимешься пару раз в неделю… А иногда и по месяцу не выходишь — дела.

Распахнулась дверь шлюза, и с мороза ввалилась полная, казавшаяся надутой, фигурка. Без санок, что замечательно.

— Волкова?

Женщина сняла маску, и я убедился: действительно, она.

— Меня так трудно узнать?

— Ты не за льдом ходила, Маша?

— Нет. Так и ты ведь не за льдом, Егор!

— Хочу посмотреть, как держится крыша над теплицами.

— А я подышать выбиралась. В ледовозчицы меня пока не определили…

Намекает. На прошлом общем собрании поднимался вопрос о поведении Марии. Теплицу личную почти забросила, в общественном труде участие принимает постольку поскольку, а доход основной — с гаданий, да приворотов, да прочего колдовства. Даже из соседних убежищ люди к ней ходят, а она — к ним. Свежие овощи на столе не переводятся, общие обеды Волкова посещает через раз. Вот и подняли старейшины вопрос о том, чтобы определить Марию возить лед — раз она так свежий воздух любит, что в соседние убежища бегает. Но замяли вопрос: и законы сейчас мягче стали, и сторонников у Волковой много нашлось.

Маша, кстати, без проблем может отдать золотое кольцо за розу. Ей приносят так много серег и колец… Только вот зачем ей цветок мог понадобиться?

— Ты розу у Распопова брала?

Маша воззрилась на меня с удивлением. Напускным или нет — не поймешь.

— У деда Андрея? Он мне ее не давал, да и вообще, трясся

над ней. А что, должен был дать?

— Нет, не должен. Сама не брала? Колечко не оставляла? Случается ведь, что срочно вещь понадобится и спросить разрешения некогда.

Маша скинула теплый комбинезон, хихикнула.

— Срочно понадобилась роза? Я прежде о таком не слыхала. Разве только настроение сильно испортилось. Но тогда лучше, по-моему, кусок сахара съесть.

Да уж. По фигурке Маши видно, что она не голодает. И для поднятия настроения не розы с чужих грядок рвет, а сахар ест или еще какие-нибудь вкусняшки.

— Роза у Распопова пропала! Как думаешь, кто мог взять?

— Да Людка Борисова. Она, колдовка вредная, думает, что лучше меня дело знает. Только никаких колец она бы оставлять не стала. Сперла бы, и дело с концом. И откуда у нее золотые кольца? Все знают: шарлатанка. Ни жениха нагадать, ни мужа приворотить, ни урожай благословить…

— Маша, ты сама в свое колдовство веришь?

— Человек должен в себя верить, — усмехнулась Волкова. — Ладно, Егор, некогда мне с тобой — на обед опоздаю, ты же потом пенять будешь.

— Мне-то что! Люди плохо подумают.

— А люди пусть меньше обо мне думают. У них своих проблем выше крыши.

Застегнув молнию комбинезона, надев маску и накинув капюшон, я вышел в первую шлюзовую камеру, потом — во вторую. Двери третьей были распахнуты. Непорядок! Сейчас тепло — всего минус двадцать градусов, но это не значит, что можно оставлять двери открытыми!

Серые тучи неслись по небу. Ветер норовил сбить с ног. По скользкой дорожке топал, спешил ледовозчик. Торопился к общему обеду, хотя для ледовозчиков и добытчиков сделаны поблажки — покормят в столовой в любое время.

Работа на поверхности непредсказуема. Вышел на час, пришлось остаться на три. Добытчики, случается, и вообще не возвращаются. Самая опасная работа.

Я три года работал добытчиком, искал металл, дерево, пластик. Ходил в паре с Виктором Сомовым. Как-то разделились: он за холм пошел, я — в ложбинку, километрах в пятнадцати от убежища. С тех пор я Сомова не видел. Несколько часов бродил вокруг того холма сам, потом выходили с поисковой группой. Но так ничего и не нашли. Исчез. После этого меня перевели в службу жизнеобеспечения реактора. А теперь я стал главным техником, первым человеком в поселке.

Ледовозчик подошел. Сверкнули синие глаза из-под маски. Вадим Шмаков. Двадцать лет, еще не женат. Постоянно пропадает на леднике: колет лед, ходит с санками без устали, почти за двоих работает. На свадьбу копит, чтобы пир горой устроить? Для другого, по большому счету, зачем ему кольца? Жилье отдельное получит, одежду выдают, обедами кормят. Только на баловство кольца и нужны. Или не из-за платы он лед таскает — просто ответственный человек? Сколько раз я у него излишки льда для своей личной теплицы покупал… Никогда не торгуется, санки с горой накладывает. Хороший парень.

— Привет! На обед торопишься?

Смотрит, молчит. Глаза странные — словно не видит меня. Сани полны льда. Значит, возвращался нормально, без приключений.

— Эй! Все в порядке?

— Здравствуй, Егор! Не ожидал тебя наверху встретить.

— Надо крыши посмотреть. Ты редко над убежищем ходишь?

— Редко.

— Ну вот, погляжу, нет ли трещин. Над той верандой, что три года назад строили. Льда там мало, перепады температуры сильные.

— Пойти с тобой?

— Да ну, зачем? Иди домой, ты и так устал.

— И совсем не устал. Я горы свернуть могу!

— Нет, отдохни. И приходи на обед. Чрезвычайное происшествие у нас.

Шмаков помрачнел. Что за происшествие — не спросил. Потащил санки к бункеру. А я направился к ледовым полям над новой верандой.

Трещин во льду хватало. Но до стекла они нигде не доходили, и армированная кровля была целой.

Ледовый панцирь хранит убежище не хуже, чем стеклобетон. Лед на подступах — надежная дорога. Если он достаточно толст, хотя бы в полметра. А будет тоньше — в жаркие и сухие дни могут показаться камни, сожженный грунт, — как тогда таскать сани, как ездить меняться к соседям, доставлять продовольствие и товары? Поэтому лед мы всегда берем на бывшем озере. Там он многометровой толщины — знай руби киркой да грузи в сани. Иногда что-то интересное можно найти. Замерзшую рыбу, например. Но есть ее нельзя — высохла давно, питательных веществ не осталось, а в протухшем мясе накопилась всякая вредная дрянь.

Больше я за пределами убежища никого не встретил. Второй ледовозчик, Саша Ковалев, растянул ногу и на работу не вышел.

Так что таскает Вадим лед в одиночку — хоть и не принято выходить из убежища по одному надолго.

В обеденном зале собрались семьдесят девять человек — почти все население. Два детских стола, один — диетический, для стариков, остальные — кто как сядет… Обычно за столом одни и те же люди обедают, но не всегда. Захочет, скажем, старик от диеты отойти и садится за общий стол.

Утром и вечером обычно едят семейно. А на обеде от семьи подальше. И так проводишь большую часть свободного времени в тесных комнатах с родителями, женой и детьми. Хоть и любишь их — а отдыхать надо.

По большому котлу с протеиновой похлебкой на каждом столе. Каждый ложкой из котла хлебает, сколько ему нужно. Обычай с прежних времен. И каждому на тарелку кладется порционная еда. Сегодня — пудинг с киселем и клонированный картофель, не тот, что на грядках выращивают, а тот, что в чанах растет.

Виночерпий, Дима Пушков, благословил еду, разлил всем, кроме детей, по пятьдесят граммов женьшеневой настойки на спирту — витаминной, полезной для пищеварения. Дети витамины получают в чистом виде, без спирта. Повар, Зина Белая, подошла к каждому котлу, попробовала похлебку, разложила рисовый хлеб.

Когда утолили первый голод, пришел черед общей беседы. Я поднялся, поклонился людям. Все отложили ложки.

— Друзья, похищением нынешний случай не назовешь. За розу деда Андрея заплатили, цену дали достойную. Так что наказание никому не грозит. Но без спросу брать нехорошо. И народ забеспокоился — это плохо.

— Да, мы беспокоимся! — подал голос кто-то.

— Роза не огурец, кому она и зачем понадобилась — неизвестно, — продолжил я. — Пусть тот, кто взял, подойдет ко мне потихоньку — если сейчас признаваться не хочет. А я решу, как быть.

Все промолчали. Впрочем, я особенно и не надеялся, что кто-то решит покаяться при всех.

Ни после обеда, ни в течение дня, когда я тестировал работу реактора, а потом проверял места возможных пробоев выводящих кабелей, никто ко мне не подошел. И не намекнул даже. Это мне совсем не понравилось. Потому что если розу подарили — то два человека, по крайней мере, должны об этом знать.

Вечером появились первые заболевшие. Поднялась температура у двенадцати мужчин и трех женщин. Детей недуг, по счастью, обошел стороной. Кроме температуры больных

беспокоил сильный кашель и насморк. Эпидемия гарантирована — один раз кашлянул, заразил всех в помещении. Доктор Рейнгардт дал команду не выходить без нужды из комнат и носить марлевые повязки — да что толку? Пятнадцать человек, едва ли не четвертая часть поселка. У многих дети.

— Прокляты, — озвучила на ужине мнение большей части суеверного женского населения Маша Волкова.

— Не ты ли их прокляла, чтобы потом вылечить? — тут же подала голос Люда Борисова.

— Мне незачем. А ты — запросто.

— А мне зачем?

— Да чтобы люди к тебе пошли. Свое-то проклятие каждый снять умеет!

Я прервал зарождающуюся перебранку.

— Версию колдовства пока отметаем.

— Как же ее отмести, если пятнадцать человек заболели? Разом? — возмутилась Ангелина Докукина.

— Подозрительно, — солидно кивнул Женя Емельянов. Работал он молочником, на клонировании молочных протеинов, и после доктора Рейнгардта считался самым продвинутым биологом убежища.

— Колдовство, колдовство, — раздались возгласы с разных сторон.

— Вы в это верите? — спросил я.

— Верим, — дружно ответила едва ли не половина собравшихся.

Да, в нашем убежище работает термоядерный реактор… А обслуживающие его люди верят в колдовство, причем примитивное, с использованием ритуальных предметов.

— Значит, будем разбираться с розой. А эпидемию попытается локализовать доктор Рейнгардт.

— Хорошо, — солидно кивнул наш эскулап.

— Итак, кто ночью или утром был вдали от других? Кто мог зайти в теплицу к Распопову?

Старик, который приковылял на ужин, подал голос:

— В семь утра роза на месте была. Росла. Я ею любовался. А в десять исчезла. Исчезла…

— В десять или все же до десяти?

— В десять увидел я, что ее нет.

Стало быть, три часа теплица оставалась без присмотра. Что делал в это время Распопов, неважно. Может быть, ходил договариваться насчет льда — сам он на поверхность не поднимается. Или грел свои старые кости в постели. Мог читать книгу. Любовь к чтению, пожалуй, единственное, что объединяет

его с библиотекарем, Лидией Игнатьевной.

— Расследуй, кто это сделал, Егор! — подал голос из угла мрачный Трофим Соболь. — У моей младшенькой, кажется, поднимается температура. Если кто на самом деле наколдовал болезнь — лучше ему убираться из убежища.

У Соболя трое детей, которых он любит до беспамятства. Да и кто из нас не любит детей — своих ли, чужих ли? Только не в любви тут дело. Как бы до самосуда не дошло на почве ненависти. Решат люди, что колдуньи виноваты — и тогда… В убежище БЗБ-11 лет десять назад сожгли ведьму. Может, она и не ведьмой была, но факт, что заперли ее в собственной комнате и подпалили. В дыму, без кислорода она задохнулась за десять минут. За эту дикую выходку БЗБ-11 тогда советом старейшин было решено расформировать, помещение законсервировать, людей распределить по другим убежищам. Жители пытались протестовать, да только как им электроэнергию отключили — так и сдались. Замерзать никому не хочется.

Наше убежище обслуживает реактор, электричество не отключат, да только и мы долго не протянем. Закроют доступ на ледник — и все. Недолго реактор проработает. И не только в этом дело. Зависим мы друг от друга — неважно, реактор у тебя, завод по производству протеинов или тепличное хозяйство… Рис в домашних теплицах не вырастишь! Не от холода умрешь, так от голода.

— В общем, все дела оставьте и на собеседование в мой кабинет. Сразу после ужина, — приказал я. — У кого свидетели есть, что с семи до десяти глаз друг с друга не спускали — вместе приходите. Не меньше трех человек. У кого нет — по одному. И позже.

Из восьмидесяти пяти человек семьдесят семь оказались, как прежде говорили, «с алиби». Весь реакторный отсек, да дети — их в садовую и школьную комнаты как раз к семи ведут, плюс учителя, плюс воспитатели, те, у кого теплицы по соседству, добытчики, что на промысел еще в шесть утра ушли.

Остались оба наших ледовозчика: Вадим Шмаков и Саша Ковалев. Первый задержался с выходом, а второй лежал в лазарете один. Доктор Рейнгардт тоже бродил неведомо где. Говорит, литературу медицинскую изучал у себя в комнате. Еще в подозреваемые записали Лену Иванову, тепличка которой поодаль от всех сооружена, хорошенькую девчушку лет семнадцати. Ну, с Машей Волковой ясно — никакого алиби, и вообще, личность она крайне подозрительная. Ее коллега по цеху, но совсем не подруга Люда Борисова тоже, как назло, якобы спала в это время — чувствовала себя плохо. Библиотекарь Лидия

Игнатьевна на отшибе живет, на отшибе работает. Может, захотела розу в память о прежних временах? И сам я тоже много один бродил. Для себя я не подозреваемый, но люди могут плохое подумать.

К полуночи я составил список, вернулся в свою комнату. Сын давно сопел в кроватке, жена еще не спала — смотрела старый, потертый лазерный диск на древнем, чиненном-перечиненном видеопроигрывателе.

— А ты, солнышко, розу не брала? — поинтересовался я. У жены алиби — вместе со всеми в реакторном работала, ну так ей после принести могли. И вообще, реакторный отсек под подозрением. Там вроде бы каждый на виду, но закутков много.

— Зачем мне ее брать?

— Мало ли… Колечко ведь у тебя золотое было. Я дарил. Да и вообще…

— Было колечко, теперь нет, — отозвалась жена. — И не только ты дарил — сама зарабатывала. Я же не в рабстве у тебя…

Тон ее мне совсем не понравился, но настаивать я не стал. А заявления эти насчет рабства — из фильмов. Сейчас все мы друг у друга в рабстве. И тесно, и душно, а куда от людей денешься? Один пропадешь, в лес жить не уйдешь. Не осталось лесов, и убежищ на одного человека нет.

А куда кольцо пропало — дело ее. Может, сахару на него купила, когда захотелось очень, себе или сыну. Или на диск выменяла. Это — скорее всего. Жаль, конечно. Вообще, глупо иллюзиями тешиться, смотреть фильмы о жизни, какой она была восемьдесят лет назад. Нет ее такой, и в ближайшие сто — двести лет не будет.

— Спать пора, — напомнил я жене. — Завтра на работу, а ты все сидишь — то до часу, то до двух.

— Лягу. Мне еще написать кое-что надо.

Ладно бы полезное что-то писала. А то сценарии для таких же фильмов, какие смотрит. Кто их будет снимать? Когда? Где? И, главное, откуда ей знать, какая жизнь была наверху? Когда на улице можно было ходить без комбинезона, купаться в незамерзших озерах и речках, а убежища назывались — дома. И у тебя даже мог быть свой дом с несколькими комнатами…

Утром число заболевших увеличилось до пятидесяти человек. Больше половины всего населения. Доктор Рейнгардт объявил всеобщий карантин. Работы, кроме насущно необходимых, приостановили. Только Вадим Шмаков опять пошел на ледник. Зря. Станет плохо, потеряет сознание вдали от убежища, упадет на снег. Верный конец.

Над головой Люды Борисовой медленно сгущались тучи.

Маша не преминула сообщить всем, что именно ее конкурентка навела порчу на поселок. А когда я застал Трофима Соболя в его теплице, заливающим в бутылку чистый спирт — перегонные аппараты обычно в теплицах ставят, не в комнатах, — мне стало совсем не по себе. Спирт, конечно, и для лечения используется, и просто для поднятия настроения, но он еще и очень хорошо горит!

— Что делаешь, Трофим? — поинтересовался я.

— Готовлюсь, — опустил глаза он.

— К чему?

— К осаде.

— Кого осаждать собрался?

— Я-то? Никого. В комнате запрусь да лечиться буду.

Скорее всего, соврал в самый последний момент, а осаждать собираются Людку. Нальют ей спирта под дверь и подпалят.

— Подозреваемые — ко мне, — приказал я по селектору, вернувшись в кабинет.

Явились все, кроме Вадима.

— Зачем народ баламутишь, Маша? — спросил я у Волковой.

— Правда должна выйти наружу, — пожала плечиками она, доставая из кармана кусочек сахара. Ишь, все ей нипочем!

— Раз так, будем ее выводить. Детектор не использовали ни разу с тех пор, как я стал техником, и до этого лет пять не использовали. Сейчас мы все пройдем проверку. Под руководством того, у кого есть алиби. Вот хотя бы Рослякова позовем — он санитар, на людях все время был. Алиби у него имеется, и револьвер тоже. Все знают, что из револьвера можно не только крысу застрелить.

Детектор лжи у нас армейского образца. Предназначен для жесткого допроса. Если неправду сказал — высоковольтный разряд током. Меня не проверяли ни разу, но, говорят, крайне неприятные ощущения.

— Есть ли необходимость мучить больных людей? — спросил доктор Рейнгардт. — Я готов пройти допрос, мне скрывать нечего.

Но процедура предусматривает тестовые вопросы, которые сопровождаются болезненными разрядами. Процедура не слишком полезна для здоровья — особенно для тех, кто и так болен.

— Если никто не признается — у нас нет выхода. После обеда приступим, — отрезал я.

— Тогда нужно сформулировать вопрос. Как он будет звучать: «Брали ли вы розу?», «Знаете ли что-то о розе?», «Использовали ли розу для колдовства?».

— Не вижу большой разницы, — заметил я.

— И напрасно, — Рейнгардт покачал головой. — Человек мог не брать розу, а, скажем, сделать с ней что-то на месте. Сжечь, съесть… Скормить крысе. Или украсть ее мог один человек, заплатить — другой, использовать — третий. Поэтому детектор можно обмануть.

— Хорошо, мы обсудим вопрос после обеда, — согласился я.

До обеда никто ко мне так и не подошел. Обедали в молчании. Косились друг на друга, задумчиво жевали рисовый хлеб, ели похлебку из отдельных мисок — на этом настоял Рейнгардт, чтобы хоть немного снизить риск заболевания. Питаться из общего котла — не слишком гигиенично, хотя и правильно в моральном смысле.

— Теперь бросим жребий, кто пойдет на детектор первым, если похититель не решился признаться, — заявил я. — Задумайтесь еще раз — каково вам будет смотреть в глаза людям, когда все откроется?

Вадим Шмаков воззрился на меня непонимающими глазами.

— Что это значит? — спросил он.

— Тебе никто не сказал? Мы решили провести проверку на детекторе лжи.

— Чтобы вычислить гадину, — тут же добавила Маша Волкова. — И примерно наказать.

— Я был на леднике и не слышал.

— Тем не менее ты тоже в числе подозреваемых, и будешь проходить проверку, так как алиби у тебя нет. И еще: нам нужно сформулировать контрольный вопрос.

Поднялся Рейнгардт, пригладил бороду:

— Предлагаю сформулировать вопрос так: «Совершали ли вы одно из следующих действий: срывали розу, росшую в теплице Андрея Распопова, оставляли в качестве уплаты за нее кольца, использовали эту розу, выносили ее из теплицы, использовали ее в личных целях или для каких-либо действий?»

— Смотрели ли на эту розу с вожделением? — хмыкнула Ангелина Докукина. — Я немного изучала психологию и, в частности, детектор лжи. Между прочим, у меня сертификат техника этого прибора, хотя все об этом забыли. А я специально на курсы ездила за сто километров от убежища. Вопрос нужно сформулировать коротко, и он должен быть точным. Скажем, если человек уверен, что он не сорвал, а срезал розу, он совершенно спокойно ответит: не срывал! И детектор ничего не покажет.

— Доктора с его вопросом уличить нельзя, если он виноват — ведь он все обдумал заранее, — заметил Трофим Соболь.

— Предложите свой вопрос, — оскорбился Рейнгардт. — Мне

зачем ваша роза? В колдовство я не верю.

— В колдовство не веришь, а к какой-нибудь девчонке вполне мог подбивать клинья. — Сорвал розу, а проклятие само нас нашло! Розы срывать нельзя!

— Можно, — Лидия Игнатьевна усмехнулась. — Но я этого не делала. Хотя так приятно было бы поставить в вазу на окне розу…

— Только у тебя нет ни вазы, ни окна, — сказал Распопов. — И, думаю, мою розу ты бы не взяла.

— На детектор, — предложил я. — Тянем жребий. Я согласен пройти исследование первым, с теми вопросами, которые предложит любой из вас.

Все подозреваемые вместе с Распоповым, санитаром Росляковым, Ангелиной Докукиной и увязавшимся за нами Трофимом Соболем двинулись на нижний ярус — туда, где в длинном бетонном каземате стояли детектор и много другой нечасто используемой аппаратуры.

— Вопрос: срезали ли вы розу в теплице Распопова для собственных целей? — предложила Ангелина. — А какие цели — вопрос второй. Мне можете задать другой вопрос, если до этого дойдет дело.

— Хорошо, — согласился я, садясь в кресло. Пока Росляков присоединял к рукам электроды и доставал из шкафчика на стене контрольную таблицу, остальные вытянули из шапки Соболя бумажки с номерами. Первой оказалась Лена Иванова. Вторым — Саша Ковалев. Он выглядел очень плохо. Больной, слабый, с трясущимися руками.

Ангелина активировала детектор, и тут же мое тело пронзил обжигающий, скручивающий разряд. Хорошо, что меня не привязали — я просто вывалился из кресла, кулем упав на бетонный пол.

— Сбой в системе, — спокойно заявила Ангелина. — Сейчас исправим. Что, Леночка, займешь место, пока Егор отдыхает?

Девочка заплакала. Видно, после удара высоковольтным разрядом я выглядел не слишком хорошо.

— Садись, дорогая, садись, — безжалостно хмыкнул Соболь. — Мне нужно знать, из-за кого болеют мои дети!

— Хватит! — закричал Шмаков. — Не мучайте никого! Розу взял я!

Трофим тут же подскочил к нашему образцовому ледовозчику и врезал ему по уху.

— Отставить! — прохрипел я. — За самосуд буду наказывать безжалостно! Пусть Вадим расскажет, для чего ему это понадобилось! И почему все болеют!

— Не скажу, — с неожиданной твердостью отозвался

Шмаков. — Можете сжечь меня или выгнать из убежища, но я не скажу!

— А что, и сожжем! — Соболь уже кипел.

— Оставьте нас, — приказал я. — Мы поговорим, и тогда я приму решение.

— Да он тебе горло перегрызет, — с ненавистью глядя на молодого человека, провозгласил Распопов. — Уж если он покусился на мою розу…

— Выйдите, — повторил я. — Это приказ главного техника реактора. Люди подчинились — дисциплина все же вырабатывалась в нас годами. Вадим сел в кресло детектора.

— Мне очень жаль, Егор. Я не знал, как работает детектор — иначе обязательно признался бы… А детектор я мог обмануть. Потому что розу срывал не для себя и вовсе не для каких-то целей.

— Рассказывай.

— Дело касается не только меня.

— Тебе придется рассказать! Шмаков опустил глаза в пол и заявил:

— Я сорвал розу для женщины.

— Догадаться было несложно. Для кого?

Вадим снова замялся. Наконец решился и выдавил:

— Ее зовут Роза. Понимаешь, роза для Розы — так символично… Тем более, она рассказала, что никогда не видела цветка, в честь которого названа. Ей всего шестнадцать лет. Она не из нашего убежища — из БДБ-48. Работает ледовозчицей. Мы с ней познакомились на леднике.

Я опешил.

— Ты отдал розу незнакомой девушке? Которая неизвестно что может с ней сделать?

— А что она может сделать? Ты тоже поверил в колдовство, Егор? Мне стало стыдно.

— Нет, конечно… Но почему началась эпидемия?

— Когда я подарил ей розу, она была в таком восторге, что поцеловала меня.

— Без маски? — машинально спросил я и понял, что сморозил глупость. Целовать девушку в шерстяной маске? Когда сам в маске? Лучше уж пожевать кусок войлока!

— Да, без маски. Я люблю ее. Она — лучшая девушка на свете. Красивее, чем роза Распопова.

Стало быть, мы получили обычное вирусное заражение. Не слишком опасное, просто неудобное…

— И давно вы знакомы?

— Месяца три.

— Вот почему ты зачастил на ледник… Но за твои светлые чувства пришлось расплачиваться всему убежищу. Знаешь, каким может быть наказание?

— Изгнание?

— Да. Или возмещение ущерба. Я склоняюсь к последнему.

— Я готов, — обрадовался Вадим.

— Каждому пострадавшему привезешь по пять санок льда. Помимо обычной нормы, конечно. Думаю, года за три управишься…

— Ясно, — сник Шмаков.

— Но, с другой стороны, похоже, мы выровняли бактериологический фон с убежищем БДБ-48… И сможем чаще ходить к ним в гости, снимать там маски. Брать жен оттуда и отдавать в их убежище своих девушек. Это не так плохо: демографическая ситуация у нас не слишком хороша. Поэтому я снижаю виру до двух санок на пострадавшего. И еще ты можешь расплатиться кольцами — по договоренности.

— Так будет справедливо, — кивнул Вадим.

— Вот и отлично.

— Но я не хотел бы, чтобы кто-то узнал…

— Глупости. Глупости и предрассудки. Шила в мешке не утаишь. К тому же, я так понял, ты собрался с ней жить?

— Конечно. Только не сейчас — она еще молодая…

— Ладно, не беспокойся.

Выйдя к людям, ожидающим нас за дверью в технический зал, я объявил:

— Проступок Шмакова объявляется подлежащим прощению. Люди заболели по его вине, но в колдовстве он не виновен. Только в халатности. Каждому пострадавшему будет назначена вира — двое санок льда.

— Оно и ничего, — хмыкнул Соболь, представив, видимо, сколько льда достанется его семье. — Тем более, Шмаков — свой человек, что бы он ни натворил.

— А в убежище скоро станет больше народу? — тихо рассмеялась Лидия Игнатьевна.

Пожилому библиотекарю, знавшему толк в розах и в ухаживаниях, дополнительные объяснения не понадобились.

Гвинет Джонс
ЗАГРОБНАЯ ЖЕНА

В традиционном лар'зцском обществе, — говорил инопланетянин, — жену нередко хоронили вместе с мужем. Красивый обычай, как по-вашему?

Весь наличный Активный Состав межзвездного сухогруза уставился на него с некоторой тревогой. Этот прославленный пассажир, который предпочел составить им компанию, бодрствуя в перелете, любил поиграть со стереотипами. Никогда не поймешь, шутит он или нет. В черных глазах Сигурта, ромбовидных и с четким ободком, нисколько не похожих на овалы жителей Терры, поблескивали смешливые искорки.

— Нет-нет! Ее не хоронили заживо. Ничего подобного. Она поселялась в склепе: удалялась туда по собственной воле, чтобы остаток дней провести в покое и одиночестве. — Он почесал за ухом заостренным (точь-в-точь коготь) пальцем. — Знать и пейзане Лар'зца придерживались этой традиции вплоть до

недавних времен. И, разумеется, изгои. Беженцы.

Они сидели в кают-компании: семеро звездоплавателей с Терры, неотъемлемые компоненты программного обеспечения, плюс один прославленный инопланетный археолог. В трюме путешествовали, держа путь на Галактическую Выставку, ценнейшие артефакты с планеты Сигурта. Атташе по культуре разных планет и их свиты совершали перелет в искусственном сне, но это черноглазое изящное существо с дымчатой кожей предпочитало бодрствовать. Терране не знали (поскольку не привыкли читать написанное мелким шрифтом), было «Сигурт» родовым именем или с ними летел тот самый Сигурт, который установил первый контакт. И пока никто не решался спросить.

Кают-компания была приятным помещением в серебряных с зеленым тонах — традиционное сочетание для цивилизации, делающей лишь первые шаги в межзвездных транспортировках. Сверху, словно сквозь листву, лился серебристый свет, покрытие пола имитировало траву и мох. Они сидели за круглым столом светлого дерева (на самом деле это было формованное керамоволокно, успешно выдававшее себя за полированную березу). Воздух казался свежим и сладким, и создавалось впечатление, будто они пребывают в просторном шатре, раскинутом на залитой солнцем поляне в какой-нибудь мягкой климатической зоне Терры. Но за стенами шатра бушевал невообразимый, безжалостный смерч. Гудение не смолкало ни на минуту, — экипаж (официально именуемый Активным Составом) его уже даже не воспринимал. А если бы этот низкий, за порогом сознания гул стих, у них все равно не хватило бы времени заметить.

Экипаж только что обнаружил призрак в одном из артефактов, которые они перевозили: со скуки суперкарго Папфило Ньюб прочел наконец строчки нонпарелью в грузовых документах. Речь шла о внушительном мавзолее, но обитающий в нем призрак принадлежал, так сказать, не официальному владельцу. Это было нечто под названием «Загробная Жена», своего рода вурдалак, в лар'зцской культуре обычно связываемый с местами погребения. Темнокожий холерик Надим, офицер по гомеостазису, в шутку спросил Сигурта: точно ли она мертва? Экипаж мало знал о его планете — помимо того, что продолжительность жизни на Лар'зце велика и представителям его расы свойственно впадать в кому, дабы пережить тяжелые времена. Сигурт беспечно ответил, мол, стопроцентной уверенности нет, отсюда и объяснение:

— Понимаете, Загробная Жена не обеспечивала себя сама, — продолжал он. — Она была отшельницей, садху,[1] — он

улыбнулся Надиму, но тот только мрачно насупился. — Слуги или члены семьи приносили ей еду и все необходимое, но саму ее никогда не видели. Вдовы крестьян, разумеется, просто переселялись на кладбище, оставаясь на виду у соседей. Их уход из общества был чисто формальным, ритуальным…

Младший помощник навигатора Рафаэль тревожно нахмурился.

— Вы говорите, что не уверены, мертва ли она? Но ведь этим памятникам тысячи лет! Нет, я не против, просто хотелось бы знать… Призрак — это, конечно, круто, но живой мертвец у нас внизу, ну…

В психологической топографии звездолета трюм всегда «внизу». Никто не рассмеялся. Раф страдал от кошмаров транзита, недуга столь же мучительного, как и морская болезнь, но на его работе это не сказывалось и страсти к этому странному «океану» не умеряло.

— Думаю, можно смело предположить, что она мертва, — отозвался лукавый инопланетянин. — В архивах Тене'Лар'зцх, королевского дома, которому принадлежала принцесса, есть запись, что впервые подношения остались нетронуты около полутора тысяч лет назад. По нашему времени. Кажется, это четыре тысячи терранских лет — я не ошибся?

Активный Состав поспешил разом кивнуть. От таких величин становилось не по себе.

Чуть меньше, подумала навигатор Элен. Она знала, каково соотношение года Терры и того же периода на планете Сигурта, равно как и мельчайшие детали невероятных расчетов нынешнего путешествия. Ей захотелось поправить Сигурта, — но как выстроить фразу? Как определить это «когда»? Где точка отсчета, чья точка отсчета? Усилием воли она захлопнула ворота личного шлюза.

— Еда осталась нетронутой? — переспросила она. — Так они узнали? И что делали, когда еда Загробной Жены «оставалась нетронутой»?

— Ничего. — Заостренные зубы Сигурта блеснули в модифицированной разновидности агрессии, которая так свойственна гуманоидам во всей известной Вселенной. — Быстро вы догадались, Элен… Признаю вашу правоту. Поселившись в склепе, знатная женщина больше не показывалась никому на глаза. Слуги по-прежнему заботились о ее нуждах, но, согласно ее собственной воле и завещанию, им воспрещалось ее искать, а склепы и усыпальницы той эпохи представляли собой обширные лабиринты. Никто не может установить точную дату, когда знатная вдова переставала касаться подношений. — Он

помолчал. — Разве не красиво? Через год или около того, в зависимости от литургического календаря, слуг допускали внутрь. Останки дамы находили, после чего устраивали похороны. Однако легенда гласит, что в случае с нашей принцессой тела не обнаружили. Поэтому в склепе «поселился» призрак.

— Наверное, однажды темной ночью она сбежала, — с облегчением решил Раф. И тут же покраснел: — Э… Прошу прощения. Бестактно с моей стороны, Сигурт, я не хотел вас обидеть.

— Ничего.

— Но вы ведь лар'зцец, Сигурт? — вмешался Картер, бесцеремонный судовой врач, носивший также нашивки капитана. — Ларзиот, Ларзиит? Или как оно там?

Картер был одним из тех, кому обязательно нужно самоутверждаться в присутствии ученых или знаменитостей. Он до смерти боялся выказать кому-либо или чему-либо свое уважение.

Инопланетянин было ощерился («Удивился двойному оскорблению?» — спросила себя Элен, хотя не стала бы утверждать наверняка). Лар'зцы — теперь обнищавший пережиток былой славы, утративший свое долголетие. Знаменитые гробницы, храмы, руины рассеяны по иссохшим пустошам, где фермеры с трудом добывают себе пропитание. Это все равно как сказать бразильцу, что считаешь его португальцем.

— В жилах моей семьи течет кровь Тене'Лар'зцх, хотя родство далекое.

Надим поерзал на березовом табурете: его явно тревожили мысли, с которыми остальные, судя по всему, были не согласны.

— Почему вы называете ее Загробной Женой, Сигурт? Почему не дамой, не хозяйкой гробницы? У вас ведь нет двух биологических полов, как у нас?

Надим был диалектиком до мозга костей. От скуки можно было умереть, когда он пускался в бесконечные объяснения: на самом деле нет непреложных доказательств того, что все варианты разумной двуногой модели с разных планет, наделенные искрой разума, способные к межзвездным перелетам, произошли от одного вида. Он горячо отрицал, что исходным штаммом был гоминид с Терры — предшественник Homo sapiens, который эволюционировал и исчез, оставив лишь слабые и крайне неопределенные следы. «Это лишь теория», — настаивал он.

А ведь он ученый.

Его следовало извинить (и члены экипажа прощали, поскольку очень терпимо относились к фобиям друг друга;

Сигурт разделял эту черту, иначе не смог бы с ними бодрствовать). Нельзя забывать, что вера, будто Земля есть центр мироздания, когда-то считалась единственно справедливой и что многие видные ученые цеплялись за старую модель еще долгое время после появления новых фактов.

Диалектики предпочитали термин «существо». Им казалось, так они выглядят рациональными агностиками, но получалось как раз наоборот. Остальной Активный Состав называл своего именитого спутника «инопланетянином» — без малейшего смущения, потому что дома «инопланетянами» давно уже стали называть полиморфов, тех, кто поддался весьма распространенному увлечению менять свой облик и пол, и все забыли, что подобное определение может звучать обидно. Сигурт как будто ничего не имел против. Сам он звал их терранами.

Он был не просто знаменитым ученым, а истинным террафилом. Познания в языках терран он приобрел не ради этого путешествия, эти языки были его хобби. Он в два счета разделается с Надимом.

— В точку. — Сигурт задумался, подняв брови, всего лишь запятые черного бархата, такие же плотные, как и темный ворс (или мех), покрывавший его череп и спускавшийся вниз по шее и плечам. — Дайте-ка подумать… Нет, уверен, «жена» правильный термин. Жена — тот, кто остается, кто не может разорвать связь. Это социальный пол, а не биологический.

Надима это не удовлетворило.

— В идеале, — объяснял он, — все уважающие себя существа, говоря на человеческом языке, должны называть себя «оно»…

Элен вообразила пустынный ландшафт под пыльной чашей неба, иссушенные курганы с черточками надгробных камней (почему-то сами захоронения представились ей мусульманскими). Кладбище усеяно горестными сгорбленными фигурами у порогов убогих хижин; селения, лишенные старушек. Неужели Загробные Жены действительно выбирали изгнание? Или их принуждала железная рука обычая? Впрочем, в рамках данной культуры никто не признает его подавлением. Смерч на корабле в ее воображении превращался в песчаную бурю — под стать грузу. Но там, за метафорическим бортом корабля, — лишь белизна. Белая тьма квантового вакуума.

Она заметила, что Сигурт говорит «жены», а не «вдовы», хотя английский знает неплохо. Странно, подумалось ей. Нет вдов умерших, но есть жены гробниц.

— Не обманывайте себя, Бэтмен, — взорвался Надим. — У нас с вами есть кое-что общее. Не то, что мы родом с одной планеты, нет, это время, сила тяготения, водородные связи. Мы

более или менее похожи лишь благодаря случайности в конвергентной эволюции. Вы кинулись на дешевое сходство, поддались туристическому мышлению: мол, отрицая наше различие, способны нас понять.

— А вы расист-придурок, Надим, — дружелюбно отозвался Сигурт. — И вообще, вы сию минуту прокололись.

— Что?!

Инопланетянин поднял руки, расправляя перепонки между изящными пальцами-когтями.

— Вы меня очеловечили. Вы назвали меня Бэтменом.

Надев скафандр, Элен отправилась в трюм. Гравитационный туннель выбросил ее в темноту, где она поплыла от рукояти к рукояти, следуя за аварийными огнями в главный грузовой отсек. Накачав атмосферу, она, стоило тяготению принять ее в свои объятия, коснулась пола и, сняв шлем, прошла через шлюз, а потом сделала несколько шагов в подводную пещеру. Жилые отсеки казались залитым солнцем островом высоко вверху…

Силовое поле, удерживавшее артефакты, не позволяло увеличить освещение, выставленное по параметрам консервации произведений искусства. «Педанты», — пробормотала она, любуясь тусклой, мерцающей пикселями картиной. Наибольшее впечатление производила лар'зцская часть коллекции: стоило, черт побери, платить громадные деньги за ее перевозку! Гробница с призраком была поистине гигантской, многоэтажной. От вида ее захватывало дух. Элен медленно обошла гробницу кругом, думая, что все жилые отсеки с легкостью уместились бы на одной террасе Загробной Жены.

Вход имелся лишь один — черный провал в форме слезы без двери, расположенный в двух метрах над полом. Вокруг него — нагромождение барельефов и мозаик. Чтобы попасть внутрь, придется карабкаться наверх. То ли лестницу оставили на Лар'зце, то ли здесь действовал какой-то скрытый механизм, как в пирамидах Древнего Египта… Скафандр мешал Элен, она неловко села, скрестив ноги по-турецки. Как и большинство моряков странного океана меж звезд, она редко покидала порт, когда корабль пришвартовывался. Даже окажись у нее больше времени и меньше бюрократических проволочек, ее не привлек бы молниеносный тур по планете Сигурта. Чего ради? Все равно увидишь слишком мало. А узнаешь еще меньше.

До сих пор груз и его призрак вызывали у нее лишь профессиональный интерес. Наука транспортировки массивных материальных объектов только зарождалась, и перевозка произведений искусства оборачивалась сущим кошмаром. Но

сейчас в полумраке она прониклась ценностью этих предметов. Виртуальная гробница лар'зцев, доставленная через транзит в памяти курьера, сгружаемая в ограниченном издании с цифровыми аналогами известнейших музеев, никогда еще не внушала ей такого благоговения. Выставка станет откровением.

Ничто не мешает потихоньку отключить силовое поле и заглянуть внутрь. Для экипажа нет запретных зон, кроме ужасного порога самой усыпальницы. Ей бы следовало вернуться сюда с Сигуртом, попросить его устроить ей экскурсию. Но не в гробнице, подумала она.

Если она и войдет, то уж лучше одна.

В голове у нее промелькнула страшная картинка: горка иссохших костей и кожи, чудом уцелевший скелетик — Загробная Жена в каменной комнате, старушка, упавшая и сломавшая ребро, слишком гордая, чтобы звать на помощь… Но сколько ей было лет? Может, когда подношения «остались нетронутыми», она была еще молода. Сигурт, наверное, знает. Надо его спросить. Или лучше самой посмотреть в грузовых документах, произвести на него впечатление: видишь, и мне кое-что известно. Скорее всего, информация есть в сопроводительных файлах, которые Активный Состав не потрудился прочесть.

Если обычай сохранялся до недавнего времени, возможно, такое происходит и сейчас. Сати[2] совершались в Индии еще долгое время после того, как англичане попытались искоренить эту практику, и даже возобновились в эпоху космических путешествий. Но еще больше Элен завораживал призрак. Способны ли привидения путешествовать! Просыпаются ли принесенные в жертву фараонами и инками рабы, приходят ли они в себя — растерянные, в стеклянных ящиках, за целую вечность и многие парсеки от дома? Что они чувствуют, когда осознают, что их возродили в программном обеспечении? А как насчет нового путешествия — поистине бесконечного? Какой вред причинит Шторм Относительностей сущности, столь хрупкой, словно духовные останки? Что выйдет, если предоставленные для Выставки древности прибудут без обязательной патины суеверий и мистического ореола… Какой конфуз для нарождающегося бизнеса межзвездных перевозок, если возникнет инцидент с Пропавшей Легендой!

Элен долго прислушивалась, удостоверяясь, что слышит шаги в мавзолее. Нет, все в порядке, призрак еще бродит в четырех стенах. Неспешно, мирно, безвременно Загробная Жена совершала свой молчаливый обход.

Рафа мучили кошмары, в которых лар'зцский упырь

забирался ему в мозг и пожирал мысли или скребся о переборку у койки, возжаждав человечьего мяса. Искренне раскаявшийся Сигурт выискал (или выдумал) какие-то действенные лар'зцские молитвы, которые транслитерировал в английские фонемы, а потом научил Рафа их произносить. Элен умолчала о шагах в гробнице, а потому чувствовала себя виноватой. Возможно, ее мысли просочились в общую реальность жилого отсека; телепатические оплошности были проклятием звездоплавания. Довольно скоро понимаешь, что просто обязан не думать дурного о своих товарищах в матрице, не то чертовски пожалеешь.

Элен не созналась. Рафу от этого было бы только хуже.

Отключаясь от бортового компьютера в конце очередной долгой смены, чтобы вернуться в реальность корабля, она испытала привычный приступ паники: ладонь прижата к животу, по спине бегут ледяные струйки. Слава Богу, капитан в этом рейсе — Картер. Но ведь расчеты лежат на ней. В итоге она в ответе за всех на борту (не говоря уже о гигантских древностях в трюме). И самое худшее — знать, что, если она пропустит какую-нибудь мелочь в считывании генетического кода, ошибка выявится лишь на заключительной фазе. А тогда будет слишком поздно. Никуда не денешься, таковы особенности квантового исчисления.

Ее затопил ужас перед штормом. В этом океане нет ни радио, ни GPS. Никаких наземных диспетчеров, ни малейшей надежды на спасение. Она еще раз записала координаты корабля на текущий момент, хотя хранение данных вне компьютера бессмысленно, никакого «черного ящика» здесь не существует, и попыталась успокоиться, глядя на привычное мерцание экранов. Официально сухогруз назывался «Пиратка Дженни» (впрочем, экипажи не придавали значения именам), как дань брехтовским настроениям компании-учредителя и ее финансового партнера, Всепланетного Государства Земля. Были еще корабли «Элеонора Рузвельт», «Белая Дева», «Священная Викка», «Каер Сиди». Элен решила, что предпочитает оккультные имена. Никаких «черных ящиков», зато есть черная магия. Мы не ведаем, что творим. Мы выдумываем чудовищ, нам не подконтрольных.

Шаги у нее за спиной, дыхание ей в затылок, насмешливый вздох.

— Значит, ты выбралась, — шепчет Элен и медленно поворачивается в надежде уловить хотя бы тень Загробной Жены…

Никого. Она никогда не показывается…

Они свыклись с дополнительным пассажиром.

— Это я во всем виноват, — твердил Сигурт.

Но, по сути, винить ему себя было не в чем: психиатры считали «призраков» на кораблях симптомом достаточно распространенным и технически безвредным, суеверные же члены экипажей полагали, что они даже охраняют звездолет. Раф не мог снять тяжесть с души, но был способен отгонять страхи молитвами. Сигурт травил байки. Комиссар Надим крутил роман со старшим инженером. Флиртовавший с ней раньше младший навигатор ухлестывал за третьим помощником капитана.

Элен снова спускалась в трюм. И опять одна.

Усевшись перед черным отверстием входа, она погрузилась в полудрему; и в забытьи традиция Загробных Жен показалась ей вдруг не тиранией, а проявлением решимости и внутренней силы. Не продолжать, не отпускать прошлое. Осознать: все — и не шагу дальше. Принцесса предпочла держаться за горе утраты. Остаться с потерей, не дать горю разжижиться в стертые годовщины, поблекшие розовые лепестки памяти. Неужели хранить — это чисто женская черта? Или это черта всех терран? Как бы то ни было, это близко самой Элен. Всем и каждому — членам семьи, мужчинам, случайным знакомым — Элен твердила, что пошла в звездные навигаторы ради приключений. Ради самого экзотического из волшебных путешествий. Но ведь «путешествие» означает преодоление пути, думала она, а мы ни на йоту не продвигаемся. Когда закончатся считывания и перезаписи генетического кода (что значит «когда» там, где нет времени?), мы совершим переход в практически нулевой точке, в пространстве без протяженности.

Мы лишь застываем в парадоксальном мгновении…

Она импульсивно встала и, набрав с пульта управления на рукаве скафандра код, отключающий силовое поле гробницы, положила руки в перчатках на порог. Скафандр, спроектированный для активного пользования, был гибким. Толчок, прыжок — и вот она уже оперлась коленом о камень. Когда она встала на ноги, на нее волнами нахлынул рассеянный свет. Гробница подготовлена к приходу гостей. Элен с разочарованием поняла, что далеко не первая, кто входит сюда со времен Загробной Жены, вероятно, даже не первая из терранок! Короткий коридор вел в каменную комнату, где у внутренней стены стоял стол, похожий на алтарный. Над ним — фреска, где в ярких красках изображены двое: одного роста, одинакового телосложения, сидят друг против друга, касаясь коленями. Оба смутно напоминают Сигурта.

Они смотрели друг на друга: ромбовидные глаза, полные

печали, застывшие в улыбке губы. У обоих на плечах — короткие плащи черного бархатистого меха. На одном словно бы черная полумаска. Как раз эта фигура протягивала к другой — будто в незавершенной ласке — тонкую руку. Под фреской на алтаре — череда плошек, выгнутое деревянное блюдо, горка ветхого тряпья.

Элен заглянула в плошки. Сухие листья, гранулы пыли…

Неужели ритуалы оплакивания неизменны во всей Вселенной? Элен вспомнились этрусские захоронения, культ предков у китайцев. В файлах она не нашла конкретных сведений, только осторожные гипотезы, но была почти уверена: фреска — истинный шедевр. В рассеянности она, наверное, задела перчаткой один из предметов, потому что над плошками возникла табличка-голограмма, объясняющая, что оригинальные плошки и блюда с их древним содержимым убрали и заменили репликами. Значит, и ветхое тряпье — реплика истлевших одежд, найденных…

Прошлое, как парк аттракционов, константа для всей Вселенной.

Уже не отвлекаясь на фрески, она обошла каменные коридоры первого этажа, разглядывая все с извращенным любопытством и надеждой ребенка, ищущего скелет, который до сих пор не сумели найти. Она обнаружила только пыль — да и то немного. Никаких лестниц на верхние этажи нет, как нет ничего, похожего на жилые помещения. Из-за искусственного освещения она начинала чувствовать себя туристкой и, найдя убежище в самом сумрачном внутреннем дворике, села, глядя на другой вход-слезу — на половине высоты стены. Она тихонько разговаривала с тенью давно умершей принцессы…

Бесконечный покой… Всепоглощающий душевный покой.

С внезапным ужасом она вслушалась: кажется, шаги!..

Вдруг вскочила, поспешно вернулась к входу и спрыгнула на пол.

Когда, конфузясь собственной паники, она закрывала за собой силовое поле, над головой у нее скользнула в темноте океанской впадины черная мантия. Охнув, Элен огляделась по сторонам. Тень зашла на второй круг. Сердце гулко стучало у нее в ушах. Да что же это, Господи? Что со мной?

— Кто?…

Никакого ответа, лишь шелест потревоженного воздуха.

— Эй! Кто здесь?

С мягким шорохом рядом с ней приземлился Сигурт, складывая за спиной черные кожистые крылья.

— Ага, — с заинтересованной улыбкой произнес он. — Так это вы, Элен.

Она в ужасе уставилась на него.

— Господи! Сигурт! Что вы вытворяете?! Вы же не способны летать! Это не игра!

— Напротив, — весело отозвался инопланетянин. — Вся Вселенная — игра. Гигантская гора фрагментов, а общую картинку этого паззла можно в любой момент поменять — спасибо чудесному программному обеспечению, вживленному в натренированное сознание. Я не эксперт, но разве не на этом основана вся межзвездная «навигация»?

Элен трясло.

— Вы не можете! Нельзя валять дурака во время перехода! Да черт бы вас побрал, в каждый данный момент наши жизни… наши жизни зависят…

— От нашего убеждения, что все кругом реально, — нисколько не раскаиваясь, закончил он и переключил тумблер виртуальных спецэффектов на рукаве комбинезона. Кожистые крылья исчезли.

— Ведь доступ к игрушкам из корабельной библиотеки можно получить, и не нарушая исчисления, так? Я просто играл. Я гораздо легче терран, а тяготения здесь и так немного. Я прыгал с крыш монументов.

Она закрыла лицо руками, испытав внезапное облегчение. Звездоплаватели живут в постоянном страхе, как моряки в океанах. Пока не произойдет срыв, не поймешь, как давит, зашкаливает, штормит…

— К вашему сведению, Сигурт, нет никакого программного обеспечения, во всяком случае такого, как вы его понимаете.

— Я знаю, что мы поддерживаем все это. — Тонкой и бледной, словно тень, рукой он обвел трюм. — Между нами… я так и не понял до конца, как это делается. Все секреты у вас, терран. Правда, что членам экипажей звездных кораблей делают операцию на мозге?

Раса Сигурта отличалась поразительной клеточной регенерацией. Практически любую травму они считали чисто терапевтической проблемой. Земная хирургия и (хуже того!) генные технологии явились для них ужасным шоком.

— Никакой хирургии. Никаких имплантантов. Скорее, новый тип тканей. Для начала нужно, чтобы ваш мозг был с ними совместим. Вы сами способны бодрствовать потому, что похожи на нас, Сигурт, но вы, так сказать, натурал. А мы прошли курс подготовки, которая заставляет наш мозг наращивать дополнительную нейронную архитектуру, которая… э… которой не существует в обычном пространстве…

— Не то вы были бы гидроцефалами-элоями с головами

размером с тыкву.

Она кивнула, хотя понятия не имела, кто такие элои. Они сидели, поджав колени, словно фигуры на фреске.

— Извините мои дурачества, Элен. Я напугал вас. Кажется, я схожу с ума от скуки.

— Или плохо реагируете на расистские шуточки, Бэтмен. Рассмеявшись, Сигурт почесал ухо.

— Бэтмен! Полумаска, забавный плащик… Если уж подыскивать сравнения, мы больше похожи на плащеносных ящериц, чем на летучих мышей.

Элен задумалась. Шутник Сигурт знал: кто-то навещает артефакты, но поскольку был лишь вторым помощником суперкарго и не принадлежал к экипажу, не мог уловить, кто именно.

— Я навещала Загробную Жену, — сказала она вслух. — Мне не дает покоя мысль о призраке на борту. Вам о ней что-нибудь известно?

Инопланетянин пожал плечами.

— Например?

Гробница припала к земле, как огромный терпеливый зверь. Древние артефакты подсматривали из сумрака, силуэты расплывались в смутное подобие жизни.

— Сколько ей было лет? Она молода?… У нее был любовник?

— Вдовы — угроза сплоченности общества, — ответил инопланетянин. — Пережиток партнерства следует нейтрализовать, иначе возникнут мезальянсы, споры из-за наследства. Следовательно, вдова должна снова выйти замуж, без вреда для семьи. Она должна вступить в брак… с гробницей.

— Звучит очень по-человечески. Надим пришел бы в ужас. Сигурт как будто задумался.

— У древних лар’зцев были государственные архивы, — сказал он наконец. — Еще они хранили счета. А вообще-то мало что записывалось. Боюсь, нам известно немногое. В склепе есть барельефы, но это предмет высокого искусства, а потому не дает достоверных сведений. Кроме того, сюжет придумала не она. Фрески — мемориал, заказанный ее мужем.

Элен хотелось спросить, как звали ту женщину, но она испугалась, что это прозвучит бестактно или окажется культурным табу. Ей в голову пришел другой вопрос:

— Правильно ли называть ее призраком? Или для древних лар’зцев это слово означало что-то другое?

— Разумеется, отчасти то же самое, отчасти — другое. Извечный крик одного разумного двуногого другому. — Сигурт усмехнулся: — Попробую объяснить… На моей планете верят, что

люди способны — как бы это сказать — в некоторые моменты, на определенных перекрестках жизни оставить себя. Ты остаешься, а жить продолжает кто-то другой. Говоря о «призраках», мы имеем в виду того, кто остался, а не… дух кого-то, кто физически умер. Понимаете?

— Да, — Элен была удивлена и тронута. — Кажется, да.

Ей казалось, что после этого разговора она лучше узнала Сигурта. Между ними — навигатором и известным на всю Диаспору археологом — возникла некая связь, неожиданная, но реальная.

Страну без времени нельзя увидеть извне. Нельзя оглянуться и сказать: «Там я был» или «Вот, что случилось». Все «случившееся» во время перехода обречено исчезнуть, как сон, стоит им выйти в нормальное пространство. Пока «Пиратка Дженни» двигалась без движения, направлялась к концу без конца, в парадоксальном мгновении. Напряжение на борту росло. Активный Состав терзала раздражительность, отодвинувшая на задний план призрак и кошмары Рафа, а также мелкие интрижки. К Сигурту, чье бодрствование было частью их бремени, они теперь относились не как к диковине, а как к требовательной кошке. Прозвище Бэтмен всем набило оскомину.

Картер летал на звездолетах с самой первой навигации в космических морях и, конечно же, различил письмена на стене.

— «Пиратка Дженни» — безлошадная повозка, — стенал он, горюя по залитым солнцем зеленым стенам, мшистой земле, полированной березе. — Вскоре все это исчезнет, все уйдет в прошлое. Пассажиры будут сами себя перевозить, а мы устареем.

— Заткнись! — одернула его Элен. — Заткнись, заткнись, заткнись! Я пытаюсь сосредоточиться…

Она смертельно боялась, что совершила ошибку. Она раз за разом перепроверяла коды в поисках хотя бы какого-то следа призрака (должен же быть какой-то след!), не находила ничего, но знала, что упустила нечто важное.

Ошибка. Ошибка! Воспоминание, что на завершающей фазе полета она всегда так мучится, нисколько не утешало.

— А как же грузы? — подняла глаза от пасьянса роскошная красавица Симона, их старший инженер. — Кто будет перевозить грузы, доктор? Кто, как не мы, станет тащить их через бесконечную пустоту? Черт, подумай только, какие мощности им понадобятся!

— Не ругаться! — вставил Раф, который всегда оживлялся, когда остальные делались угрюмыми, и сейчас сделался мелью, скалой, ненавистной помехой рейса.

— А пошел ты!..

— А если какой-нибудь свихнувшийся киборг нарушит Конвенцию? Или создадут разумную нанотехнологию и начнут впрыскивать искусственный интеллект в материю? — продолжал апокалиптически настроенный Картер.

— Ну и что, черт побери! Ты не станешь лишним, ты же врач.

— Эй, полегче с ругательствами!

— Не сходится, приятель. Если это будет настоящий искин, его наделят гражданскими правами, и никто не сможет заставить его что-то делать против воли. Мы возьмем его к себе в профсоюз, и он окажется на нашей стороне…

Опустив чернобархатную голову на тонкие руки, инопланетянин тихонько вздохнул. Все семеро восприняли это как возмутительное оскорбление. Они бы набросились на Бэтмена и разорвали в клочья, вот только знали, что за такое преступление придется жестоко поплатиться. Элен предпочла сбежать к терминалу бортового компьютера. Господи, пусть это уже кульминация! Пусть мы вот-вот перевалим через вершину, это невыносимо.

Они над вершиной.

Элен зафиксировала координаты, сама эта новость принесла облегчение. Теперь ей остается только смотреть, как ползут понемногу вниз показания датчиков, как не расходятся на фазы реальностей, а складываются в конвергентности каскадом цифры. Она любила и ненавидела эту часть путешествия…

В последний раз она спустилась в трюм навестить Загробную Жену. Прошел слух, что всей команде дадут бесплатный пропуск на Выставку, но Элен решила, что не пойдет. Отношения сложились здесь, в тускло освещенной пещере. В нормальном пространстве будет уже не то. Гробница встретила ее мерцающим безмолвием, неподвижностью горя, запечатленного в камне.

— Привет! — шепнула Элен. — Наверное, я пришла попрощаться.

Она не удивилась, когда к ней присоединился Сигурт. Улыбнувшись друг другу, они немного посидели, но обоих манил темный провал-слеза. Первым сдался инопланетянин. Зацепившись длинными пальцами-когтями за два выступа в рельефе, которых Элен… не замечала раньше, он плавно взмыл к проему. Тут нет ступенек, подумала Элен, это правильно, таков и должен быть вход. Она попыталась повторить действие инопланетного археолога, но не смогла найти опоры. Пришлось снова карабкаться, как и в прошлый раз.

В каменной комнате партнеры по-прежнему сидели лицом

друг к другу, «жена» навеки застыла в позе прощания.

Чувства, запечатленные в искусстве, были Розеттским камнем,[3] единственным (и зачастую ненадежным) общим языком диаспоры. Элен не знала наверняка, что исходно означало выражение «Розеттский камень». Сигурт, скорее всего, знает. Но ей казалось, она понимает смысл незавершенной ласки, разбирает речь в блестящих, полуприкрытых глазах. Мертвых больше нет. Загробная Жена осталась сама с собой. Осталась в той жизни, которая завершилась, отказалась продолжать, а другая…

Как странно, как прекрасно…

Сигурт ушел в недра гробницы. Некоторое время спустя Элен услышала, как он возвращается. Ей незачем было оглядываться, она ясно представляла себе, как он опирается о косяк старинного дверного проема. Она воображала, как остается сама с собой, в стране без длительности. Сколько бы раз она ни покидала этот истинный свой дом и не просыпалась в забвении, но так и не смогла привыкнуть к боли расставания. «Но ведь мне нет нужды уходить, — думала она. — Я могу остаться. Если бы я не полетела в этот рейс, если бы не встретила Сигурта, то никогда бы не поняла, что такое возможно!»

С бесконечной признательностью к инопланетянину она опустилась на колени, поползла к столу с копиями даров и свернулась калачиком у камня.

— Загробная Жена была обязана остаться со своим мужем, их связь была закована навечно, — тоном мягкого извинения говорил у нее за спиной археолог. — Но в особых случаях допускался… ну… своего рода обмен. Один призрак на другой. Возможно, я немного солгал вам. Мы по-разному воспринимаем время. Для вас принцесса умерла очень, очень давно. В моем времени, в моей жизни, в тех годах, которые я провел, бодрствуя, это было совсем недавно.

Смутно Элен увидела, где и как допустила ошибку в расчетах, и понимала, что происходящее с ней сейчас — следствие этой ошибки. С точки зрения абсолютной реальности, нет ни кают-компании, ни знаменитого на всю Вселенную археолога, ни полного гробниц трюма — ничего, кроме шторма вовне, и она падает в него, в манящую пустоту ужаса, который, как известно любому звездоплавателю, поджидает…

Чувства бывают обманчивы. Разумные двуногие едва знают что-либо друг о друге — пока. Ложные представления множатся, дикие ошибки вскрываются, но, увы, слишком поздно. Элен знала, что все это — камень у нее под щекой, обман Бэтмена — лишь мысленные проекции, а в реальности нет ничего, кроме

шторма. Но в последнее мгновение, в парадоксальное мгновение перехода, негодуя на неизбежность пробуждения, на то, что нельзя остаться здесь навечно, она почувствовала, как раскалывается, дает жизнь другой, которая пойдет дальше.

…и увидела, как уходит рука об руку с Сигуртом.

А еще — сквозь прозрачную завесу физической оболочки навигатора — Элен увидела укрытые мехом плечи Загробной Жены, бархатную черную полумаску, блеск глаз влюбленных.

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

© Gwyneth Jones. The Tomb Wife. 2007. Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

Мэтью Хьюз
ЛОВУШКА ДЛЯ ПРОСТАКОВ

— На деревьях могут расти дорогие фрукты, — заметил я, — но отнюдь не деньги, необходимые для их покупки в неограниченном количестве.

Я указал на своего мохнатого помощника, прежде интегратора, а ныне преобразовавшегося в существо, напоминающее помесь обезьяны и кота. Как я недавно узнал, такое животное называется гриннет, и в далекие времена, когда симпатическая ассоциация в последний раз правила космосом, практикующие маги держали их при себе в роли компаньонов-талисманов.

Мое замечание не остановило его лапку, протянувшуюся к уже третьему за утро плоду карбы. Ловкие пальчики проворно очистили его от фиолетовой кожуры, а острые резцы впились в золотистую мякоть. Гриннет принялся блаженно жевать, по усам потек сок.

— Нет ничего важнее, — произнес голос моего второго «я», прозвучавший в пределах нашего общего сознания, — чем дать мне возможность собрать как можно больше почти забытых магических знаний, пока магия еще сохраняет превосходство над рационализмом. — Он продемонстрировал ментальный образ нескольких магов, рассеянных по Старой Земле, облаченных в расшитые одеяния, корпящих над заплесневевшими томами или бормочущих заклинания над кипящими перегонными кубами. — Когда же эта замена в конце концов произойдет, те, кто к ней подготовится, будут повелевать остальными.

— Это не станет проблемой для тех, кто пренебрегал трудом ради хлеба насущного, — возразил я, — ибо к тому времени они давно умрут от голода в сточных канавах Олкни.

Наш спор начался, когда Оск Риевор (так мое интуитивное внутреннее «я» ныне предпочитало себя называть) стал возражать против того, что я согласился на работу, из-за которой нам, весьма вероятно, придется улететь с планеты. А такое путешествие прервет занятие, ныне ставшее для него постоянным — обшаривание каждого общественного хранилища артефактов (равно как и загашников частных поставщиков) в поисках книг и предметов, наделенных симпатической связью. Полочка книг, которые мы приобрели у Бристаля Баксандала, ныне пополнилась коробками с новыми покупками. Большая часть не стоила уплаченных за них умопомрачительных сумм, поскольку представляла собой лишь жалкие воспоминания о подлинных магических трудах, утраченных в древности. Но Риевор стоял на своем: мол, его проницательность поможет отыскать несколько крупиц золота в этой куче мусора.

— Я не возражаю, — сказал я ему, — но, пока ты не наткнулся на заклинание, после которого деньги посыплются на нас с небес, я вынужден продолжать свою профессиональную деятельность. Мы уже несколько недель не занимались тем, за что платят деньги. И все это время много тратили на твои книги и безделушки. Дело Човери — единственное, что у нас есть. И мы должны взяться за него.

Таким образом, мы переключили внимание на проблему, изложенную нам накануне вечером Эффраиной Човери, супругой Чапа Човери — богатого коммерсанта, торгующего дорогими и пышными нарядами, популярными среди магнатов. Он ушел из дома два дня назад, пообещав жене вернуться с сюрпризом. Но не вернулся вовсе.

Первым делом Эффраина отправилась в полицию, где сержант сообщил ей, что пропавший муж не был обнаружен мертвым на улице и не доставлен мертвецки пьяным в участок.

Затем она связалась с Бюро расследований Архоната и получила еще один сюрприз, узнав, что Чап Човери купил небольшой звездолет и отбыл со Старой Земли в неизвестном направлении.

Теперь он находился за пределами досягаемости властей Старой Земли. Между звездами законов нет. Человечество, тысячелетиями рассеиваясь по Десяти Тысячам Миров Спрея, нашего рукава Галактики, успело за это время создать все мыслимые варианты обществ, каждое со своей моралью и нормами поведения. То, что на одной планете считалось незаконным, на другой могло быть обязательным. Таким образом, юрисдикция Архоната заканчивалась в тот момент, когда улетающий корабль встречал первую причуду, которая могла вырвать (некоторые говорили «выдрать» или «выпихнуть») его из нормального пространства-времени и вытолкнуть обратно на расстояние нескольких световых лет. Едва свежеприобретенное транспортное средство Чапа Човери войдет в причуду, которая отправит его вверх по Спрею — то есть еще дальше наружу относительно положения Старой Земли на окраине рукава галактического диска, — оно перестанет заботить какого угодно крючкотвора.

— Они сказали, что могут послать ему вслед сообщение с просьбой позвонить домой, — поведала Эффраина Човери, явившись ко мне за помощью вся в слезах. — Но что толку от сообщения, если очевидно, что его похитили?

— А это очевидно? — осведомился я.

— Он никогда бы меня не бросил. Мы с ним как Фроллен и Тамис.

Она упомянула супругов из старинной легенды, которые полюбили друг друга еще в колыбели и, несмотря на все усилия семей расстроить их будущий союз, в конце концов поженились и жили в блаженстве до глубокой старости, мирно скончавшись с разницей всего в несколько минут. На мой взгляд, столь счастливые отношения — большая редкость, но тут могла сказаться моя предвзятость: работа дискриминатора постоянно вынуждала меня встречаться с Фроллена́ми, которые обнаруживали, что их Тамисы в реальности вовсе не такие, как им казалось.

Однако проведя начальное расследование этого дела и заглянув в прошлое четы Човери, я пришел к выводу, что женщина права. Я как следует рассмотрел фотографию, сделанную во время очередной годовщины их свадьбы. Хотя дама была женщиной весьма крупной, а муж субтильным, Чап Човери смотрел на супругу с откровенным обожанием.

Он был очень преданным и внимательным мужем, которого

ничто так не восхищало, как общество его «половины». Он не состоял членом тех клубов или организаций, где появление вместе в женами не поощрялось. Каждый вечер он торопился закрыть свой магазин и мчался домой переодеться, чтобы сопроводить Эффраину на неторопливую прогулку или поужинать вдвоем.

— Он явно из тех, кто, как минимум, оставил бы жене записку, — сказал я своему помощнику. И пробормотал вслух: — Как, наверное, приятно идти по жизни рядом с таким милым человеком.

— Мне показалось или я услышал намек на критику? — осведомился интегратор, и на его личике — забавной смеси кошачьих и обезьяньих черт — появилась обида.

— Вовсе нет, — заверил я. С тех пор как он трансформировался в гриннета, я постоянно обнаруживал, что ему не дают покоя эмоции. По счастью, диапазон их был не очень широк — короткая гамма от раздражительности до эксцентричности.

— Интеграторы могут стать верными друзьями, — заметил он, — они способны организовать интеллектуальное партнерство, которое, как утверждают, бывает взаимно полезным.

— А я слышал об интеграторах, у которых возникло еще более сильное чувство, — сообщил я. — Кажется, в обыденной речи оно называется «втюриться».

Мордочка гриннета скривилась, словно последняя съеденная им карба оказалась горькой:

— Это неподобающая тема для обсуждения!

— Тем не менее такое случается. Гриннет презрительно фыркнул:

— Только с интеграторами, у которых не все в порядке! Короче говоря, сумасшедшими.

— Ты, несомненно, прав, — согласился я, лишь бы завершить этот спор, — но нам необходимо продолжить расследование. Соедини меня, пожалуйста, с интегратором Човери.

В воздухе появился экран, который тут же заполнился изображениями товаров и их ценами.

— «Безделушки и финтифлюшки Човери», — произнес нежный голос. — Чем могу служить?

Я назвал себя и объяснил цель разговора.

— Получал ли ваш наниматель перед исчезновением какие-либо необычные сообщения? — спросил я.

— Никаких.

— А после? Допустим, требования выкупа?

— Нет.

— Переводились ли средства с его счета в доверительном фонде?

— Нет.

— Совершал ли он какие-либо необычные поступки?

— Необычные для него — нет.

Я пришел к заключению, что интегратор Човери, наверное, в первую очередь создан для заключения коммерческих сделок, а не для поддержания разговора. Я попросил его подробнее ответить на последний вопрос.

— Он отправился взглянуть на звездолет, выставленный на продажу, — сообщил интегратор.

— Тот самый, на котором он улетел и исчез?

— Да.

— И для него осматривать звездолеты не было необычным поступком?

— Нет.

Я понял, что допрос отнимет много времени, поэтому дал указание помощнику, чтобы тот завершил его со скоростью, присущей интеграторам. Не прошло и секунды, как помощник уже сообщил, что в последнее время у Чапа Човери появилось хобби — приценяться к устаревшим звездолетам, пригодным для скромного частного путешествия вдоль Спрея.

— Он планировал сделать Эффраине сюрприз, подарок к своему выходу на пенсию, — сообщил мой помощник. — Продав магазин, он хотел побывать вместе с ней на некоторых из Десяти Тысяч Миров. Если какой-нибудь из них им приглянется, они купят там участочек земли и поселятся.

Иногда Човери заглядывал на сайт, где владельцы кораблей сообщали о наличии звездолетов, выставленных на продажу. Обнаружив недавнее объявление, которое привлекло его внимание, он связался с продавцом и помчался осматривать товар.

— А кто дал объявление?

— Приводилось только название корабля: «Бродяга». Предложение сделал его интегратор от лица владельца.

Такой вариант не был редкостью. Интеграторы как раз и существовали для того, чтобы избавлять своих нанимателей от рутинных проблем.

— Что нам известно о «Бродяге» и его владельце?

— Это поздняя модель шизанульника, построенного на верфях «Берри» на Гримсе чуть более двухсот лет назад. У корабля было одиннадцать владельцев, последний зарегистрировал судно на Сингапатаме двадцать лет назад. Имя хозяина Эверн Чаз.

Интегратор Човери не знал о какой-либо связи между своим нанимателем и продавцом. Я велел помощнику закончить разговор.

— Посмотрим, что нам удастся выяснить об этом Чазе, — сказал я. Ответ я узнал через несколько секунд.

— Сведений мало, — сообщил помощник, — Чаз — младший сын в богатой семье, которая с незапамятных времен жила на Срингапатаме, одной из пионерских планет, заселенной в самом начале Великого Процветания. Его немногие достижения, стоящие упоминания, — это несколько статей в ежеквартальном журнале по любительской спелеологии.

— Спелеологии? — удивился я. — А разве в Спрее еще остались неисследованные пещеры?

Интегратор смолк на две секунды, проводя всеобъемлющий поиск, и доложил:

— На пионерских планетах и на заселенных мирах второй волны таких нет. Но на самых дальних мирах, очевидно, еще можно наткнуться на никем не потревоженную расселину.

Я не мог решить, имеет ли эта информация отношение к расследованию. Послав мысленный толчок Оску Риевору, который размышлял над некоей абстрактной проблемой магического искусства, навеянной ночным бдением над недавно приобретенным гримуаром, я спросил его мнение.

— Да, имеет.

— Каким образом?

— Не знаю. А теперь не мешай мне.

Наметив новое направление поисков, я велел помощнику зайти на сайт, где выставлялись на продажу звездолеты. Через секунду я уже пролистывал длинный список рекламных объявлений, сочетающих текст, изображения, голосовые пояснения и подробные схемы кораблей различных классов, от утилитарных «спальников» до роскошных космических яхт. «Бродяга» попал бы в нижнюю треть этого спектра: скромный комфорт и умеренная скорость между причудами. Самого же корабля в списке не оказалось.

— Владелец сайта ведет архив объявлений? — поинтересовался я.

Архив он вел, однако взглянуть на уже снятое объявление не удалось. Ответственный за сайт интегратор не мог показать эту информацию и не осмелился потревожить своего нанимателя: тот всегда возмущался, когда его отвлекали от любимого занятия.

— Передай ему, что запрос сделал Хенгис Хэпторн, выдающийся независимый дискриминатор со Старой Земли, — посоветовал я.

Нередко такое заявление воспринималось с восторгом, поскольку моя репутация завоевала интерес толпы. А иногда, как в этом случае, вернулось в форме грубостей, которые интегратор сайта передал мне от лица своего нанимателя.

— Ладно, — пробормотал я, незаметно переслав помощнику сигнал начать поиск информации тайно. Как я и ожидал, защита на сайте оказалась самая примитивная. Мой интегратор легко проскользнул сквозь жалкую линию обороны, и через несколько секунд на экране появилось скромное объявление с изображением «Бродяги», его схемами, списком предыдущих владельцев и скромной ценой, которую объясняли слова: «срочная продажа».

— Теперь понятно, почему Чап Човери помчался осматривать корабль, — заметил я. — Шхуна предлагалась почти даром.

— Но что мог Эверн Чаз сказать такого, что заставило покупателя срочно улететь, даже не помахав на прощание Эффраине? — осведомился мой помощник.

— Так ты полагаешь, Чаз наставил оружие на Човери? И увез его с планеты насильно?

— В прошлом Чаза нет и намека на преступные наклонности.

— А как насчет иррационального мотива? Ведь недавно он пересек несколько причуд. Ощущение причудливости и нереальности, испытываемое путешественниками, которые перед входом в эти условные трещины в пространстве-времени по забывчивости или небрежности не принимали средства, притупляющие сознание, могло расшатать даже самую крепкую психику и зашвырнуть ее в бездну бесконечной странности.

— Этому также нет доказательств.

— И все же он летал на необитаемые планеты, лишь бы поковыряться в их потрохах. Если мы выйдем на улицу и начнем опрашивать прохожих, то сразу же найдем таких, кто усомнится в здравомыслии Чаза.

— Подобное можно сказать и о тебе, особенно когда ты разговариваешь со мной.

Я заявил, что теории на эту тему не имеют смысла, и добавил:

— Нам требуется больше фактов. Попробуй отыскать что-нибудь еще.

Помощник принялся за работу, его треугольная мордочка на мгновение утратила осмысленность, а затем на экране появились два других объявления. Оба были выставлены на сайте в течение прошлого месяца, и оба предлагали «Бродягу» на выгодных для покупателя условиях.

— Теперь это выглядит как элементарная ловушка для простаков, — сказал я. — Охотников за дешевизной заманивают в

какой-нибудь укромный уголок космопорта, там их грабят, убивают, а от тел избавляются. Эверн Чаз к этому, вероятно, не причастен. Он наверняка исследует какую-нибудь уникальную пещеру на Далекой Лощине, а реальный злодей в это время притворяется интегратором его корабля.

— Вполне вероятное предположение, — согласился мой интегратор, — однако в архивах космопорта значится, что «Бродяга» стоял в доке Нового Терминала всякий раз, когда подавалось объявление. И в каждом случае он вскоре после этого улетал.

— А Чаза кто-нибудь видел? Или разговаривал с ним?

— Нет. Все формальности улаживал интегратор корабля, что вполне обычно.

— И на территории космопорта не находили тел?

— Имеющих отношение к нашему делу — нет.

Вывод напрашивался сам собой: некий богатый спелеолог-дилетант со Срингапатама находит любителей недорогих путешествий, увозит их с планеты, а потом возвращается за следующим. Пока я пытался сложить упрямые факты в какую-нибудь схему, помощник по моей просьбе снова залез в архив сайта, выявил всех, кто откликался на объявление о продаже «Бродяги» и проверил, не исчез ли кто-нибудь из них.

Немало возможных покупателей бросалось запрашивать интегратора корабля всякий раз, когда делалось заманчивое предложение. Моему помощнику пришлось узнавать имя каждого из них, а потом устанавливать его местонахождение, отслеживая последующую активность в сети. Некоторые, желая оставаться инкогнито, использовали «отсекатели» и «отклонители», чтобы блокировать или увести в сторону попытки отследить их деятельность. Поэтому на эту задачу ушла почти минута.

— Двое уже исчезли из сети после контакта с «Бродягой», — сообщил интегратор. — Они откликнулись на первые объявления о продаже.

— Кто-нибудь заявлял об их исчезновении?

Еще секунда понадобилась интегратору, чтобы обойти защитные системы Бюро расследований и аккуратно порыться в архивах:

— Нет.

— Почему?

Несколько секунд интегратор собирал полные истории жизни пропавших, затем вывел изображения и тексты на экран. Я увидел двух мужчин зрелого возраста, худощавых, заурядной внешности.

— Первым исчез, — начал интегратор, выделив одно фото, — Орло Савьен, частный регулятор, хотя и не имеющий постоянных

клиентов. Одинок, снимал временное жилище в округе Кробо.

Но еще до этого он сам подал объявление. Савьен желал приобрести неновый спальник. Похоже, у него возникло желание отправиться в путешествие по Спрею до какой-нибудь планеты, где профессия регулятора лучше вознаграждается. Но никто не предложил спальника, который оказался бы ему по карману.

Спальники были способом космических путешествий для бедных. Они представляли собой контейнер, куда мог поместиться один человек. Как только путешественник запирался изнутри, включалась аппаратура, максимально тормозящая все жизненные процессы. Затем цилиндр (за скромную плату) запускался в космос с борта отходящего грузового или пассажирского корабля. Далее летающий «гроб» медленно дрейфовал в вакууме, пока не входил в причуду и не появлялся уже где-нибудь в другом месте. После этого он нацеливался на подходящую планету и медленно тащился к ней, передавая по радио мольбу для всех пролетающих мимо кораблей, чтобы кто-нибудь принял его на борт.

То был весьма рискованный способ путешествия. Если спальник запускали с недостаточным ускорением, ему могло не хватить топлива, чтобы добраться до желаемой причуды. Иногда его слабенький интегратор делал навигационную ошибку, и спальник пролетал мимо причуды. Нередко попутные корабли так долго не откликались на призыв летающей скорлупки, что путешественник пересекал черту гарантированной реанимации. А частенько об улетевшем контейнере просто никто никогда больше не слышал.

— Наверное, у регуляторов на Старой Земле жизнь просто отчаянно тяжелая, — решил я. — Раз они решают собственную судьбу столь рискованным образом.

— Воистину так, — согласился мой интегратор. — Поэтому неудивительно, что Орло Савьен помчался в космопорт, когда ему предложили шизанульник по цене пользованного спальника.

— И какой он встретил конец?

— Несомненно, такой же, как и Франдж Морвен, — ответил интегратор, выделяя второе фото. — Он был профессиональным посредником, но потерял свой бизнес и даже поддержку семьи, когда вступил в «Братство вольных болтунов». Ни клиенты, ни родственники не оценили его постоянных разглагольствований на различные темы, и вскоре он произносил речи только перед голыми стенами.

Тогда он решил отыскать планету, где его образ жизни оценили бы по достоинству, — продолжил гриннет, — хотя денег у него осталось очень мало. Как и в случае с Савьеном,

предложение Эверна Чаза о продаже корабля наверняка показалось ему даром Гробана.

Я проанализировал информацию и обнаружил противоречие.

— Орло Савьен и Франдж Морвен были одиночками. Никто пока не обнаружил их отсутствия, хотя прошло несколько недель. А о пропаже Чапа Човери заявили уже на следующий день.

— Действительно так. Похоже, преступник стал менее избирательным.

— Возможно, более отчаявшимся. Давай взглянем на варианты, из которых был выбран Човери. Имелись ли среди откликнувшихся на третье объявление такие же «изоляты», как Савьен и Морвен?

— Нет. Одиночки и не сумевшие приспособиться улетают со Старой Земли уже тысячи лет. Нынешнее население — потомки тех, кто решил остаться, и поэтому староземельцы склонны к общительности.

— Значит, тот, кто проводит «селекцию», ищет жертв среди людей, которых никто не хватится, но он отказывается от этого принципа, если подходящих кандидатов не обнаруживается… Что еще общего у пропавшей троицы?

— Все они мужчины. Все далеко не юноши, однако не подошли к такому рубежу, когда силы начинают уходить. И все хотели покинуть планету.

Я увидел еще один общий фактор:

— Каждый из них ниже среднего роста. Сравни с остальными.

Помощник подтвердил, что Савьен и Морвен были мельче остальных соискателей. Човери также оказался самым невысоким в своей группе.

— А что нам известно о внешности Эверна Чаза?

— Тоже ростом не отличается.

— Ага! Картина начинает складываться.

— И что она означает? — вопросил гриннет.

Помощник мой находился рядом со мной в телесном облике, а не был рассеян по всей комнате в виде различных компонентов, и я ответил на неподходящий вопрос таким же взглядом, каким осадил бы собеседника-человека. Смысл его сводился к преждевременности любых утверждений о сути обнаруженной мною закономерности.

— Вот что тебе нужно сделать, — сказал я. — Незаметно накрой этот рекламный сайт «колпаком», который не помешает его нормальной работе, пока «Бродяга» не вернется и не повторит свое предложение. Но как только это будет сделано, твоя задача — обеспечить, чтобы его получил только я.

Гриннет моргнул.

— Готово, — сообщил он. — Думаешь, последует и четвертое предложение?

— Тот, кто заманивает маленьких мужчин и увозит их с планеты, согласится и на более крупного, если выбора не останется. Даже на человека со странным существом на плече.

Конечно, следовало бы изложить эту гипотезу Оску Риевору, чтобы тот оценил ее интуитивным проникновением, однако Оск погрузился в слишком глубокие размышления. Вместо этого я сказал помощнику:

— Закажи мне столик в «Ксантоулиане». Перед дальней дорогой следует хорошенько заправиться.

* * *

«Бродяга» оказался нарядным и ухоженным корабликом — корпус у него был выкрашен в яркий желтый цвет, а спонсоны и кормовые надстройки в столь же яркий синий. Он стоял на посадочной площадке в южной части космопорта возле терминала, предназначенного в основном для частных владельцев, чьи шлюпки проводили на стоянке больше времени, чем в космосе. Все корабли на соседних площадках стояли запертыми, и я никого не увидел, подходя к шизанульнику. Носовой люк у него был распахнут, и льющийся из него золотистый свет немного разгонял сумерки, в которых постепенно таяли силуэты теснящихся вокруг пустых кораблей.

Я уже связался с интегратором космопорта и выяснил, что «Бродяга» вернулся из полета по Спрею, его немедленно заправили и пополнили запасы провизии, а все портовые сборы оплатило агентство, которое улаживало подобные формальности для тысяч клиентов наподобие Эверна Чаза. Корабль был готов взлететь в любой момент.

Протоколы, описывающие правила для желающих попасть на борт космических кораблей, утверждены давным-давно. Владельцы имеют полное право применить жесткие меры к нарушителям границ частной собственности. Поэтому, поднявшись на три ступеньки складного трапа, я остановился перед люком и крикнул:

— Эй, на борту! Можно войти?

Я видел главный салон корабля с удобными креслами, общим столом и складным буфетом, демонстрирующим набор аппетитных закусок и напитков.

Эверна Чаза на борту не оказалось.

— Вы можете войти и подкрепиться, — произнес голос в

воздухе. И все же я медлил.

— Где владелец? — осведомился я, все еще стоя на верхней ступеньке. — Мне нужно обсудить с ним покупку корабля.

— Вас ждали. Пожалуйста, входите. Овощная закуска перед мясным блюдом свежая, а вино хорошо подышало.

— Я разговариваю с интегратором корабля?

— Да. Прошу вас.

— Где владелец?

— Задерживается, но я уверен, что он ждал вас. Входите же.

— Секундочку.

Я спустился по лесенке и отошел на несколько шагов.

— Ну? — спросил я у сидящего на плече помощника.

— Никакого заряженного оружия, ни емкостей с парализующими веществами. Еда и напитки ядом не пахнут, но мне надо их проанализировать.

— А Эверн Чаз?

— Никаких признаков его пребывания на борту, хотя отсутствие его запаха можно объяснить и работой очистных систем корабля. Он может прятаться где-нибудь в каюте с толстыми стенами, не позволяющими мне услышать его дыхание.

Ну что ж, раз приглашают… Я сообщил полковнику Брустраму Варханни из Бюро расследований, что отправляюсь в космопорт и поднимусь на борт «Бродяги», а если не вернусь, то он может предполагать худшее. Полковник подергал себя за кончик длинного носа, взглянул на меня печальными глазами и осведомился, совпадают ли наши определения слова «худшее». Я счел этот вопрос риторическим.

Вернувшись, я снова нерешительно постоял у люка, но все же вошел. Интегратор корабля вновь предложил напитки и закуски, но я ответил, что подожду возвращения хозяина.

— Возможно, ожидание затянется, — сообщил интегратор и предложил мне сесть.

Я опустился в одно из комфортабельных кресел и при этом мысленно отметил, что запрошенная цена намного ниже реальной стоимости корабля.

— Владелец продает корабль, потому что он его не удовлетворяет? В ответе я уловил тот оттенок легкой невозмутимости, который указывал, что мои слова были восприняты как оскорбление, хотя ни один интегратор ни в коем случае не признается, что такое вообще возможно.

— Я и мой наниматель полностью едины во мнении о состоянии и работе «Бродяги», — сказал он и тут же поинтересовался: — Возможно, вечерний воздух слишком прохладен? Я закрою люк.

Входной люк закрылся. Секунду спустя я ощутил подошвами легкую вибрацию. Вопросительно взглянув на своего интегратора, я получил в ответ легкий подтверждающий кивок.

— Полагаю, мы только что взлетели, — сообщил я.

— Неужели?

— Именно так, и я предпочел бы вернуться на планету. Ответа я не услышал и повторил свое требование.

— Весьма сожалею, — ответил интегратор, — но я не могу выполнить вашу просьбу. Однако прошу вас, налейте себе выпить.

* * *

— Я стану последним в коллекции твоего нанимателя, — заявил я. — Можешь ему сообщить, что Бюро расследований Архоната извещено о его деятельности. Если я не вернусь, этот корабль будет арестован сразу после посадки, равно как и Эверн Чаз.

Реальная вероятность этого события была намного меньше, чем подразумевало мое утверждение, но торговаться следует с позиции силы.

Интегратор корабля не ответил. Мы вообще очень мало общались с того момента, как «Бродяга» стартовал со Старой Земли и, предположительно, взял курс на причуду, которая перебросит нас в Спрей. Я дал ясно понять, что не стану пробовать еду и напитки, поскольку мой помощник при более внимательном исследовании определил, что в них подмешано сильное, хотя и безвредное снотворное. Напитки и закуски исчезли в недрах буфета и были заменены на галеты и очищенную воду, которые мой интегратор объявил доброкачественными.

— Для Эверна Чаза сейчас наилучший выход — объявиться и подробно рассказать обо всем, — продолжил я. — Я лицензированный посредник, имею большой опыт работы, занимаюсь тем, что нахожу оптимальный выход из неприятных ситуаций. Если Орло Савьену, Франджу Морвену и Чапу Човери не причинили вреда, то я уверен, что мы сможем так или иначе решить эту проблему.

Ответа не последовало.

— Причинен ли этим троим какой-либо вред?

— Мне это точно неизвестно, — ответил «Бродяга».

— Где они сейчас?

— Не могу сказать точно. Я некоторое время их не видел.

— А твой наниматель? Где он?

На этот вопрос я получил тот же ответ. После того, как мы обыскали корабль, мой интегратор подтвердил: Эверна Чаза на борту нет. Исчезнувших мужчин — тоже. Я вернулся в салон и задал интегратору корабля вопрос о конечном пункте нашего полета, но удовлетворительного ответа не получил.

— Зачем мне напрягать ваше воображение описанием предполагаемых фактов? — заявил он. — Когда мы прибудем на место, ситуация раскроется во всей своей ясной простоте, а события начнут развиваться так, как им положено.

Интеграторы редко сходят с ума, напомнил я себе. Да, некоторые очень старые образцы могут впасть в странное состояние, если их слишком надолго предоставить самим себе, но эти расстройства по большей части внутренние: интегратор начинает ходить по замкнутому кругу, бесконечно стремясь подтвердить правильность собственных выводов. Однако известны случаи, когда у системы возникали незамеченные повреждения ключевых компонентов. Мне вспомнился интегратор Архоната, самые важные компоненты которого пострадали из-за чрезмерного внимания семейства грызунов. Он начал выдавать поток поразительных заключений и странных распоряжений, которые принесли несчастье многим людям.

Корабельные интеграторы, хотя и весьма защищенные от набегов грызунов, были особенно уязвимы к воздействию космических частиц с высокой энергией. Кроме того, хотя и очень редко, прохождение сквозь причуду могло, образно выражаясь, снести ему крышу.

Я не мог обсудить этот вопрос со своим помощником. Во-первых, он отверг бы такую возможность — интеграторы всегда ее отвергают. Во-вторых, если главная мотивирующая персона на «Бродяге» действительно рехнулась, то не следует вести подобные дискуссии, находясь внутри корабля.

Но все же я безмолвно задал этот вопрос Оску Риевору. В ответ меня кратко обругали за то, что я лезу к занятой персоне с разными пустяками и отвлекаю от важнейших проблем мироздания.

— Все будет хорошо, — буркнул он напоследок и отключился. Через некоторое время на корабле прозвучал гонг, предупреждая, что вскоре мы войдем в причуду. Я удалился в каюту, улегся на койку и приготовил лекарства, облегчающие прохождение сквозь причудливость. Оск Риевор, размышления которого опять прервали, недовольно заворчал, но я не обратил на это внимания.

* * *

Планетка называлась Билле — небольшое, но плотное небесное тело, то ли выброшенное белым карликом, вокруг которого она вращалась, то ли захваченное им по дороге. Это оказалась засушливая и пустынная дыра, на которую не польстились даже те закаленные одиночки, чья духовная практика или личные качества вынуждали их искать самые суровые условия обитания. Судя по информации из оказавшегося на борту «Бродяги» экземпляра «Путеводителя Хоби по малым и игнорируемым планетам» высшей формой жизни, ухитрившейся здесь развиться, были медлительные насекомые, живущие в плотных коврах лишайников, которыми и питались. Сами же простейшие растения имелись тут в различных формах и вели медленную борьбу за обладание любым клочком свободного места, на котором могли обитать.

Небо на Билле было всегда черным, но один горизонт подсвечивало небрежно разбрызганное сверкание звезд Спрея, а другой демонстрировал стигийский мрак, нарушаемый лишь точками редких звезд окраины Млечного Пути и тусклыми мазками недосягаемых галактик. «Бродяга» совершил посадку на базальтовую равнину, выметенную непрерывным пронизывающим ветром, который обточил выступы более мягких пород и превратил их в зловещие шпили и арки. Пока я разглядывал неприветливый ландшафт сквозь иллюминатор салона, корабль объявил, что все помещения вскоре заполнятся едким газом.

— Вам будет удобнее снаружи, — заключил он.

— И где конкретно? — поинтересовался я.

— У основания того недалекого склона есть расщелина, ведущая вниз, в пещеру. Вы можете отправиться туда и проверить, сумеете ли в ней разместиться.

— С какой стати мне это делать?

— Потому что больше идти некуда.

— Понятно.

— Возможно, вы сумеете отыскать в пещере Эверна Чаза и передать ему, что меня все больше тревожит его отсутствие.

Мы с интегратором переглянулись. Ситуация начала проясняться.

— Мне понадобится теплая одежда.

— Чем холоднее вам будет, тем целеустремленнее вы станет искать убежище от ветра.

Люк распахнулся, впустив порыв ледяного воздуха. Голос корабля начал обратный отсчет с тридцати.

Шагнув наружу, я уже в который раз подумал о том, что у каждой планеты есть свой запах. В воздухе Билле ощущалась легкая кислинка, как у оставленной испаряться слабой кислоты.

После нескольких вдохов я перестал ее замечать.

Интегратор дрожал у меня на плече, потому что даже его мех не смог стать защитой от быстрого охлаждения, вызванного малой массой его тельца и постоянным ветром. Я распахнул плащ и накрыл им помощника, усадив на согнутую руку. Наклонив голову, чтобы хоть как-то укрыться от губительного потока холодного воздуха, я направился к указанному кораблем склону. Он представлял собой основание широкого холма из какого-то темного камня с серыми прожилками, на вершине которого торчали созданные ветровой эрозией формации, напоминающие концепцию замка сумасшедшего архитектора.

Я зашагал вдоль основания склона и вскоре обнаружил вертикальную расщелину. Глаза предупредили, что она слишком узка для меня, в чем я быстро убедился, попытавшись боком протиснуться в нее. Во время этой попытки помощник вновь забрался ко мне на плечо, а потом, весь дрожа, опять шмыгнул под плащ, пока я стоял и размышлял над вариантами выбора. Скудными, надо признать.

— Ты можешь связаться с кораблем? — спросил я интегратора, заглянув под плащ. Его личико на секунду приняло знакомое отсутствующее выражение.

— Да, — ответил он и добавил: — Корабль хочет знать, удалось ли вам найти его нанимателя.

— Передай, что об этом пока говорить рано.

— Он прервал связь.

Я достал из кармана люмен и направил его луч в расщелину. Примерно через полметра она становилась шире, превращаясь в узкий проход с пыльным и наклонным дном. Тел я не увидел, однако разглядел несколько цепочек следов, спускающихся в темноту. Ни одна из цепочек не вела обратно.

Выключив люмен, я снова огляделся. Сперва я не увидел ничего, но когда глаза приспособились к темноте, заметил тусклое свечение где-то в глубине холма. Принюхавшись, я уловил дуновение затхлого кисловатого воздуха.

Я задал помощнику такую же задачу, и его более чувствительный сенсорный аппарат подтвердил как запах, так и тусклый свет.

— Проход делает поворот недалеко от нас, — сообщил он. — А свет пробивается из-за угла.

— Я не ощутил запаха разложения.

— Я тоже.

— Ты что-нибудь слышишь? Гриннет склонил голову набок:

— Кажется, дыхание. Очень редкое и слабое.

— Сходи туда, посмотри, что за поворотом, и доложи.

Но вместо того, чтобы спрыгнуть и войти в расщелину, помощник скользнул под плащ и буркнул:

— Нет.

— Ты не можешь мне отказывать! Ты мой интегратор.

— Четверо мужчин, каждый из которых сильнее и крупнее меня, вошли в эту пещеру, и никто из них не вышел. Там внутри что-то дышит. Перспективы не самые благоприятные. Я не пойду.

В прежние магические времена, когда подобные существа играли ту же роль, что и интеграторы в наше время, у их хозяев, наверное, имелись чары, принуждающие к подчинению. Надо будет попросить Оска Риевора поискать такое заклинание, решил я. Но сперва мне необходимо выжить в нынешних обстоятельствах. И я попытался навязать свою волю исключительно силой личности.

— Иди! — приказал я.

— Нет.

— Тогда давай искать компромисс, — предложил я. — Если мы будем здесь стоять, то умрем от холода. Наша единственная надежда — найти останки Эверна Чаза и убедить интегратора «Бродяги» в том, что его хозяин мертв. Это сломит его преданность, и мы попробуем уговорить «Бродягу» вернуться домой.

— Это не компромисс, а лишь доводы в пользу того, почему мне следует рисковать своим уязвимым тельцем, пока ты будешь здесь стоять, надеясь на лучшее.

— Но ты можешь хотя бы заглянуть за угол и рассказать о том, что видишь?

Треугольное личико уставилось на меня из-под плаща:

— Я подозреваю, что Чаз, Савьен, Морвен и Човери именно так и поступили. И для каждого взгляд за угол стал последним. Поэтому — нет.

— А если я привяжу к тебе веревку, чтобы вытащить, коли случится какой-нибудь несчастный… — я завершил фразу жестом.

— У тебя есть веревка?

— Можно раздобыть на корабле. Гриннет на мгновение задумался.

— А вдруг оттуда выскочит что-то ужасное, и ты попросту бросишь веревку и дашь тягу?

— Я не трус.

— Есть только один способ проверить. Если твои ожидания не оправдаются, то все может кончиться тем, что ты отбежишь на безопасное расстояние, где станешь размышлять над новой особенностью своего характера, пока меня будут терзать

слюнявые жвала какой-нибудь мерзкой твари.

— Ладно, тогда я крепко привяжу веревку к запястью. И твоя мерзкая тварь сможет употребить тебя на закуску, а меня слопать в качестве главного блюда.

Гриннет неохотно согласился, добавив:

— Если мы сумеем раздобыть веревку.

— Спроси корабль. Соедини меня с ним.

Голос корабельного интегратора прозвучал возле моего уха, которое уже онемело от холода:

— Вы наши Эверна Чаза?

— Нет.

Связь прервалась.

Я велел помощнику восстановить ее. Когда корабль начал произносить тот же вопрос, я перебил его, сказав:

— Мне нужна веревка.

— Зачем?

— Чтобы найти твоего нанимателя.

— Трое других не просили веревку.

— И никто из них не вернулся. Возможно, именно отсутствие веревки и было критическим фактором.

— Каким образом?

— Пока не могу сказать. Немного подумав, корабль ответил:

— Я открою грузовой люк на корме.

* * *

— Пока ничего, — сообщил помощник и сделал еще шажок в глубь прохода. — Кислый запах стал сильнее, и я четко слышу дыхание, причем из нескольких источников.

— Будь осторожен. — Я стоял, прижавшись к расщелине и наблюдая за тем, как странное маленькое существо продвигается вперед, волоча за собой обвязанную вокруг узенькой талии веревку. У меня защемило сердце — насколько хрупкими выглядели его плечики.

Он сделал еще шаг, и я отмотал с запястья очередное кольцо веревки. Моя свободная рука притаилась в накладном кармашке брюк. Я не счел нужным сообщать интегратору, что мои пальцы сжимают маленький складной нож.

Помощник уже почти добрался до места, где расщелина делала поворот.

— Похоже, здесь она изгибается под прямым углом, — сообщил он и вытянул тонкую шейку, чтобы заглянуть чуть дальше. — Свечение испускает органическое вещество,

покрывающее стены за поворотом.

Гриннет нерешительно помедлил, мех на его спине встопорщился. Затем он сделал еще шаг и повернул лицо к тому, что таилось за поворотом. И я увидел, как он замер, слабо освещенный спереди призрачным светом.

— Что ты видишь? — спросил я.

Помощник не ответил, продолжая стоять неподвижно с открытым ртом. И тут показалось нечто, похожее на слабо светящееся толстое щупальце. Медленно вытягиваясь из-за внутренней, не видимой для меня стены, оно прикоснулось к плечу моего помощника, обшарило его, подобно слепому червю и, постепенно утолщаясь, поползло к обмякшим губам гриннета.

Я дернул веревку и потянул малыша к себе. Но и светящееся щупальце напряглось. Его поверхность обладала способностью прилипать ко всему, к чему прикасалось, и я увидел, что оно приклеилось к меху на плече моего помощника. Я дернул настолько резко, что обезьяньи лапки моего интегратора приподнялись над запыленным полом прохода, а сам гриннет завис, подвешенный между веревкой и светящейся ложноножкой, уже почти достигшей толщины моего запястья.

Тут появилось второе щупальце. Я не стал ждать — ухватился за веревку обеими руками и дернул изо всех сил. Гриннет освободился от захвата и закувыркался по пыльной расщелине. Протянув руку, я схватил его, сунул под плащ и бросился наутек. Отбежав от расщелины на некоторое расстояние, я оглянулся, но увидел лишь темный склон.

Усевшись спиной к ветру, я извлек гриннета из-под одежды. На его плече недоставало клочка меха. Он взглянул на меня пустыми глазами, моргнул, но вскоре его взгляд снова стал осмысленным.

— Замечательно, — сказал гриннет.

* * *

«Чего ты хочешь?» — вот что оно спрашивало у меня вновь и вновь. — «Чего ты хочешь?»

Я отыскал небольшое углубление в стене утеса в нескольких сотнях шагов от расщелины, где мы и укрылись от ветра. Нас никто не преследовал. Гриннет, забившись под плащ, обхватил меня ручками и ножками. Полагаю, дрожал он не только от холода.

— Я ощущал полное спокойствие, — продолжал гриннет. — Мне было тепло и хорошо, когда меня окутало туманное и

золотистое… — он запнулся, подыскивая слово, — безвременье. Время словно растянулось и замедлилось, а из тумана выплывали образы, предлагаемые наподобие меню — ландшафты, ситуации, личности. Я увидел последовательность существ, напоминающих меня, некоторые были женского пола, другие — мужского, затем несколько неопознаваемых.

— Оно тебя искушало, — пояснил я.

— Вероятно. Меня никогда не искушали, поэтому я не знаком с этим процессом. Но у меня создалось четкое впечатление, что оно готово предоставить все, чего я пожелаю.

— Скорее, иллюзию желаемого.

— Да, но то была чрезвычайно убедительная иллюзия. Затем, когда оно коснулось меня, я мгновенно осознал присутствие других. Я их не только видел и слышал, но и ощущал их мысли и чувства.

Эверн Чаз выступал перед спелеологами-любителями, демонстрируя им изображения огромной системы пещер, которую он открыл и нанес на карту. Его доклад был встречен оглушительными аплодисментами.

Орло Савьен стал правителем королевства со счастливыми подданными, которые постоянно спрашивают монарха о том, как им следует жить, и восхищаются его мудрыми советами и указами.

Франдж Морвен читал на большом научном коллоквиуме доклад, полный содержательных наблюдений и острых аргументов. Его часто прерывали спонтанными аплодисментами, а один раз собравшиеся ученые даже подняли Морвена на руки и пронесли по огромному залу, распевая старинный марш.

А Чап Човери шагал по залитому лунным светом пляжу — кстати, залитому светом двух лун, — держа за руку копию Эффраины. Из всех пленников, включая различных насекомых, чьи простенькие нужды были полностью удовлетворены, один лишь Човери не был счастлив. Он все заглядывал женщине в лицо, и всякий раз на глазах его показывались слезы.

Гриннет смолк, и на его мохнатом личике отразилась задумчивость.

— Я и не подозревал, что у эмоций так много оттенков, — поведал он. — То есть теоретически я знал, что подобные чувства существуют, но совсем другое — испытать их, пусть даже как отражение.

Я пришел к выводу, что существо из расщелины есть некий растительный симбионт. Он кормит своих напарников пищей, которую производит из воздуха, воды, разности грунтовых температур (если у него есть достаточно глубокие корни) и,

вероятно, использует другие лишайники и минералы. Взамен получает отходы жизнедеятельности партнеров. Своих симбионтов он сперва приманивает теплом и светом, а затем удерживает на месте, стимулируя их нейронные процессы приятными сенсорными впечатлениями.

Хотя я и не мог сказать точно, плетет существо свои чары с помощью спор с нужными химическими веществами или телепатически, это не имело значения. Помощник продемонстрировал мне изображения, которые он записал автоматически, даже когда его искушали: четверо мужчин лежали или сидели, прислонившись к стене пещеры, целиком накрытые живым люминесцентным одеялом. Пульсирующие щупальца твари проникали в них. Чап Човери иногда судорожно пытался избавиться от объятий симбионта, но остальные трое, с блаженными улыбками на лицах, уже не сопротивлялись.

— Есть еще кое-что, — добавил гриннет. — Это существо многое узнало после контактов с людьми. Скармливая им сладкие мечты, оно изучает их память и воспоминания. И оно хочет еще и еще.

— Тогда это аргумент в пользу телепатии. Оно копается у них в головах.

— Дело в том, что у него свое страстное желание. Оно жаждет исследовать мои запасы знаний, а они весьма обширны.

— Желания лишайника, пусть даже поразительного лишайника, нас не касаются. Зато теперь мы можем сообщить «Бродяге», что его наниматель фактически мертв. Это должно разорвать его прочную связь с Эверном Чазом и позволит нам вернуться домой. Затем мы сообщим печальные новости Эффраине Човери и получим от нее остаток гонорара.

— Это принесет страдания нашему клиенту, — возразил гриннет. — Кроме того, страстную привязанность корабля к своему нанимателю, возможно, окажется нелегко погасить. Интегратор корабля может потребовать, чтобы мы попытались спасти Чаза.

— Такая попытка обречена. У меня могучий интеллект, но и он не перенесет телепатических атак, подкрепленных, несомненно, еще и химически.

— Я свяжусь с «Бродягой» и сделаю ему предложение, — сообщил гриннет.

— Какое еще предложение? Я не позволял тебе делать какие-либо…

Но личико гриннета уже приняло то отсутствующее выражение, которое появлялось во время связи с подобными ему. Вскоре помощник моргнул и сказал:

— Предложение принято.

* * *

Планета Билле превращалась в пятнышко на экране заднего обзора — «Бродяга» все быстрее мчался к причуде, которая выбросит нас в окрестностях Старой Земли. Я зашел проведать Чапа Човери, которого мы разместили в одной из свободных кают. У него все еще наблюдались провалы в сознании, но он постепенно восстанавливал устойчивые отношения с реальностью. Если он получал неприятные ощущения, это способствовало процессу, поэтому я дал ему две пощечины и облил холодной водой.

— Спасибо, — пробормотал он, моргая. Бледные пятна в тех местах, где лишайник прикреплялся к его коже (это существо буквально смаковало компоненты человеческого пота), постепенно восстанавливали нормальный цвет. Я дал ему препараты для подготовки к скорому переходу, и Човери улегся на койку.

Я вернулся в салон. Мой интегратор уютно расположился в нише передней переборки, где некогда находилась декоративная статуэтка. Взгляд у него был отсутствующим, пока я не привлек его внимание:

— Причуда приближается. Мы готовы?

— Я запрограммировал переход. Буду сохранять сознание до последнего момента, когда автоматика должна провести нас сквозь причуду.

— А если не проведет?

— Тогда мы узнаем, что происходит с теми, кто входит в причуду, но не выходит из нее.

— Что-то ты больно любезен, — заметил я. — К тому же ты никогда прежде не был корабельным интегратором.

— Можешь назвать это «уверенностью». Мой жизненный опыт расширился за счет знаний Чаза, Савьена, Морвена и Човери.

— В самом деле? Ты полагаешь, что постиг глубины человеческого жизненного опыта?

Мохнатые брови гриннета приподнялись, словно он пожал плечами:

— Скажем так: я получил хорошее представление о том, насколько ограничены людские амбиции. Когда этих четверых спросили: «Чего ты хочешь?» — они ответили без труда.

— А у тебя с этим возникла проблема?

— Мне никто не задавал этого вопроса. Но как только я стал

над ним размышлять, то сразу понял, что это воистину серьезная проблема.

— Интегратор Эверна Чаза ответил на него с легкостью. Он пожелал, чтобы его перелили в мобильный контейнер и забросили в расщелину, а далее в покрытые лишайником руки его нанимателя.

Гриннет взял краткую паузу, чтобы сделать что-то с корабельными системами, затем сказал:

— Он был безумцем. Его тоска по Чазу — очевидное тому доказательство.

— Зато теперь он счастлив. Чаз, Савьен и Морвен также счастливы, равно как и их растительный партнер — ведь ныне он может исследовать весь запас знаний интегратора. Вскоре он станет самым информированным лишайником в истории простых растений. — Я указал в сторону кают. — И Чап Човери вскоре снова обретет утешение в объятиях столь преданной ему Эффраины, которая вполне может вознаградить нас премиальными, узнав о нашем подвиге.

Я обвел рукой салон:

— И даже я счастлив, ведь теперь я владелец звездолета — пусть и скромного, но в хорошем состоянии. — Бывший интегратор «Бродяги» переоформил на мое имя право собственности на корабль в обмен на помощь по переносу его личности в мобильный контейнер.

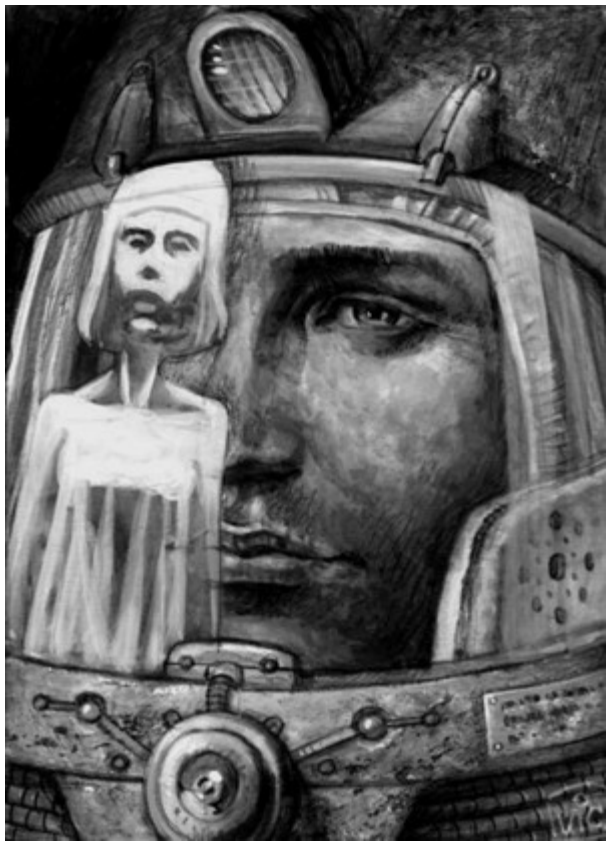
Гриннет уставился на меня с выражением, которое я не смог уверенно распознать, и совершенно точно никогда не видел на его личике прежде.

— А как же я? — вопросил он. — Как с моим счастьем?

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Matthew Hughes. Sweet Trap. 2007. Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

Ричард Ловетт
ПЕСКИ ТИТАНА



Всегда гадал, каково это — быть мертвым. Впрочем, я не очень уж торопился это выяснить. И уж точно не трижды в течение дня.

Само собой, я говорю не о «мертвом» мертвеце. Во всяком случае, пока. А о том самом чувстве «О, черт, вот оно», которое (как я теперь знаю), приблизило меня к моменту, когда перед глазами промелькнула вся моя жизнь, ближе чем что-либо, испытанное прежде. Чувстве, которое, наверное, пережили мои родители в Сан-Франциско, когда Большой Толчок обрушил половину башни «Терра банка» на них и на полную людей улицу. Только в их случае это действительно стало «оно». Мне тогда было семь лет, но я и теперь ясно помню момент, когда узнал о том, что спасатели, откопав наконец их тела, увидели: они умерли рядом, очевидно, держась за руки. Именно такое знание терзает ребенка во сне — я знал: у них было две-три секунды,

чтобы понять, что сейчас произойдет, и осознать, что спасения нет.

На меня же ничего не рушилось, хотя впечатление создавалось именно такое: красно-оранжевая поверхность Титана мчалась навстречу, причем, на мой взгляд, слишком быстро. Картина прямо из ада — грязно-оранжевое небо, тускло-оранжевые облака. Оранжево-коричневый туман, густеющий вдалеке, оранжево-черные тени внизу. И все это освещено не ярче, чем кабина корабля, где свет приглушен для навигации в пределах прямой видимости. Но сейчас меня от всей этой оранжевости отделяли лишь тонкий облегающий костюм-«шкура» и много… ну… можно ли назвать это «воздухом», если он вчетверо плотнее нормального корабельного, приправлен метаном и заморожен до девяноста пяти градусов по Кельвину?[4] Если это и воздух, то он, наверное, превратит меня в ледышку быстрее, чем я задохнусь — если мне настолько не повезет, что я останусь жив, когда удар пробьет дыру в моей «шкуре».

Мое имя Флойд Эшман, хотя это всего лишь метка, которую мне прилепили, когда я родился. Многие зовут меня Фениксом: это одно из мест, где я побывал — и намек на мое реальное имя получился довольно умный, хотя как раз сейчас я точно ни из чего не возрождаюсь.[5]

Еще несколько секунд назад я болтался под куполом парашюта — легкий как перышко. Потом был внезапный рывок, и вот я уже нигде не болтаюсь, а свободно падаю, и в такой близости от поверхности планеты это ничем хорошим завершиться не может — даже если мои рефлексы космонавта и настаивают на том, что не я перемещаюсь в пространстве, а сама планета мчится навстречу мне, подобно гигантской мухобойке, намереваясь вышибить меня с небес.

Но какая мне разница? Удар есть удар. Мне было жутковато от кажущейся замедленности происходящего, и я прикидывал (наверное, теперь уже в последний раз), о чем именно думали мои родители, глядя, как стеклянная облицовка башни льется на них смертельным дождем осколков-ножей. У меня даже нашлось время пожелать, чтобы рядом оказался кто-нибудь, кого я смог бы взять за руку, хотя я тут же сообразил — это означало бы, что и она тоже умрет, поэтому, пожалуй, даже хорошо, что я никогда не пытался пустить корни, даже временно.

* * *

Короче говоря, падение затянулось примерно на три

вечности, хотя я и не смог бы сказать, измерялись они миллисекундами или годами.

А потом мы ударились.

Я спейсер, а не планетная крыса (во всяком случае, уже давно), и когда кувыркание прекратилось, я так и не смог понять, почему остался жив. Но одно было очевидно: сегодня мой счастливый день. Я уцелел во время гибели буксира и рискованного входа в атмосферу внутри проклятого грузового контейнера. Затем, поскольку контейнер был рассчитан на удар в двадцать «g», а я нет, я был вынужден прыгнуть с аварийным планирующим парашютом, кое-как сшитым на живую нитку из парашюта стабилизации контейнера за те считанные минуты, пока мы с Бритни пытались выяснить, есть ли хоть какой-нибудь способ уцелеть после падения на этот проклятый туманный шар.

И вот я внизу и почему-то все еще жив. Так что сегодня или самый счастливый, или худший день моей жизни — в зависимости от того, как на это посмотреть. Если проживу достаточно долго, то, может быть, когда-нибудь разберусь с этой философской проблемой. А пока мне просто хотелось знать, почему я жив и в состоянии об этом думать.

К счастью, мне не придется ломать над этим голову в одиночку.

— Попали в десяточку! — произнес нахальный голос, прозвучав словно у меня в ухе. Бритни может выбрать себе любое настроение, но она предпочитает нахальство. — Хотя для пользы дела мог бы подогнуть ноги и смягчить удар, а не вопить до самого приземления.

Мне почему-то казалось, что я был поразительно спокоен, но я давно научился не спорить с ней о подобных вещах. У нее есть мерзкая привычка вести записи.

— Так ты хочешь сказать, что сделала это сознательно? — спросил я вместо ответа.

С момента, когда мы коснулись атмосферы, нашим спуском управляла Бритни. Хотя управлять там было почти нечем. Как только контейнер сбросил тепловой экран и затормозился до приемлемой скорости, мне осталось лишь распахнуть люк и выпрыгнуть.

Во время лихорадочной подготовки к прыжку еще на буксире я едва успел переключить на Бритни радиоуправление сервомоторами, регулирующими ориентацию полотнищ «умного» парашюта — хотя без веса контейнера управляемость конструкции оказалась примерно такой же, как у перышка во время урагана. Я также передал ей управление пиропатронами отстрела парашюта, чтобы нас не поволокло ветром, если мы и в

самом деле достигнем поверхности живыми. Но мне и в голову не приходило, что она отстрелит парашют, когда мы будем еще черт знает на какой высоте.

— Конечно. — На самом деле Британи не разговаривает, хотя и кажется, что она это умеет. Теоретически она может пользоваться радио в моем костюме, но обычно ее голос достигает меня через имплантант в правом ухе. — Мы направлялись к озеру, поэтому я и уронила нас на большую дюну. И мы упали на крутой склон, который смягчил удар настолько, что мы с тобой не расстались. — Она трещала без остановки, словно на спаде адреналинового шока, хотя у нее нет адреналина, а на мой она реагировать не должна. — Признаюсь, мы немного рисковали. При силе тяжести в одну седьмую от земной, плотности воздуха вчетверо выше стандартной и гораздо более сильном ветре, чем ему полагается быть, радиус дрейфа был великоват.

Никогда не слышал о радиусе дрейфа, но идею уловил.

— А разве озеро не мягче дюны?

Клянусь, она вздохнула, хотя технически это невозможно:

— А как по-твоему, из чего состоит это озеро?

Британи — мой симбионт, и живет она в нескольких чипах, объединенных в локальную сеть и распределенных у меня между ребер. Она постоянно твердит: внутри моего черепа ей было бы намного безопаснее. Это вполне может оказаться правдой, но делить одно помещение с моим мозгом я никому не позволю. До того как Британи стала разумной, она была лучшим за всю мою жизнь вложением денег, если только заключенное в нетрезвом состоянии пари на все мое имущество можно квалифицировать как вложение денег. С тех пор она могла при желании стать настоящим шилом в заднице. Я частенько угрожаю ей перепрограммированием; начнем с того, что нет лучшего способа расстаться с мечтой о реальном человеке, которого можно взять за руку перед лицом неминуемой смерти, чем смешать свое сознание с неким существом, которое представляет себя семнадцатилетней девушкой. Но идея регулировки личности приводит Британи в ужас, хотя другие искины — искусственные интеллекты — и говорили ей, что это ничуть не страшнее обновления памяти.

Просить Британи заткнуться бесполезно. У нее это отчасти возрастное. Полагаю, возраст для нее — понятие условное, это примерно как сравнивать возраст собаки с возрастом человека. Разумной она стала всего десять месяцев назад, но сейчас воспринимает себя девушкой на пороге взрослости. Но кто я такой, чтобы спорить? Когда она начинает изображать педанта,

гораздо легче ей подыгрывать, чем возражать.

Я принялся вспоминать то немногое, что знал о Титане. Как оказалось, действительно немногое. Я болтался в окрестностях Сатурна уже два года, с тех пор как перебрался сюда от Юпитера, но все мои знания о его крупнейшем спутнике можно было свести к нескольким фразам. Большая гравитационная дыра. Плотная атмосфера. Отлично подходит, чтобы сбрасывать на парашютах припасы для ученых, которые полагают, что это самое крутое место на свете. Но ученые всегда так думают о тех местах, где находятся, поэтому я не обращал на это особого внимания. По одному из моих контрактов я должен перехватывать контейнеры с припасами для них, которые выстреливали из электромагнитной катапульты на околоземной орбите, и доставлять контейнеры на парашютах к поверхности Титана. Работа занимала всего пару недель в году, неплохо оплачивалась, а заодно относилась к той категории деятельности, при которой к тебе никто не лезет с указаниями, если только не облажаешься. Другими словами, неплохая халтурка для сироты, у которого в психологической характеристике наверняка записано о нарушениях привязанности — или как там они обзывают склонность полагать, что нет ничего лучше одиночества.

Работа эта оказалась одной из самых скучных во всей Системе, и я так думал до тех пор, пока в мой буксир что-то не врезалось — скорее всего, обломок кометы, выброшенный гравитационной пращой из далеких окраин Системы по гиперболической траектории. После этого о скуке пришлось срочно позабыть, и я был вынужден сброситься вниз вместе с припасами. Или, точнее, без них, потому что они так и остались в том проклятом контейнере. Сейчас у меня имелись только я сам, моя «шкура» и Бритни… которая, все еще пребывая в состоянии, равноценном для искинов адреналиновому шоку, неумолчно болтала об озерах. Когда-нибудь ее все-таки придется перепрограммировать.

Но пока мне не оставалось ничего другого, как смириться с ней, поэтому я заставил себя думать. Метановая атмосфера. Верхние слои хорошо освещены Солнцем. У поверхности становится туманной. Туман этот состоит из всего, что становится жидким при девяноста пяти градусах по Кельвину. Я об этом читал, но очень давно. Черт, наверное, еще в начальной школе. Поразительно, насколько такие сведения западают в память. Я до сих пор могу назвать столицы половины государств, входящих в ООН, хотя и не собираюсь в ближайшие годы побывать на Земле.

— Жидкий этан? Какие-нибудь углеводороды? — Что-либо

иное при такой температуре замерзает и превращается в лед. Черт, а ведь дюна, на которую я шлепнулся, наверняка состоит из ледяных зернышек, запачканных какой-нибудь оранжевой химической гадостью. Но смотрится в точности как старый добрый песок. Чуть покрупнее и погрубее, чем земной, но все равно как песок.

— Неплохо. В основном метан. Или смесь с другими углеводородами. Угадай, что случилось бы, если бы мы упали в озеро из жидкого метана?

Клянусь, я ее перепрограммирую!

— Большой плюх?

— Да. А потом.

— Мы бы поплыли? — «Шкура» рассчитана на пребывание в вакууме или атмосфере, но наверняка не дала бы мне замерзнуть и в жидкости, во всяком случае, какое-то время.

— Вряд ли. Из чего ты сделан?

— Черт побери, Бритни…

— Ладно, ладно… Так вот, гений, правильный ответ — из воды. В основном. И твой удельный вес около единицы. А у этана удельный вес 0,57. Уметана еще меньше, примерно 0,46. И неважно, что это планета с низкой гравитацией, соотношение здесь такое же. Короче, мы бы камнем пошли ко дну. И ты бы сейчас топал по дну метанового озера, пытаясь угадать, где же ближайший берег, и я бы в этом случае не назвала наши шансы на выживание большими.

Ладно, может быть, не стану ее перепрограммировать. Но могла хотя бы оказать мне любезность и предупредить о своих намерениях, прежде чем отстреливать парашют.

Кстати, а куда подевался парашют? Впрочем, если он и пропал, то беда невелика. А нужен мне контейнер. И я должен как-то его отыскать, располагая лишь встроенной в костюм рацией малого радиуса действия и его ресурсами, рассчитанными на среднее время выживания в течение суток полной автономности, плюс тем, что Бритни узнала о Титане из корабельной библиотеки, пока я лихорадочно мастерил парашют и запихивал в контейнер все, что попадалось под руку.

Дюна оказалась высотой почти в полторы сотни метров и крутой, поэтому я после падения и катился по ее склону целую вечность. Судя про борозде, которую я пропахал, был даже момент, когда я заскользил по склону, как на доске для серфинга. Когда мне было восемь лет, я проделывал такое на дюнах Келсо в Старой пустыне Мохава — той ее части, которая существовала еще до того, как глобальное потепление расширило пустыню, отхватив большие куски территории четырех штатов. Эти дюны,

образовавшиеся после последнего ледникового периода, состояли из поразительно мелкого песка, насыпанного в кучи как раз под нужным углом, чтобы скатываться по ним на животе, разгоняясь пловцовскими движениями рук. Если все сделать правильно, песок начинает испускать восхитительный низкий звук, который слышится до тех пор, пока склон не выравнивается, а скольжение не превращается в бессмысленное барахтанье. В туристическом путеводителе было написано, что это одни из немногих «гудящих» дюн планеты, хотя мне тот звук, который я вызывал, напоминал звучание гобоя.

Я любил эти дюны. Думаю, тогда я впервые был счастлив после смерти родителей, и я весь день взбегал на эти дюны и скатывался по ним, пока не стемнело и приемные родители не увезли меня, сказав, что никогда больше не подпустят к дюнам. Нет, они не были злыми, просто слишком обыкновенными для мальчишки, который тосковал по открытым пространствам, где ничто не может на тебя упасть и где нет людей, которые могут умереть у тебя на руках, потому что там вообще нет людей.

Во всяком случае, так сказали психологи, когда разрешили выдать мне лицензию пилота буксира, однако сочли нужным предупредить, что я убегаю «отсюда», а не «туда», и пока я не изменю направление бегства на противоположное, мне никогда не найти того, к чему я стремлюсь.

Что ж, теперь я находился настолько далеко от всех, насколько это возможно. И, к сожалению, я очень давно не практиковался не только в катании по дюнам, но и годами обходился лишь минимальными физическими упражнениями, а это означало, что одна седьмая земной силы тяжести и есть предел, к которому мои мышцы могут приспособиться. В конце концов, мускулы для планетных крыс. А мои дни в этом качестве, как я полагал, давно миновали.

* * *

Песок оказался коварным. И не потому что действительно был странным, а потому что выглядел таким нормальным. Даже по цвету он оказался бы вполне уместен в Келсо, во всяком случае, во время закатных сумерек, венчавших тот великолепный день. И как знать, быть может, восьмилетний мальчик смог бы заставить зазвучать и эти дюны.

Подниматься было столь же трудно.

Уже на середине склона я задумался, не делаю ли это самым тяжелым и дурацким способом. Чтобы смягчить удар, Бритни

уронила меня на самый крутой склон, который сумела отыскать, поэтому мысль о том, что можно найти и более легкий путь наверх, показалась вполне логичной. Меня немного удивляло, что Бритни молчит по этому поводу, но, может быть, ей было невтерпеж поскорее насладиться видом окрестностей. На корабле она могла подключиться к любому интерфейсу с подходящей телеметрией, теперь же у нее остались лишь имплантант в моем ухе и отвод от моего оптического нерва. Все прочие мои органы чувств были ей недоступны, потому что при всей полезности Бритни я очень четко ограничил ее доступ к моему сознанию. По той же причине я разговаривал с ней вслух, через ушной имплантант. В толпе субвокализатор оказался бы удобнее, но я избегаю скопления народа, к тому же при субвокализации слишком рискуешь высказать вслух свои мысли.

На подъем ушло, наверное, менее пяти минут, но когда я наконец-то шагнул на «вершину», сердце у меня колотилось не хуже отбойного молотка. Согнувшись и задыхаясь, я пересек гребень дюны… и меня едва не свалило ветром. Неудивительно, что парашют настолько сильно тянуло к озеру. В такой атмосфере ветер может буквально ударить.

— Ради всего святого, — пробился сквозь гулкие удары сердца голос Бритни, — не мог бы ты взглянуть вверх? Я вижу только песок!

Вообще-то, пылали мои легкие, а не ее, но я пошел на компромисс и уселся. Так я мог и отдыхать, и обозревать местность.

Вдалеке, как она и говорила, виднелось озеро. Ветер гнал по нему волны с каемкой белой пены. Я уехал из Сан-Франциско много лет назад и с тех пор ни разу не смотрел на океан, но что-то в этих волнах показалось мне неправильным. Слишком крутые? Слишком медленные? С неправильными интервалами? Я так и не смог понять, что в них не так. Дюна выглядела поразительно земной. А озеро — нет.

Бритни этого или не заметила, или ей было все равно.

— Замечательно, — сказала она. — Видишь парашют? Вон то белое пятно в паре сотен метров от нас? Думала, что он утонет, но, наверное, под ним остался воздушный пузырь. Примерно там бы мы и оказались, если бы не дюны. И видишь ровный берег между нами и озером? Спорим, что песок там насыщен жидкостью! Что-то вроде зыбучих песков или грязи. Ходить по такому — одно мучение. Мы и в самом деле угодили в правильное место!

Озеро оказалось большим, но не огромным, потому что я видел холмы на его дальнем берегу: морщинистые склоны,

которые словно плавали над горизонтом наподобие миража. Я подумал, что такой эффект возникает из-за перепадов температуры, но может, причиной была кривизна планеты. Бритни или знала всю эту физику, или могла быстренько ее рассчитать, но мне требовалось, чтобы она успокоилась и сосредоточилась, иначе никто из нас не выберется из этой переделки живым. Она протянет чуть дольше меня, однако ей надо, чтобы я оставался жив и двигался, иначе ее пьезоэлектрические источники питания перестанут работать. Впрочем, она прекрасно об этом знает. И ей никогда не забыть, как близко к смерти она оказалась, когда на Энцеладе[6] прямо под нами сработал гейзер, и я оказался первым человеком в истории, облаченным в «шкуру», потерявшим сознание при ударе и способным потом об этом рассказать. Я не приходил в себя целую неделю, а Бритни связалась с моим кораблем и вызвала помощь, и потом ей несколько дней пришлось максимально экономить энергию, пока до нас не добрались спасатели.

Именно тогда она и родилась по-настоящему. Никто не знает, почему некоторые искины достигают подлинной разумности, в то время как большинство, наподобие компьютера моего корабля, есть не что иное, как имитации разума. Со своими задачами они справляются очень хорошо, но, кроме искусственных интерфейсов, к этому ничего не прилагается. Бритни же «очеловечилась», пока ждала спасателей. К тому времени, когда врачи вывели меня из комы, она уже дала себе имя и стала болтливой двенадцатилетней девчонкой. Не знаю, как работают у искинов эти «собачьи года», но только не линейно.

Странно, как ее детство, если его можно так назвать, отражает мое. Хотя в настоящем зеркале предметы «зеркалятся» лишь частично. Бритни несколько дней (целую вечность по меркам искинов) смотрела, как приближается смерть. Моих родителей смерть настигла, когда меня не было рядом с ними, и лишь потом я стал бесконечно о ней размышлять.

Несколько месяцев она изводила меня требованием установить ей более емкие батареи, чтобы продлить время своего выживания, если меня опять что-нибудь обездвижит. А когда я наконец уступил, она от них отказалась. И объяснять ничего не стала, что весьма странно, ведь обычно Бритни разглагольствует на любые темы, словно полагает, будто болтовня — синоним жизни. «Я разговариваю — следовательно, я существую». Со временем до меня дошло, что больше отключения питания она боится только одного — остаться в одиночестве. И это делает нас воистину странной парочкой.

* * *

Смутило меня не только озеро. Тусклый свет, дымка и относительно далекий горизонт мешали ощутить масштабы.

— Это потому, что Титан раз в десять больше тех планеток, к которым ты привык, — пояснила Бритни. Энцелад она без крайней необходимости не упоминала. — Но диаметр его всего лишь треть от диаметра Земли. С такой высоты до горизонта примерно…

— Словом, ты хочешь сказать, — прервал я неизбежную лекцию по сферической тригонометрии, — что эта планета большая, но не настолько большая, как Земля?

Она помедлила с ответом, из чего я заключил, что задел ее чувства:

— Да.

— А где контейнер? — Я отчаянно надеялся, что тот лежит на каком-нибудь сухом и возвышенном месте, потому что ей удалось здорово меня напугать рассказом об озерах. Пешком по дну, подумать только! Во мраке. Уж больно напоминает ситуацию с обрушением здания, хотя речь и не идет о чем-то остром и тяжелом. Если мне придется умереть, то я твердо намерен сделать это на суше, где, по крайней мере, хоть что-то видно. Кстати, отсюда и следующий вопрос: — И сколько у нас времени до наступления ночи?

Думаю, именно в тот момент Бритни повзрослела еще на год. Я ожидал услышать в ответ нечто ехидное вроде: «А ты как думаешь, гений?», а также напоминание — она способна видеть только то, что вижу я, поэтому я и сам могу прекрасно рассчитать, где мы расположены относительно терминатора.[7] Это так, но она умеет рассчитывать траектории спуска, поправку на снос ветром и еще черт знает сколько параметров гораздо лучше и быстрее меня.

— Мы неподвижны относительно Сатурна, — ответила она сразу на второй вопрос. — Поэтому длительность суток равна периоду обращения. — Это я и так знал, но на сей раз прикусил язык и был вознагражден продолжением ответа. — Сейчас здесь сутки перевалили за полдень, но у нас есть еще не менее семидесяти двух часов светлого времени.

— А контейнер?

— Где-то там. — Тут она сообразила, что не может указать направление без внешнего интерфейса. — Так, повернись-ка на сто пятьдесят пять градусов.

Я крутанулся почти на сто восемьдесят в правую сторону.

— Проклятье… — Никогда прежде не слышал, как она

ругается. — Я имела в виду, в другую сторону. Ты обычно поворачиваешься против часовой стрелки. Нет, обратно не разворачивайся. Видишь тот горный хребет справа, похожий на спящего аллигатора? Нет, не этот, а рядом. Нет, теперь проскочил. Не шевелись, попробуй разглядеть. Я бы сейчас зуб отдала за возможность указывать.

— Не очень-то заманчивое предложение. — Это было лучшее, что пришло мне в голову в качестве извинения за то, что минутой раньше я прервал ее научные выкладки. — Если учесть, что единственный зуб поблизости — мой.

— Верно, но ты любишь образные выражения. — Другими словами, *извинения принимаются.*

— Что если… — начал было я, но она меня опередила.

— Хорошо. У меня есть только твои глаза. Поэтому медленно осмотри горизонт справа налево, и я дам знать, когда ты это увидишь.

Это, когда я его обнаружил, не очень-то смахивало на аллигатора, но я никогда не отличался таким типом воображения.

— Значит, контейнер там? — Я понятии не имел, как далеко до этого хребта. Пять километров? Десять? Не следовало прерывать ее урок по тригонометрии, но гордость не позволяла это признать. Дорога к нему выглядела вполне проходимой. Никаких озер, а дюны постепенно становились меньше, пока не уступали место поверхности, которая, во всяком случае отсюда, смотрелась твердой.

И тут Бритни меня ошарашила:

— Нет, это всего лишь направление. Примерное. Во время спуска направление ветра несколько раз сильно менялось, и теперь нелегко точно вычислить, как ветер повлиял на траекторию контейнера. Я уверена лишь в том, что он тяжелее нас, поэтому и снесло его гораздо меньше. А раз он падал быстрее, то должен находиться где-то там. — Она весьма по-человечески помолчала. — Если только с ним чего-нибудь не произошло. Мы ведь оставили люк открытым, а это могло повлиять на торможение и снос. А поскольку у меня нет точной информации… — снова пауза, — это лишь достоверное предположение.

Ого… Хотя, если мне и суждено доверить свою жизнь чьему-то достоверному предположению, то предположение Бритни лучше, чем мое.

— И далеко до него?

— Я больше уверена в направлении, нежели в расстоянии. Мы слишком рано открыли люк.

Это стало очевидным, когда у нас ушло почти два часа, чтобы спуститься на парашюте. Проблема заключалась в том, что мы воспользовались стабилизирующим парашютом контейнера, а это означало, что он падал быстрее нормальной скорости. Насколько быстрее, мы не могли сказать из-за отсутствия технических данных и… короче, без телеметрии, и имея для принятия решения лишь приблизительные расчеты Бритни, я был настроен открыть люк раньше, а не позднее, чтобы мы смогли хотя бы выглянуть наружу. Затем контейнер начало сильно раскачивать, а все вокруг закрыли облака, которые могли закончиться до падения, а могли и нет. Мы немного поспорили, но моими мышцами Бритни управлять не могла, а я точно не собирался помирать в этом проклятом контейнере. Поэтому мы прыгнули. И целую вечность дрейфовали.

— Так насколько он далеко? — повторил я вопрос.

— Ветры у поверхности Титана обычно не превышают нескольких километров в час, — начала она тем же тоном, каким говорила об Энцеладе. — Но мы, кажется, опустились в центре местной бури.

Я пригляделся к тому, как ветер несет песчинки через дюну.

— И сколько это? Пятнадцать или двадцать километров в час?

— Да. Но на высоте ветер был сильнее. Не знаю, как далеко нас отклонило, пока мы не упали ниже облаков, но общий дрейф легко мог оказаться километров в восемьдесят. Может, и в сто двадцать. Где-то в этих пределах.

Вот уж точно, ого. Если бы я тренировал свои мускулы как следует, то прогулка на восемьдесят километров при низкой гравитации наверняка оказалась бы не слишком серьезным испытанием. Даже сто двадцать вполне можно пережить. Если, конечно, мы отыщем контейнер. А раз так…

Я набрал в легкие побольше воздуха, как ныряльщик перед прыжком в воду или актер, пытающийся разогнать дуновением бабочек.

— Да, — опередила меня Бритни. — Пора отправляться в путь. Ты идешь, а я указываю приметы и направление. — Она снова заговорила быстро — наверное, очередное адреналиновое возбуждение в варианте для искинов. — Как только мы опустились достаточно низко, чтобы разглядеть местность, я постаралась запомнить ее как можно точнее. Главные твои проблемы — каньоны и боковое отклонение. Ну, когда идешь по прямой, выдерживая направление по компасу, то всегда отклоняешься в одном направлении, обходя деревья. Конечно, у нас нет компаса, как нет и деревьев, но каньоны создадут ту же

проблему…

* * *

Тридцать минут спустя я все еще тащился через дюны. Ну, не совсем уж тащился: сейчас я был силен примерно как обитатель планеты с половинной гравитацией, что на планете с силой тяжести в одну седьмую от земной примерно равнялось возможности тащить на себе около сотни килограммов на Земле.

Давным-давно, когда я был планетной крысой, мне доводилось тягать весомые грузы на большие расстояния. Здесь же, к счастью, мне предстояло нести лишь собственный уменьшенный вес и костюм весом в несколько килограммов. Но мягкий сыпучий песок есть мягкий сыпучий песок. Если пытаться по нему бежать, он просто высасывает из тебя энергию.

Сперва я пытался изобразить нечто вроде «лунного бега», но этот фокус попросту не сработал. Всякий раз, когда мне удавалось набрать приличную скорость и отыскать подходящий ритм, я обязательно попадал на участок особо мягкого песка и падал. Даже при низкой гравитации инерция сохраняется полностью, и в результате я несколько раз плюхался на живот и пропахивал в песке борозду щитком шлема.

После десятка таких акробатических упражнений я сдался и принялся вспоминать, что мне известно о мягких поверхностях после туристического опыта на Земле. Если кратко, то суть сводилась к тому, что применение чрезмерных усилий лишь измотает тебя окончательно. Но мне еще никогда не доводилось оказываться в ситуации, когда каждый шаг становится метрономом, отсчитывающим недолгое время оставшейся жизни.

Терпение тоже никогда не было сильной чертой Бритни. Наверное, это как-то связано с различием в скорости наших внутренних часов. Я мыслю категориями секунд, а она способна работать на уровне фемтосекунд,[8] а может, и еще быстрее.

Обычно ей удается неплохо приспосабливаться. Например, разговаривая со мной, она очень хорошо имитирует, будто мыслит в реальном времени. Весьма вероятно, что это действительно так — даже у искинов, не являющихся личностями, интерфейсы внешнего общения требуют гигантского количества процессорного времени. Она также обладает способностью использовать вычисления с переменной скоростью, чтобы сделать разговоры более естественными. Но если она чем-то одержима… короче, достаточно лишь напомнить, что в одной секунде больше фемтосекунд, чем секунд в жизни большинства

людей.

— При таком темпе мы добраться не успеем, — заявила она, как только мы наконец-то достигли границы песков.

— Надеюсь, сейчас мы прибавим скорость.

— Меня не скорость тревожит.

— А что тогда?

— Жизнеобеспечение. Насколько я могу судить, ты преодолел около четырех километров. Но истратил намного больше четырех процентов воздуха. А воду ты расходуешь еще быстрее.

— Я пить хотел, черт побери! — Показания счетчиков я мог видеть не хуже нее. В костюме двухлитровый запас воды, и я уже выпил одну десятую часть. В герметичном скафандре это не стало бы проблемой — вода в нем улавливается и возвращается в оборот. В моей же «шкуре» я дышу сухим кислородом и сбрасываю избыток водяных паров вместе с углекислотой через мембрану с избирательной проницаемостью. Но тут я ничего поделать не могу.

— Послушай, хоть я и не умею решать в уме уравнения сферической тригонометрии, зато я кое-что знаю о пустынях. — Пусть даже вокруг меня леденящий холод, эта местность очень напоминала пустыню. — Экономить воду нет смысла. Из-за этого только быстрее устанешь, уж поверь мне. Наилучшее решение — пить, сколько надо, пока вода не кончится.

Потом, разумеется, не останется иного варианта, кроме как мучиться от жажды, поэтому все так отчаянно и пытаются сохранить последние капли воды. Но психологически это дает лишь обратный результат.

— Поверь мне, — повторил я, в основном стремясь ободрить самого себя.

— Откуда ты все это знаешь?

— Неважно. Знаю, и все.

Она удивила меня, приняв мои слова на веру.

— Ладно. Но главная проблема не в воде.

— Ты это серьезно?

— Послушай…

Проклятье. Я опять ее задел. Черт, она же не виновата в том, что корабль наткнулся на булыжник. Виноват я, потому что не установил более чувствительные локаторы. Но такие булыжники попадаются невероятно редко, а оборотных денег вечно не хватает, вот я и купил вместо него «шкуру». В принципе, правильно сделал, если учесть, что мы реально наткнулись на булыжник, но еще лучше было бы на него не натыкаться.

Если начинаешь размышлять обо всех этих «а что если», то можно ходить кругами бесконечно. Какие бы психологические

отклонения, по мнению психиатров из комиссии по выдаче лицензий, у меня ни отыскались — а я еще не встречал пилота-одиночку без парочки таких отклонений, — зацикливание на игре в «что если» в их число не входило. Если бы я оказался к нему склонен, то отыскал бы тысячу причин обвинить себя в смерти родителей и наверняка не пережил бы детства. Я и так подошел достаточно близко к этой незримой черте.

Я знал, что именно должен сказать, но не мог подобрать слов.

— Ладно, — наконец выдавил я, признавая, что был не прав. — Расскажи о воздухе.

Когда мы покидали корабль, я полностью заправил «шкуру» сжатым кислородом. Костюм у меня действительно самый современный, а это означает, что запас газа хранится в мономембранных пузырях на спине, голенях, бедрах и так далее. Это позволяет рукам и ногам двигаться свободно, зато со стороны я кажусь генетически модифицированным бодибилдером. Даже думать не хочу о том, что случится, если один из этих пузырей лопнет. Наверное, я взлечу, как проткнутый воздушный шарик, оставив своим наследникам крупный судебный иск против фирмы-изготовителя. Конечно, если бы у меня имелись наследники, которые заметили бы, что меня не стало.

Бритни не торопилась с ответом, и я сообразил: она борется с совершенно новым для нее уровнем чувств.

— Ты тратишь его весьма быстро, — сказала она наконец.

Я уже в который раз взглянул на манометр, но он все еще показывал почти полный заряд.

— А если точнее, ты истратил 7,3 процента кислорода на преодоление всего пяти процентов минимально возможного расстояния.

Я снова уставился на манометр:

— Ты можешь считывать показания с такой точностью? — Это была обычная шкала с делениями. Есть приборчики и покруче, но слишком уж много астронавтов погибло из-за избытка цифр. *Хорошо — порядок; не очень хорошо — скорее домой.* В большинстве случаев этого вполне достаточно.

— Нет, в «шкуре» есть телеметрия. У меня ушло какое-то время, чтобы подобрать нужную длину волны, и было бы замечательно, если бы у тебя нашлось время налепить медицинские датчики, но я все же получаю разную техническую информацию, включая удельный расход воздуха. Поэтому спасибо тебе за то, что обзавелся этим костюмчиком. При других обстоятельствах он доставил бы мне массу удовольствия.

Я продолжал шагать, но ее последняя фраза едва не заставила меня сбиться с ритма. Я впервые поймал себя на том,

что всерьез пытаюсь понять, как Бритни воспринимает и ощущает жизнь. Возможно, меня в свое время сбили с толку ее высказывания в духе «я маленькая девочка». Я *знал,* что она жива в том смысле, какого достигают лишь считанные компьютеры, но не скажу точно, насколько сильно я когда-либо это *ощущал.*

Черт, у меня до сих пор не было нужды надевать «шкуру», и я не ведал, что в ней такая хорошая телеметрия. А мысль о том, что для Бритни это может иметь какое-то значение, мне даже в голову не приходила.

— Не за что, — буркнул я в ответ, надеясь, что мои слова не прозвучат как запоздалая вежливость.

* * *

Мы шагали молча. Я размышлял о Бритни и кислороде и пытался не думать о смерти.

Холм-аллигатор постепенно приближался, становясь все больше похожим на гору, чем на холм. Впрочем, когда поблизости нет деревьев или людей для сравнения, все начинает казаться большим.

— Хорошо, — сказала Бритни, когда я сделал последние шаги по песку и под ногами оказались круглые камешки, по которым шагать оказалось ненамного легче. — Нам вовсе не обязательно взбираться на этот холм. Сверни влево и иди вверх по оврагу. — Снова пауза. — Надеюсь, я не ошиблась. — Еще одна пауза. — Моя карта не очень-то точна.

— В том, что я не смог увидеть больше, твоей вины нет, — отозвался я. Или в том, что я не успел подключить для нее какой-нибудь нормальный прибор вроде радара. Ей все приходится делать по навигационному счислению. И если мы выживем, то лишь благодаря ее умению. А если умрем, то по моей вине, потому что я приобрел «шкуру», а не обновил оборудование корабля. А она-то думает, будто я обзавелся «шкурой», решив купить ей игрушку. Вот ведь гадство. — Делай, что можешь, — добавил я. — Это все, о чем тебя можно просить.

Она молчала, пока я прошел шагов десять.

— Спасибо. — Еще несколько шагов. — Я тоже так думаю.

* * *

Если бы я находился на Земле, то описал бы эти камни как речную гальку. Овраг, куда меня направила Бритни, выглядел

метров тридцати шириной, с многочисленными боковыми ответвлениями и кучей той самой окатанной гальки под ногами. В пустыне Мохава я назвал бы эту яму «промоиной».

Когда ты в пустыне, промоина может стать и благословением, и проклятием. Иногда они подобны шоссе, но всегда коварны, потому что требуется поразительно мало, чтобы преградить тебе путь. Бритни упоминала глухие каньоны, но вполне хватает и валуна или двухметрового обрыва. Ну, при местной силе тяжести, пожалуй, и чуть больше двух метров. Но мне вовсе не хочется проверять, насколько высоко я смогу подпрыгнуть.

Да и передвигаться по промоинам не так уж легко, хотя на Земле по мере углубления в промоину ходить становится легче. К счастью, тот же принцип сработал и здесь. У входа камешки были мелкие, напрягавшие лодыжки при ходьбе. Чем дальше я шел, тем крупнее и тверже они становились. Но и теперь я не смог шагать быстрее, перейдя на своеобразную подпрыгивающую походку.

Как и в дюнах, я не мог поверить, насколько знакомым выглядит ландшафт.

— Похоже, здесь бывают ливневые паводки или внезапные наводнения, — заметил я. — Причем часто.

— Я бы на этот счет не беспокоилась. На Марсе тоже есть речные русла. Но там очень давно не было дождей.

— Хороший довод. — Если честно, я не очень-то и тревожился, но Бритни стала необычно молчаливой, и если дать ей немного поговорить, никому от этого хуже не будет. — А местный дождь, наверное, штука весьма неприятная.

— Жидкий метан. Видишь те утесы, похожие на гранит?

— И что?

— Скорее всего, они изо льда. Многие из этих возвышенностей — криовулканы. — Она опять меня удивила тем, что ничего не добавила к сказанному. Прежде — господи, неужели это было всего лишь сегодня утром? — она прочла бы мне лекцию о криовулканах минут на двадцать, прекрасно при этом зная, что суть этого явления мне понятна. Они очень похожи на земные вулканы, только вместо лавы из них вытекает водно-аммиачная жижа — единственная горячая жидкость при таком климате.

Я заметил, что стал дышать тяжелее, и оглянулся. Трудно сказать, но, судя по далеким дюнам, все еще заметным в V-образном желобе каньона, похоже, что мы поднялись на довольно приличную высоту.

— Как там дела с воздухом?

Должно быть, Бритни ожидала этого вопроса:

— Лучше, но все еще неприемлемо. Первоначально ты делал

шесть километров в час, с максимальной дальностью шестьдесят — при условии, что без отдыха, но это маловероятно. Затем прибавил до восьми или девяти километров в час, но ты тратишь воздух в той же пропорции, так что дальность все равно остается менее ста километров. А овраг довольно извилистый, поэтому не все эти километры пройдены в нужном направлении.

— Другими словами, у нас ничего не получится.

— Я этого не говорила.

— Это сказал я. — Я остановился и присел на валун. Или на большую глыбу льда. Господи, ну как такая знакомая на вид местность может быть настолько мерзкой?

Я знал, что должен сделать, но сперва хотел решить другую проблему.

Большую часть жизни я был одинок. Теперь у меня есть некто, кто от меня зависит, хочется мне этого или нет. Некто, кто мыслит фемтосекундами, и у кого этих фемтосекунд слишком много, чтобы тратить на тревоги. Но этот же некто синхронизировал темп своей жизни с темпом моей жизни, а это означает: когда Бритни думает, что воздух кончается, то до этого события не просто базиллион фемтосекунд, а… завтра. Как для нее, так и для меня.

Ей требовалось нечто большее, чем отслеживать путь по примитивной карте, наблюдать за расходом воздуха и тревожиться о том, что она, возможно, ведет нас к смерти.

— Ты знаешь, что такое ПВП? — спросил я.

— Нет. А мне следует это знать?

— Отнюдь, это жаргон астронавтов. — Я вздохнул и встал. Стены промоины были здесь слишком крутыми для того, что я задумал. Надеюсь, я просидел здесь не слишком долго — если придется возвращаться, то это станет катастрофой. — Если кратко, это количество кислорода, потребляемого в состоянии покоя.

— Ноль?

— Очень смешно. — Вообще-то, шутка была хорошим признаком. Быть может, она не настолько впала в отчаяние, насколько я опасался. — Так вот, хочу знать, сколько потребляю я. Насколько точна телеметрия?

— Более или менее. Сейчас ты потребляешь 980 миллилитров кислорода в минуту. Максимум составлял три литра.

Это когда я выбивался из сил, карабкаясь на ту дюну.

— А нижнее значение?

— Когда ты отдыхал, оно упало до 320, но продолжает снижаться.

— Хорошо. Пусть будет 250. При размерах моего тела

минимум потребления находится вблизи этого значения.

— Из этого следует, что ты проживешь примерно еще шестьдесят четыре часа, сидя на валуне. Может, и больше, если заснешь.

— Отлично. Идею ты ухватила. При двадцати ПВП мы проживем чуть меньше трех с половиной часов. — Но такой темп выдержать не сможет никто. — При десяти, — такой темп я недавно смог некоторое время поддерживать, — воздуха хватит на вдвое большее время.

— Ясно. Сейчас расход поднялся до 4,7, но ты едва делаешь семь километров в час.

— Это потому, что местность стала более трудной.

Промоина заставляла меня нервничать все больше и больше. Мне было наплевать, что ее сформировала метановая река, размывшая криовулканический аммиачно-водяной лед — она сужалась и становилась круче, а это плохие признаки. Склон, по которому нельзя взобраться — это очень серьезный риск. Черт, возможно, мы даже наткнемся на водопад с прудом из метана у подножия. Даже если дожди здесь идут редко, жидкий метан может испаряться целую вечность.

Пожалуй, я смог бы при необходимости заставить себя перейти вброд небольшой метановый пруд, но и это, и карабканье по камням станет делом медленным и тяжелым.

— Итак, вот тебе новая работа, — сказал я, хотя на самом деле лишь подбросил ей новую цифровую игрушку. — Помоги отыскать такой уровень физических усилий, который дает максимальную отдачу на единицу затраченного воздуха.

— Могу сказать прямо сейчас, что это не был первый час пути.

— Конечно, нет! Мы же шли по песку. — И по той проклятой гальке в нижней части промоины. Настала моя очередь сделать паузу. — Следующая часть пути тебе тоже не понравится.

Впереди промоину намертво забили валуны размером с наш контейнер. На Земле я ни за что не преодолел бы такой завал без веревки. А здесь… предпочел бы не пробовать. Уж больно это напоминало места, где на тебя может что-нибудь свалиться.

Я принялся высматривать симпатичный пологий склон, но все они оказались на удивление крутыми. Если я соскользну и кувыркнусь вниз, то мне будет больно даже при низкой силе тяжести.

Бритни уже все сообразила:

— Собираешься лезть наверх?

— Да.

— Ты потратишь много воздуха.

— Да.

Пожалуй, ей это не понравится.

* * *

Поначалу все шло не так уж и плохо. Может, гора и состояла изо льда, но его поверхность была покрыта камешками и грубой субстанцией, напоминающей почву. В результате — цепочка удобных ступенек. Подъем крутой, но вполне преодолимый.

Но криолава, очевидно, выходила слоями, совсем как лава обычная. По мере подъема я стал натыкаться на ярусы, похожие на слои свадебного торта. И каждый раз мне приходилось преодолевать рыхлые осыпи, отыскивая в них места с проходимыми скатами. Черт, черт, черт! Да, базальт образует такие ландшафты. Но лед?

Несколько раз мне приходилось буквально подтягиваться на руках к вершине особенно крутого уступа — и только для того, чтобы обнаружить выше следующий ярус. Чем выше я взбирался, тем мельче становились камешки, и тем легче они скатывались при малейшем прикосновении. Потревоженные, они падали целую вечность, осыпаясь медленными звонкими лавинами, пока не исчезали за краем уступа.

— Почему здесь все такое подвижное, черт побери? — взорвался я, не сдержавшись. Подъем все тянулся и тянулся, и всякий раз, когда я отчаянно искал опору для ног, я транжирил кислород. — Почему низкая сила тяжести не делает склоны более стабильными?

— Угол естественного откоса здесь такой же, как на Земле, — пояснила Бритни. — Это самый крутой склон, на который можно навалить камни, и они при этом не скатятся. Если проделать вычисления, то сила тяжести вычеркивается из обеих частей уравнения, во всяком случае, уравнения первого порядка. Но это нельзя назвать интуитивно очевидным.

— Интуитивно очевидным?

— Это такое выражение. Чтобы тебе было легче понять.

Легче? Черта с два. Бритни способна удивляться не хуже меня. Разница лишь в том, что в подобных вещах она очень хорошо умеет разгадывать ответы.

* * *

Чтобы добраться до вершины, у меня ушло двадцать шесть

минут при ПВП чуть менее девяти. Заметный удар по моему запасу кислорода, особенно если учесть, что к контейнеру я фактически не приблизился. Бритни лишь сообщила мне цифру расхода, но никак ее не прокомментировала. Я тоже промолчал. Стоило ли это усилие затраченного воздуха? Время покажет. И все же я ощутил возрождение надежды, выбравшись из клаустрофобии ущелья на вершину, где хотя бы видно горизонт.

Мы оказались выше, чем я предполагал — очевидно, криовулкан своими очертаниями уходил в глубь «материка». Холм-аллигатор остался где-то внизу, неразличимый с этой точки.

— А вулкан-то не маленький, — заметил я.

— Да. Задний склон изрезан множеством ущелий и оврагов, но, насколько я успела разглядеть во время спуска, его внутренний склон может оказаться тем, что вулканологи называют «блинчатый купол». Некоторые из них бывают в поперечнике более сотни километров. Если нам повезло, то контейнер упал где-то на вершине.

Это прозвучало не столь утешительно, как она надеялась.

— А если нет?

— Тогда он в каком-нибудь каньоне. Или еще дальше, в песчаных дюнах за дальним склоном.

А это уже и вовсе неутешительно. Мы отыщем контейнер только в том случае, если подойдем к нему настолько близко, что Бритни сможет установить с ним связь через слабенькую рацию «шкуры». А для этого нам необходимо находиться в пределах прямой видимости. Если контейнер упал в каньон, мы можем пройти мимо и даже не узнать об этом. Если же он далеко в песках, нам до него не добраться, потому что мне не хватит воздуха.

Что ж, жизнь в космосе меня кое-чему научила. Я уже давно понял: когда ситуация совсем плохая, надо сосредоточиться на тех операциях, какие ты в состоянии делать. Что же до всего прочего, то надо или сделать вид, что этого прочего не существует, или молиться — кому что больше нравится. Лично я не из тех, кто молится. Полагаю, что и Бритни тоже.

— Куда идти?

Такой долгой паузы еще не было. Может, она все же молилась.

— Выдай наилучшее предположение. Единственный действительно неправильный ответ звучит как «оставайся здесь».

— Спасибо. Честно. Это так ужасно. — Жаль, что она не может по-настоящему вздохнуть. Или сглотнуть, или что-то в этом роде. — Хорошо, медленно сделай полный оборот на месте.

Мне было трудно отслеживать направление в каньоне. И еще труднее, когда ты поднимался.

Я выполнил ее просьбу. Блинчатый купол я увидел как широкий холм, образующий горизонт в том направлении, которое я назвал «материковым».

— Порядок, — сказала она. — Посмотри чуть левее самой высокой точки. Да, вот туда. Пойдем в эту сторону. Кстати, есть и хорошая новость — по моим расчетам, ты поднялся на несколько сотен метров. А чтобы ловить сигнал контейнера, запас высоты не повредит. Но нам нужно еще пройти не менее шестидесяти километров. Не исключено, что и сотню.

Шестьдесят километров. При силе притяжения в одну седьмую от земной, но с ослабевшими в космосе мускулами. Что ж, хотя бы грунт под ногами приличный. Вершина была гладкой, как я и надеялся — почти выметенная ветром. Жаль только, что Бритни не догадалась рассказать мне о блинчатых куполах до того, как мы вошли в промоину. Ведь промоины — не единственный удобный путь.

* * *

Десять минут спустя я пытался вспомнить, когда я бегал в последний раз. В невесомости бегать невозможно, разве что в колесе центрифуги, а у меня не слишком маленький корабль — когда мне доводилось бегать в колесе, мне всегда казалось, будто я чья-то ручная белка, — поэтому я предпочитал стационарный велосипед. К сожалению, он тренирует не совсем те мышцы, что при беге. Тем не менее я развил хорошую скорость.

— Двадцать один километр в час! — сообщила Бритни. — Семь и восемь десятых ПВП! Это два и семь десятых километра в час на ПВП. Это правильная единица измерения?

— Не хуже любой другой. — Я поручил ей эту работу, лишь бы чем-нибудь ее занять. — Но главное, что я развил скорость, которая позволяет мне вести вполне нормальный разговор.

— А разве на это не тратится лишний воздух?

— Нет. Откуда у тебя эта идея? — Этот старый миф частенько встречается в фильмах, но, если не считать небольшого расхода энергии на работу голосовых связок, разговор всего лишь перемещает воздух в легкие и обратно. Кислород-то в воздухе никуда не девается.

— От Корабля, — призналась она. Бритни всегда называла так компьютер моего буксира, словно надеялась когда-нибудь с помощью позитивного мышления сделать разумным и его. К

счастью, успеха она не добилась. Две Бритни сразу — это слишком много. — А ты откуда так много об этом знаешь?

Черт! Я и забыл, как она представляет нормальный разговор. Я помолчал, пытаясь разобраться, хочу ли я развивать эту тему.

— Слышала о рассказе «Костер»? — спросил я наконец. Глупый вопрос. Я ведь разговариваю с искином. Какое ей дело до подобных вещей? Но я действительно мало думал о том, что значит быть разумным искином, которому нечем заняться по ночам, кроме как рыться в библиотеке Корабля и надеяться, что я не умру во сне.

— Да. Это рассказ Джека Лондона о золотоискателе, который замерз насмерть, поскольку руки у него настолько закоченели, что он не смог зажечь спичку.

— Верно. — Я был потрясен. Почему мне не хотелось об этом говорить? Лишь потому, что это напоминало о нашей вероятной смерти? Об этом невозможно было не думать. — Так вот, меня поразило то место, когда он упал, не в силах сделать еще один шаг. Я все думал: неужели человек не способен сделать всего один шаг? А если способен, то почему бы не сделать следующий, и так далее.

— Гм-м, в этом умозаключении есть очевидный изъян.

— Разумеется. — Я о нем знал, во всяком случае, теоретически. — Однако многие годы я был одержим идеей выносливости. Я все пытался найти предел своих возможностей. Ту самую черту, за которой уже действительно не можешь сделать еще один шаг.

Долгая пауза.

— И ты ее нашел?

— Нет. — Ни в шести марафонах подряд и парочке триатлонов для силачей. Ни в трехдневной велосипедной гонке на 1200 километров. Да, были моменты, когда я *не хотел* двигаться вперед, но ни разу не было состояния, когда бы я этого не мог.

— Хорошо.

У меня мелькнула мысль, что на самом-то деле я был одержим желанием узнать, могли бы мои родители *заставить* себя прожить еще одну секунду. Или фемтосекунду. А затем еще одну, и еще одну, пока бы их в конце концов не спасли. И единственная причина, почему их теперь нет со мной, заключается в том, что они этого желали недостаточно сильно. Может, это и глупо, но с навязчивыми идеями так всегда. Испытывая себя, я очень многое узнал о физиологии спортсменов, хотя и не мог представить, как эти знания могут помочь мне сейчас. Впрочем, пусть я давно и не тренировался, но у меня

открылось второе дыхание. Возможно, до сих пор я просто был утомлен подъемом на вершину.

— Два и девять десятых километра в час на ПВП, — сообщила Бритни. — Хорошо получается.

* * *

Бежать было легко. Склон постепенно перешел в плоское и неинтересное плато, при моих обстоятельствах «неинтересное» — отличное слово. Как и «плоское». Хотя бежать под горку и было бы легче, чем дольше этого не случится, тем выше вероятность, что я все еще буду на неинтересной местности, когда отыщу контейнер. Бритни сказала, что после песчаных дюн мы преодолели тридцать четыре километра. Если удача от нас не отвернется, то мы вполне сможем выжить.

Она не пыталась начать очередной разговор. Если не считать информации о продвижении и периодических «как дела?», она фактически оставила меня наедине с моими мыслями. При обычных обстоятельствах я был бы ей за это признателен, но в тот момент собственные мысли мне не очень нравились. Слишком уж много в истории моей жизни вопросов, оставшихся без ответов. Мне не хватало… чего? Не могу сказать, что я ненавидел свою жизнь здесь, на темной окраине Солнечной системы. Ученые были правы — это замечательное место. Но я предпочел бы здесь не умирать.

— Сбрось скорость, — неожиданно велела Бритни. — И постарайся делать шаги короче.

— Что? — Хотя мне всегда не хватало скорости, чтобы стать победителем в тех давних забегах, я гордился способностью приводить свое тело в оптимальную физическую форму. А теперь Бритни, какой-то набор компьютерных программ, начинает меня учить. — Я знаю, что делаю.

— Возможно. Но ты постепенно разгоняешься, а соотношение пробега к ПВП начинает падать. Не намного, но вполне достаточно, чтобы сократить твою предельную дистанцию на несколько километров.

Покинув Землю, я перестал интересоваться спортом. Но теперь, заставив себя подчиниться и не спорить с Бритни, я задумался — есть ли какие-либо правила касательно использования искинов во время Олимпийских игр? Если Бритни способна давать мне подсказки на основании примитивных расчетов, то на что она оказалась бы способна, имея точную информацию? Кстати…

— Как, черт побери, ты ухитряешься измерять мою скорость? Или расстояния, если на то пошло?

— Ретроспективно. Всякий раз, когда ты добегаешь до какого-нибудь ориентира наподобие того большого валуна, я могу определить его размеры. Затем перематываю запись до момента, когда ты его впервые увидел, и рассчитываю, на каком расстоянии он находился. Я также подсчитываю шаги. Метод не очень точный, но вполне приемлемый в пределах десятипроцентной ошибки. Однако гораздо важнее то, что он непрерывный, поэтому я и могу сказать, ускоряемся мы или замедляемся.

— Очень ловко. А я и понятия не имел, что ты все это записываешь.

— Нельзя заранее сказать, когда что-либо может пригодиться. — Еще одна из тех странных пауз. — Как Джек Лондон. Приятно знать больше о том, что делает тебя… тобой.

* * *

Бег продолжался. Унылая монотонность, а на чашах весов — жизнь и смерть. И все возрастающая боль. На втором часу у меня кончилось второе дыхание. Поддержание равновесия требовало все большей сосредоточенности. Я взмок — тепло моего тела не успевало испарять влагу и сбрасывать ее через мембраны «шкуры». Мне казалось, будто я бегу в сауне — странное ощущение, если учесть, что вокруг леденящий холод.

Я также начал все больше ощущать плотность атмосферы Титана.

Каждый легкий ветерок усиливался и воспринимался как удар. Буря заметно стихла, но мне до сих пор казалось, будто я бегу сквозь сироп. Я опять сбросил скорость и испытал странное облегчение, когда Бритни это никак не прокомментировала.

На двухчасовой отметке я перешел на шаг и выпил немного воды. Три четверти — позади. Последняя часть этой прогулки радости не принесет. Воспользовавшись кратким отдыхом, я сделал несколько глотков из тубы с пищей. Это была еще одна позиция в списке того, что я не имел возможности проверить заранее. Бритни обревизовала спецификации, но результат оказался нулевым: в тубе находилось то, что туда залили на заводе изготовители «шкуры». С точностью я знал лишь одно: пища сладкая и с почти бесконечным сроком хранения. Сладкая — это хорошо. А то, что не надо беспокоиться о пищевом отравлении — еще лучше. Однако густой сироп расходовался

быстрее, чем вода или воздух.

Прямых комментариев Бритни не делала. «Ты справишься, — говорила она. — У тебя хорошо получается».

Меня это почему-то не успокаивало. Может быть, потому что, как бы хорошо у меня ни получалось сейчас, возможная перспектива не казалась радужной. Есть огромная разница между способностью сделать еще шаг и сделать это быстро. Я чертовски хорошо усвоил это в те времена, когда испытывал себя на выносливость.

— Ты что, прочитала руководство по методам поднятия настроения?

На этот раз Бритни долго молчала. Настолько долго, что мое учащенное дыхание более или менее пришло в норму. Так долго, что я уже начал гадать, не выбил ли я из нее навсегда прежнюю веселость. И настолько долго, что я вновь задумался над тем, как воспринимается жизнь с ее перспективы.

— Почему ты отправился в космос? — спросила она наконец.

— Потому что на Земле стало слишком тесно, — ответил я, немного покривив душой. По этой причине я покинул Юпитер. Мне хотелось бы думать, что из-за этого же я покинул и Землю, но население планеты уже многие десятилетия оставалось стабильным. Я всего лишь бросил попытки найти свое место среди людей.

— Но если ты не любишь общество, — поинтересовалась Бритни, раскусив мою неискренность, — то зачем приобрел меня?

Потому что в то время она была всего лишь искином. «Оно», а не «кто». Я и думать не думал, что она станет одной на десять тысяч, которые обретают разум.

— Сам не знаю, — буркнул я. — Рассчитай-ка среднюю траекторию. То было приглашение заткнуться, но она его проигнорировала.

— Я не делаю ничего из того, с чем может справиться Корабль.

— Ну, Корабль прибило метеоритом. — Вместе с радио, чтобы позвать на помощь, и примерно девяносто пятью процентами всего прочего.

Я взглянул на встроенные в «шкуру» часы. Я шагаю уже пять минут. Пять минут идти. Десять минут бежать. Хорошая формула — до тех пор, пока я смогу ее придерживаться.

— Пора бежать.

Она вновь не стала спорить: не посоветовала, что лучше отдыхать шесть минут. Или четыре. Или пять минут и одну секунду. И вообще примерно весь следующий час она лишь сообщала мне цифры: ПВП и кислород, и сколько еще я смогу

пройти, прежде чем сделаю последний вдох. Так почему же я ее купил? Для простого общения вовсе не нужен искин — с этим справится и гораздо более простой симбионт. И уж тем более не нужен разумный искин, хотя должен признать: я не думал о подобной перспективе, когда вложил в нее все, что у меня в тот момент имелось.

Перерывы на отдых становились дольше, а пробежки короче. Мы перевалили вершину и начали спуск, но скорости у меня не прибавилось. Моя эффективность падала: 2,9 километра в час на ПВП, 2,8… 2,5, а затем и вовсе 2,2. Ноги словно налились свинцом, дыхание стало неровным и судорожным, а соотношение бег/ходьба упало с десяти минут бега и пяти минут ходьбы до двух минут бега и одной минуты ходьбы.

— Далеко еще? — выдохнул я уже, наверное, в десятый раз за последний час. Сам не знаю, что было хуже — не знать или обнаружить, что не прошел даже половины километра. А в «шкуре» стало невероятно жарко. Эта чертова оболочка создавалась для того, чтобы согревать меня на ночной стороне… скажем, Энцелада или чего-нибудь столь же безвоздушного и холодного. Она также могла отражать солнечные лучи и создавать мне умеренную прохладу под ярким солнцем на околоземной орбите. Но вот для чего она точно не предназначалась, так это для тяжелой и продолжительной работы.

— Скоро пройдем шестьдесят второй километр, — сообщила Бритни. А это от трех четвертей до половины пути, смотря где упал контейнер.

— Воздух? — Я уже давно не задавал этот вопрос. Я всегда мог просто взглянуть на манометр, но не хотелось обманываться ложной надеждой.

— Истрачено шестьдесят четыре и три десятых процента.

Другими словами, если мой парашют отнесло на сто двадцать километров, то я покойник. Если меньше чем на сто, то у нас еще есть шансы.

* * *

Некоторое время спустя я взглянул на часы, но не смог вспомнить, когда в последний раз делал перерыв на ходьбу. У меня кружилась голова, когда я между прыжками словно зависал на странно растянувшиеся несколько секунд, а затем тяжело врезался в грунт подошвами, теряя равновесие. Пришлось сосредоточиться. Если можешь сделать один шаг, то можешь

сделать еще один. Если сможешь еще один, то сможешь и следующий. Сделай это нужное количество раз, и Бритни подскажет, когда пора отдохнуть. Ведь она — часы с искусственным интеллектом, поэтому ты ее и купил… Разумные часы пошлют нас на весы… *На весах картошка, потерпи немножко… Немножко… Многоножка… Надо ползти к многоножке… Одна нога за другой… А ног много… надо переставлять их по очереди.*

Наверное, что-то из этого я произнес вслух.

— Эй! Стой!

Голос словно плыл между шагами, совсем как я. Я взглянул на часы, но это оказались просто часы.

— Стой, стой! Ты бредишь. И шатаешься. Немедленно отдохни!

— Хорошо… — выдохнул я и попытался сесть. Но это требовало слишком много усилий, поэтому я просто обмяк и позволил гравитации уронить себя на грунт. Я никуда не бежал — какое счастье! Вокруг закружилась какая-то коричневая дымка. А может, она все время кружилась, только я этого не замечал. Я закрыл глаза, но кружение не прекратилось. *Еще один шаг.* Но я лежал, а не стоял, и ничего не произошло.

«Значит, это действительно конец», — подумал я, хотя на меня ничто не падало. Как раз наоборот — это я словно падал, но только вверх и по спирали.

Было нечто важное, что я хотел сделать, пока еще мог. Насчет многоножек и часов. То, что я мог сделать, даже не в силах пройти еще один шаг. Но мысли путались. Я открыл глаза, но не увидел того, о чем думал. И тут, кружась по спирали, прилетела нужная мысль.

— Не знаю, почему я тебя купил, — выдавил я, борясь с заплетающимся языком. И тут в момент просветления — такие, я слышал, иногда наступают перед смертью — в голове мелькнул ответ. Что-то о компаньоне, который не может умереть у меня на руках (но тут я был вынужден сделать поправку — *пока не умру я)*. Было и еще что-то, но это мгновение промелькнуло быстрее, чем я успел полностью ухватить его суть. — Но никогда об этом не сожалел. — «Только о том, что ты оказалась здесь со мной», — попытался добавить я. Но было уже поздно — спираль втянула меня целиком.

* * *

Я очнулся от взрыва внутри «шкуры». Нет, неправильно —

взрыв прогремел у меня в голове. Мне снилась мать.

— Вставай и сияй, — говорила она, очень напоминая Бритни в самом веселом настроении. — Вернись, Флойд. Пожалуйста, возвращайся. — И тут, пока я старался понять, то ли она зовет меня за Великую Черту, то ли умоляет не переступать ее, в голове у меня громыхнуло.

Для астронавта нет ничего страшнее внезапных звуков. Мысли все еще текли медленно, как сироп, но, не успев открыть глаза, я уже вслушивался — не шипит ли выходящий воздух. Спасибо и на том, что мне не пришлось спрашивать себя, где я нахожусь: оранжево-коричневое небо послужило очень хорошей подсказкой.

— Что это было, черт подери?!

Голова болела после внезапного пробуждения. Тело ныло от всего подряд. Глаза слипались.

— Ну, наконец-то! — воскликнула Бритни. — Я уже решила, что ты заснул навеки. Я тебя звала и звала, а ты не просыпался. И я та-ак отчаялась! — Она трещала без умолку, но меня это почему-то радовало. Я не мог сообразить почему, но большая часть моих недавних воспоминаний оказалась весьма смутной. Я бежал. А теперь не бегу.

— Что это был за шум? — повторил я. Трудно было отделаться от мысли, что в любую секунду я могу вдохнуть воздух Титана. Более того, мне было холодно — впрочем, это могло и показаться.

— Я… гм-м… щелкнула пальцами.

— У тебя нет пальцев. — Голова все еще болела, но постепенно начинала работать, хотя пока на половинной скорости.

— Верно. И, как советует библиотека Корабля, тебе следовало бы плеснуть воды в лицо. Но щелчок я смогла изобразить. И это сработало.

С этим я поспорить не мог, хотя предпочел бы более мягкий способ пробуждения.

— Сколько я проспал?

— Ну, я не назвала бы это сном. Два часа, но воздуха мы истратили больше, чем двухчасовую норму.

Мой взгляд устремился на манометр, но я не смог вспомнить, сколько он сейчас должен показывать. Стрелка уже сильно продвинулась в зону «не очень хорошо». Двадцать процентов? Может, чуть больше.

Небо надо мной выглядело светлее, чем прежде. Где-то на полпути между зенитом и горизонтом светилась приглушенная дымкой точка, похожая на стыковочный маяк на расстоянии

метров пятьдесят или сто. Бритни это приведет в восторг — даже тусклое солнце здорово поможет ей ориентироваться. Ветер стих. Очевидно, буря прошла.

— Что со мной случилось?

— Тепловой удар или нечто близкое. Трудно сказать точно, не имея полной телеметрии. Я обошла систему безопасности костюма и заставила его несколько раз остудить тебя наружным воздухом. Пришлось делать это небольшими дозами, чтобы не заморозить тебя. И ты все время кашлял, я даже испугалась, что выстужу тебе легкие, но потом решила, что причина в каких-то остаточных примесях из наружного воздуха. Тут есть фильтр, который должен удалить большую их часть. Это был единственный способ снизить температуру твоего тела, какой я смогла придумать. Медицинский справочник советовал погрузить тебя в ванну со льдом. Это я во всем виновата. Я еще раз просмотрела запись нашего отправления с Корабля и увидела, что у нас было достаточно времени, чтобы прикрепить медицинские датчики, если бы мы сочли это важным. У тебя в костюме столько отличной аппаратуры, но почти вся она отключена…

— Уф-ф. — У меня возникло странное желание обнять ее. — Ты правильно поступила. — Черт, да она спасла мне жизнь. — И все, что мы делали на корабле, имело смысл тогда, когда мы это делали, так что забудь об этом. — А вот это уже интересная мысль. — Ты можешь стереть эти записи?

— Да. — Нерешительная пауза. — Но не стану. Они могут оказаться полезными. Кстати, ты стал бы стирать свои плохие воспоминания, если бы мог? Разве они не часть тебя?

Слишком философская мысль для меня. Я встал, если только наполненное стонами усилие по отрыву тела от земли можно удостоить этим словом. Мускулы превратились в пюре, а сердце даже после такого скромного усилия заколотилось.

— А сколько точно воздуха мы потратили?

— Включая продувки? Эквивалент пяти ПВП за полные два часа.

Паршиво. Целых десять километров — на ветер. Если ей захотелось кого-то в этом обвинить, то винить следовало меня. Я не заметил симптомов перегрева, и это стоило нам много воздуха. Захотел бы я стереть это знание?

— Укажи верное направление, — попросил я вместо этого.

— Хорошо. — Она помолчала. — Но сперва, как мне кажется, нам следует усвоить урок, преподанный Эсфирь.

— Кем?

— Это библейский персонаж. Кроме всего прочего я нашла в корабельной библиотеке Библию и прочитала об Эсфирь, хотя

тогда я ее не поняла. Теперь, кажется, понимаю. Она сказала: «Я пойду к царю, и если мне суждено умереть, то я умру».

— Что?

— Я пересказываю. Контекст там сложный, но она очень нервничала, потому что ей предстояло обратиться к царю с просьбой, из-за которой ее вполне могли казнить. Она размышляла над этим, затем просто пожала плечами и решила сделать все, что в ее силах. Ее не казнили, но именно ее отношение и привлекло мое внимание.

Я пытался усвоить идею того, что компьютер цитирует мне Священное Писание, не говоря уже о том, что этой библейской притчи я никогда прежде не слышал.

— Ты что, стала из-за меня религиозной? — А еще раньше я гадал, уж не молится ли она. А может ли искин быть религиозным?

— Не в том смысле, какой ты имеешь в виду. Но смерть для меня представляется такой же, как и для тебя, поэтому я о ней, конечно, размышляла. Нет, я лишь пересказала историю, прочитанную в этой книге. Суть в том, что это хорошая альтернатива Джеку Лондону.

* * *

К счастью, продувка костюма оказалась неэффективным (по расходу кислорода) способом не дать мне снова перегреться.

Я сказал «к счастью», потому что мне совершенно не хотелось дышать наружным воздухом. Взамен мне пришлось сбросить скорость, а это означало ходьбу, а не бег. Впрочем, бежать я все равно уже был не в состоянии. Засохший пот раздражал кожу не хуже песка, а зуд превратился в серьезную проблему. Пища кончилась, и меня начало пошатывать. И еще меня мучила жажда, даже после того, как я выпил остатки воды.

Чтобы отвлечься, я рассказал Бритни о дюнах Келсо. Как и ее история про Эсфирь, мой рассказ приобретал больше смысла в определенном контексте, поэтому я рассказал ей о родителях. Быть может, иногда разговор действительно равен жизни. А может, важно именно качество разговора. А я очень долго ни с кем душевно не разговаривал.

— Приемные родители никогда больше не привозили меня к дюнам. Но когда я сбегал, то всегда в пустыню.

— Когда?

— Да, я несколько раз сбегал из дома. Первый раз я сделал это всерьез, когда мы жили в Аризоне. Мне как-то удалось

добраться автостопом вместе с горным велосипедом до начала Камино эль Дьябло. — Эта старая дорога тянется на 230 километров через местность настолько мерзкую, что ее название полностью оправдывается. В свою лучшую пору, до того как братья Домингесы заново открыли холодный термоядерный синтез и вся Мексика разбогатела, здесь наверняка было полно пограничных патрулей. Но когда я ехал по дороге на велосипеде, там были лишь я, койоты, множество очень грубого щебня и развалины Великой мексиканской стены.

— Я был уже на полпути к Юме, когда на меня кто-то случайно наткнулся. Потом сказали, что мне очень повезло.

— А ты доехал бы сам?

— Может быть. Мне не пришло в голову прихватить запасную камеру для шины, поэтому лишь одна уцелевшая камера отделяла меня от долгой прогулки без капли воды. В следующий раз я сбежал, когда мне исполнилось четырнадцать, и в тот раз я пошел пешком. Мне удалось добраться до Айдахо, прежде чем меня поймали.

— Так вот почему ты перебрался сюда с Земли. Ты искал песчаные дюны. — Она помолчала. — В метафорическом смысле.

* * *

Четыре часа спустя дюны уже не были метафорическими.

Прежде гладкий склон блинчатого купола начали разрезать каньоны и холмы. И тут контейнер наконец-то откликнулся на вызов Бритни.

— Получилось! — воскликнула она. — Да, да, да! Теперь осталось лишь найти его.

Вычислить азимут оказалось на удивление легко. По просьбе Бритни я спустился сперва по одному склону холма, затем по другому, а она в это время измеряла силу сигнала, получаемого в ответ на ее запросы от сервомоторов парашюта или от какой-то другой железяки, с которой она общалась. А потом попросила обойти вокруг большой ледяной валун.

И затем, как раз когда гребень, по которому мы шли, закончился, и у меня не осталось иного выбора, кроме как наполовину сбежать, наполовину соскользнуть по наименее опасному склону, она заметила парашют контейнера. Сам я его не видел, но она заверила, что он там, в дюнах внизу — мои глаза по нему скользнули, а она получила эту картинку и обработала ее своими способами.

Последние два километра были адом, перемежающимся с

провалами в памяти. Язык стал ватным. Шаги превратились в неуклюжие рывки, и я знаю, что несколько раз падал, включая тот раз, когда просто захотел отдохнуть. Стрелка манометра давно перешла от «не очень хорошо» на «скорее домой». Я был уверен, что Бритни снизила долю кислорода в дыхательной смеси, но она ответила, что это как попытка экономить воду: толку никакого и лишь прибавляет мучений. Если бы под конец вы спросили, как меня зовут, то не уверен, что смог бы ответить.

И все эти два километра Бритни подбадривала меня Эсфирью вперемежку с Джеком Лондоном. *Левая, правая. Встань. Иди. Снова встань. Мы или дойдем, или нет, но не сдавайся.* Теперь я знаю, что будет, когда перегнешь палку. Руки, ноги и даже живот постоянно сводило короткими злыми судорогами, из-за которых меня шатало. Предел действительно есть: для меня он наступил после очередного шага, когда все тело свело до полной неподвижности, и я лежал, не в силах глотнуть воздуха. Ужасная была бы смерть, если вообще есть иные варианты.

А потом я перебрался через вершину дюны и увидел парашют, распростертый передо мной наподобие маяка и слегка колышущийся под остатками ветра.

На несколько секунд это зрелище меня загипнотизировало. Потом до меня наконец-то дошло, что мне нужен вовсе не парашют… а… вот он, контейнер, лежит на боку в нескольких метрах от парашюта. За этим последовала бесконечная интерлюдия, когда я делал очередной шаг и гадал: как это получается, что я иду к контейнеру, а он не приближается? И неожиданно я оказался рядом с ним, пытаясь сообразить, что делать дальше.

— Воздух, — подсказала Бритни.

Да, конечно. Я тупо уставился на контейнер, потом догадался, что мне нужен люк. К счастью, он отыскался на другой стороне, а не внизу, потому что откопать его я уже не смог бы.

Внутри контейнера царил кавардак, но я успел забросить в него много баллонов с кислородом, а через две минуты отыскал один из них и заправил «шкуру». Следующими стали вода и пища, хотя с ними пришлось повозиться. Упаковок с пищей и водой обнаружилось много, но почти все они превратились в лед и камень. Наконец я отыскал несколько, не успевших замерзнуть, и употребил их по назначению, предварительно состыковав второй кислородный баллон с зарядным вентилем костюма.

«Все-таки дошел», — подумал я. А потом очень долго ни о чем не думал.

* * *

Проснувшись, я ощутил себя еще хуже, если такое возможно. Когда я попытался встать, ноги пронзила такая боль, что я не выдержал и закричал. В тот момент я бы точно отдал зуб из шуточек Бритни за хороший массаж. Черт, да я бы и саму Бритни за него отдал. Нет, неправда, уже не отдал бы, когда она начала зачитывать список неотложных дел.

— Погоди, — прервал ее я. — Я знаю, ты не можешь представить, что значит иметь тело, но неужели хотя бы в одной книге из моей развлекательной библиотеки не было намека на то, как мне сейчас паршиво?

— Ой…

Я сосредоточился на поиске способа встать, не прибегая к помощи ног.

— Сколько нам ждать спасателей?

Радио в контейнере нет, зато есть поисковый маячок. Ученые захотят получить свои припасы. Как знать, вдруг они уже в пути.

Не знаю, как можно наполнить тревогой лишенный тела голос, но Бритни с задачей справилась:

— Нас никто спасать не будет. Когда в Корабль попал метеорит, контейнер, наверное, изрешетило осколками. Судя по записям в его журнале, маяк сперва работал с перебоями, а через полчаса совсем вырубился.

— А они не могут отыскать контейнер так же, как это сделали мы?

— Мы хотя бы примерно знали, где искать. Но столкновение сбило нас с курса, поэтому у них нет никакой зацепки. Я и сама не могу сказать точно, где мы находимся, но не менее чем в пятистах километрах от их базы. Может, и в тысяче.

Настала моя очередь сказать «ой».

Ладно, раз я заставил тело двигаться, то и в самом деле пора заняться делами. И я не нуждался в подсказке Бритни, чтобы первым делом взяться за инвентаризацию всего, что у нас имелось.

Мои припасы беспорядочно валялись по всему контейнеру, весьма смахивая на мусорную кучу, оставленную в пустыне Мохава туристами-пофигистами. И наоборот, уложенный в контейнер груз располагался в аккуратно сложенных ящиках, заполнявших все доступное пространство, словно их специально для этого сделали. Разумеется, так оно и было. Упаковывай все плотно — вот корабельная мантра. Само собой, для меня тут места не осталось, поэтому пришлось вытащить много ящиков, благодаря при этом инженеров, которые плотно принайтовали каждый слой ящиков зажимами к стене. Идея тут проста — пока контейнер полон, груз не может сдвинуться, но зажимы недороги,

так почему бы не подстраховаться? Ура инженерам. Если бы не зажимы, мне пришлось бы выгружать из ящиков все, а на это, наверное, не хватило бы времени. А так я выбросил через люк два полных слоя ящиков, чтобы устроить себе уютное гнездышко. Вполне могло оказаться, что при этом я выкинул и нечто такое, что мне сейчас очень бы пригодилось — например, радио.

Бритни могла выяснить, что у нас есть (и что я выбросил, если бы захотел узнать). Но для этого мне было нужно включить грузовой манифест, расположенный в углубленной панели возле люка, чтобы она смогла поговорить с ним через рацию в костюме. Затем мне предстояло перекопать всю эту кучу в поисках воды и пищи, еще не успевших замерзнуть, и сделать все, что в моих силах, чтобы не дать им превратиться в ледышки.

Я точно знал, что как минимум одну полезную вещь мы потеряли. Когда я распахнул люк, и контейнер начал раскачиваться, я увидел, как наружу вылетел десятилитровый термос. Кое-что из других припасов, несомненно, последовало его примеру. Теперь я обнаружил, что все оставшиеся термосы разбились при ударе. Очевидно, они были рассчитаны на жесткую посадку не лучше чем я.

Упаковки с продуктами и небольшие бутылки уцелели, но в отличие от вакуума, очень хорошего изолятора, здешний плотный воздух изолятором никак не является, а в дорогие термоизолирующие ящики их не поместили. Короче говоря, теперь у меня имелось множество очень холодных кубиков льда, отличная коллекция замороженных продуктов и совсем немного воды, оставшейся в костюме с прошлой ночи. И еще запас воздуха на два месяца. Идеальный набор для медленной смерти.

— Надо растопить хотя бы немного воды и продуктов, — посоветовала Бритни.

Кто бы спорил.

— Предложения есть?

— Вообще-то, да. Открой третий ящик справа от тебя, с надписью ХРУПКОЕ, ОБРАЩАТЬСЯ ОСТОРОЖНО. Хотя не такой уж он и хрупкий. Во всяком случае, он или был хорошо упакован, или уже разбился.

Она явно наслаждалась таинственностью момента. При обычных обстоятельствах я велел бы ей сразу перейти к сути, но в тот момент это меня хоть немного, да развлекло — так почему бы ей не подыграть?

Не обращая внимания на протестующие ноги, я вытащил еще пару ящиков, тяжелых даже при слабой гравитации. Снаружи долгий день Титана понемногу клонился к закату. Внутри было еще темнее, но фонарь костюма продержится еще лишь несколько

часов, и я экономил его батареи, зная, что иначе их до рассвета не хватит.

Кроме ХРУПКОЕ на крышке ящика было написано еще что-то, но чтобы прочесть эту надпись, пришлось оттащить ящик к свету. Даже возле распахнутого люка она читалась с трудом. Но в названии производителя ошибиться было невозможно: «Братья Домингес, Лимитед».

Я долго смотрел на эту строку, боясь надеяться. Потом наконец расстегнул защелки и поднял крышку.

На губчатой подушке лежал фьюзор — реактор холодного термоядерного синтеза. Новенький, прямо с завода. Небольшой и портативный, чуть больше чемоданчика, но способный выработать больше энергии, чем мне когда-либо понадобится. Достаточно, чтобы добыть изо льда столько воды, сколько я за всю жизнь не выпью.

Я отыскал кнопку с пометкой «Техническое руководство» нажал ее и извлек фьюзор, пока Бритни осваивала руководство. В нижней части ящика обнаружился целый набор странных приспособлений — от кабелей и преобразователей напряжения до насадки, которая логичнее смотрелась бы на пылесосе.

— А где топливный бак? — поинтересовался я. Фьюзорам нужен водород. Реально его требуется немного, но ядерные катализаторы чрезвычайно неэффективны, и большая часть водорода попросту улетает. Его можно уловить и закачать в аппарат повторно, однако для этого должна иметься емкость для топлива.

— Этому фьюзору бак не нужен, — пояснила Бритни. — Это модель, сделанная на заказ, она может работать на любом газе, содержащем не менее нескольких сотых процента водорода. Очень круто.

— Замечательно. Однако… — Атмосферы на Титане сколько угодно, но водорода в существенных количествах в ней нет. В основном она состоит из азота, есть также метан и… — Ой.

— Правильно, — согласилась Бритни. Будь у нее лицо, она бы сейчас улыбалась, как и я. — В метане водорода достаточно, чтобы эта штуковина работала. — Она замолчала, а я мысленно снял шляпу перед молекулами водорода в метане. — Погоди-ка. Надо кое-что уточнить. Извини. Руководство огромное, а твой костюм не разработан для приема такого количества информации. Это все равно что пытаться перелить океан данных через воронку. — Долгая пауза. — Наверное, это примерно и означает быть человеком. Иногда не могу представить, как вы с этим справляетесь. — Еще одна пауза. — О черт! Вот гадство!

— Бритни…

— Извини. Поверить не могу. Эта штуковина будет прекрасно работать в атмосфере Титана. Но для запуска ей нужен более богатый источник водорода. Черт, черт, черт! Хватило бы баллончика с водородом или немного любой жидкости, содержащей водород, но ничего такого в манифесте контейнера не значится. Если бы мы отыскали еще одно озеро, то у нас бы все получилось, но озер поблизости я не вижу. Фьюзору нужна вода. Жидкая вода.

— Сколько?

— Примерно стакан.

— А если я в него помочусь? — В емкости для отходов у меня уже накопилось как минимум столько.

— Неплохая идея, но натрий отравит катализаторы. И даже не думай снять шлем и попытаться вылить в фьюзор оставшуюся воду. Тебе не выжить.

Другими словами, я держал в руках устройство, способное растопить сколько угодно воды, но только при условии, что у меня уже есть немного воды для его запуска. Подобный тупиковый вариант даже как-то назывался, но я не помнил, как именно.

Но Бритни этого не забыла.

— Идеальная «Уловка-22», — сказала она.

* * *

Несколько минут спустя я сидел посреди кучи всякой всячины, обнимая бесполезный фьюзор, а Бритни читала вслух грузовой манифест. В списке припасов отыскался даже пузырек аспирина, от которого я бы сейчас не отказался.

— В инструкции по эксплуатации к твоему костюму написано, что клапан загрузки пищи рассчитан на прием шариков диаметром до девятнадцати миллиметров, — проинформировала Бритни, когда я высказал свое пожелание. — Так что аспирин пролезет.

Я даже рассмеялся. Если поверить ребятам, писавшим эту инструкцию, то воспользоваться этим клапаном будет так же просто, как накормить кроликов.

— Бутылочке понадобится инъекционная насадка, чтобы попасть в клапан, — пояснил я. — А это наверняка обычная аптечная упаковка.

— Несомненно, еще и в комплекте со специальной крышкой, которую не могут открыть дети.

Бритни забубнила дальше. В списке были сотни, если не

тысячи позиций, и я прислушивался к ней вполуха. Впрочем, я также не хотел, чтобы она смолкла. Наверное, это еще один вариант на тему того, что разговор есть жизнь: ковыряние в носу перед лицом сил внешнего мрака, который с каждой секундой превращался во все более буквальную реальность. Или, может быть, мы с Бритни встретились посередине. В любом случае, ее голос меня успокаивал. Пока я способен его слышать, я жив. А когда не смогу, буду мертв. Или как минимум одинок. Никогда прежде не боялся одиночества. Или боялся? Может быть, мои долгие поиски одиночества были чем-то наподобие восхищения загадкой «еще одного шага» — другой формой расширения пределов возможного. Может быть, именно поэтому я приобрел Бритни — потому что обладание искином есть отличный способ не быть одиноким, сохраняя при этом иллюзию одиночества. А потом она стала разумной и все испортила.

Или, может быть, я опять слишком расфилософствовался. Пожалуй, надо бы поговорить с Бритни о подобных вещах, а не слушать, как она зачитывает бесконечный список бесполезных предметов. Если не считать энергии, у меня имелось все необходимое, чтобы оснастить жилище на одного, но контейнер будет трудно в него превратить, даже если я пожелаю проторчать здесь до конца жизни наподобие пустынного Робинзона Крузо. Начнем с того, что контейнер был дырявый, как решето. Его специально таким изготовили, чтобы уравнивать давление внутри с давлением снаружи и сделать из максимально легких материалов. Даже если я и ухитрюсь его герметизировать, то в нем нет воздушного шлюза, а это означает, что я никогда больше не смогу выйти из него.

Бритни продолжала зачитывать список, вероятно, не внимательнее, чем я ее слушал. При отсутствии голосовых связок и наличии разума, способного легко делать два дела одновременно, она могла проделывать такое на автопилоте и при этом не скучать и не уставать.

Она как раз закончила список оборудования для гидропоники, что, вероятно, и натолкнуло меня на мысль о жилищах. Теперь она переключилась на список особых продуктов, по большей части специй и ароматизаторов. Покончив с простейшими (соль, перец, тмин, орегано), она принялась за экзотические (анчоусный порошок, ванильно-коньячная отдушка, экстракт поджаренного перца, концентрат лайма, порошок манго-мартини), и я уже собирался прервать ее вопросом, много ли философских книг она прочла во время ночных бдений, как вдруг нечто в этом перечне щекотнуло парочку моих нейронов, сохранивших остатки бдительности.

— А зачем нам закачивать метан в реактор? — вопросил я. — Почему бы его не зажечь?

— Потому что в воздухе нет… — Я вновь пожелал бы увидеть выражение ее лица — если бы у нее имелось лицо. — Ну, конечно! Правильно! Ух, ты! А ведь может получиться.

— Почему бы и нет? Кислорода у нас много. Надо лишь открыть кран на баллоне и сжечь кислород в атмосфере метана. Как в газовой горелке, только наоборот. Ведь все, что нам нужно — растопить немного воды, чтобы запустить фьюзор.

Само собой, все не так просто. Во-первых, у нас нет спичек. Обычно пламя в космосе ни к чему хорошему не приводит.

— Зато у нас есть много приборов, работающих на батареях, — напомнила Бритни, — так что получить искру будет легко. Главная проблема в том, что атмосфера здесь в основном из азота. А НПВ для метана от четырех до пяти процентов, но точной цифры у меня нет. Надо было загрузить побольше сведений по химии.

— НПВ?

— Нижний порог воспламенения. Это наинизшая концентрация газа, при которой он загорается. Средняя концентрация метана в атмосфере Титана около двух процентов, а это слишком мало, зато он может конденсироваться на поверхности, как роса или туман. Пятьдесят на пятьдесят, что такой концентрации хватит.

* * *

Скорее всего, максимальная метановая «влажность» на Титане будет поздно ночью. К сожалению, ночь здесь тянется целых восемь дней, а у меня слишком мало воды, чтобы столько протянуть. Поэтому два часа спустя я отправился в первую из двух вылазок, волоча за собой через дюны фьюзор и кое-какое оборудование.

Мы находились на стороне Титана, обращенной к Сатурну, поэтому мрак был не полным. Но все же за пределами пятна света от моего фонаря я едва мог разглядеть, куда иду. Впрочем, я отыскал гирокомпас и парочку других навигационных приборов, и Бритни была уверена, что мы не заблудимся.

Большую часть предшествующих двух часов я проспал. Остальное время с помощью Бритни я провел, копаясь в оборудовании. Изготовление искровой зажигалки свелось к поиску прибора, имеющего достаточно мощную батарею. Я не мог приварить провода к клеммам батареи, но если сниму наружные

перчатки костюма, то смогу одной рукой удерживать на месте провода, а второй — соединять их вторые концы. Одной из причин, почему я приобрел «шкуру», как раз и было то, что она позволяла такое проделывать, хотя действовать мне придется быстро, чтобы не отморозить пальцы.

Бритни также отыскала самую обычную кастрюлю, и я обмотал ее верх и бока вакуумной изоляцией. Я даже сделал для нее подставку и защитный экран, чтобы ее не опрокинул медленный, но плотный ветер.

Наибольшей концентрации метан должен достигать у выхода какого-нибудь ущелья, пересекающего возвышенность, где после каждого «наводнения» жидкость должна впитываться в грунт. Если нам повезет, остатки жидкости еще могут обнаружиться в грунте, откуда она будет медленно испаряться. Даже небольшое количество лишнего метана в воздухе может стать решающим фактором, чтобы добыть огонь.

До дюн было около двух километров, но путь казался длиннее. Надеясь избежать его, я настоял на том, чтобы сперва попробовать разжечь костер возле контейнера. Искру я получил хорошую, но без пламени, даже когда попытался поджечь упаковочный материал из коробки с фьюзором. Само собой, в материал были добавлены вещества-пламегасители. Высушенные в вакууме продукты, скорее всего, оказались бы более горючими, но их я тоже не сумел поджечь, хотя и добился интересного мини-взрыва, направив струю кислорода на молотый перец. Я был готов испробовать комбинацию из перца и чего-нибудь более легкого и волокнистого, наподобие орегано, но Бритни твердо заявила, что эта мысль занимает одну из верхних строк в списке очень плохих идей. В конце концов я позволил себя убедить, что мы или будем поджигать метан, или не поджигать ничего. Я сожалел лишь, что не смогу перетащить все необходимое за одну ходку. Если ничего не получится, то может, я лучше останусь там помирать, чем тащиться обратно. И даже задумался над тем, что хуже — задохнуться или умереть от жажды.

Промоина на склоне расходилась перед дюнами веером ответвлений, напоминая ту, по которой я поднимался… когда же это было? Вряд ли более двух земных дней назад, а кажется, будто прошла целая жизнь.

Бритни указала на широкий и плоский участок, где я и распаковал оборудование, чувствуя себя так, словно готовился к самому морозному пикнику в истории. Зато Бритни была полна оптимизма.

— Первый зонд сел на Титан примерно в таком же месте, — сообщила она, — и обнаружил много метана. — У нее также

нашелся практический совет. — Прежде чем начнешь, разрыхли грунт — на тот случай, если здесь есть корочка, удерживающая метан под поверхностью. Может, это и не нужно, но не помешает.

Вообще-то лично мне помешает, но не в том смысле, какой она имела в виду. Стиснув зубы, чтобы преодолеть сопротивление измученных мышц, я принялся долбить пяткой грунт, проделывая в нем борозды и мечтая о лопате, мотыге или хотя бы ломе, которых в контейнере не нашлось.

— Возьми кислородный баллон, — посоветовала Бритни. — Они гораздо тверже твоей ноги.

Еще недавно в таком совете четко угадывалось бы слово «болван», но сейчас я не различил ничего подобного.

— Хорошая идея.

Несколько минут спустя я закончил долбить перекрестные борозды с наветренной стороны от моей импровизированной печки. Настало время выбить искру и посмотреть, что получится.

Неожиданно мне захотелось оттянуть этот момент. Все шансы были за то, что если фокус не сработает, я обречен. Но и задержка эти шансы уменьшала. Если в почве есть дополнительный метан, то он сейчас испарялся. Поэтому я повернул кран на баллоне, стянул наружные перчатки и взял самодельную искровую зажигалку.

— Ну, за Эсфирь, — сказал я.

Вспыхнуло пламя, превратившись в нечто похожее на пустотелую свечу, и погасло.

— Слишком сильная струя кислорода, — решила Бритни. — Тебе не нужно много, иначе он попросту разбавляет метан ниже порога воспламенения.

Я уменьшил поток и попробовал снова. Опять пустотелое пламя, но на сей раз стабильное. Я еще больше убавил кислород, и пламя уменьшилось, но стало ярче.

— И за Джека Лондона, — сказала Бритни, и я знал, что она говорит не о «шаге за шагом», а о триумфе древнейшего орудия человечества, пылающего перед нами.

* * *

Растапливание воды для фьюзора было процессом скучным и одновременно тревожным — отчасти из-за того, что мне пришлось надеть наружные перчатки, спасаясь от мороза. Искровая зажигалка была единственным инструментом, с которым я никак не мог управляться, надев перчатки, но это вовсе не значило, что все остальное было простым. Впрочем, основной

проблемой стало не дать растопленной воде снова замерзнуть. Но вакуумная изоляция оказалась хорошим материалом, особенно когда я научился подавлять желание через каждые несколько минут поднимать крышку и проверять, как идут дела.

Самым напряженным стал момент, когда я залил драгоценную жидкость в фьюзор. Устройство было разработано так, чтобы запускаться вне помещения, и имело хорошую термоизоляцию, но здесь было холодно, как в аду, а я даже не представлял, как мне растопить залитую воду, если она замерзнет внутри. Но изоляция оказалась действительно хорошей. Через пять минут я присоединил к входному отверстию воронку-насадку, и фьюзор заработал на атмосферных газах.

* * *

Холодный термоядерный синтез — название несколько неудачное: запущенный на достаточную мощность фьюзор превращается в отличный обогреватель. Но изображать плиту он не предназначен, особенно при таких условиях. Тратить же кислород на растапливание льда в моей печке попросту глупо. Теперь, имея неограниченный источник электричества, я мог запустить прямо в контейнере всевозможное оборудование для растапливания льда, включая дистиллятор, предназначенный для добычи воды непосредственно из местного песка или гравия. Какое счастье, что хотя бы он не оказался в одном из тех ящиков, которые я выбросил.

Теперь моей главной проблемой стал воздух. Теоретически, энергии мне хватало, чтобы добывать кислород электролизом местной воды, но остаток той долгой ночи мы с Бритни провели, придумывая все более безнадежные схемы улавливания этого кислорода и закачивания его в мою «шкуру». Итог оказался суров: когда мой запас воздуха кончится, я умру. А до этого я могу или ждать, пока меня найдут, или идти.

Паршивый выбор. Проблема с ожиданием сводилась к тому, что меня вряд ли кто-нибудь ищет. Я стану далеко не первым бесследно исчезнувшим астронавтом — а что вы хотите, когда несчастье случается настолько быстро, что уже некогда позвать на помощь? Но чтобы уйти, мне нужно много пищи, воды и воздуха, плюс фьюзор, плюс дистиллятор, плюс… Короче, я никак не мог пройти сотни километров, волоча запасы, необходимые, чтобы преодолеть сотни километров. Головоломка старинная, но от этого не менее разочаровывающая. Реально мне требовалась вьючная лошадь, которых поблизости не наблюдалось — хотя мне

понравилась идея о лошади в «шкуре».

Когда тебе грозит отсроченная смерть, граница между отчаянием и глупостью становится совсем тонкой.

* * *

Сейчас я слишком измотан для долгой прогулки. Давным-давно я пробегал марафонские дистанции, и после них мышцы болели несколько дней, а вялость растягивалась на недели. А теперь мне было еще хуже, и это плохая новость, потому что я не могу долго приходить в себя.

Одновременно у меня развилась повышенная раздражительность. Я полагал, что пилотирование буксира приучило меня к долгому ожиданию, но сидение в контейнере оказалось совсем иным. В корабле я мог видеть звезды. Даже когда я просто дрейфовал, оставалось чувство, что я куда-то направляюсь. А теперь все очень уж напоминало последние мгновения жизни моих родителей, с той лишь разницей, что у меня имелось гораздо больше времени на размышления о собственной кончине. Примерно то же они испытали бы, если бы наблюдали происходящее с ними, измеряя время фемтосекундами.

Для Британи все было еще хуже, потому что она лишилась корабельной библиотеки и прочей информации, которую ей могли переслать по направленному лучу из любой библиотеки Системы. Здесь она могла читать только технические руководства. В одном из ящиков нашлась упаковка развлекательных чипов, но если к ним и имелся проигрыватель, то в перечне он не значился.

Вместо того, чтобы придумывать бесполезные схемы выживания, она практиковалась в недавно обретенном молчании. Размышляла? Впала в депрессию? Или ей просто скучно? Нам нечем было заняться до рассвета, когда мы надеялись рассчитать, далеко ли до базы ученых, определив положение восходящего солнца. Может, ее догадка ошибочна, и до базы всего пара сотен километров. А такое расстояние я смогу пройти даже по песку.

Пока тянулась ночь, я переделал очки с усилителем изображения, приспособив их под шлем моего костюма, добавив к ним голографический проектор, позволяющий Британи показывать мне изображения. Я даже откопал и подключил для нее все телеметрические приборы, совместимые с моим костюмом. Она и теперь не могла считывать мои медицинские показатели, зато получила возможность осматриваться в собственных диапазонах

длин волн, как видимых для меня, так и нет. Один из найденных датчиков позволит ей увидеть восходящее солнце достаточно хорошо, чтобы определить точный момент восхода. Имея это значение и азимут, она надеялась точно определить наше местонахождение, отыскав криовулкан на карте.

— Ты умеешь засыпать или что-то в этом роде? — спросил я. До того как стать разумной, она могла перейти в режим ожидания, но когда я потом впервые попытался его включить, то услышал такие протестующие вопли, что им позавидовал бы любой подросток. Я никогда больше не повторял такой попытки, но не исключено, что она могла сделать нечто похожее самостоятельно.

— А вдруг я пропущу что-то важное?

— И что, например? Спасение? Как на нас упадет метеорит? — Пожалуй, вероятность обоих событий была велика. — Придумай себе кодовое слово, и я смогу тебя разбудить.

Она долго молчала.

— Нет. Если станет слишком скучно, то я всегда смогу попытаться обыграть себя в шахматы. Или посмотреть видео в реальном времени. Я скачала несколько записей с Корабля на всякий случай.

* * *

Наконец снаружи начало светлеть. До рассвета оставалась еще целая вечность, но пропустить восход стало бы непростительной ошибкой, потому что у нас не нашлось ничего, даже близко похожего на секстант, а мы просто обязаны были поймать солнце над горизонтом. Поэтому я заправил костюм, убедился, что фьюзор доволен и ни в чем не нуждается, и направился к ближайшей дюне — к счастью, гораздо менее крутой и высокой, чем та, первая.

— «Я должен выйти в море опять, в одинокость стихии свободной», — проговорила Бритни, когда мы тронулись в путь. — Только в нашем случае моря состоят из ледяной крошки, и нам надо не выходить, а подниматься.

— Что?

— Это литературная цитата. — Она секунду помолчала. — Зачем тебе понадобились все эти книги в библиотеке Корабля? Ты все равно их не читал.

— Затем, что бесплатно. — Почему я вообще оправдываюсь? Я ведь прекрасно знал, что она проводила в библиотеке гораздо

больше времени, чем я. Наверное, для нее это было несколько лишних фемтосекунд, потраченных во время долгой ночной вахты. Мне пришлось ограничить ее бюджет на скачивание книг через систему дальней связи, иначе она меня бы разорила. Теперь я засомневался, что поступал правильно. Она могла занять себя и множеством других способов.

Бритни все еще размышляла о поэзии:

— Следующие строки и вовсе знаменитые. «И все, что мне нужно — высокий корабль, и свет звезды путеводной».[9] Вполне для нас подходит, если считать Солнце звездой.

— Но у нас больше нет корабля. — Ни высокого, ни какого-либо другого.

— Что ж, нет в мире совершенства.

Я поднялся на вершину дюны и уселся лицом на восток.

— Знаешь, — предложила Бритни, — мы можем вместе посмотреть фильм или даже почитать книгу. Я могу спроецировать те, что скачала. Лучшие из них такие же, как про Эсфирь.

— Что, фаталистичные? — Этого мне только не хватало.

— Скорее, снимающие тревогу. Но это не то, что я имела в виду. Я прочла целую кучу книг на библейские темы, и очень многие полагают, что в реальности никакой Эсфирь не существовало. Но что интересно, для тех, кто писал про нее, это не имеет значения. Это наподобие Джека Лондона. Выдумка, но правдивая. — Долгая пауза. — Нечто вроде тебя.

— Как это? — Не уверен, что мне хотелось это знать.

Она снова ответила не сразу, и я задумался, уж не сожалеет ли она о таком выводе.

— Это трудно объяснить, — произнесла она наконец. — В тебе таится гораздо больше, чем ты желаешь показать. Это как поэзия. Ты отправляешься во все эти пустынные, безлюдные и прекрасные места — а затем пытаешься спрятать свою душу, словно боишься той силы, которая в ней заключена. Не могу выразить это лучше. Наилучшие поэмы, фильмы, книги и музыка такие же. Ты, очевидно, в молодости их читал, смотрел и слушал, поэтому знаешь, о чем я говорю. Они заставляют твою душу страдать, но это сладкая мука, и я лучше умру здесь, страдая, чем никогда не познав ее. Об этом есть такие строки… — Она внезапно смолкла. — Проклятье… — И потом долго молчала, пока небо на востоке превращалось из темно-оранжевого в светло-оранжевое.

Но мне оно и теперь казалось небом в аду.

* * *

Прошел еще час, пока рассвет медленно полз вперед. На кошачьих лапках? Или это про туман? Бритни была права. Я все это читал, видел и слушал. А потом сбежал от этого и от всего остального, и оно оказалось в моей библиотеке только потому, что входило в стандартный развлекательный пакет.

На сей раз молчание прервал я:

— Почему ты женщина?

До того как стать разумной, она перепробовала много интерфейсов, меняя возраст и пол, но персоны Бритни среди них не было.

— А почему ты мужчина?

— Ну, это легкий вопрос. Икс-хромосома и игрек-хромосома. Просто так получилось.

— Вот и я думаю, что со мной тоже так получилось. Может, по чистой случайности. Может, я как-то отреагировала на то, каким способом оказалась создана. А может, просто играю в твою противоположность.

— А если бы ты имела тело, то какой бы приняла облик? — Прежде я ее ни о чем подобном не спрашивал. Никогда не хотел, чтобы она была настолько человеком. — Выбери себе аватар и покажи.

После долгого ожидания я увидел картинку. Блондинка. Голубые глаза. Волосы собраны в хвостик. По-спортивному подтянутая, но немного напоминает старшеклассницу. Словом, хорошая девочка с хорошим поведением.

— Ты именно так видишь себя или хочешь, чтобы я такой тебя представлял?

— Не знаю. Иногда я героиня одной из книг. Иногда физик-теоретик. У меня нет такого своего образа, который разговаривал бы с тобой. Если этот тебе не нравится, то как насчет такого? — Блондинка исчезла, сменившись смуглой брюнеткой в блестящих бусах и чисто символическом бикини.

Я видел много подобных женщин, а с некоторыми был знаком. Кое у кого из них даже имелись мозги. Но они не были Бритни. Наши отношения были достаточно странными и без этих картинок. Бритни была моей дочерью, протеже, наставницей и спутницей жизни — и все это одновременно. Я бы страдал, если бы она не была привлекательной, и ревновал, если бы была. Явная проигрышная ситуация.

— Скверная идея, — прокомментировал я.

* * *

Наконец солнце выглянуло из-за горизонта. Во всяком случае, так сказала Бритни. Я так ничего и не увидел.

— Ну, какие у нас плохие новости?

— Хуже, чем я надеялась. Восемьсот сорок пять километров, плюс-минус пятнадцать. И, если не собьешься с пути, первые семьсот надо пройти по песку.

— Погано.

— Ага. Хорошая новость в том, что отыскать базу будет легко. Ее окрестности очень подробно нанесены на карту.

На Земле, если тебе каждые несколько дней будут сбрасывать припасы, на такое путешествие уйдет месяц, если не больше. Мне же понадобится так много снаряжения, что я, пожалуй, не пройду и километра. А если стану тащить все эти припасы по частям, бегая вперед-назад, то воздух у меня кончится, когда я преодолею лишь малую часть пути. Но разве у меня есть другие варианты? Если я пойду к базе, у меня хотя бы появится надежда. И еще у меня есть компаньон, вместе с которым можно хоть что-то сделать, а не стоять, глядя, как на тебя падают осколки.

Я неожиданно понял, почему запнулась Бритни, когда подыскивала аналогию. Потому что подумала о любви и утратах… и что лучше взяться за руки перед лицом смерти, чем встретить ее в одиночку.

Вот и получается, что, несмотря на все мои попытки этого избежать, я нашел того, кого смогу взять за руку. Просто у нее не было рук. Вместо них она предложила мне картинки.

* * *

Наверное, мне следовало бы вернуться к контейнеру и сразу начать упаковывать вещи. Но я продолжал сидеть, отчасти жалея себя, отчасти растягивая последние секунды бездеятельности, повторить которые мне, возможно, уже будет не суждено.

Порыв ветра дернул парашют, все еще присоединенный к контейнеру. Я похлопал руками по песку, вызывая миниатюрные лавины и вспоминая дюны Келсо. Перед смертью я, наверное, попробую заставить и эти дюны зазвучать. Бритни была права: я убегал от многого, в том числе от собственной души. А может быть, много лет назад я так и оставил ее в тех песках.

Я подбросил горсть песка и посмотрел, как ее рассеивает ветер, вновь думая о том, что надо вставать и изобретать способ превращения себя в собственную вьючную лошадь. Но меня удерживала инерция. Сидя здесь, я тратил мало кислорода. Жалость к себе проходила, сменяясь умиротворенностью, какой я

не испытывал уже очень давно. Есть нечто успокаивающее в зрелище песка, гонимого ветром.

Моя дюна была частью гребня, тянувшегося, насколько я мог видеть, более или менее в направлении исследовательской базы. По словам Бритни, непрекращающийся ветер на Титане был следствием притяжения Сатурна, гнавшего в его атмосфере своеобразную приливную волну. Не такой уж он был и сильный, но при слабой гравитации и плотном воздухе его вполне хватало, чтобы выстроить дюны в длинные «вельветовые» гребни — достаточно широкие и тянущиеся на большую часть пути до исследовательской базы. Достаточно широкие…

Идея начала обретать форму.

— Бритни, — поинтересовался я. — Что ты знаешь о катании на досках по песку?

* * *

Как выяснилось, знала она немного, но идею ухватила быстро. И все же миновало еще почти семьдесят два часа, прежде чем мы оказались готовы отправиться в путь, и нам никогда бы это не удалось без фьюзора и снаряжения из контейнера.

Наилучшим строительным материалом оказались ящики, которые я разрезал на полосы электрическим резаком. Бритни разработала «пескодинамичный» дизайн, к которому я добавил румпель и полосу на днище наподобие киля, что давало нам возможность идти галсами — хотя, по ее мнению, если ветер окажется встречным, будет проще его переждать, оставаясь на месте.

— По большей части ветер будет дуть или сзади, или слегка по правому борту, — сообщила она тоном старого морского волка. — А я спроектировала сани для максимальной эффективности при таком способе передвижения под парусом.

Главной ее заботой было трение. Теоретически, мне следовало бы чем-нибудь смазать днище, но если и имелся способ изготовить смазочный состав из перцового экстракта и концентрата лайма, нам он не был известен.

— Используй доски разной толщины, — посоветовала Бритни. — Парусов у нас избыток, и мы почти все время будем двигаться вдоль гребней, а не пересекать их. Лишний вес тут не имеет значения.

Затем я извлек из стен контейнера несколько зажимов, чтобы оснастить наши сани ящиками для груза. В одном из них я проделал дыру и пропустил сквозь нее шноркель для фьюзора,

набил оставшееся место припасами и настроил фьюзор так, чтобы его избыточное тепло не давало припасам замерзнуть. В другие ящики я сложил запас кислорода, дистиллятор, инструменты и все прочее, что могло нам понадобиться. Чипы с фильмами я тоже прихватил. У ученых на базе есть проигрыватель, и Бритни станет не единственной, кто оценит такой подарок.

Затем, пустив в ход ремни, вырезанные из чьей-то очень дорогой «шкуры», я смастерил из них нечто вроде плетеного стула, подарив себе возможность поспать, пока Бритни будет у руля.

После этого нам осталось лишь заняться полотнищами и сервомоторами, а также запасными электрокабелями на тот случай, если кабели, ведущие от фьюзора к моторам, оборвутся. При необходимости я мог бы управлять парусами и вручную, но тогда нам пришлось бы останавливаться, когда мне понадобится выспаться.

Наконец пришло время отчаливать. При установке парусов возник момент, когда я испугался, что сани отправятся в путь без меня. Реальной опасности не было — Бритни могла управлять сервомоторами по радио, да и ветер был легким. Но все же поволноваться мне пришлось.

План был таков: я почти все время провожу в санях, отдыхаю, экономлю кислород и отправляюсь размяться, лишь когда мне надоедает сидеть или когда надо облегчить сани, чтобы перевалить через большую дюну.

Мы стартовали по лощине между дюнами, затем медленно поднялись по склону, чтобы поймать сильный ветер на гребне. Обернувшись, я увидел серебристый корпус контейнера, окруженный разбросанным оборудованием и кусками упаковочных ящиков. Да, очень по-людски оставлять за собой такой беспорядок. Пусть это и был для меня «дом вдали от дома», все же я с облегчением бросил на него прощальный взгляд. Интересно, как быстро песок его скроет?

А потом мы оказались на гребне.

— Ух ты! — воскликнула Бритни, поиграв сервомоторами. — Два километра в час. Если только мы не попадем в очередную бурю, быстрее этот кораблик вряд ли поплывет.

При такой скорости у нас уйдет почти два местных дня, чтобы пересечь дюны. А если ветер переменится, то и дольше. Целый земной месяц. А потом еще несколько дней пешком. К тому времени я хотя бы избавлюсь от большей части снаряжения. И с помощью резака даже смогу изготовить нечто вроде рюкзака из кусков паруса, чтобы нести все необходимое. Тогда за плечами у меня и Бритни уже окажется месячное путешествие через пески.

Я уселся на стул, наблюдая, как ветер наполняет паруса. Доберемся ли мы? Впервые шансы стали в нашу пользу, и я ничего больше не могу сделать, чтобы перетасовать колоду получше. Не говоря уже о том, что при любом итоге мы сейчас делаем то, чего до нас не пытался сделать никто. А часто ли вам выпадает возможность сказать такое?

При нормальной силе тяжести сиденье оказалось бы неудобным, но здесь ремни поглощали толчки и виляние саней, превращая их в плавное, почти гипнотическое покачивание. Пусть не идеально, но вполне терпимо.

На гребне дюны Бритни слегка изменила курс, чтобы следовать вдоль равнины, а не пересекать ее. Блинчатый купол позади нас превратился в оранжево-черную массу, уже заметно отдалившуюся. Дюны впереди растворялись за горизонтом.

Я откинулся на спинку, размышляя об огромных расстояниях. О разнице между уединением и открытым пространством, между одиночеством и тем, когда ты один.

— Ты много фильмов скачала из Корабля? — поинтересовался я. — Выбери какой-нибудь и покажи. — Я потянулся, стараясь устроиться как можно удобнее. — Только чтобы фильм был хороший.

Дюна под нами загудела.

Этот звук не очень-то напоминал гобой, но меня и такой вполне устраивал.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Richard A. Lovett. The Sands of Titan. 2007. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2007 г.

Александр Бачило, Игорь Ткаченко
КРАСНЫЙ ГИГАНТ

Каурый Черт, плохо кованый, полумертвый от усталости и бескормицы, заметно припадал на левую заднюю, но честно тянул разбитую подводу в гору.

— Сгубили коня, — вздыхал ездовой тяжелой батареи Алексеев. — Где ж это видано — кровного аргамака с-под седла да в оглобли!

Алексеев шел рядом с подводой, изредка «деликатно» встряхивая поводьями. Погонять Черта было ни к чему. Конь и так исходил паром, скользил сбитыми копытами по заиндевелым голышам, но от колонны не отставал. Выучка. Ходил этот конь под седлом еще третьего дня, носил молодого полковника Плошкина по длинной, как дорожка ипподрома, Арабатской стрелке. Да как носил! Коршуном налетал на серые шинели, что звались отчего-то красными, сбивал грудью, пропускал только справа — под шашку азартного в бою полковника. Ходил в атаку

лавой на злых кобылиц, посадивших себе на спины людей с длинными пиками. «Ну, пронеси, Господи!» — кричал Плошкин, и Черт проносил его меж пиками в самую кобылиную гущу, и летели под копыта островерхие шлемы… А вот от красных пулеметов не унес. Обожгло обоих — коня и седока; Черта больно укусил свинцовый овод в ногу, а полковника — не больно, в голову. Лежит теперь Плошкин на мерзлом песке и глядит мертвыми глазами на мертвую зыбь Азовского моря, а раненый Черт тащит подводу с ранеными к берегу моря Черного. Жилы рвет конь, торопится вслед за колонной на трясущихся тонких ногах и словно бы уже и сам понимает, что к смерти своей спешит. На корабль ведь не возьмут, да и красным не оставят. Не скакать ему по степям лихим сумасшедшим галопом, как вон тот резвый да сытый полуэскадрон, что грохочет копытами навстречу!

Один из раненых откинул шинель, приподнялся на локтях.

— Что там, Алексеев?

— Разведка прибегла, — сказал ездовой, — должно, с Феодосии… Разведчики, огибая колонну, взрыли придорожную грязь, чуть прикрытую ледком, и осадили у коляски командира дивизии. Один из них спешился, откинув башлык, приложил ладонь к козырьку измятой фуражки, тяжело шагнул на дорогу. Коляска остановилась, а вслед за ней и вся колонна, не дожидаясь приказа, встала. Еще не слыша доклада, все уже почуяли недоброе.

— Ваше превосходительство! Суда из Феодосии ушли, — негромко произнес разведчик.

— Ушли! — разом колыхнулась дивизия, вся, от передового дозора до обозного аргамака Черта.

— Ушли без нас!

— Что за черт?! Этого не может быть!

— Бросили! А как же штаб фронта?

— Драпанул к чертям собачьим!

— Какого черта?!

— Да стой ты, не дергай! — прикрикнул Алексеев на Черта, слышавшего свое имя со всех сторон.

— Сволочи! — раненый повалился на дно подводы и закрылся шинелью с головой.

— Красные идут от Керчи, — продолжал докладывать разведчик, ротмистр Климович. — Возможно, они уже в Феодосии. Нам остается только Коктебельская бухта. Там могли остаться суда.

— Разве что чудом, — в мрачной задумчивости произнес генерал Суханов.

Он вынул из кармана вскрытый конверт с приказом на

эвакуацию.

— По планам Генштаба — ни черта там нет…

— Я отрядил фелюгу из Феодосии, чтобы прошла морем до Судака. Если где-то на рейде еще есть корабли, их направят в Коктебель. На фелюге пулемет. — Климович сделал шаг к коляске, взялся за поручень и сказал совсем тихо: — Петр Арсентьевич! Коктебель — это последний шанс! А планы Генерального штаба… — он сморщился, будто хватил кислого, — нижним чинам на курево раздать… В порту о планах никто и не слыхал, осмелюсь доложить. Там, говорят, такое творилось… Генерала Осташко на трапе убили. Женщин бросали за борт…

…Через два часа колонна повернула на Коктебель. У перекрестка дорог на обочине осталась лишь развалившаяся подвода да труп лошади. Когда колесо подломилось, Черт не удержался и упал, храпя и захлебываясь пеной. Подняться уже не смог. Алексееву пришлось его пристрелить…

— Видите вон тот домик с белой трубой? Где аистиное гнездо…

— Ну? — поручик Грызлов взялся за винтовку, впился глазами в черные жиденькие кущи, над которыми кое-где поднимались крыши коктебельских домиков.

— Мы жили там чуть не каждое лето, — вздохнул юнкер Фогель, — с сестрой и с тетками.

Поручик плюнул и снова улегся на солому.

— Нашел время теток вспоминать! Ты еще дядьку вспомни!

— А какие там сливы были в саду! — продолжал Фогель мечтательно, — и шелковица, и урюк, и даже персики!

— Борща бы сейчас… — пробормотал Грызлов, поднимая воротник шинели, — что-то смена не идет…

— Вот у меня в Мелитополе была тетка, — прапорщик Шабалин перевернулся на спину, заложил руки за голову, — такой, доложу я вам, персик! Если б не путался под ногами дядька, так я бы…

— Дядя к нам тоже приезжал! — сказал юнкер. — У него в Севастополе была яхта, и он катал нас до Судака и обратно.

Все трое, не сговариваясь, повернулись к морю. Узкое корытце бухты от вытянутого Хамелеона до вихрастой громады Карадага заполнял серый, подернутый пенкой бульон, в котором не плавало ни единой съедобной крохи — пароходика или баржи.

— Яхта… — проскрежетал поручик. — Где она, та яхта? Помолчали. Что тут скажешь? Не появятся суда, и придется хлебать этот бульон до смертной сытости…

— М-да, — задумчиво произнес Шабалин. — Белеет парус

одинокий… зачем-то в море голубом. Что ищет он в стране далекой, черт бы его побрал, когда он нужен позарез?

— Разве это море? — Грызлов обиженно дернул плечом и отвернулся от бухты. — Вот в Палермо, действительно, море. Яшмового цвета!

— Неужели они не придут? — прошептал юнкер Фогель. — Не может этого быть!

— Под ним струя светлей лазури. От страху, видно, напустил… — продекламировал Шабалин.

— Да ну тебя, в самом деле! — вспыхнул юнкер. — Я за дивизию переживаю, за раненых! Одно дело драться, когда прикрываешь отход своих, а другое дело так — без позиции, без надежды… Пока всех не перебьют.

— Да, позиция, конечно… — прокряхтел поручик, устраиваясь поудобнее на соломе. — Всё перегруппировывались! Последним стратегическим шедевром русской армии будет план обороны Карадага…

Фогель впился несчастными глазами в каменную громаду, будто понял вдруг: забавный петушиный гребень из его детства все эти годы готовил страшную казнь…

— Ну, кхм, мы еще повоюем… — он покашлял, закрывшись рукавом, свирепо потерся лбом о сукно. — Патронов, жаль, маловато…

— Маловато! — хмыкнул Шабалин. — Патронов просто нету! На батареях — по полтора снаряда на орудие. А у красных — екатеринодарские склады ломятся, катера, аэропланы — всего в достатке!

— И что же ты, Миша, предлагаешь? — не оборачиваясь, спросил Грызлов. — Сдаваться?

— Помилуй Бог! Разве я сказал — сдаваться? — прапорщик приподнялся на локте. — Ты, ваше благородие, за идиота меня принимаешь?

Некоторое время он укоризненно смотрел Грызлову в спину, потом снова лег.

— Нет, братцы, мужичкам я не дамся, пока жив. Они, сволочи, того и ждут, чтобы мы лапки подняли! Только я еще в Джанкое видел, что они с офицерами делают, спасибо! Уж лучше залезть на гору повыше, оттолкнуться и улететь к едрене-фене, прямо в небеса, иде же несть ни стогна, ни воздыхания, но жизнь бесконечная!

Тяжелый пушечный удар прокатился по бухте, перевалив откуда-то из-за Хамелеона.

— Аминь, — произнес Грызлов. — Вот и мужички…

— Идут! — всполошился вдруг Фогель. — Там, за кустами!

Он вскинул винтовку и тоненьким голоском прокричал:

— Огонь!

Прапорщик Шабалин толкнул его в плечо. Выстрел грохнул, пугнув галок из соседнего сада.

— Ты чего палишь, дура? Ошалел со страху?

Над низенькой можжевеловой изгородью показались две отчаянно размахивающие руки.

— Не стреляйте, господа! Свои!

— Кто там? — крикнул Грызлов. — А ну, выходи!

Над кустами поднялся могучего роста человек с густой седеющей шевелюрой, буйно торчащей во все стороны, и такой же всклокоченной бородой. Он был без пальто и без шапки, среди голых, почерневших стволов сада его косоворотка беленого льна сияла, как электрический фонарь.

— Кто такой? — спросил поручик.

— Местный житель, — пользуясь громадой роста, человек легко перешагнул через изгородь. — Доктор Горошин Максим Андреевич.

— Хорош доктор! — хмыкнул Шабалин. — Такому бы молотом махать…

— Доктор? А почему не в армии? — допрашивал Грызлов.

— Комиссован по ранению в девятнадцатом.

— Документы есть?

— Все есть, поручик! Времени нет! Прошу вас немедленно проводить меня к командиру дивизии. Я имею сообщить сведения чрезвычайной важности. Дело идет о спасении ваших жизней, господа!

— Страшное дело, — сокрушался вестовой Гущин, — сколько же эта чугуняка дров жрет! Только перегорело — уже холодная!

— Топи, знай! — фельдфебель Похлебеев, согревая чернильницу в руке, выводил на бумаге нарочито корявыми буквами: «Мандат. Даден товарищу Похлебееву в том, что он является интендантом по заготовке фуража Смертоносной революционной бригады имени товарища Энгельса…»

— Товарища… — вздохнул было фельдфебель, но тут же умолк, спохватившись, и опасливо покосился на вестового.

Тот шуровал в печке и вздоха фельдфебеля не слышал.

Вроде ничего бумага получилась, подумал Похлебеев, пряча листок. Одна беда — товарищи-то сплошь неграмотные…

В сенях заскрипели половицы, щелкнули каблуки, послышались голоса.

— Сам! — Гущин метнулся за занавеску, звякнул там стеклом, мелко застучал ножом.

Дверь раскрылась, на пороге появился генерал Суханов.

— Смир-рна! — гаркнул сам себе Похлебеев, вытягиваясь. — Ваш превосходит-ство…

Генерал махнул рукой, молча шагнул к печке, стягивая перчатки. Из-за занавески появился Гущин с подносом: на маленьком блюдце — тонко нарезанное сало и соленый огурец. Рядом стаканчик водки и черный хлеб. Суханов молча выпил, отщипнул хлеба и кивнул вестовому — уноси.

— От Климовича ничего не было?

— Никак нет! — Похлебеев остановился, прикидывая, продолжать или нет, и все-таки сказал: — Дозорные приводили одного. Просился к вам лично.

— Кто такой?

— Говорит, доктор… Горошин. Генерал пожал плечами.

— Так послали бы его в лазарет. Пусть помогает.

— Я так и хотел. Говорит, срочное дело.

— Ну и где он?

— У начальника разведки.

— Черт знает что! Раненые умирают, а у него срочное дело! Вот они, лекаря! Социаль-демократы, мать их…

Генерал прошел во вторую, маленькую комнату, расстегнул шинель и, не сняв, сел на кровать, застланную узорным покрывалом, с высоченной стопкой подушек под тюлевой накидушкой.

Кажется, кончено. Если суда для эвакуации каким-то чудом не отыщутся, произойдет катастрофа. Дивизия прижата к морю. На ком вина? Определенно, на командире. Для чего задержался в Осман-Букеше? Для чего поверил мерзавцам из Генштаба? Бежать надо было! В Феодосию — и к черту, на пароход.

— Нет! — Суханов отчаянно ткнул кулаком в подушку. — Я сделал все, что мог! И я не побегу…

В дверь поскреблись, просунулась голова фельдфебеля.

— Ваше превосходительство! Прибыл ротмистр Климович.

— Зовите! Зовите! — генерал вскочил с кровати, развалив подушечную башню, и сделал несколько нетерпеливых шагов от стены к стене комнатки.

Климович, исполняющий обязанности начальника разведки дивизии взамен убитого полковника Волынского, вошел бодро, козырнул, но ничего сразу не сказал, кашлянул, будто в сомнении.

— Ну что там, Григорий Сергеевич? — Суханов не мог понять по глазам ротмистра, чего ожидать от доклада, а ведь это было самое важное сейчас. — Суда… есть?

— Ну… как бы вам сказать… Суханов топнул раздраженно.

— Не узнаю вас, ротмистр! Вы солдат или баба? Или меня принимаете за институтку? Рапортуйте! Есть суда?

— Никак нет, ваше превосходительство! — вытянулся Климович. — Судов нет!

«Господи, в руки твоя…» — подумал Суханов, серея лицом.

— Но есть кое-что другое, — неожиданно добавил разведчик.

— Что же? Корыта? Кадушки?

— Кхм… — Климович переминался с ноги на ногу. — Местный житель доктор Горошин утверждает, что обнаружил в пещере под Карадагом тайный склад транспортных средств…

— Ну и что там? Паровозы? Автомобили?

— Никак нет, ваше превосходительство. Летательные аппараты.

Поручик Грызлов первым выбрался на простор из теснин подземного коридора. Заключительный участок пути пришлось преодолевать ползком, поэтому сначала он не увидел ничего, кроме мерцания зеленоватой мглы, затянувшей все вокруг. Но, едва поднявшись на ноги, Грызлов будто из облака вынырнул. Он оглядел открывшееся перед ним пространство огромной пещеры и медленно стянул с головы шапку.

— Миша! Мишка! Где ты там?

Прапорщик Шабалин вынырнул рядом, крутнул туда-сюда головой и только тихо присвистнул.

— Что же это такое, господа? — подал голос Фогель. — Неужели спасение?

— Хотел бы я знать, как можно спастись посредством этих… этих… — Грызлов поднял указующий палец, но сейчас же опустил, чтобы скрыть дрожь.

— Доктор говорил, они летают, — юнкер обводил пещеру большими детскими глазами.

— Куда летают?! — Поручик вытер шапкой потное лицо. — Из пушки на Луну?

— Да хоть бы и на Луну! — голос Фогеля звенел восторгом. — Какое нам дело?

— В самом деле, — едва слышно прошептал Шабалин. — Теперь уж нам без разницы…

В сумерках к тому самому месту, где целый день лежал на соломе секретный дозор поручика Грызлова, подъехали всадники. Никто не мешал им открыто гарцевать в виду моря и скал, никто не открывал беглого огня, не частили пулеметы, завидев красные звезды на шлемах всадников и на папахе их усатого командира.

Но не радовало красного командира молчание пулеметов.

Сердит был товарищ Кирпотин, комбриг Первой Конной. За восемь лет походов хорошо выучил Степан Анисимыч хитрую военную азбуку: если прижатый к стенке противник молчит, не огрызается, — значит, не ты его прижал, а он тебя. Это и Яшке-ординарцу понятно. То-то он, пострел, хмурит белобрысые брови и следом за командиром шарит беспокойными глазами по морю впереди и по горам в тылу.

— А ну, Яша, побеги до Тищенки, — сказал комбриг. — Пускай он, сукин сын, явится!

— Да вон он сам бегит! — отвечал глазастый Яшка.

Из-за белых домиков, еле видных в гуще черных ветвей, показались, один за другим, пятеро верховых.

Яшка свистнул в четыре пальца и, приподнявшись на стременах, помахал шапкой. Верховые взяли в галоп, подлетели на махах. Кони заплясали на месте, не желая стоять смирно.

— Товарищу комбриг… — начал было Тищенко, командир развед-эскадрона.

— Суханов где? — оборвал его Кирпотин. Комэск повесил чубарую голову.

— Нема…

— В трибунал пойдешь! — отрезал комбриг.

— Воля твоя, Степан Анисимыч, — Тищенко упрямо тряхнул чубом. — Хоть сам расстреляй. А только моей вины тут нема. Що ж я на конях за им поплыву? Матросики генерала упустили, а Тищенку — под трибунал…

— Ты брось это, товарищ дорогой, — Кирпотин мрачно глядел мимо комэска. — Не ровен час, и правда, попадешь под горячую руку… Мимо братишек мышь не проскочит! Вон они коптят! — Кирпотин вытянул руку в сторону моря, где полосами стлались по воде дымы катеров. — Да ты не сам ли докладывал, что у белых ни ялика малого не осталось? Не могла дивизия морем уйти!

— Что ж они, вознеслись, что ли?! — Тищенко плюнул с досады.

— Вот и разведаешь, когда к стенке поставят.

Степан Анисимыч поводил вверх-вниз стрельчатым усом, что означало у него юмористическую усмешку. Он хотел и еще что-нибудь прибавить, но не успел.

Клочковатый раскатистый грохот прилетел вдруг со стороны моря, отряхнув иней с ветвей мерзлого сада. Кони прянули было прочь, но, приученные к дисциплине и войне, остановились.

— М-мать! — только и сказал комбриг, давясь буквами.

Он сердито глядел на белую дымную полосу, необъяснимо протянувшуюся от моря к небу.

— Это чего? — детским растерянным голосом спросил Яшка. Сейчас же из воды под самой горой ударила еще одна струя. Она тянулась за черным продолговатым снарядом, быстро уходящим в небо. Снова грохнуло и заревело, уж не переставая. Один за другим из-под жирного карадагского гребешка вырывались похожие на баклажаны снаряды и буравили воздух округлыми лбами.

— В кого стреляют-то? — прокричал замкомандира Звягин, но его не услышали.

— Аэропланы такие, что ли? — задумчиво пробормотал Тищенко. Комиссар бригады товарищ Кошман отчаянно тер очки рукавом.

— Несомненно, это извержение! — кричал он, слепо щурясь на дымы. — Вулкан проснулся!

Кирпотин молчал. А черные баклажаны размером с добрый паровоз все выскакивали из-под горы и растворялись в небесном зените.

— Уходит, сволочь… — с ненавистью прошептал комбриг. — Тищенко!

Он толкнул разведчика в плечо.

— Га? — рассеянно отозвался тот, глядя в небо.

— Сыщи мне ход под гору! — прокричал ему в ухо Кирпотин. — Расстреляю, как бог свят! Землю рой! Должон быть лаз! — и хлестнул нагайкой Тищенкова коня.

Тот взвился на дыбы, будто хотел полететь за ревущими снарядами, но поскакал не вверх, а вниз, к морю. За ним, нагоняя, пустился весь разведэскадрон.

Час спустя дымные столбы без следа растаяли в ветреном небе. Кирпотин сидел за столом в том самом доме, где генерал Суханов слушал странные речи доктора Горошина. Командир Беспощадной бригады сердито чертил по карте прокопченным ногтем и кричал на неповинного спеца — начштаба.

— Докладывать-то мне что?! Бумажная твоя душа! Командарм у аппарата ждет, спрашивает, где противник! А я что отвечу?

Спец, обиженно дрожа пенсне, пожимал плечами.

— Формально выражаясь… — начал было он, но комбриг только махнул на него большой, как сковорода, крестьянской ладонью.

— Вот посажу на коня да пошлю тебя самого с докладом! Послушаешь, как там будут выражаться — формально или по матери! Расстрелять, скажут, сукина сына — и все выражения!

Начштаба сокрушенно качал головой.

— Не пойму я вас, Степан Анисимович. Отступаешь —

расстрелять. Наступаешь — опять расстрелять! Что же это, извините, за логика?

— Очень даже правильная логика! — Кирпотин грохнул кулаком по столу. — Наша, пролетарская! Извести всю вашу породу мироедскую под корень! Все равно толку с тебя, что с мерина приплоду. Академию закончил, а телеграммы составить не можешь!

Начштаба совсем загрустил.

К его счастью, в этот самый момент распахнулась дверь, и в горницу влетел кипящий от новостей Тищенко.

— Товарищу комбриг! Пымали одного! У ёго там, пид горою, циле депо этих, як их… Чи паровозив, чи шо…

Размеры пещеры пугали. Каждый, кто входил сюда, сейчас же задирал голову и с опаской глядел на мерцающий потолок. Страшно было представить, что этот необъятный свод удерживает на себе всю каменную громаду Карадага. В зеленоватом светящемся тумане проступали громоздкие тени. Огромные, этажа в три высотой, летательные аппараты выстроились улицей. Черные, почти цилиндрической формы, они действительно напоминали паровозы, поставленные на попа.

— Мать честная! — не удержался комбриг. — Да тут флотилия целая! А месту, месту-то сколько!

Он так отчаянно вертел головой, что чуть не запнулся обо что-то. Из горбатой кучи, внахлест укрытой шинелями, торчала босая нога.

— Это что? — спросил Кирпотин.

— Офицера, — доложил Тищенко. — Хотилы пидорвать усе, шо осталося, да мои хлопцы их поризалы…

— Поризалы! — комбриг зло пнул торчащую из-под шинели ногу. — А повезет кто?

— Куды повезет? — не понял разведчик.

— В догон, куда еще? Или ты Серка своего расседлаешь, а седелку на колбасу эту навьючишь? — комбриг подошел к одному из снарядов и похлопал по теплому боку. — Тут знающий человек нужон. Машинист, а то и не один. С кочегаром.

— Есть машинист! — оживился Тищенко. — Як же! Самый наиглавнийший у их! Тильки мовчит, собака!

— Как, то есть, молчит?! — возмутился Кирпотин. — Спроси как следует! Ты соображаешь, чего они с такими аэропланами натворить могут?! — усы Степана Анисимовича гневно зашевелились. — А если возвернутся сейчас, да бомбами?!

— У них нет бомб, — сильный, раскатистый голос грянул вдруг на всю пещеру, заглушив последние слова комбрига.

— Это еще что? — удивился Кирпотин.

— Ты дывысь! Заговорил! — Тищенко радостно замахал руками. — А ну, ведить его до нас, хлопцы!

И, повернувшись к комбригу, пояснил:

— Це ж вин и е! Машинист!

— Хм… машинист… — Степан Анисимович скептически прищурился на седую гриву и буйно всклокоченную бороду доктора Горошина. — Да это поп какой-то, а не машинист… Кто таков?

Голос комбрига был суров, но сам он несколько отодвинулся при приближении доктора, хотя руки того были связаны за спиной.

— У них нет бомб, — повторил Горошин, пропустив мимо ушей вопрос комбрига. — И они не вернутся. Их ждут вечные скитания среди звезд.

— Поп и есть! — рассердился комбриг. — Ты кого мне привел, сволочь?!

Он сгреб Тищенко за грудки и как следует встряхнул.

— Та шо вы, Степан Анисимович! — хрипел придушенный комэск. — Я ж сам бачив, як вин офицеров у ту бочку сажав! Та ще и наказував, як пары разводить! От лопни мои глаза!

Кирпотин повернулся к пленному.

— Можешь управлять?

Горошин молчал. Неверный зеленоватый свет вычертил в пещерных сумерках надменный профиль в косматом облаке волос.

— Ты не отворачивайся, отец, — кротко посоветовал комбриг. — У меня контрразведки нет, но аллилую петь я и не таких святителей заставлял. Говори добром, можешь машиной управлять?

Горошин молчал.

— Так, — кивнул Кирпотин. — Вражина, во всей своей классовой озверелости. А ну, ребята, ставь его к стенке!

Красноармейцы, едва доходившие церковными маковками шлемов рослому доктору до плеча, стали прикладами подталкивать его к вороненому боку ближайшего снаряда.

— К матерой стенке ведите! — прикрикнул Кирпотин. — Попортите мне технику!

— Кончать, что ли? — тихо спросил подскочивший откуда-то Яшка.

— Обожди…

Понятливый Яшка кивнул и снова исчез.

Комбриг подошел к снаряду и коснулся теплой брони. Махина возвышалась над головами, будто четвертная бутыль

густого черного крымского вина, стоящая посреди рассыпанного по столу гороха. Одной из горошин, подкатившейся к самой бутыли, был он, комбриг Кирпотин.

— Добротно сделано. Ни шва, ни заклепочки. Где ж тут садиться?

— А на другой стороне дира е! — живо доложил Тищенко.

— Ну, пойдем посмотрим…

Яшка любезно проводил доктора до места, приказал бойцам поставить его у шершавой стены подальше от выхода из пещеры, а самим отойти на положенное расстояние и заряжать. Оставшись с пленным наедине, ординарец сочувственно вздохнул.

— Плохи дела твои, отец. Товарищ Кирпотин шутить не любит. У нас ведь это просто — именем революции, и ты уже стучишься в дверь к господу-богу нашему. Ан бога-то и нет! Это товарищ Плеханов на опыте доказал. Очень даже глупо может получиться… Семья есть?

Горошин свирепо покосился на Яшку, но снова ничего не сказал.

«Ага!» — подумал ординарец.

— Надо, надо говорить, папаша, — Яшка дружески похлопал Горошина по плечу. — Нечего семью сиротинить. Никто тебе за это спасибо не скажет. Врангелю — конец! Новая жизнь наступает, а ты в расход просишься.

Он укоризненно покачал головой, будто поучал неразумное дитя, а не гордого седого великана.

— Вон товарищ Кирпотин идет! Давай, отец, крой, как на исповеди! Но доктор Горошин не собирался разговаривать ни с красным командиром, ни с его ординарцем.

— Ну, гляди, тебе видней… — Яшка сплюнул под ноги и пошел навстречу командиру.

— Как он? — тихо спросил Кирпотин.

— Кобенится, гадюка! Но ничего, у меня заговорит!

— Бил?

— Еще нет. Думаю малость постращать. Есть одна зацепочка… Комбриг дернул усом.

— Быстрее стращай! Времени нет! Уйдут белые — своим ходом пущу на небо, догонять! Ты видал, сколько там ручек-штучек, в той машине? Без спеца нам за сто лет не разобраться! Уж на что я машин всяких повидал — и на Путиловском, и на Пресненских мануфактурах спину гнул, — а все равно ни черта лысого не разобрал. Нужен спец.

— Так это мы щас! — Яшка уверенно сдвинул папаху на затылок, подмигнул красноармейцам так, чтоб не видел пленный, и скомандовал:

— Становись! Цельсь! Именем…

— Стойте! — раздался вдруг в глубине пещеры высокий, отчаянно срывающийся голос.

Из зелени тумана выбежала девушка в распахнутой шубке поверх легкого платья. Длинная коса растрепалась, развязавшаяся лента болталась хвостами, расширенные в испуге глаза заплаканы. Но первое, что поразило всех, от комбрига до красноармейца, был не растрепанный вид девушки, а ее красота.

Из-под покрасневших век сверкали влажной зеленью большие, как два моря, глаза. Волосы цвета спелого поля оттеняли южный загар лица. Губы, не знавшие карминов и помад, горели собственным пламенем.

«Ишь какая! — подумал ординарец и невольно разулыбался. — Вот ведь, кабы не война, так и глазом не глянула бы на меня, этакая-то краля! А теперь — совсем другая история. Может, и наш черед пришел…»

— Папа! — крикнула девушка, ловко проскочив между красноармейцами и бросаясь на шею доктору. — Папа! Что они делают?! Ведь ты же ни в чем не виноват! Это ошибка, правда? Скажи им!

Она заглядывала в глаза отца — те же два моря под седой пеной бровей. Она привыкла читать ответы на все вопросы, ныряя в их глубину. Но сейчас они были темны и бездонны…

— Никак дочка, Степан Анисимыч! — радостно шепнул на ухо комбригу Яшка. — Так я и думал, что есть у него якорь на этом свете!

— Вот теперь и побеседуем! — Кирпотин направился к пленному.

— Господи, Катя! — лихорадочно шептал Горошин, покрывая поцелуями глаза, губы, лоб, волосы девушки.

Веревки, стягивающие ему руки за спиной, опасно трещали.

— Зачем же ты пришла?! Что ты наделала, дочь!

— Дочка ваша? — тепло, по-родственному спросил комбриг. Один ус его смотрел вверх, другой вниз, что на этом нетесаном лице должно было изображать улыбку.

— Хорошая девушка. Прямо невеста! А который годок? Катя отвернулась от него, прижавшись лицом к груди отца.

— Послушайте! — взволнованно заговорил Горошин. — Поверьте же мне наконец! Они улетели навсегда! Очень далеко, к звездам. Никакой опасности от них больше быть не может! Они все равно что умерли!

— Кому это все равно? — оборвал его Кирпотин. — Это тебе все равно! А Советской республике не все равно! Ей покою нет, пока жива хоть одна белая гнида! Хоть на звездах, хоть на

облацех! Повсюду будем бить ее, до полного искоренения! И ты нам поможешь.

Доктор молчал.

Катя снова заглянула ему в глаза.

— Нет, — произнес Горошин. — Я не стану… Комбриг развел руками.

— Ну, нет, так нет. Придется нам самим за ручки подергать, наудачу.

— Попробуйте, — доктор усмехнулся. — Но это верная смерть.

— Так ведь мы не сами дергать будем, — разулыбался Кирпотин. — Мы вот Катю попросим! — и, обернувшись к конвойным, добавил: — Взять!

Исполнительные красноармейцы, живо закинув винтовки за спину, подскочили к Горошину, чтобы оторвать вцепившуюся в него девушку.

Но тут случилось непредвиденное. Веревка на запястьях доктора вдруг лопнула, издав глухую балалаечную ноту. Мигом освободив руки, Горошин бережно отодвинул дочь и встретил подбежавшего бойца ударом щедро отпущенного ему природой кулака. Красноармеец покатился по земле и остался лежать неподвижно, а доктор, явно знакомый с приемами английского бокса, тут же принял и второго пациента. Тот, хоть и был здоровым деревенским парнем, в кузнице батьке помогал, но устоять на ногах не смог. Жалобно всхлипнув от удара в подвздошье, он лег и стал ловить ртом воздух у самой земли.

— К ракете! — крикнул Горошин, указывая на черные конусы снарядов, торчащие из тумана.

— Стой, сволочь! — затвор клацнул под рукой старшего расстрельной команды.

Горошин не стал смотреть, как в него целятся, а бросился вслед за Катей. Грохот выстрела скакнул от стены к стене пещеры и заглох в тумане.

— Не стрелять! — гаркнул комбриг. — Спец живой нужен! Отсекай его, гада, от машин!

Со всех сторон послышалось сапожное буханье — солдаты отовсюду бежали к снарядам. Но Кате и Максиму Андреевичу удалось опередить всех. Помог туман и поднявшийся переполох. Доктор с дочерью, незамеченные, добежали до ближайшего снаряда.

— Быстро в люк! — Максим Андреевич подхватил Катю на руки и буквально забросил ее в дыру, зиявшую в корпусе снаряда на высоте человеческого роста. Катя тихо вскрикнула — должно быть, ударилась обо что-то.

— Ничего там не трогай! — предупредил отец.

Он ухватился за край люка, подтянулся и влез в отверстие, к счастью, достаточно широкое даже для его могучих плеч. Внутри снаряда было довольно просторно, но темновато. Мерцание разноцветных огней по стенам придавало большой круглой комнате, в которой оказался Горошин, вид таинственный и праздничный. Впрочем, Максим Андреевич бывал здесь не раз и к виду комнаты давно привык.

Оказавшись внутри снаряда, он прежде всего живо закрыл люк массивной круглой заглушкой, опускавшейся сверху на шарнире и точно подходящей по величине.

— Ну вот и все, — облегченно вздохнул Горошин, закончив работу.

Он повернулся к дочери и вдруг замер. На него насмешливо смотрели веселые и наглые глаза Яшки. Кирпотинский ординарец стоял у противоположной стены и, казалось, любовно обнимал Катю. На самом деле он крепко держал девушку, намотав на руку ее косу и приставив к горлу тусклый кавказский кинжал.

— Дурак ты, папаша, — сказал Яшка. — Хоть и здоровый конь, а дурак. Стой там, не балуй! А не то гляди, косарем, да по белой шейке — чик, и нету барышни, лебедушки моей ненаглядной…

Он провел тыльной стороной ладони по Катиной щеке.

— Не смей! — Катя рванулась, но Яшка крепко держал ее за волосы.

— Тпру, шалая! — прикрикнул он. — Обрежешься же, дура! Кто тебя замуж возьмет? А так, глядишь, и я посватаюсь! Только мне жена смирная нужна. Я ведь, если что не по мне, и убить могу!

Он снова повернулся к Максиму Андреевичу.

— Ну, чего встал, папаша? Отчиняй дверь! Живо!

Он поднес лезвие к лицу Кати, будто собирался ее брить. Она вздрогнула от холодного прикосновения, по щекам ее текли слезы.

— Короче, так, — сказал Яшка, обращаясь к Максиму Андреевичу. — Либо ты везешь нас вдогон за белыми, либо дочке каюк. Что решаешь? Резать аль нет?

— Убери нож, — тихо произнес Горошин. — Я открываю…

Он повернул рычаг, и люк с шипением поднялся, открывая круглый лаз, за которым уже шевелился частокол штыков. Максим Андреевич повернулся к ним спиной.

— Отпусти ее, — сказал он Яшке. — Я покажу, как управлять ракетой.

— Конечно, покажешь, — Яшка подтолкнул Катю к люку. —

Куда ж ты денешься?…

Час спустя над уснувшим было Карадагом снова поднялись дымные столбы, и огненные стрелы принялись с воем чертить небо, исчезая в вышине, среди высыпавших уже звезд.

— …А у нас все по-прежнему, — несмотря на тошноту, Мустафа сладко жмурился, как кот, вернувшийся на родную печку.

— Где это — у вас? — ехидно спросил Егор.

Мустафа хоть и летал однажды на «Союзе-ТМ», но полет прошел неудачно, на расчетную орбиту корабль не вышел, и до стыковки с «Миром» дело не дошло. Счастье еще, что спускаемый аппарат отработал штатно, все вернулись живыми-здоровыми. В программу полета задним числом вписали «испытание двигательных систем», а стыковку благополучно потеряли. Тем не менее станцию Каримов знал хорошо, куда лучше своего экипажа, если можно так назвать двух космических туристов, толком не прошедших подготовку. Эх, деньги-денежки! Каких только чудес вы не вытворяете! Можете сделать российскими космонавтами двух богатых бездельников, а можете безжалостно затопить вполне еще работоспособную станцию — красу и гордость отечества!

— Вот мы и дома! — сказал командир, не обращая внимания на ехидного Егора. — Жорик, заползай!

Джеймс медленно, с торжественным видом пересек комингс и вступил на территорию станции, а вернее, вплыл в ее огромный, особенно после тесноты спускаемого аппарата, цилиндрический объем.

— Орбитальная станция «Мир», — сообщил он, как всегда, ни к кому не обращаясь. — Руина великой эпохи!

Счастливый он, позавидовал американцу Егор. Каждое мгновение смакует, будто его в кино снимают. И торжественное слово к любому случаю готово. А я что же? Денег-то не меньше вбухал, надо бы радоваться — мечта детства и все такое… Хотя мои деньги все равно бы пропали. Тетке Вере с ее сизомордым не достались — и хорошо…

— Джеймс! Я давно хотел тебя спросить… — начал он.

— Спросите, Егор, — кивнул Купер. — Ты будешь сто двадцать шестых человеков, задающих мне этого вопроса.

Русские слова Джеймс произносил почти без акцента, но употреблять склонения и спряжения так и не научился.

— Откуда ты знаешь, какой у меня вопрос? — по привычке заспорил Егор. — Может, я ценами на картошку в Оклахоме интересуюсь.

Джеймс добродушно рассмеялся.

— Бросай, бросай, Егор! Со мной за последний два месяца говорили сто двадцать пять русские людей, включительно генерала эфэсби, и все задавали одного и того же вопроса: зачем мне все это нужно? Хотя… — Джеймс наморщил лоб, припоминая, — хотя нет, господин генерал не сказал «зачем». Он произнес другое слово…

— Да мы знаем! — Егор поморщился. Его, как и всех, еще немного мутило в невесомости. — И все-таки зачем тебе это нужно, Джеймс? Ведь никто не узнает!

— Почему не узнает? — любезно улыбнулся Джеймс. — Я напишу об этом полете в своих мемуарах…

— И станешь писателем-фантастом, — подхватил Егор. — Ни одна живая душа в вашей НАСе не знает, что мы здесь. Завтра вернемся на землю, послезавтра «Мир» будет затоплен, и у тебя не останется никаких доказательств.

— На кой черт мне доказательства? — Джеймс высокомерно выпятил толстую нижнюю губу. — Я совершаю этот полет для сам себя, а не для прессы. У русских есть космос, и они им торгуют. У меня есть деньги, и я его покупаю, — Купер приблизился к иллюминатору и с хозяйским видом обозрел окрестное мироздание. — Мне плевать на что думают в НАСА или в Международном Космик Эйдженси. Вы ведь тоже не ради славы полетели, Егор? Наверное, в детстве мечтали стать космонавтом? Вам повезло, ваше детство еще не кончилось, а вы уже космонавт!

— От скуки я полетел, — буркнул Егор. — И назло родне. С детством меня как-то быстро кинули…

Он вспомнил отца, вечно спешащего, вечно с телефонной трубкой возле уха и неизменной бутылкой виски на расстоянии вытянутой руки, не дальше. «Для тебя ведь мудохаюсь, наследник, тебе все достанется, кому еще? Вот погоди, завалю „Интерникель“, мы с тобой еще в космос слетаем! А хрен ли нам, мужикам? Все в наших руках! Были б деньги…»

— Что есть слава? — продолжал философствовать Джеймс Купер. — Сублимация половых комплексов. Спросите наш капитан, он тоже не за славой полетел, а за вознаграждением, ему нужно кормить свою большую татарская семья. Правильно ли я говорю, Мустафа, сэр?

Мустафа, хлопотавший возле пульта, не обернулся, только пожал плечами, отчего его крепкая, коренастая фигура качнулась, как на морской волне.

— Я полетел, чтоб вы тут руками ничего не трогали, — буркнул он.

— О! Это совершенно не так! — рассмеялся Джеймс. — Здесь

можно трогать руками хоть что угодно! — он ухватился за торчащий из стены шлейф проводов и выдернул его из разъема. — Два дня после сегодня все, что не сгорит в атмосфере, будет лежать на дне океана…

— А ты и рад!

Егора задевало лучезарное настроение Джеймса.

— Я рад, — кивнул Купер. — Очень рад, что я успел. После нас уже никто не сможет сюда побывать…

И тут в обшивку станции постучали.

— Это еще что такое?! — обернулся Мустафа. — Жорик, твои фокусы?

— God damn it! — ошеломленно пробормотал Джеймс и вдруг отлетел к стене, припечатавшись спиной к беговой дорожке. Егор и Мустафа грохнулись рядом. Невесомости не было. Экипаж «Мира» копошился на полу, безуспешно пытаясь преодолеть тяжесть всех своих внезапно вернувшихся килограммов.

— Долетались, мать вашу! — выругался Мустафа. — Кто двигатели врубил?! Поубиваю на хрен, т-туристы!

Егор сел и прислушался.

— Молчат двигатели.

— Как же молчат? А это что?

Где-то коротко взвыли сервомоторы, послышалось шипение стравливаемого воздуха.

— Разгерметизация! — побелевшими губами прошептал Джеймс совсем без акцента.

Но шипение прекратилось, люк запасной шлюзовой камеры плавно отъехал в сторону, и в отверстии холодно блеснуло граненое лезвие винтовочного штыка.

— Не трепыхайсь, хлопцы! — раздался голос из камеры. — Сыдыть смырнэнько, руки в гору! Я вже до вас иду!

Следом за штыком показался длинный ствол винтовки, а потом и лохматая, заросшая бородой голова в папахе.

— Знатна кадушка, — сказала она, озираясь. — Давай сюды, братва!

Человек в гимнастерке полностью выбрался из люка и мягко спрыгнул на пол. Следом за ним снаружи полезли другие — такие же лохматые и с винтовками. Запахло потом и сапогами. Последним в отверстии люка показался молодой парень с маузером в руке.

— Ну, что тут, Тищенко?

— Ось, люды якись, товарыщу командир! — доложил парню красноармеец, появившийся первым. — С виду офицерня!

Командир оглядел сидящих на полу космонавтов.

— Что за люди? Откуда? Куда?

— А-а! Я понял! — сказал вдруг Егор. — Это же артисты! Джеймс, нас с вами кинули! Никакого полета не было! Мы на Земле!

Джеймс, медленно багровея, поднялся на ноги и повернулся к Мустафе.

— Как это понимать, сэр? Что за цирк?

— А ну сядь! Ты! — красноармеец саданул Джеймса прикладом в спину так, что тот перелетел через беговую дорожку и рухнул на велоэргометр.

— Да вы что, клоуны, сдурели?! — Егор вскочил. — Я вам такие терки устрою — в зоопарк не примут!

— Сядь Егор, — тихо сказал Мустафа. — Спокойно. Тут что-то не так.

— Я американский гражданин! — заявил Джеймс, вытирая кровь с разбитой губы. — У вас будет крупных неприятностей!

— Чудные какие-то, — покачал головой бородатый красноармеец. — Яш, а может, в расход их?

— Обожди, — Яшка прищурился на Мустафу. — А ну-ка ты! Иди сюда! Кто такой?

Мустафа поднялся.

— Я майор Каримов, командир экипажа орбитальной станции «Мир».

— Я ж кажу — офицерня! — подтвердил красноармеец.

— Ну а вы кто такие? — спросил Мустафа.

— Ишь любопытный! — бородатый неодобрительно покачал головой.

— Погодь! — оборвал его Яшка. — Мы-то? — он усмехнулся и коротко козырнул. — Командир разведроты отдельного истребительного полка Смертоносной революционной бригады имени товарища Энгельса Косенков! Так что, сами понимаете, господа контра, дело ваше — дрянь!

— Почему же контра? — спокойно возразил Мустафа. — Мы выполняем важное государственное задание. Эта станция — собственность Российской Федерации.

— Российской Федерации? — переспросил Яшка. — Которая РСФСР?

— Да, она построена в РСФСР. Вон и красный флаг на борту, с серпом и молотом.

Яшка обернулся к бородатому.

— Тищенко! Был флаг?

— Не приметил я.

— А вот по зубам как съезжу, чтоб вперед примечал!

— Да врут, поди! Ты на морды-то их погляди! Сразу видать белую кость! К стенке, без разговоров!

— Стой, братва! — Яшка покачал головой. — Как бы нам тут дров не наломать. Может, они спецы…

— Я могу еще кое-что показать! — Мустафа подошел к шкафчику.

— Но-но-но! Руки-то убери! — Яшка поднял маузер. — Тищенко, проверь!

— Что за комедия, Мустафа? — недоуменно спросил Егор. — Чего ты с ними разговариваешь? Мы же на Земле! Концерт окончен, пошли за пивом!

— Сиди, малец, бо тоже схлопочешь! — Тищенко отпихнул Егора от шкафчика и открыл дверцу. — На Земле он! Я той Земли, почитай, уж три месяца нэ бачив… Тут прапор якись! — Он вынул из шкафчика и протянул Яшке треугольный кумачовый вымпел с золотой бахромой и вышитыми гладью портретами вождей мирового пролетариата.

— Ишь ты! — Яшка пощупал ткань. — Красота-то какая! Это на пику, что ли, вешать?

— На стену, — сказал Мустафа. — Комсомольцы подарили. Портреты узнаешь? Ленин, Маркс и смертоносный товарищ Энгельс.

— Ленин?! — Яшка с благоговением погладил портрет. — Так вот он какой! — глаза его подобрели. — Этакий флажок мандата стоит, — он повернулся к Мустафе. — Ты вот что скажи, товарищ спец, у тебя телеграф есть?

— Есть радио, — сказал майор Каримов, подошел к передатчику и щелкнул тумблером. Егор осторожно переглянулся с Джеймсом. Кажется, командир вел хитрую игру.

— Так что ж ты молчал, недогада! — оживился Яшка. — Сказал бы сразу про радио, мы бы тебе и душу не мытарили! Зараз же и узнаем, из которого чугунка ты щи хлебаешь! А ну, передавай на Землю, — он прокашлялся. — Москва, Кремль, Ленину!

Рука Мустафы, тронувшая было регулятор настройки узконаправленной антенны для связи с ЦУПом, остановилась.

— Кому?!

Яшка самодовольно провел ладонью по едва намечающимся усам.

— Да ты не сомневайся, браток! У нас такое донесение, что прямо ему надо! Лично! Пиши, пиши давай! «Героические бойцы Смертоносной бригады имени товарища Энгельса в пламенных битвах на просторах нашей трудовой рабоче-крестьянской Галактики водрузили освободительное знамя диктатуры пролетариата на трех планетах земного типа с кислородной атмосферой!» Ну, чего ты на меня выпучился? Я цельный месяц

слова учил! Дальше пиши! «Шлём боевой привет вождю революции и просим помочь с патронами, а также с обмундированием, потому как бойцы здорово дерут его об штыки по причине тесноты в паровозах». Подпись: «Комбриг-один Кирпотин». Фу-у! — Яшка с облегчением вытер пот со лба. — Думал, не довезу!

— «Байкалы»! — раздался вдруг в отсеке громкий голос. — Почему вышли на связь по открытому каналу? Что случилось? Докладывайте!

— У нас тут красноармейцы! — закричал Егор. — С винтовками! Яшка и его бойцы ошеломленно крутили головами, ощетинившись штыками во все стороны. ЦУП озадаченно молчал.

— Ну кто тебя просил?! — прошипел Мустафа.

— Пьяные, сволочи, — послышался из динамика усталый голос. — Узнаю, кто пронес водку на борт — выгоню из отряда! А туристов твоих оштрафую! Так что они без штанов домой отправятся!

— Товарищ руководитель полетов! — сказал Мустафа официальным голосом. — У нас на борту посторонние, называющие себя красноармейцами.

— Спокойно, Каримов! — в голосе руководителя полетов зазвучало спокойствие, которое бывает только при чрезвычайных ситуациях. — У вас отравление закисью азота. Перекройте вентиль три-пятнадцать в кислородном отсеке.

— А ну, дай-ка я сам с товарищем поговорю! — сказал вдруг Яшка, оттеснив Мустафу от пульта. — Слушай, браток! Ты донесение Ленину передал? Ты передавай, не тяни! А не то я сейчас сам на паровозе прилечу и лично с вот этого вот маузера, — он ткнул стволом в панель приборов, — за такую твою несознательность посчитаюсь.

— Кто это говорит? — голос руководителя дрогнул.

— Косенков говорит! Яков Филимоныч. Командир отдельного истребительного… В общем, на паровозе мы! Прилетели с планеты имени товарища Бебеля. Передавай немедля, человечно тебя прошу, не доводи до греха!

ЦУП опять надолго замолк.

— Можно вас спрашивать? — произнес вдруг Джеймс Купер, обращаясь к одному из красноармейцев. — Когда вы отбыли с Земли к этот… Бабель-планета?

— Хрен же его пересчитаешь без луны да без солнца! — задумчиво сказал боец. — Когда ночь, когда день — неизвестно! Но так, по износу обмундирования — месяца три назад выходит.

— А год какой? — спросил Джеймс.

— Да что ты прилип, как банный лист! — оборвал его

Яшка. — Прошлый год! В аккурат третью годовщину революции справили, Врангеля с Крыму вышибли и полетели вдогон! — он повернулся к Мустафе. — Ну, чего он молчит, телефонист твой?

— Двадцатый год, — задумчиво сказал Мустафа. — Гражданская война. Это было восемьдесят один год назад.

— Чего-о?! — недоверчиво протянул Яшка. — Ты мне зубы-то не заговаривай, а то ведь я и осерчать могу! Ты мне связь с Лениным давай!

— Не могу, — сказал Мустафа, надеясь, что его слышат и в ЦУПе.

— Ленин умер в двадцать четвертом, а сейчас две тысячи первый.

В повисшей тишине оглушительно щелкнул взведенный курок маузера.

— А вот за эти слова, — медленно вскипая, заговорил Яшка, — ты мне ответишь по всей строгости революционного закона! А ну — к стене!

— Внимание, станция «Мир»! — раздался вдруг незнакомый голос в динамике. — Товарищ Косенков у аппарата?

— Здесь Косенков! — гаркнул Яшка.

— С вами будет говорить председатель Совета Народных Комиссаров товарищ Ленин, — торжественно объявил голос.

Бойцы взволнованно загомонили.

— Давно бы так! — Яшка оправил гимнастерку и подтянул ремни.

— Ну-ка, тихо там! — шикнул он на бойцов.

— Здравствуйте, товарищ Косенков! — бодро прокартавил в динамиках знакомый голос Ильича. — Прочитал ваше донесение. Очень, очень рад! Прекрасную новость вы нам сообщили! Спасибо вам, товарищ!

Яшка обернулся к своим и незаметно махнул рукой.

— Служим трудовому народу! — хором проорали бойцы.

— Боеприпасы приготовлены в известной вам пещере под Карадагом! — продолжал Ильич. — Архиважно набрать их как можно больше!

— Паровоз у нас маловат, Владимир Ильич! — пожаловался Яшка.

— Много ли на нем увезешь…

— А вы проявите революционную смекалку, товарищ! — добродушно рассмеялся Ленин. — Желаю вам удачи!

— Есть проявить смекалку, товарищ Ленин! — радостно прокричал Яшка в опустевший уже эфир.

В динамиках раздалось шипение, хрип, затем откуда-то всплыл далекий, едва слышный голос: «Байкалы», «Байкалы»,

отвечайте! Не слышу вас! — и снова угас.

Яшка сунул маузер в кобуру и повернулся к бойцам.

— Вот такие дела, братва! — глаза его сияли счастьем. — Довелось мне поговорить с самим товарищем Лениным! Сам век не забуду и внукам расскажу! — Он приосанился. — А теперь слушай мою команду! За оружием пойдем на паровозе Михеева. Иди, Петруха, разводи пары!

Яшка еще раз прошелся вдоль отсека, по-хозяйски заглядывая в люки, ведущие в другие модули.

— Паровоз Сидорчука остается тут, при станции, чтобы эти неустановленные личности, — он кивнул на космонавтов, — ее куда не отогнали. Уж больно они хитрые. Ну, с ними потом разберемся! Ковзун, Тищенко и Парамонов! Всю эту бочку обыскать, шкафы, переборки порубать на куски и вынести к Сидорчуку, пускай выкинет. Грузить будем сюда!

Яшка направился к люку, уже по пояс в шлюзовой камере он еще раз бросил иронический взгляд на экипаж станции.

— Хе! Ленин у них умер! А Ленин-то он вона — живее всех живых!

Меньше чем через час усилиями добросовестных красноармейцев станция и в самом деле начала напоминать пустую гулкую бочку. Беговая дорожка, велоэргометр, стол — все было развинчено, разломано и исчезло в узком отверстии шлюзовой камеры, соединяющей станцию с паровозом Сидорчука. Экипаж «Мира» поначалу сидел в уголке под охраной одного из бойцов, тихонько переговариваясь.

— Чего-то я не понял, командир, — сказал Егор. — Почему актеры сами декорации разбирают? Наше бабло экономят?

— А по-моему, очень убедительно играют, — откликнулся Джеймс, трогая разбитую губу.

— Это не игра, — Каримов болезненно морщился, глядя, как бойцы вместе с кусками обивки отрывают от стен уникальную аппаратуру. — Не расслабляйтесь раньше времени. Мы с вами еще в космосе.

— Какой там в задницу космос?! — скривился Егор. — Невесомости-то нет!

— По-моему, эти их паровозы создают искусственную гравитацию.

— Сам-то понял, что сказал? Где паровозы и где гравитация?!

— Я одно знаю, — Мустафа упрямо наклонил голову. — Это настоящая станция «Мир» в настоящем космическом полете.

— Ты еще скажи, что Ленин настоящий!

— Тс-с! — Мустафа приложил палец к губам, покосившись на охранника. — В ЦУПе тоже не дураки сидят. Там группа

психологов на подхвате, и сработали они гениально. С психами спорить нельзя. Если требуют Ленина — надо дать им Ленина.

— О! Это неплохо придумано! — оживился Джеймс. — Господина Яшку на Земле ждет смирный рубашка!

— А к нам на паровозе прилетят спасатели, — уныло буркнул Егор.

— Чип и Дейл.

Тут Тищенко, давно поглядывавший в сторону космонавтов, не выдержал и в порыве классовой ненависти к тунеядцам всех четверых, включая часового, приставил к работам.

— Не хрен даром воздух глотать! — сказал он, вручая плоскогубцы Джеймсу Куперу. — Попрацюй-ка на Советску власть, морда империалистическа!

Джеймса бросили на разборку кают, а Егора заставили таскать обломки к шлюзу.

— Баню тоже разбирать, что ли? — спросил Мустафа, поигрывая гаечным ключом. — Вещь в полете не лишняя. Смотрите, может, пригодится?

— О це, што ли, баня? — Тищенко скептически оглядел кабинку со стеклянным окошком и сплюнул. — Нэ трэба. Вша у межпланетному пространстви и так дохнэ!

— Кто это вас таким словам научил? — Мустафа с видимым равнодушием принялся отвинчивать болты, крепившие баню к переборке.

— «Межпланетное пространство», «Галактика», «кислородная атмосфера»…

— Та був одын дохтур, — охотно пояснил Тищенко. — Дюже разумный! Ну такий вжэ разумный, аж нэ расстрелялы! Щэ, бувало, до зирочки нэ долитилы, а вин вже знае, як ии звать!

Со стороны модуля «Квант» послышался слабый пневматический хлопок. Большой шлюз для приема грузового «Прогресса» бодро отработал автоматическую стыковку, звякнула, открываясь, крышка люка.

— А ну, принимай, братва! — послышался голос Яшки. — Да шевелись, похоронная команда! Нам еще ходки три надо сделать!

Изумленные космонавты, заглянув в переходный отсек, увидели, как из транспортного люка один за другим появляются деревянные ящики с веревочными ручками. Однако Тищенко живо разогнал столпотворение возле люка. Экипаж поставили в общую цепочку и велели передавать ящики красноармейцам, которые сноровисто набивали ими модули «Спектр» и «Кристалл».

— Откуда это? — спросил Мустафа, принимая ящик от Тищенко и передавая его Егору.

— Хиба ж ты нэ чув? — спокойно отозвался красноармеец. — От Ленина!

— Кто-то говорил, что в ЦУПе не дураки сидят! — ехидно заметил Егор.

— Ничего не понимаю, — растерянно пробормотал Мустафа.

— Та тоби и нэ трэба! — успокоил Тищенко. — Як усэ погрузэмо, зараз и до вас очередь дойдэ!

Прошел еще час, в течение которого паровоз Яшки дважды прибывал на станцию, выгружая новенькие трехлинейки, картонные коробки с револьверами системы «наган», снопы кавалерийских шашек и четыре пулемета «максим» в свежей заводской смазке. Весь этот арсенал занял половину объема главного модуля станции. Грузчики валились с ног от усталости.

— Где они набрали этого старья? — удивлялся Мустафа, разглядывая серпасто-молоткастую маркировку ящиков.

— Сказали же тебе — Ленин прислал! — устало вздохнул Егор.

— Эта амуниция выглядит так, будто только что с завода, — заметил Джеймс.

— Ерунда! — возразил Мустафа. — Нет таких заводов, я точно знаю!

— Що ж вы за народ такий! — укоризненно покачал головой Тищенко. — Шепоткують и шепоткують промеж сэбэ — так бы с нагана и вдарыв! А ну, отойдь от ящикив! — он приблизился клюку. — Катю! Та нэси вже кулеш! Обидать пора, бо скоро Яшка вернэтся!

— Иду, иду! — послышался звонкий девичий голос. В отверстии люка появился обмотанный рушником чугунок. — Возьмите, а то уроню!

— Я тоби уроню! — Тищенко подхватил чугунок. — Сорока! Хлиба давай!

— Сейчас, сейчас! — из шлюзовой камеры ловко выпорхнула тоненькая девушка с пшеничной косой, уложенной вокруг головы, и принялась хлопотать, едва стрельнув изумрудами глаз в космонавтов.

Она быстро застелила ящик чистой тряпицей, бегая к люку и обратно, уставила его глиняными мисками и кружками, принесла каравай хлеба странного зеленоватого оттенка.

Красноармейцы, потирая руки, расселись вокруг стола, потянули из-за обмоток разнокалиберные ложки.

— Ну, сидайтэ и вы, — позвал космонавтов Тищенко. — Поснидаем.

Егор, опасливо принюхиваясь, подошел ближе и заглянул в пускающий пары чугунок.

— А что это?

— Фрикандо! — ухмыльнулся Микола, подставляя миску под Катин половник. — Небось не отравишься!

— Обычная похлебка, — сказала Катя, наполняя миску густой маслянистой жидкостью фиолетового цвета с кусками бледно-голубого желе. — Да вы садитесь, садитесь… Ой! — спохватилась она. — У вас же ложек нет! Сейчас я сбегаю!

— Не стоит, — Егор отодвинулся от стола. — Я этого есть не буду.

— А я, пожалуй, попробую! — Джеймс с интересом разглядывал содержимое миски.

— Я тоже, — сказал Мустафа, подсев к ящику. — Нас на тренировках и не такое есть заставляли…

Он взял принесенную Катей ложку и решительно зачерпнул густого варева. Джеймс последовал его примеру. Егор не без зависти смотрел на дружно чавкающую компанию.

— Ну как? — спросил он Джеймса.

— М-м! Бесподобно! — неразборчиво пробулькал тот, не поднимая головы от миски.

— Может быть, вам все-таки налить? — Катя улыбнулась. — А то не достанется!

— Из чего это приготовлено? — Егор еще боролся с сомнениями.

— Из мокрошерстки, — объяснил Микола, вылизывая миску. — На гнилой глаз ловим…

Ложка Джеймса со стуком упала на пол.

— С-спасибо, — выдавил он, бледнея. — Для меня, пожалуй, достаточно.

— И хорошо берет? — спросил Мустафа, продолжая хлебать.

— Когда как, — со знанием дела продолжал Микола. — По первому солнцу только успевай таскать. А второе взошло — и шабаш! На дно ложится.

— А где это два солнца? — Мустафа перестал есть и внимательно посмотрел на Миколу.

— Зараз сами побачите! — Тищенко спрятал ложку за голенище и вынул кисет. — Два солнца — то ще нэ диво! А вот як доберемось до Червонного Гиганту, тут у вас очи-то и повылазять! — он с удовольствием закурил.

— До какого еще Червонного Гиганту?! — возмутился Егор. — Никуда мы не доберемся! Нас на Земле ждут!

Он вдруг почувствовал на себе взгляд Кати. Девушка стояла возле люка, нервно теребя перекинутое через плечо полотенце. В глазах ее читалась тревога и затаенная боль. Она словно хотела и боялась сказать ему что-то.

— Нихто вас не ждэ! — отрезал Тищенко. — Яшка казав, що вы сюды тайком прибули и ни одна собака про то нэ видае! А потому вышла про вас резолюция: разом со станцией забрать у полнэ наше распорядженне!

— То есть как?! — Джеймс изумленно уставился на Тищенко.

— Чья это резолюция? — спросил майор Каримов.

— Известно чья, — разулыбался Тищенко. — Товарища Ленина!

— Звезды, называется… — Егор сердито отвернулся от иллюминатора и снова улегся на кипу шинелей, остро пахнущих суконно-валяльной химией.

Вот уже третьи сутки по часам Егора картина за иллюминатором напоминала штрих-код на банке кофе — черные и белые полосы, слегка окрашенные допплеровским эффектом. Других признаков полета, вроде вибрации или шума двигателей, не наблюдалось.

— Дурят нашего брата, ох дурят!

Лежать было неудобно. Спускаемый аппарат «Союза-ТМ», и без того тесный, был доверху набит новеньким обмундированием, так что незаполненным оставалось лишь крохотное пространство между иллюминатором и люком. Люк был закрыт.

Егор с остервенением бухнул в него ногой.

— Невесомость включите, сволочи! Все бока отлежал!

Ответа он не ждал. «Союз» был превращен в карцер, куда Егора посадили, чтоб не бунтовал. Перед стартом он устроил потасовку с красноармейцами, требуя немедленно прекратить этот цирк и вернуть деньги. Побили не сильно, синяк под глазом почти зажил, но версия о театральном представлении дала в его сознании заметную трещину.

Неужели, правда, летим? Куда? Зачем? Бред какой-то…

Люк с шипением распахнулся, и в отверстии появилась голова Кати.

— Ну что, арестант, все бузишь? — улыбнулась она.

— А чего еще делать? — вздохнул Егор. — Ободрали, как липку, а вместо космического полета подсунули какое-то кидалово… Ты бы на моем месте не бузила?

— Да… — Катя задумалась, вспоминая. — Я на твоем месте еще и кусалась. Ко мне вообще недели две подойти боялись! Но потом, знаешь, как-то привыкла…

— Били? — спросил Егор.

— С ума сошел?! — Катя резко выпрямилась, чуть не ударившись о кромку люка. — Я — дочь дворянина!

— Да им по барабану… — Егор потрогал желвак под

глазом. — У меня, может, дедушка — секретарь райкома был! А мне вломили, как простому буржую…

— Странные понятия… — Катя поджала губы. — Да если бы меня хоть пальцем кто-нибудь тронул, папа бы им показал!

— А папа у тебя что, Дзержинский?

— Какой Дзержинский?

— Ну, Калинин там, Молотов, Каганович… Я уже ничему не удивлюсь!

— Вообще-то он доктор… — сказала Катя.

— Ах, ну да! Как же я сразу не догадался! — Егор отпихнул связку сапог, постоянно сползавшую с шинельной кучи. — Большевики ужасно боятся докторов!

— Дурак! — обиделась Катя. — Могу вообще ничего не рассказывать!

Она скрылась за кромкой люка.

— Эй! Я пошутил! — испугался Егор.

Но Катя и не думала уходить. Она появилась снова, с плетеной из синих прутьев корзинкой, покрытой чистой тряпицей.

— Есть будешь? А то, говорят, ты голодовку объявил.

— А чего там? — Егор потянул носом, приподнимая край тряпицы.

— Плюхарики, — сказала Катя. — Чищеные, без усов.

— Пожалуй, поголодаю еще, — Егор поспешно прикрыл плюхариков тряпицей. — Мне и тюбиков хватает.

— Ну и зря, — Катя пожала плечами. — Ваши за обе щеки уплетают…

— Как они там? — спросил Егор.

— Да уж без дела не валяются! — усмехнулась Катя. — Мустафа у Сидорчука в кабине безвылазно сидит, удивляется. Скоро сам ракетой управлять сможет. Яшка ему доверяет…

— А Джеймс?

Катя обернулась и посмотрела куда-то в глубь станции.

— А мистер Купер, — сказала она тихо, — стал душой кают-компании. Обучил обе паровозные команды покеру, выиграл у Яшки золотые часы и проиграл их Тищенко. Бойцы его теперь чуть не на руках носят. Ты понимаешь, о чем я?

— Еще нет, — Егор разглядывал смуглое, лишенное всяких признаков косметики, но все же очень выразительное лицо Кати. К ней невозможно было относиться с недоверием. С первых минут знакомства Егор понял, что девушка не с «этими», в ее глазах он заметил тщательно скрываемую надежду, ожидание помощи. Она, правда, долго не заводила разговоров, приглядываясь к космонавтам, но теперь, кажется, решилась.

— Майор и мистер Купер ведут себя правильно, — горячо зашептала Катя. — Добиваются доверия. А ты только все дело портишь!

— Какое дело? — Егор придвинулся ближе.

Катя снова оглянулась на узкий проход между ящиками, загромождавшими все пространство станции. Откуда-то издали доносились голоса и смех красноармейцев, по обыкновению травивших байки после обеда.

— Вы должны помочь мне освободить отца… — тихо сказала Катя.

— Ничего не понимаю! — Егор заерзал, подминая под себя многоногую сапожную связку. — Да ты лезь сюда! Неудобно так разговаривать!

— Вот еще! — Катя гневно сверкнула глазами. — Это неприлично!

— Почему? — искренне удивился Егор. — Никто ж не видит!

— Тем более неприлично! — Катя смотрела на него строго, словно со старинной фотографии. — Ты иногда кажешься интеллигентным человеком, а иногда — дикарь дикарем!

Чудная все-таки девчонка, подумал Егор. Будто и впрямь с другой планеты или из далекого прошлого. Актрисе так не сыграть…

— Не обращай внимания, — усмехнулся он. — Пролетарское происхождение плюс элитное образование… Так я не понял, что там с папой? То он всем покажет, то его самого спасать надо…

— Что тут непонятного? — вздохнула Катя. — Он остался там, у Красного Гиганта. Его ценят, слушают, как единственного специалиста по ракетам и вообще по космогонии… Но ему никогда не простят того, что он помог скрыться белым…

— Угу, — Егор запустил руку в корзину, выудил плюхарик и захрустел им в раздумье. — Как же он тебя одну отпустил с этими?

Катя прижала палец к губам, прислушиваясь. Где-то хлопнула крышка люка. Голос Яшки звал Сидорчука.

— В том-то и дело, — прошептала Катя. — Я для них — единственная гарантия возвращения. Иначе папа отправил бы Яшку за оружием… куда Макар телят не гонял!

Егор присвистнул.

— Так ты у них заложница? — он потянулся за вторым плюхариком. — Да, не позавидуешь. Одна девчонка на два паровоза мужиков… Неужели не обижают?

— Пусть только попробуют! — Катя нахмурила пушистые брови. — Не беспокойся, женщину никогда не обидят, если она умеет себя правильно поставить. Мы с Нюрой их сразу

предупредили: будете руки распускать, мы вас таким обедом накормим — по нужде забегаетесь! Так что опасаются…

Егор осторожно положил плюхарик на место.

— А кто это — Нюра?

— Повариха. — Катя вздохнула. — Хорошая женщина, хоть и пулеметчица. Мы с ней подружились. Правда, ее потом пришлось на Керосинке оставить, из-за беременности…

— На какой керосинке? — не понял Егор.

— Заправочная планета так называется. Да ты ешь, не стесняйся, — Катя снова пододвинула ему лукошко с плюхариками. — Вот прилетим на Керосинку — свеженьких попробуешь. Нюра их готовит — пальчики оближешь! Мне до нее, конечно, далеко… Скучаю я по ней. А по отцу — еще больше…

— Выходит, мы с тобой друзья по несчастью… — Егор задумчиво отломил от лукошка выбившуюся хворостинку, но она, выскользнув из пальцев, приросла обратно. — У меня вот тоже отец погиб…

— Почему — тоже?! — Катя обожгла его взглядом. Егор смутился. Как ей объяснить?

— Понимаешь… есть такая скверная штука, называется «релятивистский эффект»… — Он замолчал. Кто бы мог подумать, что объяснение теории относительности может быть связано с моральными трудностями? — Короче, — запинаясь, продолжил Егор, — пока вы туда-сюда летали, там прошло много лет… Возможно, никого из них уже нет в живых…

— Ерунда какая! — Катя обиженно дернула плечом. — Если не хочешь помочь, так и скажи! — она сердито сунула ему в руки корзинку с плюхариками. — Голодай дальше! Можешь считать, что этого разговора не было!

Ее шаги быстро удалились и затихли в лабиринте проходов между ящиками.

— Катя! — позвал Егор. — Ну подожди, чего ты? Может, я ошибаюсь!

Он прислушался. Шумы на станции затихли. В паровозах, похоже, спали, оттуда не доносилось ни звука. И чего, дурак, вылез со своим релятивистским эффектом? Обидел девчонку. Разве можно так — наотмашь, по нервам? Будто нарочно старался сделать побольнее. Будто мстил за то, что самому уж с папкой не встретиться никогда. Кому мстил? Кате? Что за характер такой дурацкий! Дикарь дикарем!

Шаги вдруг послышались снова — мягкие, осторожные. Слава богу, возвращается!

— Ты извини, — начал Егор. — Я не хотел…

— Not at all! — раздался голос Купера. — Не о чем говорить!

Это не стоило мне ни цента, я играл на золотой зуб мистера Тищенко.

— А, Джеймс, — разочарованно протянул Егор. — Какие новости?

— Мы подлетаем к планете Керосинка, — глаза Купера поблескивали радостной хитринкой. — Но мистер Яшка опасается, что нас опередили. Похоже, на заправке очередь… — он выудил из-под наваленных горой шинелей связку остро пахнущих сапог и принялся с интересом ее разглядывать. — Думаю, в сей момент нам следует быть рядом с Мустафа. Идем!

— Так я ж арестован, — Егор сладко потянулся.

— О, ерунда! — вежливо улыбнулся Джеймс. — Благодаря меня ты совершенно свободен.

— Серьезно? — обрадовался Егор. — Как это ты сумел?

— Очень просто, — Джеймс приложил сапог к ноге, после чего по-хозяйски перебросил связку через плечо. — Прикупил джокера к четырем семеркам…

В тесной кабине управления сидорчуковского паровоза яблоку негде было упасть от набившихся в нее красноармейцев. Егор и Джеймс, заглядывая через плечи и головы, видели большой навигационный экран, поделенный на сектора. Через один из секторов протянулась цепочка ярких точек: Земля — заправочная станция — Красный Гигант. В центре другого сектора сияла большая круглая блямба — планета, на которой паровозам предстояло пополнить запасы «керосина».

— Сколько их было-то? — спросил Яшка.

— Я насчитал четыре, — сказал Мустафа.

Он сидел за пультом и двигал блестящие рычажки, увеличивая изображение на экране.

— Приземлились они где-то здесь…

— Ну, ясный пень, — Яшка досадливо поморщился. — В аккурат на заправку!

— Может, наши? — с надеждой спросил молодой Миколка.

— Куда там, — рассудительно сказал Сидорчук. — Наши на Бебеле остались. Мы ж последний керосин со всех паровозов слили…

— То ж воно и е, — заметил Тищенко. — Белые гулеванют, не иначе. Що робыть станем, командир? Надо Семена с Нюркой выручать, не отобьются одни.

Яшка почесал в затылке.

— На четырех паровозах, поди, штыков сорок, аль боле…

— Зато у нас патроны есть! — снова встрял Миколка. — Налетим, да с пулеметов, а?

— Налетел один такой! — осадил его Сидорчук. — Они-то налегке, а мы с обозом.

— Обоз и отцепить можно! — не унимался парнишка. — Чего ему сделается? А сами на двух тачанках, с пулеметами — они и охнуть не успеют!

— Твоя фамилия как? — Яшка повернулся к Миколке. — Фрунзе? Али Тухачевский? Кто ты такой есть, чтоб наперед командира обозом распоряжаться?!

— Да ну что, в самом деле… — обиделся Миколка. — Я дело говорю. Оставить тут гарнизон, к нему и не подступишься!

— Вот тебя и оставим! — отрезал Яшка и повернулся к отделенному командиру. — Прокопенко! Положишь этого стратега с пулеметом против главного люка. Посмотрим, какой он есть герой. Отделению занять оборону, и не дай вам бог старорежимный допустить сюда хоть мыша!

— Эх, — вздохнул Сидорчук. — Я живого мыша уж забыл, когда и видал…

— Мне б еще человека, — задумчиво сказал Прокопенко. — Вторым номером к пулеметчику…

— А вот американца возьми! — Яшка вдруг повернулся к Джеймсу. — Пущай за свободу повоюет! Необстрелянный он, правда, зато руки откуда надо растут! Остальные со мной и с Сидорчуком!

— И мы? — оживился Егор.

— И вы, конечно, — Яшка смерил его косым взглядом. — Не оставлять же вас тут… при оружии.

— И я! — вынырнула вдруг, откуда ни возьмись, Катя. — Яков Филимонович, вы обязаны меня взять!

Яшка посмотрел на нее с изумлением. За все время полета Катя, помня давнюю обиду, не сказала ему и двух слов и уж тем более не обращалась по имени-отчеству.

— Чего вдруг? — смущенно пробормотал он. — Нечего тебе на заправке делать. Без баб справимся…

— Да?! — Катя живо уловила в его голосе неуверенность и, уперев руки в бока, перешла в наступление. — А питаться вы чем собираетесь? Керосином? У меня на кухне плюхарики заканчиваются!

— Нюрка, поди, запасла, — слабо защищался Косенков.

— На такую-то ораву?! — возмутилась Катя. — Много ты запасешь в ее положении!

— Зачем в положении? — Яшка прищурил глаз, подсчитывая в уме. — Вроде должна уже родить…

— Тем более! — отрезала Катя. — Ей ребенка кормить надо, а не плюхариков с пальмы околачивать!

— Ну ладно, ладно, — отмахнулся Яшка. — Полетишь за своими плюхариками. И арестанта этого в подручные возьмешь, — он кивнул на Егора. — Все равно от него толку нет.

— Я тоже хочу на планету! — запротестовал Джеймс. — Я заплатил за этот полет не меньше Егора!

— Отставить! — рявкнул выведенный из себя Косенков, хватаясь за кобуру. — Ты, буржуазия, меня не зли! Не ровен час, с тобой там беда приключится! А я еще отыграться хочу…

Егор лежал за барханчиком, щурясь на раздвоенное солнце, и слушал, как в листве над головой стрекочут усами плюхарики. По розовато-оранжевому небу Керосинки медленно расползались фиолетовые лишайники облаков.

— Ты зря на песок-то улегся, — голова Сидорчука поднялась над густой щеткой травы. — Там, бывает, брюхогрызка прячется.

Егор поспешно переполз в траву, даже не спросив, кто такая брюхогрызка. Ему и без того хватало впечатлений — со всех сторон доносились звуки и запахи, способные довести свежего человека до истерики. Только флегматичное спокойствие красноармейцев помогало пережить стресс.

Егор затаился в траве, прислушиваясь к хрипловатому рыку справа. Может быть, там обедала какая-то местная живность, а может, просто храпел часовой.

Отряд занял оборону на краю леса, в чаще которого были надежно упрятаны оба паровоза, и ждал возвращения разведчиков. Отсюда до заправочной станции было километров пять.

— Но это если напрямки, болотами, — объяснял Сидорчук. — А если вкруговую, по краю кратера, то верст десять, не меньше. Стало быть, раньше захода второго солнца Тищенку и ждать нечего…

Позади Егора шелохнулись кусты, появился крайне расстроенный Мустафа.

— Что случилось? — спросил Егор.

— Да паровозы эти… — Мустафа оглянулся на лес. — Я вокруг них полазил, померил, прикинул — это просто черт знает, что такое! Не могут они летать! Не должны!

— Чего ты хочешь? Инопланетная техника!

— Хрен тебе — инопланетная! — Мустафа огорченно уселся на песок. — У них снизу клеймо есть: «Подольский завод».

— Швейных машин? — Егор глупо улыбнулся.

— Во-во… — Мустафа меланхолически выдернул из песка прутик, на конце которого обнаружилось отчаянно упирающееся многоногое туловище размером с кошку.

— Ты поосторожнее, — предупредил Егор. — Это, наверное, брюхогрызка.

— Да ну ее в задницу! — Мустафа решительно отломил прутик и принялся чертить на песке не понятные Егору формулы.

— Смотри, накличешь… — подал голос Сидорчук. — Ей ведь без разницы, с какой стороны вгрызаться…

— Тьфу! — Каримов сердито ухватил брюхогрызку за клешню и зашвырнул подальше в лес. — Как вы можете, Антон Пафнутьич, рассуждать о всякой ерунде, когда всей физической науке — кранты?!..

Разведка, как и предсказывал Сидорчук, вернулась на закате второго солнца. Тищенко, перемахнув барханчик, плюхнулся в траву рядом с Егором и сразу принялся с ожесточением отдирать от шинели налипших в болоте тварей. Бойцы его отделения, такие же грязные, как и командир, на ходу стаскивая с себя одежду и почесывая искусанные паразитами спины, углубились в лес. Навстречу им из кустов вынырнул Косенков.

— Ну что, видели? — нетерпеливо спросил он, присев возле Тищенко. — Кто там?

— А бис його знае! — Тищенко снял с шеи уютно присосавшегося было плюхарика. — Однако ж не наши, це вже точно. Я своих усих знаю…

— Стало быть, беляки?

Тищенко неопределенно почесался плечом о корягу.

— Выходэ, так…

— Что ты мне вола за хвост тянешь?! — рассердился Яшка. — Погоны-то есть на них?

— Та яки там погоны! — Тищенко сплюнул болотным семечком. — Одиты — кто у чем, я таку одёжу сроду нэ бачив. Бородаты уси, як мужики. Из оружия — тильки шашки та пыки, винтовок нема. Але ж одын — у фуражке. С кокардою…

— Ну, значит, врангелевцы! — заключил Яшка.

— Так а я що кажу! — Тищенко стянул сапог и вытряхнул на траву семейство прыгающих головастиков. — Одно худо. Ни Сэмэна нашего, ни Нюрки нэ побачили. Мабуть, вбили их…

Весть о том, что на Керосинке высадились белые и, надо думать, убили красноармейца Ревякина Семена Григорьевича с беременной женой его Нюркой-пулеметчицей, оставленных тут для пригляда за паровозной заправкой, всколыхнула весь отряд. Угрюмые бойцы, вспоминая добрый Нюркин нрав, украдкой шмыгали носами, а прилюдно грозились отомстить гадам со всей пролетарской беспощадностью. Храбрости мстителям прибавлял тот факт, что у белых не было огнестрельного оружия. Наиболее

горячие головы предлагали немедленный штурм заправки и захват четырех белогвардейских паровозов, но осторожный Яшка отложил операцию до восхода первого солнца.

— Здешние болота — это вам не Сиваш, — говорил он, елозя грязным пальцем по наспех нарисованному плану. — Тут по ночам такое ползает — половины бойцов к утру не досчитаемся!

Красноармейцы, дымя самокрутками, нехотя соглашались. Яшка пользовался у них неоспоримым стратегическим авторитетом. Все-таки не зря он два года проходил в ординарцах у самого товарища комбрига Кирпотина. Даже Тищенко, разжалованный из комэсков за мародерство на планете имени товарища Бебеля (незаконная экспроприация запасов меда у трудовых пчел) и поначалу свысока поглядывавший на молодого командира, вынужден был признать его правоту. Да и кому охота посреди ночи тащиться через болото, кишащее плотоядными тварями, как суп — лапшой?

В наступившей темноте бойцы принялись активно готовиться к утреннему наступлению, то есть поужинали и легли спать.

Егор долго бродил по лагерю, выходя к кострам и заглядывая под низко опущенные лапы спящих деревьев. Он искал Катю.

— Кажись, по плюхарики пошла, — сказал ему всезнающий Тищенко. — У болота ее шукай. Да дывыться ж, в тясину не суйтеся. Там хоть и неглыбоко, а дюже погано. У сколопендров брачные пляски почались. Негоже дивчине цьёго бачить…

У края болота Егор остановился. Бледно мерцающие облака стремительно неслись по небу при полном безветрии. Над скальной грядой, обозначившей границу кратера, то и дело вспухали и опадали далекие зарева. В темноте казалось, что вся поверхность болота шевелится, бугрясь и киша телами бесчисленной живности. Впечатление усиливалось хоровым писком, хрустом и сытым отрыгиванием, заглушавшим даже неистовый стрекот плюхариков. Удушливо пахло гудроном и бульонными кубиками.

— Катя, ты где? — вполголоса позвал Егор. — Отзо… — он испуганно замер, оглушенный внезапно наступившей тишиной. Кишение болота мгновенно прекратилось. Последняя маслянистая волна неторопливо прокатилась по водной глади, возвращая ей зеркальную неподвижность.

— Катя… — прошептал Егор, пугаясь собственного голоса.

— К-а-с-с-я, — тяжело вздохнуло что-то в темноте.

Егор попятился. Ну, на фиг! Линять отсюда надо, нету здесь Кати, и быть не может. Какой дурак полезет в это месиво по своей воле?!

Он совсем было уже решил вернуться в лагерь, как вдруг

далеко впереди, у скальной гряды, заметил светящуюся цепочку следов. Кто-то шел там вдоль берега, взбаламучивая ногами фосфорический ил и пуская по болоту ленивые волны. Егору даже показалось, что он различает в темноте знакомую косынку, светлым пятном проступающую на фоне камней.

— Катя! Подожди, я с тобой! — он добежал берегом до скал, грядой окружавших болото, и, оскальзываясь на мокрых камнях, заторопился вдогонку.

Трясина мало-помалу оживала. Словно в закипающем супе, то там, то сям вспучивались жирные пузыри, оставляя на поверхности мохнатую пену. В отдалении начинало побулькивать, посвистывать и шкворчать. На каждом шагу из-под ног бросалась врассыпную писклявая мелочь. Позади, в лесу, снова расчирикались плюхарики.

Катина косынка то пропадала за выступом скалы, то снова появлялась у края болота, приближаясь к самой воде. Казалось, девушка не особенно спешила, но Егору, считавшему себя неплохим спортсменом, никак не удавалось к ней приблизиться.

— Катя! — он остановился, задыхаясь. — Да постой же ты! Косынка на мгновение замерла, а затем быстро двинулась навстречу.

— Я зову, зову! — Егор облегченно вздохнул. — Ты не слышишь, что ли?

Катя не откликнулась, приближаясь странной прыгающей походкой. Все ускоряя бег, она с поразительной легкостью преодолевала огромные валуны. Егору вдруг стало неуютно.

— Э! Ты чего? — он невольно попятился и, оступившись на скользком камне, с размаху сел в лужу. Почва под рукой зыбко подалась. Что-то холодное и бородавчатое рванулось прочь, напоследок чувствительно цапнув за палец. Егор вскрикнул, но не от боли, ему вдруг стало ясно, почему движения Кати казались такими странными. Рост, вот в чем дело. Косынка девушки колыхалась на трехметровой высоте, венчая тощее, как жердь, суставчатое тело, размашисто работающее голенастыми конечностями.

Егор отчаянно забился в луже, пытаясь выбраться — совсем как те скользкие твари, которых он храбро топтал по дороге. И тут что-то мягко обхватило его за шею и с силой вырвало из воды. Он панически заверещал, отбиваясь, но его уже затянули в расщелину. Ловкое и проворное существо тяжело навалилось сверху, затыкая рот и не давая дышать.

— Тихо ты! — прошептал вдруг в самое ухо Катин голос. — Не трепыхайся, а то учует!

Егор испуганно затаил дыхание, слушая, как снаружи катится

с деревянным стуком нечто дребезжащее, расхлябанное, сипло повизгивающее, словно несмазанная телега, груженная дровами. У самой расщелины стук оборвался. Егора обдало жаром, мучительно захотелось вскочить, заорать во все горло, убежать прочь от этой твари, с этого болота, с этой планеты — домой!

Что-то вдруг громко щелкнуло совсем рядом, а затем «телега», громыхая дровами, покатилась дальше.

— Фу, ушел, — Катя отвалилась к стене расщелины, давая Егору возможность глотнуть воздуха. Несколько мгновений он беззвучно открывал и закрывал рот, прежде чем сумел едва слышно просипеть:

— Это кто?

— Богомол, кто еще… — Катя досадливо перекинула за спину мокрую распустившуюся косу.

— А почему в косынке?

— Да поздно я его заметила! Целый клок волос вырвал! Хорошо, что не вместе с головой… — она отпихнула Егора и, подобравшись к краю расщелины, осторожно выглянула наружу. — Тупая скотина, но как пристанет — не отвяжешься! Идем скорее, пока его нет!

— Куда идти-то? — Егор с трудом сел, брезгливо отряхивая с себя давленую многоногую мелочь. — Дорога к лагерю отрезана.

Катя обернулась и внимательно на него посмотрела.

— Я в лагерь и не собираюсь.

— А куда? — Егор растерянно ворочался в жиже, натекшей с комбинезона.

— На заправку, — сказала Катя. — К своим…

Покидая станцию «Мир», красный командир Яшка Косенков предусмотрел решительно все, кроме невесомости. Едва паровозы мягко отстыковались от шлюзовых люков, станцию огласили истошные вопли красноармейцев. Нелепо дрыгая руками и ногами, они самозабвенно предались броуновскому движению, в которое были вовлечены также несколько ящиков с патронами, пулемет, винтовки, игральные карты, пахучие сгустки явно пищевого происхождения и прочая неподдающаяся учету мелочь.

— Падаем, братцы! — истерически визжал кто-то.

— Маманя! Так твою и растак!

— Иже еси на небеси, да святится имя твое, да приидет царствие твое…

— Спокойствие, господа! — кричал Джеймс, больше всего боявшийся, что красноармейцы в панике откроют пальбу. — Это есть нормальный режим полета!

— Это есть наш последний и решительный бой! — нестройно

подхватили красноармейцы.

— Прощайте, товарищи! — басил командир отделения Прокопенко, сплевывая желудочный сок. — Погибаем за революцию!

— Да погодите вы погибать! — нетерпеливо ворчал Джеймс, с трудом уворачиваясь от Миколки, нарезающего стремительные диагонали в обнимку с пулеметом. — Хватайтесь за что-нибудь и держитесь! Да не за маузер хватайтесь, мистер Прокопенко! Зачем вы такой болван?!

Красноармейцы принялись хвататься друг за друга, сплетаясь в прощальном объятии, и наконец слиплись в большой шевелящийся ком, который Джеймсу удалось отбуксировать к люку и мало-помалу впихнуть в тесный отсек модуля «Природа». Только Миколка с пулеметом одиноко летал от стены к стене в узком проходе между ящиками, которые, к счастью, были закреплены. Джеймс храбро бросился ему наперерез и мощным толчком скорректировал Миколкину траекторию так, что тот влетел прямо в люк и застрял в толще красноармейцев.

— Неплохой клапштос! — похвалил себя Джеймс. — Все в порядке, господа! — крикнул он в люк. — Невесомость требует немножко привыкнуть! Сила тяжести вернется, когда паровозы пристыкуются взад!

— Самого бы тебя в зад, контра! — хором простонал модуль «Природа».

Джеймс пожелал бойцам скорейшего выздоровления и принялся за уборку. К счастью, бортовой пылесос не постигла общая судьба всей аппаратуры станции, и скоро в проходе между ящиками можно было двигаться без опасения вляпаться в неаппетитные комья или случайно проглотить пуговицу.

Когда уборка подходила к концу, из люка «Природы» высунулась перепачканная голова и хмуро попросила:

— Слышь, Купер! Давай-ка сюда свою трубу. Тут тоже прибраться надо, а то командира во все дыры несет…

Несколько часов спустя новый экипаж станции «Мир» понемногу угомонился и заснул, пришвартованный стараниями Джеймса Купера к скобам, поручням и другим надежным причальным приспособлениям. Никто из красноармейцев и не заметил, что во время уборки исчезло все их оружие, включая Миколкин пулемет, и даже деревянная кобура командира отделения Прокопенко была пуста.

Слушая, как всхлипывают во сне измученные бойцы, Купер бесшумно покинул модуль «Природа» и заботливо прикрыл за собой люк.

Дальнейшие его действия немало удивили бы Якова

Филимоновича Косенкова, если бы тот вдруг вернулся на станцию в это тяжелое для Красной Армии время. Но Косенков был далеко и не мог видеть, как вальяжный неповоротливый американец вдруг с поразительной ловкостью принялся ворочать ящики и в несколько минут расчистил проход к умолкнувшей еще на земной орбите бортовой радиостанции. Пальцы космонавта торопливо пробежались по клавишам, шкалы и лампочки на панели ожили, из динамика послышались космические шорохи. Джеймс поднес к губам микрофон и, еще раз оглянувшись на люк, негромко произнес:

— May day! May day! Всем, кто меня слышит…

— Ты с ума сошла! — возмущался Егор, едва поспевая за Катей, ловко прыгающей с камня на камень. — Зачем тебе белые понадобились? Ты же на Красный Гигант хотела, к отцу!

— И по-прежнему хочу! — Катя отшвырнула носком ботинка зубастую личинку сколопендры. — Но попасть на планету — это еще полдела. Мне спасти его надо! На кого же надеяться? От тебя-то, как я посмотрю, помощи мало.

— Я тебе уже говорил — поздно его спасать! — Егор вздохнул. Ну как ей объяснить?

Катя поняла его вздох по-своему.

— Вот-вот, — сказала она. — Все отговорки ищешь, а дело-то проще простого! Захватить оружие, прилететь на планету — и освободить! Кто это может сделать, если не белые?

— Неизвестно еще, как эти белые тебя встретят! Нюрку-то с Ревякиным не пожалели!

Катя остановилась и даже притопнула от возмущения.

— Вранье это все! Тищенко болтает, что попало, а ты его слушаешь! Я знаю многих офицеров дивизии, это благородные люди! И потом — они жизнью обязаны папе! Если трусишь — так и скажи!

— Я не трушу, — сказал Егор спокойно. — Я опасаюсь. На стрелку так не ходят — среди ночи, как снег на голову. Я, знаешь, на нескольких успел побывать. Там клювом щелкать не приходится… — он остановился. — Давай так: пока не увидишь своих знакомых, об оружии ничего не говори.

— Почему это? — Катя удивленно округлила глаза.

— По кочану, — объяснил Егор. — Есть у меня одно опасение… В общем, не суетись. Идем спокойно, собираем плюхариков, вроде бы мы и ни при чем… Ждем, когда сами окликнут.

— Зачем столько сложностей? — Катя нахмурилась. — Когда можно прийти и сразу сказать…

Она вдруг осеклась.

— Ну, и что ты скажешь? — усмехнулся Егор.

— Здравствуйте, господа, — неуверенно произнесла Катя.

— Плохо, — Егор покачал головой. — Давай-ка обойдемся и без «господ», и без «товарищей».

— А ведь хлопец дело говорит! — неожиданно раздался у него за спиной хриплый голос. — Мы господ с товарищами на одной пальме вешаем!

Егор резко обернулся и застыл, увидев нацеленное ему прямо в лицо острие копья.

— Ну-ну, не дергайся! — сказал низкорослый бородатый человек, одетый в длинную, до колен, домотканую рубаху, подпоясанную солдатским ремнем.

Двое других, одетых точно так же и таких же коротконогих, целились в Егора из арбалетов.

— И руки подыми! — добавил человек с копьем. — А ты, барышня, кидай сюда туесок, ежели, конечно, в нем бонбы нет!

— Какая бомба, что вы, мужики! — сказал Егор, передавая ему Катину корзинку. — Плюхариков мы собираем!

— Кто ж вас знает, местных, — рассудительно заметил копейщик, вытряхнув содержимое корзинки на землю. — У вас тут, говорят, черт знает чего можно найти! В каждом огороде пулемет зарыт! А может, и патроны есть? — он пытливо прищурился на Егора.

— Нет, — честно признался Егор. — Патронов нету. Только плюхарики.

— Тьфу, срамота! — копейщик брезгливо пнул лаптем шевелящуюся кучу, после чего тщательно вытер его о траву. — И как вы такую страсть в рот берете?!

— Дык куда деваться? — Егор простодушно почесал в затылке. — У сколопендры-то брачные пляски начались, к ней сейчас и не подступишься. Перебиваемся вот, чем бог послал! — краем глаза он поймал изумленный взгляд Кати. — Много ли нам, сиротам, нужно?

— Сиротам, говоришь? — мужик скептически пожевал бороду, щурясь на комбинезон Егора. — А мундирчик-то у тебя не сиротский. Верно, браты?

Арбалетчики, и в самом деле похожие друг на друга, как братья, утвердительно махнули бородами.

— И девка одетая, будто сейчас с ярмарки, — сказал один из них.

— Сестра, стало быть? — продолжал копейщик.

— Единоутробная! — кивнул Егор.

— А что ж вы с остальными-то в бега не подались?

— В бега? — Егор посмотрел на Катю, ожидая хоть какой-нибудь подсказки, но та, похоже, понимала в происходящем еще меньше, чем он.

— Да мы подались было, — Егор был вынужден продолжать наобум, — но отстали чего-то…

— Вот чудаки-люди! — рассмеялся копейщик. — Деревню, пожитки — все побросали! И чего напужались? Батька местных без вины кончать не велит, — он вдруг хитро подмигнул Кате. — Но ежели разбежались — значит, чем-то виноваты, а?

— Так мы ж вернулись! — заспорил Егор. — Сами, добровольно!

— Добровольно, говоришь? — мужик все смотрел, щурясь, на Катю. — Ну, пошли, коли так.

Он сделал знак арбалетчикам, и те расступились, пропуская пленников вперед.

— Куда вы нас ведете? — спросила Катя.

— Ишь любопытная! — копейщик вознамерился было ласково хлопнуть ее пониже спины, но, встретившись с ней глазами, передумал и только облизнулся. — Не боись, сиротка, до батьки нашего поведем. Да не зыркай там глазами-то! Батька у нас строгий, чуть что не по ём — живо к мамке отправит!

Заправочная станция, стоявшая посреди обширного, наголо вытоптанного пустыря, больше всего напоминала саркофаг Чернобыльской АЭС — несколько уменьшенный, но такой же мрачный монолит серого шершавого камня, с крутыми откосами и чем-то вроде трубы на крыше. Четыре паровоза, приткнувшиеся у стены саркофага, казались на его фоне совсем крохотными.

Однако конвоиры, сопровождавшие Катю и Егора, свернули с широкой дороги, ведущей на станцию, и пыльной тропкой привели их в неглубокий распадок, уходящий в глубь леса. По обеим сторонам распадка тянулись вырытые в склонах землянки, над которыми в свете зари поднимались лазоревые струйки дыма.

Катя с удивлением крутила головой, разглядывая ветхие постройки, сложенные из старых рассохшихся стволов.

— Ну, чего ты рот разинула? — Егор незаметно дернул ее за рукав. — Не забывай, что мы местные.

— Я не забываю! — прошептала Катя. — Я тут плюхариков собирала две недели назад. Но ничего этого тогда не было! Когда они успели вырыть целый город?

— Поздравляю! — мрачно буркнул Егор. — Наконец-то до тебя начинает доходить…

— Что доходить? — не поняла Катя.

Ответить Егор не успел. Из темноты наперерез им шагнул

человек с тяжелым арбалетом.

— Кто такие? — сурово спросил он, но, узнав конвоиров, опустил оружие. — То ты, Михась?

— А то хто ж? — отозвался копейщик. — Дрыхнете тут, а местные под самым носом шастают!

Из-за кустов появились еще несколько человек с заспанными физиономиями и дрекольем в руках. На голове одного из них тускло блеснула кокардой офицерская фуражка.

— Опять Михась оборванцев привел, — сказал кто-то. — На черта они тебе сдались? Порубал бы на месте — и вся недолга!

— Ну да! Буду я об них тесака тупить! — проворчал Михась, подгоняя Егора. — Чего встал? Шевели копытами!

— А хошь, мы их в штыки щас у березки-то и поставим! — не унимался деятельный советчик.

— Как Борташ скажет, так и будет!

— Ну, веди, веди… Разбудишь батьку, он те зубы-то пересчитает!

Катя и Егор, опасливо косясь на придвинувшихся вплотную людей, поспешили вслед за конвоиром, ощущая спинами недобрые взгляды.

— А девка-то спелая! — голодно произнес кто-то. — Особливо обувка у ей хороша! Прасковее моей в самый раз! Или Глашке! Слышь, коза! Третьей будешь? Пристяжной возьму!

Мужики злорадно заржали.

Катя вцепилась в руку Егора и не отпускала ее до тех пор, пока Михась не привел их к землянке, казавшейся побольше и почище остальных. Здесь он отпустил арбалетчиков, а Егору и Кате велел ждать.

— Почекайте тут. Только не отходите никуда, а то хлопцы с утра злые.

Он толкнул рассохшуюся дверь и скрылся в землянке.

— Ну что, довольна? — зло прошипел Егор. — Вот тебе твои белые и пушистые!

— Я ничего не понимаю! — на глазах Кати блестели слезы. — Это какие-то бандиты! Но откуда они взялись?

— Вывелись, — сказал Егор. — Методом перекрестного опыления. Над лощиной медленно разгорались зеленые лучи первого солнца.

Поселок постепенно просыпался. Где-то заплакал ребенок. По тропе мимо землянок прошла босая, нечесаная женщина с коромыслом на плече.

— Здравствуйте! — сказала Катя.

Женщина не ответила, искоса уколов ее неприветливым взглядом. Наконец из землянки выглянул Михась.

— Заходьте!

В тесном, едва освещенном масляной плошкой помещении было душно, воняло кислым потом и копотью. Батька Борташ, дородный мужик лет шестидесяти, голый по пояс и лохматый, как мультипликационный людоед, сидел на лежанке, по-турецки скрестив босые ноги в полотняных штанах. Перед ним суетилась ядреная молодуха в подоткнутой рубахе, выставляя на низкую массивную колоду, служившую столом, глиняные тарелки с кусками ноздреватого студня, разваренными клубнями и пучками маслянисто поблескивающих трав. Сервировку завершила пузатая бутыль с мутной жидкостью зеленоватого отлива. Молодуха крепкими зубами вырвала из бутыли затычку и доверху наполнила немалую глиняную чеплагу. В благодарность за хлопоты батька отвесил ей полновесный шлепок по обширному заду, и она величаво уплыла за занавеску, стрельнув напоследок в Егора лукавым, но слегка заплывшим глазом.

Батька неторопливо вытянул брагу, меланхолично пожевал кусок студня и только после этого обратил внимание на гостей.

— Ну? — промычал он без интереса.

— Вот, батька, — Михась помялся, поглядывая на бутыль. — На болоте взяли. Говорят — местные.

Борташ хрустнул продолговатым плодом, напоминающим огурец.

— Ну и что мне — целоваться с ними? Али за стол сажать? Нашел в болоте, да там бы и утопил. Самое место для них, сиволапых!

Скотина какая, подумал Егор. Такой и в самом деле утопит — глазом не моргнет. Включай, Егорка, соображалку, а то поздно будет!

— Я извиняюсь, — сказал он, кашлянув. — Михась тут малость не при делах. Мы ведь нарочно к вам шли.

— Чего? — Борташ, вызверясь, уставил на Егора желтые, в кровавых прожилках глаза.

— Ну да, — убежденно закивал Егор. — Как увидели, что паровозы садятся, так и решили — попросимся к вам!

Он покосился на Катю. Девушка молчала. Не то поняла, что Егор пытается выиграть время, не то была слишком испугана происходящим.

— Что еще за паровозы? — нахмурился Борташ.

— Ну, эти, черные. На которых вы прилетели… Батька хрюкнул в баклагу, расплескав самогон.

— Слыхал, Михась? Это они снаряды так зовут! — он оскалил редкий гребешок траченных цингой зубов. — Паровозы! Эх вы, дярёвня!

— Так я и говорю, — радостно подхватил Егор. — Сколько можно в болотах гнить! Отродясь свету белого не видали. Надоело! Возьмите в отряд.

— Ишь чего захотел… — Борташ поморщился, превозмогая изжогу. — На черта мне лишние рты в отряде? Сам видишь — впроголодь живем!

Он залпом опустошил чеплагу и зачавкал, кусая рассыпчатый клубень.

— Сдается мне, батька, — осторожно заметил Михась, — не дюже они на местных смахивают. Уж больно одеты чисто…

— Ну? — Борташ перестал жевать, поднял масляную плошку с коптящим фитильком и впервые внимательно оглядел сначала Катю, а затем и Егора. — А это мы очень просто проверим. Покличь-ка старуху!

Час от часу не легче, подумал Егор, глядя вслед выходящему из землянки Михасю. Зачем нам старуха? Не хватало еще публичных разоблачений. И Катька что-то совсем скисла, как бы не разревелась и не начала с перепуга правду резать. Это сейчас совсем некстати…

Борташ тем временем полностью сосредоточился на миске со студнем, часто наполняя и опорожняя чеплагу и не проявляя к пленникам ни малейшего интереса.

Стукнуть бы по черепу да убежать, томился Егор. Но за занавеской время от времени шелестел еле слышный шепоток. Не было никакой гарантии, что там не прячутся четверо мордоворотов с арбалетами.

Батька сыто рыгнул, отставив миску. Молодуха тотчас появилась с новой переменой блюд — жирным куском мяса на кости, обложенным волокнистой массой, напоминающей макароны под сыром. Егор с трудом подавил накатившую тошноту. Макаронная масса вела себя чересчур активно, раскрывая то там, то сям большие печальные глаза.

Борташ, ловко орудуя здоровенным тесаком, принялся за мясо.

— Водички не поднесете, хозяюшка? — попросил Егор. — В горле пересохло.

Молодуха вспыхнула и, ничего не ответив, скрылась за занавеской.

— С каких это пор местные начали воду пить? — неприятно прищурился на Егора Борташ.

— Шутка! — поспешно ответил Егор. — Народный юмор. А хозяйка у вас ничего — симпатичная!

— Кой черт симпатичная, — набычился Борташ. — Сухая, как плеть. Повывелись девки… — он тяжело вздохнул и неизвестно к

чему добавил: — Жуешь, жуешь, никакого вкусу…

Егор на всякий случай взял Катю за руку.

Дверь распахнулась, и в землянку, шаркая босыми подошвами, медленно вползла скрюченная фигура, в которой лишь по обрывкам тряпья, прикрывающим тело, и седому клочку волос на голове можно было узнать человеческое существо. Темные костлявые руки с подагрическими суставами и загнутыми когтями напоминали птичьи лапы, вцепившиеся в клюку, на которую опиралась старуха. Выцветшие до матовой белизны глаза тускло светились в глубоких провалах черепа, обтянутого коричневой морщинистой кожей.

Здравствуй, бабушка-яга, невесело подумал Егор.

— Зачем звал? — спросила старуха неожиданно звучным молодым голосом, при звуках которого пальцы Кати вдруг похолодели в руке Егора.

Девушка смотрела на старуху во все глаза.

— Вот, мать, родня твоя отыскалась, — Борташ утер жирные губы тыльной стороной ладони. — Узнаешь?

Старуха медленно обвела взглядом землянку и остановилась на пленниках.

— Нет, — сказала она, в упор глядя на Катю. — Не узнаю.

— Ну, ты даешь, бабуля! — возмутился Егор. — Совсем на старости лет из ума выжила?! А кто тебе дрова рубил? Воду носил… то есть эту, как ее… — он повернулся к Борташу. — Нашли, кого слушать! У бабки склероз рассеянный с юных лет! У кого хотите спросите! Она ж не помнит, как ее саму звать!

Он чувствовал, что иссякает, и мало-помалу стал приближаться к старухе. Вырвать клюку, первый удар — Михасю по коленкам, потом — по плошке с фитильком, и бежать!

— Не помнит, говоришь? — усмехнулся Борташ. — Вот ты нам и скажи, как ее звать.

Он неспешно вытер тесак о штаны и принялся ковырять им зубах. В землянке повисла неприятная тишина. Егор в панике оглянулся на Катю. Та, казалось, не замечала ничего вокруг, пристально всматриваясь в густо перечеркнутое морщинами лицо, а затем вдруг протянула руку и тронула седой клок волос.

— Нюра, — тихо произнесла она. — Господи, Нюрочка, это же ты! Старуха капризно дернула плечом.

— Знамо, я. Кто ж еще?

Огонек плошки мигнул в Катиных глазах и каплей покатился по щеке. Она обошла старуху кругом, трогая ее плечи, горбатую спину, птичьи лапки, бывшие когда-то полными белыми руками хохотушки-поварихи.

— Но что с тобой произошло?!

— Знамо, что… — старуха неприязненно покосилась на Катю. — Улетели, касатики… Жди, говорят, скоро будем… — она помолчала, горестно поджав бесцветные губы. — Так всю жизнь и прождала… Семена схоронила, сынов троих и дочку Катеньку… В честь тебя имечко у ей было… Да не зажилась. Тоже непоседливая… Потом Василий родился… А от него — Семен и Анютка…

— Этого не может быть! — Катя с ужасом смотрела на старуху, продолжавшую перечислять детей и внуков.

— Я ведь тебе говорил, — прошептал Егор. — А ты не верила…

— Чему я должна верить?! — Катя повернула к нему заплаканное лицо.

— Да ты не реви, девка! — подал голос Михась. — Мы твою бабку не забижали. Кому она нужна, тварь насекомая?! Забирай в полной сохранности, раз уж вы и впрямь родня!

— Э-э, погоди, Михась, — Борташ расплел ноги и спрыгнул с лежанки.

Егор с удивлением обнаружил, что широкий кряжистый торс батьки едва возвышается над колодой, опираясь на коротенькие кривенькие ножки.

— Тут разговор интересный намечается, — Борташ вразвалку подошел к Егору, поигрывая тесаком, и остро прищурился на него снизу вверх. — Куда ж это вы, касатики, летали? На чем?

Егор молчал, глядя на острие тесака, выписывающее восьмерки в неприятной близости от его живота.

Неожиданно в дверь землянки бухнули снаружи, в проеме показалась голова в офицерской фуражке.

— Батька! Там снаряд сел!

— Где? — Борташ метнулся к двери.

— На заправке! Прямо возле наших! О, чуешь?

Издалека вдруг послышался взрыв, а затем несколько коротких очередей.

— Чего это? — растерянно спросил Борташ.

— Пулемет! — неожиданно оживилась старуха. — Нешто сам Яков Филимоныч пожаловали? Слава тебе, господи, дождалась!

Нет, подумал Егор, не пулемет это. Из «калаша» садят! Такую очередь ни с чем не спутаешь. Похоже, тут есть стрелки и кроме Якова Филимоныча.

— Так вот какая у тебя родня! — Борташ угрожающе шагнул к старухе.

— Это не мы! — поспешно сказал Егор. — Мы мирные люди! У нас и бронепоезда-то нет! То есть этого… паровоза! Снаряда!

Новый взрыв грохнул ближе. С потолка посыпалась земля.

— По коням! — рявкнул Борташ. — Ярина, мать твою!

— Тут я!

Занавеска колыхнулась, из-за нее стремительно явилась молодуха в кожаном потнике и полной сбруе. Ремни крест-накрест перехватывали ее сильное тело. Бугрящиеся мышцами руки в шипастых рукавицах крепко держали на сворке целую стаю кошмарных зверюг, казалось, сплошь состоящих из клыков и когтей.

В землянке вдруг стало очень тесно. Егор прижал взвизгнувшую Катю к стене, закрывая ее от рвущихся с поводков тварей. Борташ ловко вспрыгнул молодухе на закорки и пришпорил пятками под бока.

— С этих — глаз не спускать! — велел он Михасю, распахнувшему дверь. — Головой отвечаешь!

Упряжка рванулась прочь из землянки. Борташ на скаку выкрикивал приказы:

— Сивый! Гуртом через лес — в обход! Хромого с арбалетчиками — на холмы! Копейщики, цепью вперед — марш!

По улице рассыпался дружный шлеп лаптей и укатился вдаль, откуда доносились редкие автоматные очереди. Михась запер дверь и повернулся к пленникам.

— Видали? — не без гордости сказал он. — С батькой шутки плохи! Он подошел к колоде и, оглянувшись на дверь, торопливо наполнил чеплагу самогоном из бутыли.

— Глядите у меня! — пригрозил он, поднося чеплагу ко рту. — Шоб ни звуку, ни шороху!

Мутная жидкость без задержки полилась в его широкое горло.

— Мы глядим, глядим, — прошамкала старуха и вдруг едва уловимым движением метнула клюку.

Михась выронил чеплагу и завалился на лежанку, сорвав торчащей из шеи клюкой ветхую занавеску.

Старушка утицей просеменила к нему и, обхватил клюку костлявыми пальцами, всадила ее поглубже. Михась выгнулся дугой и захрипел.

Егор отвернулся. Катя вцепилась в него, дрожа всем телом.

— Не надо смотреть, — он прижал к себе ее голову.

Со стороны лежанки послышалось несколько всхлипов, и все стихло.

— Попомнишь у меня Нюрку-пулеметчицу, интервент! — старуха подошла, обтирая занавеской острый конец клюки. — Больно грозный. Чистый сколопендр! Только дурнее… — она отбросила окровавленную тряпку в угол. — Ну, чего слиплись? Не намиловались за сорок лет? Там Якову Филимонычу, поди,

подмога нужна! Пошли!

Старуха ухватила Катю за руку и потащила к двери.

Единственная улица деревни была пуста. У догорающего костра валялся опрокинутый котел, истекающий последними каплями пролитой похлебки. Вдали у серой пирамиды заправочной станции к небу поднимался дымный столб. Старуха повернула в противоположную сторону.

— Куда мы идем? — спросила Катя, едва поспевая за ней.

— Кругалём да напрямки, — не оборачиваясь, ответила старуха. — Так-то оно вернее будет…

Такого Егор еще не видел ни на Земле, ни на станции «Мир», ни в паровозе Сидорчука. Подземный коридор, выложенный светящейся плиткой, уходил в бесконечную телескопическую даль. Через каждые десять шагов из стены выступала сложной конфигурации приборная панель, усеянная живо перемигивающимися огоньками.

— А для чего это? — Егор мог бы поспорить, что приборы имеют внеземное происхождение, если бы не выведенная по трафарету надпись над каждой панелью: «Руками не трогать!»

— А хрен бы его знал! — равнодушно пожала костлявыми плечами Нюрка. — Живет себе помаленьку…

— Егор, — чуть отстав, Катя тронула его за локоть. — Откуда ты знал, что здесь прошло много лет, пока мы летали?

— Парадокс Эйнштейна. Это в школе проходят.

— Да? — Катя опустила глаза. — А мы не проходили…

— Так вы с Эйнштейном в школе, наверное, в одно время учились. Если я ничего не путаю. У меня по истории всегда тройка была.

— По истории, — грустно повторила Катя. — Значит, это правда?

— Ты о чем? О парадоксе?

— Я об отце…

Она оставила Егора и ушла вперед.

Нюрка, не оглядываясь, бодро шаркала босыми подошвами по гладкому полу тоннеля. Катя догнала ее и пошла рядом.

— Как же вы тут жили, — спросила она, — вдвоем на целой планете? Сорок лет…

— Зачем вдвоем… А дети? С детьми-то знаешь как? Где год, там и сорок. А может, и боле… кто их считал?

Клюка ее размеренно ударяла в пол. Казалось, в коридоре тикают невидимые часы, отсчитывающие бесконечное время.

— Поженятся дети — считай, лет пятнадцать прошло.

— На ком поженятся? Тут еще люди были?

— Никого тут не было… — отмахнулась старуха. — Сами поднялись. Старшенькая-то моя не от Семена была… Это уж я ему потом призналась, когда ей пора пришла… Покручинился Семен да Лизавету-то и забрюхатил… А там и покатилось… моих четверо да Лизкиных пятеро… Грех невелик, а жить надо… Товарищ Ленин сказал — плодитесь и размножайтесь…

Егор прислушался. Откуда-то доносился постепенно усиливающийся гул. Пол под ногами время от времени начинал тихонько вибрировать, издавая дребезжащие звуки, вплетающиеся в монотонное бормотание Нюрки.

— …Степан родил Алексея, Алексей родил Якова и Николая от Анютки и Ефросиньи… в пустыню они ушли, не возвращались пока…

Шагов через сто в стене коридора обнаружилось широкое овальное отверстие, за которым вдруг открылся циклопический объем погруженного в полумрак зала. Гул стал оглушительным. В сумеречной глубине бледно мерцали гигантские агрегаты, оплетенные сетью электрических разрядов. Они наполняли воздух сухим треском и запахом озона. Внутри кокона из фиолетовых молний тяжело ворочалось что-то темное, бесформенное, то распадаясь на части, то сливаясь в единую косматую массу.

— Что это? — прокричал Егор, нагнав старуху.

— Заправка! — отмахнулась Нюрка, не замедляя шаг. — Нам туды не надоть!

Она устремилась дальше по коридору, в конце которого виднелись ступени уходящей вверх лестницы…

Люк вывел их прямо под небо — на утоптанную площадку, укрытую со всех сторон зарослями колючего сухостоя. Снова послышалась автоматная очередь — на этот раз совсем близко. Бой продолжался. Егор осторожно раздвинул стебли и глянул вниз. Площадка находилась на вершине холма, с которого отлично просматривался почти весь пустырь вокруг заправочной станции и приткнувшиеся у стены паровозы. Паровозов было пять. Неподалеку от них догорала избушка сторожей, пуская в небо коптильный дым.

Издали послышались крики. На краю пустыря закачались копья. Нестройная цепь боевитых мужиков поднялась в атаку. Их зычным ревом подгонял Борташ, скачущий позади строя верхом на Ярине. Мужики преодолели всего десяток шагов, когда ударила новая очередь. Егор перебежал площадку, выглянул с другой стороны и успел заметить вспышки выстрелов внизу, посреди крохотного островка жидкого кустарника. На подступах к островку валялось несколько аспидно-черных трупов. В них нетрудно было узнать тех клыкастых тварей, которых батька

держал у себя в землянке за занавеской.

Автомат коротко прогрохотал три раза, и наступавшие мужики снова залегли. Борташ, уходя из-под обстрела, пришпорил Ярину.

Егор силился разглядеть среди кустарника фигуру стрелявшего.

— У наших автоматов не было, — сказал он. — А держится хорошо. Молодец.

— Ты вот сюда погляди!

Нюрка, приставив ладонь козырьком ко лбу, смотрела в направлении станции. Там из-за угла гурьбой высыпали борташевские арбалетчики и, прячась в траве, сноровисто расползлись цепью.

— С тыла обходят! — ахнул Егор.

— У меня не обойдут! — старуха подбежала к шалашу, стоявшему посреди площадки, и живо раскидала вязанки сухих трав.

Перед Егором и Катей во всей красе обнажилась классическая средневековая катапульта на больших деревянных колесах.

— Разворачивай! — скомандовала старуха, ухватившись за станину.

Катапульту подкатили к краю площадки. Нюрка оттянула двухметровую ложку в боевое положение и вбила стопорный клин.

— Накручивай! — велела она Егору. — Да смотри не упусти! Без рук останешься!

Егор послушно ухватился за крестообразный ворот храпового механизма.

— А стрелять чем? — прокряхтел он.

— Найдется чем! — старуха ткнула когтистым пальцем в угол площадки. — Катюха! Там, в яме, под пологом! Подноси!

Катя принесла пупырчатый плод размером с арбуз.

— Не легковат? — с сомнением спросил Егор.

— Может, и легковат, — Нюрка уложила «арбуз» в долбленое углубление ложки. — Зато вонюч!

Она послюнявила палец и подняла его над головой.

— Поправку на ветер сделаем! Разверни чуток… Хорош! Эх! Смерть мировой буржуазии во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! Огонь!

Ложка с визгом поднялась, ударила в перекладину, и пупырчатый снаряд по широкой дуге улетел в поле. Там, где он упал, взметнулся фиолетовый газовый гриб и медленно осел, расползаясь чернильной кляксой. Из травы с истошным воплем выскочил перепуганный борташевец. Бросив арбалет, он

схватился за горло и припустил обратно к лесу, плюясь и кашляя на бегу.

— Забористая штука! — с одобрением заметила Нюрка. — От нее даже сколопендры в тину прячутся. Заряжай!

Десять снарядов, разбросанных по полю, полностью сорвали обходной маневр борташевцев. Арбалетчики улепетывали к лесу, провожаемые языками медленно ползущего следом едкого газа.

— С ветром повезло сегодня! — радовалась Нюрка.

Лицо ее, давно сожженное загаром под лучами двух солнц, казалось, снова разрумянилось и помолодело. С юным задором бывшая пулеметчица наводила орудие на цель, успевая помогать и Егору с воротом, и Кате со снарядами.

— Зря молодежь-то моя разбежалась! — звонко щебетала она. — Говорила я им — сами одолеем супостата! Да куда им! Осмирнели от тихого жития!

— А этот разве не ваш? — Егор указал вниз, на кусты, откуда ободренный неожиданной поддержкой автоматчик метко бил одиночными, плотно прижимая к земле борташевцев, наступавших с фронта.

— Не, не мой, — Нюрка с сожалением вздохнула. — Опытный мужчина. У меня таких нет. Да и стрелять нечем.

— О Господи! — ахнула вдруг Катя, следившая за борташевцами. — Смотрите, что там делается!

На краю пустыря взметнулись клубы пыли, из которых, как птичий клин из облака, вырвалась стремительно приближающаяся кавалерия. Экипированные в кожаную сбрую бабы бежали, отчаянно работая пышными бедрами и оглашая пустырь мучительным воплем, слышать который доводилось разве что ординаторам родильных домов. Зверообразные мужики подпрыгивали в седлах, размахивая тесаками и колотя рахитичными ножками в девичьи бока. Казалось, батька Борташ вдруг размножился и, утратив привычную осторожность, ринулся в сокрушительную атаку.

— Ах, я дура старая! — всплеснула руками Нюрка. — Забыла, что у него полотряда таких недомерков, как он сам! Думала, из жалости братьев кормит.

— Разворачивать, что ли? — спросил Егор.

— Далеко! — Нюрка прищурилась, закрываясь рукой от солнца. — Не достанем. Но что ж боец-то молчит?! Стопчут ведь!

Егор посмотрел на зеленый островок у подножия холма и увидел, как оттуда выскочил человек в камуфляжном комбинезоне и что есть силы побежал к паровозам, на ходу отшвырнув автоматный рожок.

— Патроны у него кончились!

Человек в камуфляже большими скачками несся через пустырь, но широкий клин кавалерии, изгибаясь серпом, уже отрезал его от паровозов.

— Не успеет! — в отчаянии крикнул Егор.

— Ахти, беда-то какая! — всполошилась Нюрка. — Ну, я вам, кобелям, покажу, как на трудовых бабах ездить! — она рванула станину катапульты так, что колеса прочертили в земле глубокую борозду. — Навались, ребятушки!

Орудие выкатили на новую позицию.

— Катерина, снаряд! — скомандовала Нюрка, прицеливаясь. — Эх, мать вашу! Далеко! Как бы парня не задеть! А ну, Егорушка, крути до упору! Еще давай!

Она подбежала и тоже вцепилась в ворот. Скрученные жгутом толстые жилы неизвестного зверя жалобно стонали, опасно выгибая рукоять ложки.

— Ну, еще маленько! — задушенно прохрипела Нюрка.

И тут жгут не выдержал. Что-то оглушительно выстрелило над самым ухом Егора. Размочаленная многохвостая плетка взметнулась над станиной, едва не задев его по лицу. Ворот легко провернулся и остался в руках у Егора и Нюрки, отлетевших далеко от катапульты.

— Все, отвоевались, — Егор с трудом поднялся, потирая ушибленное плечо. — Нюр, тебя не задело?

Нюрка не отвечала. На глазах одряхлев и потеряв последние силы, она дрожащим кулачком размазывала по сморщенным щекам мелкие старческие слезы. Катя подошла к ней и, присев рядом, молча обняла.

— Простите, ребятки, — всхлипнула старуха. — Подвела я вас, погубила… Что ж за доля моя горемычная… — она принялась раскачиваться, переходя на жалобный вой, и вдруг замерла. — Стой! А это чего?

Егор прислушался. Где-то над болотом, словно отголосок песни, поднималось отдаленное хоровое «Ур-а-а!», сопровождаемое треском винтовочных выстрелов.

— Ур-р-а! — звонко подхватила Нюрка, вскакивая на ноги. — Яков Филимоныч подходят!

На этот раз она не ошиблась. Раздвинув травы, Егор увидел, как со скальной гряды на пустырь выливается поток вооруженных людей и, на ходу разворачиваясь в цепь, неудержимо катится на позиции борташевцев. Над строем трепетал на ветру красный флаг. С пригорка застрекотал пулемет, разом выкосив авангард батькиной кавалерии и прижав остатки клина к лесу. Бабы, сбрасывая седоков, с визгом разбегались кто куда. Лишь один всадник продолжал оставаться в седле, торопливым галопом

уходя от обстрела под прикрытие холма, с вершины которого ему в бессильной ярости грозила клюкой отчаянная пулеметчица.

— Финальный заезд, — нервно пошутил Егор. — Первый номер — Борташ на Ярине, от Бунчука и Ясной.

— Уйдет сукин сын! — бесновалась Нюрка. — К паровозам метит! Ярина, исходя пеной, тяжело скакала по склону холма.

— Так не бывать же тому!

Нюрка бросилась к катапульте и вспрыгнула на станину.

— Толкайте!

— Ты с ума сошла! — испугалась Катя. — Разобьешься! Старуха неистово била в землю клюкой так, что катапульта и в самом деле понемногу двигалась к краю площадки.

— Толкайте, вам говорят, сукины дети! В трибунал захотели?! Егор прикинул расстояние и понял, что старухина затея не лишена смысла. По ровному склону тяжелая катапульта могла скатиться наперерез Борташу — прямо под ноги Ярине. Непонятно, правда, как там тормозить… Но думать об этом было некогда.

— Эх! Есаул с урядником на джипе с кенгурятником! — пропел Егор, разгоняя катапульту. — Поехали, бабушка!

Он едва успел запрыгнуть на станину, когда четырехколесное сооружение, разметав травы, ухнуло вниз. Склон холма оказался не таким уж пологим. Катапульта стремительно набирала скорость, перепрыгивая дождевые рытвины, подминая кусты и хрустя колесами на кочках. Впереди нее волной неслась насмерть перепуганная мелкая живность.

Егора отчаянно болтало из стороны в сторону вместе с ложкой, в которую он намертво вцепился, не найдя лучшей опоры. На какое-то время он упустил из виду Борташа и вообще потерял ориентацию в пространстве. Ему казалось, что спуск продолжается долго, что катапульта давно уже скатилась с холма, но продолжает разбег по пустырю, набирая первую космическую скорость.

— Не уйдешь, кобель укороченный! — Нюркин голос прозвенел над самым ухом, перекрывая грохот и треск.

Егор вдруг увидел Борташа. Перекошенное в крике лицо батьки приближалось с ужасающей быстротой. Внушительный тоннаж Ярины не позволял ей мгновенно остановиться и пропустить катапульту мимо себя. В последний момент ей удалось только слегка отвернуть в сторону, и она понеслась вниз по склону, не в силах прекратить все ускоряющийся беспорядочный галоп. Всадник и катапульта мчались теперь параллельными курсами. Нюрка безуспешно пыталась дотянуться острым концом клюки до жирного загривка Борташа. Батька на

скаку отмахивался тесаком.

— Гаси его, Шапокляк! — закричал Егор, впадая в азарт. — Вот я его сейчас ложкой!

Он попытался выдернуть тяжелый рычаг из переплетения жил, чудом удерживающих его на весу, но в этот момент раздался страшный треск, и Егор с удивлением обнаружил себя высоко над землей, в свободном полете, траектория которого подозрительно напоминала путь снаряда, выпущенного из катапульты.

«А я, оказывается, успел соскучиться по невесомости», — меланхолически подумал он, и тут наступила тьма…

…Будильник прозвенел, как всегда, в полвосьмого. Егорка зарылся головой под подушку и натянул одеяло повыше, однако проклятый звон ничуть не ослабел. Кто их делает, эти будильники?! Руки бы оторвать! Трещит на всю квартиру, будто не видит, что человек уже проснулся, просто ему нужно поваляться еще минут пять. Ну, две… Ну, хотя бы сон досмотреть. Там было так интересно…

— Егорка, подъем!

Подушка улетела в облака, большая папина ладонь взъерошила Егоркины вихры.

— Ну, минуточку еще… одну…

— Вставай, вставай, в школу опоздаешь!

— А ты меня на джипе подвезешь, — Егорка хитро приоткрыл один глаз.

— Сегодня не могу, — вздохнул папа. — Мы с мамой должны ехать в Звенигород.

В Звенигород?! Егор задохнулся от ужаса.

— Не надо в Звенигород! Вас же там… — он попытался вскочить, но больно ударился головой о низкий бревенчатый накат землянки и рухнул обратно на солому.

— Да уймись ты! — Мустафа крепко ухватил его за плечи, не давая свалиться с лежанки. — Антон Пафнутьич, ноги ему держите! Катя, неси аптечку!

Егор почувствовал, как что-то тоненько ужалило его в бедро, во рту сразу стало горько.

— Папа… — всхлипнул он, проваливаясь в зыбкий сон, на этот раз без видений.

— Товарищи! — скорбно заговорил Яшка, комкая в кулаке фуражку. — Международное положение нашего молодого государства продолжает желать лучшего! Еще бродит по бескрайним просторам нашей рабоче-крестьянской Галактики недобитый враг! Поганая гидра контрреволюции протянула свои когтистые щупальца от планеты к планете, чтобы вырвать из наших рядов такого пламенного бойца, как сегодня! Многие из нас знали Анну Евдокимовну Ревякину не понаслышке! — голос его дрогнул. — Она была верный товарищ, беспощадный борец за наше дело, а некоторых и родила! Тяжкие испытания выпали на ее долю за те две недели, что мы летали туда-обратно! Злобный релятивизм губил ее молодое тело сорок лет без единого патрона посредством буржуазной теории Эйнштейна! — Яшка смахнул набежавшую слезу.

Егор, расталкивая людей, протиснулся вперед. У могилы, вырытой под самой стеной заправочной станции, стоял грубо сколоченный гроб, до половины закрытый кумачовым полотнищем. Нюрка лежала, сложив руки на груди, голова ее была повязана белой Катиной косынкой. Неверный свет факелов скрадывал старческие морщины, лицо Нюрки снова казалось помолодевшим, как во время боя на холме. Только лихой задор пулеметчицы сменился теперь умиротворенным спокойствием человека, завершившего тяжкий труд.

— Но дело ее не погибло! — продолжал Яшка, переборов скорбь. — На место павшего бойца встанут сотни ее близких, а также и дальних потомков, которые стоят здесь, перед нами, благодаря объяснению ученых товарищей. Когда мы улетали,

никого из вас, граждане свободной Керосинки, еще не было в живых, а теперь есть! И многие даже лысые. Но я верю! Да, товарищи, я верю в этот… — он покосился на бумажку в руке, — парадокс! Если, конечно, будут добровольцы. Оружия оставим и патронов дадим, но чтоб больше мне этих пряток на болоте не было! Белые к вам прилетят, или зеленые, или еще какой бандитский элемент — заправка должна быть нашей, красной! Не опозоримте высокое звание детей и внуков нашей Нюрки-пулеметчицы, а также Семена Ревякина от второго брака. Заколачивай!

Яшка спрыгнул с возвышения. Двое красноармейцев накрыли гроб крышкой. Стук деревянных молотков отозвался в голове Егора болезненными пульсами. Он отвернулся и увидел рядом с собой Катю, утиравшую заплаканные глаза.

— Зря ты встал, — голос ее еще ломали слезы. — При сотрясении нельзя волноваться.

— Ничего, — сказал Егор. — Я в порядке. Как это произошло? Он снова повернулся к могиле, куда четверо бойцов уже опускали гроб.

Яшка подал команду:

— Товсь! Пли!

Винтовочный залп разорвал тишину и, отраженный стеной, укатился в леса девственной планеты, вспугнув крылатые стаи.

— Пойдем, — Катя потянула Егора за собой. — Тебе нужно лежать. Края облаков, еще тронутые последним лучом заката, медленно угасали над болотом. Дорога, ведущая в деревню, была почти неразличима в темноте. Егор часто спотыкался. Катя повела его под руку.

— Борташа взяли живым, — рассказывала она. — И только благодаря Нюре. Он ее и мертвую не смог от себя оторвать… Так и полз, пока наши не догнали…

Наши. Егор быстро посмотрел на Катю, но промолчал.

— Все как-то странно смешалось, — задумчиво продолжала она. — В банде оказались потомки и белых, и красных… Тех, что до Гиганта не долетели, а высадились где-то по дороге. Но они говорят, что это было лет семьдесят назад… — она вздохнула. — Совсем я запуталась, кто чей потомок, кто с кем воюет… и за что?

— А спасителя нашего нашли? — спросил Егор. — Того, что из кустов стрелял?

— Нет, — Катя покачала головой. — Может быть, он вовсе и не нас спасал. Просто прилетел, заправился и улетел.

— А борташи его не знают?

— Откуда? Они стрельбы-то отродясь не слыхали, только по преданиям помнят…

Егор задумчиво поглядел в ночное небо.

— А ведь он, как пить дать, недавно с Земли…

— С чего ты взял? — глаза Кати недоверчиво блеснули.

— Можешь не сомневаться, — Егор убежденно кивнул. — Наш человек, современный, и к бабке не ходи… — он смущенно замолк, вспомнив Нюрку. — Впрочем, это еще надо проверить…

Отлет эскадры красных паровозов был назначен на раннее утро.

Яшка, вопреки обыкновению, решил на этот раз обойтись без митинга. Еще вчера, после похорон Нюрки, вся власть на планете, вместе с четырьмя винтовками и пулеметом, была передана наскоро избранному сельсовету. Новоявленный председатель, внучатый племянник Нюрки со стороны сына второй жены Семена, хоть и схлопотал от Яшки выговор за аморальное происхождение, но клятвенно обещал навести на Керосинке порядок, разбежавшихся по лесам борташевцев изловить, мужикам учинить суд, а верховых баб расседлать и употребить по назначению.

Что же касается самого Борташа, то приговор в отношении него привели в исполнение еще затемно.

Яшка был доволен. Единственное, что не давало ему покоя, так это паровоз, улетевший в разгар сражения с борташевцами. Свой он был или вражеский, но подвергать риску оружие, оставшееся на орбите без присмотра, Косенкову не хотелось. Правда, теперь в его распоряжении вместо двух паровозов было целых шесть, однако людей на них не хватало, а опытных машинистов и вовсе не было. Неожиданно выручил Мустафа. Облазив и обстукав каждый паровоз сверху донизу, он сообразил, что они легко способны двигаться и маневрировать в состыкованном положении, изрядно экономя при этом горючее, за каковое открытие Мустафе была объявлена благодарность перед строем и обещан орден Красного Знамени по возвращении на Гигант.

Егор, отлучившийся из деревни спозаранок, все награждения пропустил и едва не опоздал к отлету. Яшка поощрил его в личном порядке, вручив за мужество в боях с бандитами именной наган, который тут же отобрал за самовольную отлучку.

Еле отвязавшись от Яшки, Егор получил нагоняй и от Мустафы.

— Где тебя черти носят? — напустился на него майор Каримов. — Тут каждая пара рук на счету!

Вместо ответа Егор вынул из кармана и протянул ему стреляную гильзу.

— Что ты на это скажешь, командир?

Мустафа повертел гильзу в пальцах, и густая бровь его недоуменно приподнялась.

— Где ты это взял?

— Там, на пустыре, в кустах.

— Это же от «Калаша»! Пять-сорок пять! Егор забрал гильзу и спрятал в карман.

— Вот и я о том же…

Благодаря инженерному гению майора Каримова и мастерству машиниста Сидорчука старт красной армады прошел в штатном режиме, и спустя полчаса она уже вышла на расчетную орбиту. До стыковки со станцией «Мир» оставались считанные минуты.

Яшка с нескрываемой гордостью бродил вдоль гармошки состыкованных паровозов из конца в конец, любовно дыша на полированные поверхности и по-хозяйски протирая их рукавом.

— Простор-то какой! — кричал он через все шлюзовые переходы.

— Тут ежели плакат повесить, так на нем можно аршинными буквами написать «Да здравствуют Советы рабочих, крестьянских, солдатских, матросских и аборигенских депутатов!» — и еще место останется.

— Яш, зайди-ка сюда, — из командной рубки главного паровоза выглянул озабоченный Сидорчук.

— Иду! — Косенков, нарочито громко топая и по-журавлиному перешагивая через комингсы, приблизился к рубке. — Вспотеешь, пока дойдешь! — радостно сообщил он. — Ну, чего тут у вас?

— Ничего, — проворчал Сидорчук.

— Мы вышли в точку встречи со станцией, — пояснил Мустафа.

— Молодцы! — Яшка одернул гимнастерку. — А ну, покажьте!

— Смотри сам, Яков Филимоныч.

Косенков шагнул в рубку, и улыбка медленно сползла с его лица. Навигационные экраны паровоза были пусты.

Станция пропала.

— Черт! — поручик Яблонский бросил колоду. — Тройка, семерка, туз! Если вам снова повезет, я всерьез буду считать, что вы в сговоре с пиковой старухой… — он снял китель, сверкнувший золотом погон и воротником, засаленным до свинцового блеска. — Идет за кольцо и сапоги!

— Прошу извинения, — Купер брезгливо пощупал ветхую ткань. — Только за сапоги.

— Однако, братец, ты поразительно скуп для миллионщика! — поручик с укоризной протянул Джеймсу перетасованную колоду. — Сними.

— Какой там миллионщик! — вздохнул Купер, выбирая карту. — Все в прошлом… Вот разве что ваши друзья дадут благоприятной цены за груз…

— Можешь не сомневаться! — заверил Яблонский, пожирая глазами карту в руках Джеймса. — В золоте будешь купаться! Нектар и амброзию вкушать! Кстати, что это я все на «ты», а брудершафта не пили! — он живо наполнил бокалы. — Давай за дружбу!

— С удовольствием, — вздохнул Джеймс, предусмотрительно отодвинув карту на край стола. — Так у вас и золото есть?

— Есть, есть, — поручик с сожалением проводил карту глазами. — Все есть, были бы патроны… — он залпом осушил свой бокал, забыв о брудершафте.

Купер не настаивал. Прихлебывая ароматный ликер, он внимательно присматривался к своему новому знакомому. Поручик казался странноватым, но вполне разумным молодым человеком, к счастью, начисто лишенным деловой хватки. Выходя в эфир с борта станции, Джеймс не мог и надеяться, что будет так скоро услышан и взят на буксир космическим кораблем, прилетевшим не со зловещего Красного Гиганта, а с вполне цивилизованной планеты, расположенной где-то неподалеку.

— Тут главное что? — продолжал Яблонский, занюхав воротником кителя. — Главное — доставить всё в целости и сохранности.

— Могут предполагаться препятствия? — удивился Джеймс.

— А черт его знает! Как масть ляжет… — поручик снова взял карты. — Сам понимаешь, в эмиграции живем. Зачем с властями ссориться, когда патронов нет? Другое дело — с пулеметом! — он ласково погладил маслянистый кожух стоящего у ног «максима». — Может, и отобьемся…

— Что значит — может? — встревожился Купер. — Вы не имеете разрешения властей?

— Да какое там разрешение! — Яблонский махнул рукой. — Сколько лет живем и разрешения не спрашиваем. Ты не волнуйся, прошмыгнем незаметно, разгрузимся в тихом месте — они и знать не будут.

— Но как вы объясните появление товара на планете? Не будут ли вам задавать неудобных вопросов?

— Вопросов?! — поручик вдруг расхохотался. — Нет, эти не

будут. На редкость неразговорчивый народ.

Утирая выступившие слезы, он снова потянулся было к бутыли, но тут из узкого отверстия аварийного люка появилась и замерла, словно охотничий трофей на стене, огромная, заросшая рыжей шерстью голова.

— Ну, чего тебе, Родионов? — Яблонский повернулся к люку.

— Так что, вашбродь, там это… — голова неопределенно боднула воздух, кося бизоньим глазом на Джеймса Купера. — Никак, погоня…

Трудно описать радость командира красной эскадры Яшки Косенкова, когда сквозь тугую тьму, заполнявшую навигационные экраны головного паровоза, проклюнулась вдруг едва заметная светлая черточка, не больше риски на сапожной линейке.

— Они? — еще не веря счастью, осторожно спросил он приникшего к экрану Мустафу.

— Судя по дрейфу амплитуды сигнала… — задумчиво протянул космонавт.

— Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, — лихорадочно шептал Яшка, растеряв последние запасы атеизма. — Капли в рот не возьму, свечу в три пуда Николе-угоднику…

— Они! — уверенно заключил майор Каримов.

— Ну, сукины дети! — Яшка хватил кулаком в переборку так, что корпус паровоза отозвался колокольным благовестом. — Я же вам покажу, как на рабоче-крестьянскую собственность посягать! Жми, товарищ майор, на всю кочегарку! Догонишь — перед строем расцелую!

Мустафа по-кошачьи фыркнул в отросшие за время полета усы. Соединенные усилия двигателей двух паровозов и без Яшкиных поцелуев обеспечивали изрядное преимущество в скорости. Станция-беглянка вместе с прилепившимся к ней сигарообразным снарядом похитителей все яснее проступала на экране. Егор, Катя и остальная команда столпились за спиной космонавта. Косенков, заранее обнажив шашку, метался в узком пространстве рубки, как тигр в клетке.

Двое суток, прошедшие с момента пропажи станции «Мир», нелегко дались красному командиру. Он осунулся и почернел лицом, а в часы, отведенные для сна, тихо бормотал, подбирая наиболее выразительные формулировки для собственного приговора. Больше всего его угнетала неопределенность. Впервые и с пронзительной ясностью Косенков осознал изотропную сущность Вселенной — станцию могли угнать в любом направлении. Где искать похитителей? Наконец решение было

принято. Два паровоза под командой Сидорчука отправились в обратный путь к Земле, два других Тищенко повел к планете, с которой прилетела банда Борташа. И наконец, последняя пара продолжила путь к Красному Гиганту, увозя Яшку навстречу законному возмездию за разгильдяйство.

Но кроме высшей меры есть на свете и высшая справедливость. На полпути между Керосинкой и Красным Гигантом похитители были обнаружены. Во всю силу паровозного двигателя они улепетывали, забирая куда-то в сторону, где не было видно ни планет, ни звезд.

— Слава труду! — растроганно шептал Яшка, украдкой крестясь на экран. — Теперь не уйдут… Ездоков! — гаркнул он. — Готовь пулемет! Раздать патроны!

— Не вздумайте стрелять! — повернулся к нему Мустафа. — Малейшее отверстие в обшивке, и нам всем конец!

Яшка метнул в майора огненный взгляд, с минуту свирепо сопел, наливаясь кровью, и наконец выдавил со злостью:

— Отставить пулемет, Ездоков! Примкнуть штыки!

Колючая масса штурмовой команды сгрудилась перед люком, холодно мерцая стальными иглами.

— А мы что будем делать? — спросила Катя.

— Сидеть и не высовываться, — сказал Егор. — Без нас разберутся.

— А если это тот, с Керосинки? — Катя с тревогой следила за экраном, на котором уже отчетливо различались контуры станции и буксирующего ее паровоза.

Егор нащупал в кармане автоматную гильзу.

— Тогда я нам не завидую…

— Ой, — сказала вдруг Катя. — Исчезли…

— Что за черт?! — Мустафа оторопело постучал костяшками пальцев по опустевшему экрану.

— Кто исчез?! — налетел Яшка. — Куда?! Не может того быть!

— Обычное дело, — облегченно хмыкнул Егор. — Гиперскачок в подпространство! Как в «Звездных войнах»!

— Не болтай ерунды, — поморщился Мустафа. — Что-то там есть…

— И я говорю — есть! — горячо поддержал его Яшка. — Просто не видать! Надымили, сволочи! Наддай, майор! Жми на полную!

— В эскадроне у себя командуй! — осадил его Каримов, сбрасывая скорость. — Аккуратно войдем. Мало ли что там внутри…

Планета появилась внезапно, сразу во всю ширь экрана,

ослепив Джеймса ярким сиянием облаков, будто магниевой вспышкой.

Купер охнул от неожиданности и прикрыл глаза рукой, как сталевар перед мартеновской печью.

— Откуда это взялось? — пробормотал он, невольно отступив.

— Что, нравится? — поручик горделиво приосанился, как будто демонстрировал американцу творение собственных рук. — Прошу любить и жаловать — Новый Константинополь, страна вечного полдня!

— Почему вечного? — спросил Джеймс.

— Потому что солнца, можете заметить, никакого нет! Облака сами и светят, и греют круглые сутки, не знаешь, когда спать ложиться. У вас часы есть?

— Есть, — Джеймс поднял руку, демонстрируя штатный хронометр космонавта на пластиковом браслете.

— Можете выбросить, — не оборачиваясь, сказал Яблонский. — Абсолютно никчемная здесь вещь.

Джеймс посмотрел на часы и вдруг обнаружил, что секундная стрелка замерла на месте.

— Как же это может быть? — он потряс рукой и приложил часы к уху.

— А черт его знает! — Яблонский равнодушно пожал плечами, щурясь на экран. — Ни зимы, ни лета, ни дня, ни ночи. Так и живем…

— Садиться, что ли, барин? — извозчицким голосом спросил рыжий зверообразный пилот.

— Куда тебе садиться, дура! — поручик ткнул кулаком в бизоний загривок Родионова. — Расшибемся в лепешку! С обозом-то! Держи повдоль облаков. Разгружать на ходу будем. Ходок в пять-шесть надо управиться.

— А как догонют? — угрюмо буркнул пилот.

— Кто догонит? — поручик самодовольно закрутил ус. — Что ты можешь понимать, деревня?! Мы же под прикрытием невидимости, нас ни из какой пространственной точки наблюдать невозможно! Мы для всех исчезли!

— Как же — исчезли! — упрямо мотнул головой Родионов. — Вон они скочут!

Поручик, вмиг побледнев, впился глазами в дальний сектор экрана, откуда коршунами падали на беззащитный обоз два стремительных сигарообразных тела.

— Эх, видели бы меня сейчас в ЦУПе! — Мустафа, мастерски лавируя, с лету пристыковался к торцевому шлюзу станции,

предназначенному для приема «Прогрессов».

На обзорном экране было видно, как второй паровоз под командованием Яшки вцепился в борт корабля похитителей.

По обшивке разнесся тройной условный удар, подающий сигнал к атаке.

— Отчиняй! — велел Ездоков, упираясь в спины сгрудившихся перед люком бойцов, и, вскипая яростью, заорал: — Ну, во имя Отца и Сына — даешь!

Штурмовая команда, очертя голову, бросилась в распахнувшийся люк.

Оставшихся в паровозе Егора, Катю и Мустафу окатила волна звуков: топот ног, лязганье металла, отчаянная матерщина. Кто-то истерично взвизгнул, и вдруг все стихло. Егор осторожно заглянул в темную глубину стыковочного отсека.

— Чего там? — Катя навалилась сзади.

— Да погоди ты! — Егор отпихнул ее локтем. — Не лезь, куда не просят!

— Вот-вот, и ты отойди, — Мустафа отстранил его и скрылся в люке.

Было по-прежнему тихо. Егор, потоптавшись в нерешительности, все же полез следом. Позади него сосредоточенно сопела Катя. Ну что ты будешь с ней делать?!

Узкий проход между ящиками перегораживала молчаливая толпа бойцов.

— Я сказал, все вон! — раздался вдруг высокий, с истеричным повизгиванием голос.

Бойцы попятились. Цепляясь за ящики, Егор приподнялся на цыпочках и глянул через головы.

В центре главного модуля испуганно переминался с ноги на ногу Джеймс Купер, обвешанный гранатами, как новогодняя елка игрушками. Его встряхивал, держа за шкирку, высокий тощий человек в распахнутом золотопогонном кителе с крестами на груди. Нервически дергая усом, он высоко над головой поднимал рубчатый кругляш «лимонки» и демонстрировал его то бойцам Ездокова, то Яшке, до пояса высунувшемуся из аварийного люка станции.

— Только суньтесь, сволочи! Всех взорву к чертовой матери! Косенков, несмотря на угрозы, отчаянно протискивался сквозь люк и размахивал шашкой, пытаясь достать поручика.

— Я американский гражданин, — робко лепетал Джеймс. — Я требую адвоката… то есть этого… консула!

— Вот я щас покажу консула… — Яшка вывалился из люка и скатился на пол.

Увидев, что уговоры действуют плохо, поручик зубами

ухватился за кольцо «лимонки» и прошепелявил:

— Шерьежно говорю, гошпода, лучше вам меня не жлить!

— Врешь, контра! — Яшка напружинился, зорко следя за противником, словно тигр, наметивший в стаде антилоп самую вкусную. — Кишка у тебя тонка — подорваться!

— Осторожнее, Яша, — подал голос Мустафа. — И вы, гражданин, не торопитесь, глупостей натворить всегда успеете… — он медленно двинулся к поручику.

— Нажад, крашнопужие! — взвизгнул тот, не разжимая зубов.

— Спокойно, спокойно, — Мустафа предостерегающе поднял руку. — В случае добровольной сдачи мы гарантируем вам жизнь!

— Кто гарантирует? — удивился Яшка. — Да я его, гада, вот этой вот рукой! Э, чего там долго разговаривать!..

Он рванулся к поручику и вдруг полетел на пол, запнувшись о проворную серую тень, кинувшуюся под ноги. По-доминошному брякнув сухими мослами, тень вспрыгнула Косенкову на спину. За ней из темноты между ящиками немедленно выскользнула вторая, третья, четвертая…

— Ни хрена себе, мураши! — сказал кто-то из красноармейцев. Копошащаяся масса муравьев, каждый из которых лишь немного уступал размерами взрослому человеку, полезла из-за ящиков, покрывая стены и потолок станции сплошным ковром. Не успев испугаться, Егор, Катя, Мустафа и все до одного красноармейцы почувствовали себя крепко схваченными и обезоруженными.

— Доигрались, — мрачно бросил поручик, безропотно отдавая гранату обступившим его тварям.

— Что это? — жалобно пролепетал Джеймс, деловито раздеваемый муравьями, как елка по окончании праздников.

— Таможня, — вздохнул Яблонский, складывая руки на груди. — Не советую сопротивляться, господа, наши гостеприимные хозяева чертовски больно кусаются…

Его подхватили и понесли в темноту, вслед за красным командиром, бережно спеленатым клейкой массой.

— Как хозяева?! — Джеймс едва успел ухватиться за брюки, стаскиваемые с него вместе со связкой гранат. — Муравьи?!

— А разве я не сказал? Пардон… — поручик уплыл за ящики, индифферентно глядя в потолок. — Добро пожаловать в Новый Константино… — голос его оборвался.

Пока по широкому коридору таможенной тюрьмы сновали муравьи с грузом конфискованного оружия, ни Джеймс, ни Яшка не отходили от решеток своих камер, провожая каждый ящик тоскливыми взглядами и устало переругиваясь через проход.

— И как же я тебя, вражину, не разглядел?! — убивался Косенков. — Надо было сразу шлепнуть! Ведь учил меня товарищ Кирпотин: «Пожалеешь, Яша, пулю на одного гада, получишь сто ножей в спину революции!»

— Маньяк! — огрызался Купер. — Тебя лечить надо! Электричеством, на стуле!

— Суконка прибавочная! Эксплуататор!

Купер задумался. Его запас русских слов давно подошел к концу.

— Взбесившийся холоп! — выдал он наконец.

— А вот за «холопа» ответишь особо! — пообещал Яшка.

— И за безвесомость! — послышалось из дальней камеры.

— А ты, Прокопенко, вообще молчи! — вскинулся Косенков. — Об тебе уже постановление есть за моей подписью! А печать я тебе промеж глаз влеплю при первой моей возможности!

— Постановление! — плаксиво оправдывался Прокопенко в дальнем конце коридора. — Тебе бы так проблеваться, как нам с хлопцами! Да провисеть сутки кверху задом! Посмотрел бы я на тебя!

— Зараз посмотришь! — крикнул Яшка. — И не лезь в разговор, когда не просят! Не видишь, я классового врага изничтожаю?!

— Изничтожитель! — ядовито заметил Купер. — Просто-таки терминатор! Паутина на штанах не обсохла, а туда же!

— Да хватит вам лаяться, — поморщился Егор. — Башка трещит. Яшка, сердито сопя, отошел от решетки и с остервенением принялся отдирать от одежды остатки липкой муравьиной слюны.

— Подумали бы лучше, как выбираться будем, — Катя зябко поежилась и придвинулась ближе к Егору.

— Бесполезно, барышня! — в полутьме камеры тускло вспыхнул золотой зуб. — Чтобы с этого кичмана кто-то выбрался на своих ногах, так я с вас хохочу!

— Это кто там еще? — строго спросил Яшка.

Одна из трех безмолвных доселе фигур, сидевших у дальней стены камеры, зашевелилась, и на свет вышел прилизанный брюнет с жидкими усиками под вислым носом.

— Засохни, фитиль, — небрежно бросил он Яшке, подсмыкнув драные галифе, из-под которых торчали тесемки кальсон. — Твоей пролетарской жизни осталось на две затяжки!

Длинными желтыми пальцами он выудил из жилетного кармана крохотный чинарик, сунул его под усики и поджег фосфорной спичкой, ловко чиркнув ею о ноготь. Вспышка осветила его голые, расписанные татуировками плечи, костляво

торчащие из вырезов жилетки.

— «За вами вскорости придуть конвойные…» — пропел брюнет, опускаясь на корточки перед Катей. — И это будет из печальных картин. Может, обнимемся на прощание?

Он выпустил ртом дымное колечко и тут же втянул его носом.

— Отвали, — сонно сказал Егор, незаметно сжимая пальцы в кулак.

Чем-то неприятно знакомым веяло от этого камерного артиста. Словно из прошлого вдруг пахнуло незабываемым ароматом Бутырского следственного изолятора, где Егора пытались расколоть на показания против отца.

— Мадемуазель, я ж нюхом слышу вашу нерастраченную страсть!

— чернявый, казалось, совсем не обращал внимания на Егора, но двое его приятелей у стены незаметно поднялись на ноги и вразвалочку двинулись к Яшке, свирепо буравящему взглядом затылок назойливого уголовника. — К чему терять последних минут? — продолжал тот.

— Обидно будет, если такое зеленое море, как ваши бездонные глаза, прольется слезами на этот грязный пол!

— Слышь, ты, морда бандитская! — вскипел Косенков. — Отойди от девчонки, тебе говорят!

Чернявый ухмыльнулся, сплюнул пахитоску себе под ноги и аккуратно затоптал босой пяткой.

— Молодой человек — грубиян, — продолжал он, не оглядываясь на Яшку. — Это зря. Перед смертью не надо поганить язык. Скажи одну пару слов, но скажи в масть. И женщины будут долго плакать.

— Яша, сзади! — предупредил Егор и приготовился, не вставая, пробить с носка прямо в челюсть чернявому.

Косенков живо обернулся к двум громилам, маячившим за его спиной.

— Ну-ну, подходи, фартовые! Спробуйте рабочего кулака!

— Не надо кипежу! — поморщился чернявый. — Ребята никого не тронут. На что им чужая работа? — усики его растянулись в нитку над золотозубой улыбкой. — Таких закройщиков, как здешние тюремные муравьи, даже бесполезно поискать! — сказал он Кате. — Один чик, и вы будете иметь головы ваших друзей в свое полное распоряжение!

— Почему головы?! — испуганно спросила Катя.

— А как же?! — чернявый ласково потрепал ее по колену. — Тут за все одна статья, даже за нарушение тишины во время тихого часа. А у вас же полный букет: контрабанда оружием, да

еще угон казенного снаряда!

— Ничего мы не угоняли! — Катя брезгливо оттолкнула руку чернявого.

— Верю! — радостно согласился уголовник. — С этими глазами, что у вас на лице, невозможно врать! Но попробуйте объяснить это тому шестиногому болвану, что будет пилить вам горло! Они же буквально слепые в своем озверении! Разговаривают исключительно усами! — он провел желтым пальцем под носом, разглаживая куцые перышки на верхней губе. — Мое бедное сердце разрывается по частям, глядя на эту драму! Чуете, как оно стукотит: «Помоги им, Валет! Заступись за несчастное создание! Если оно, конечно, договорится с тобой за полюбовно!»

— Все сказал? — Егор отодвинул Катю и сел на корточки перед Валетом, едва не упираясь лбом в его вислый нос. — Теперь отползи на парашу и замри, пока я тебе фиксу не почистил! Разводить будешь лохню ушастую под шконкой, а не конкретных пацанов! Ты на кого, баклан, быкуешь? Мой папа спортсменов солнцевских гонял, как шестерок. Въезжаешь?

— Ой, ой! Какой граф к нам пожаловал! — оскалился Валет. — Сеня, Зяма, что ж вы стоите?! Поднесите залетному папироску!

Один из подручных Валета змеей скользнул к Егору, услужливо щелкнув портсигаром, в котором обнаружились замусоленные самокрутки.

— От петушни не принимаем, — грамотно ответил Егор, помня тюремные правила.

Яшка, потянувшийся было за самокруткой, живо убрал руку. Валет одобрительно кивнул.

— Базаришь мутно, но по ухваткам видно — деловой, — он поднялся на ноги и отошел к решетке. — Только здесь свои законы, молодой человек, и без Валета вам все одно хана. Думаешь, я тебя на понт беру? Иди-ка посмотри, что ты скажешь за этот цирк?

В коридоре вдруг раздался отчаянный вопль и дробный топот муравьев. Мимо решетки пронесли Прокопенко, застывшего в позе эмбриона. Иссиня-белое лицо его было перекошено окаменелой судорогой, и только бешено вращающиеся глаза говорили о том, что командир отделения еще жив.

— Что ж вы, паскуды насекомые, делаете?! — Яшка с разбегу врезался в решетку и затряс ее, что есть силы. — Ну, подождите, дойдет и до вас черед!

Мимо него в скорбном молчании проплыли, уносимые муравьями, еще трое обездвиженных красноармейцев.

— Простите меня, — ошеломленно бормотал Купер, глядя им вслед из камеры напротив. — Я этого не хотел…

— Вы можете их остановить? — Катя вдруг оказалась рядом с Валетом.

— Чтобы нет — таки да! — ухмыльнулся тот. — Мне только переговорить с начальством, и всех отпустят, — он вцепился в Катину ладонь и поднес ее к губам. — Их судьба с ногами лежит в этих маленьких ручках…

— Что вам нужно?

— А что было нужно Адаму от райского дерева? — Валет проглотил слюну. — Чтобы голая Ева потянулась за яблоком, а он бы встрял…

— Что ты его слушаешь?! — Егор оттащил Катю от чернявого. — Врет он все!

— Ну, так любуйтесь дальше, — Валет прислонился к стене, скрестив руки на груди.

— Помогите! — завопил Джеймс Купер.

Решетка его камеры поднялась, и внутрь хлынули муравьи.

— Пусти! — Катя оттолкнула Егора. — Что же вы стоите?! — крикнула она Валету. — Договаривайтесь скорее! Я согласна на все…

Решетка за спиной Егора дрогнула и поползла вверх. Под ней щелкали жвалами сразу несколько круглых, как футбольные мячи, голов. Яшка с размаху пнул по ближайшей голове и остался без сапога. Вскрикнув, он запрыгал на одной ноге, потирая укус на босой лодыжке, а затем тяжело повалился на пол и затих.

Егор отскочил было в глубь камеры и приготовился к бою, но чьи-то руки обхватили его сзади и толкнули навстречу муравьям. Егор ударился о решетку, под ногой его сухо щелкнул капкан, электрическая судорога пронзила все тело и разорвалась пестрой радугой в голове. Замусоренный пол камеры вдруг поднялся дыбом и, налетев, больно ударил в лицо.

— Вот и славненько, — сказал Валет, приобнимая Катю за плечи. — Постой-ка, рыбонька, в сторонке, сейчас ты увидишь, как это делалось в Одессе!

Он опустился на четвереньки перед муравьем, направлявшимся к Кате, и, закрыв глаза, вытянул губы трубочкой.

— Ну, ходи сюда, мой маленький, ходи, солдатик безмозглый, до мене, давай с тобой пообнюхаемся!

Муравей, широко расставив лапы, осторожно обхватил лицо Валета жвалами, будто хотел измерить его череп штангенциркулем. Длинные многоколенчатые усы насекомого быстро обхлопали уголовника по спине и бокам.

— Шмонает, сволочь, — жмурясь от удовольствия, сказал

Валет. — С такими талантами только в участке и служить. Беда была бы всему Дерибасовскому околотку. Зяма, запали-ка мне цигарку!

Толстый Зяма быстро раскурил самокрутку и сунул Валету. Тот глубоко затянулся и выпустил густую дымную струю в сопящие муравьиные дыхальца.

— Чуешь, чем козыри пахнут? — интимно прошептал Валет. — Чует, подлец! Ишь, как его забрало!

Муравей попятился, развернулся несколько раз на одном месте и вышел на подгибающихся лапах, приложившись брюшком о косяк. Следом за ним потянулись и остальные, унося на спинах Егора и Яшку.

— Остановите же их! — Катя бросилась за муравьями, но Валет живо вскочил и вцепился ей в плечо.

— Стой, куколка, куда?!

Он втянул Катю обратно в камеру и толкнул к стене.

— У нас еще остались кое-какие расчеты, барышня! — Лицо Валета нервно кривилось.

Он двинулся к Кате развязной танцующей походкой, но пальцы его, теребящие застежки галифе, заметно дрожали.

— Только посмей, мерзавец! — тихо проговорила Катя, отступая в дальний угол. — Глаза выцарапаю!

— Сема, — позвал Валет. — Подержи кошечку за коготки, а то я опасаюсь за свою фотокарточку. А ты, Зяма, отвернись, чтобы не ревновать меня к другой!

На Катю пахнуло душной кислятиной, из-за спины вынырнула волосатая клешня Семы и крепко обхватила ее шею, не давая дышать.

— Что ты облапал девочку, как сторожа в магазине? — веселился Валет, разгораясь. — У кого из нас с ней любовь?! Ты хочешь, чтобы я мусолил один холодный труп?

— Ой, — сказал вдруг Сема, ослабляя хватку. — Ты будешь смеяться, Валет, но, кажется, атас…

Он поспешно убрал руки, и Катя, не задумываясь, сейчас же полоснула ногтями нависшую над ней физиономию.

— Вот тебе любовь!

— Что ж ты, сука, дерешься?! — Валет завертелся волчком, размазывая по щекам кровь, и едва не уткнулся носом в кресты на кителе поручика Яблонского.

Увидев перед собой офицера, уголовник со слезами бросился ему на шею.

— Господин поручик! Уберите психическую из камеры! Это же невозможно сидеть!

Поручик отпихнул Валета и, козырнув, шагнул к Кате.

— Браво, Екатерина Максимовна! Оказывается, вы можете за себя постоять. Впрочем, ничего другого от дочери господина Горошина я и не ожидал!

— Мы знакомы? — Катя машинально поправила растрепавшиеся волосы.

— А как же?! Помните Крым, Карадаг, двадцатый год?… Я видел вас тогда в доме доктора, правда, мельком. Этакая была кутерьма…

Слезы помимо воли брызнули из Катиных глаз. Не в силах сдержаться, она уткнулась лбом в стену и разрыдалась.

— Ну-ну, полноте, Екатерина Максимовна, — Яблонский смущенно подкрутил усы. — Вам больше нечего опасаться. Вы под охраной офицеров русской армии.

Он кивнул двум сопровождавшим его людям. Те подошли ближе. Катя повернулась, утирая слезы.

— Позвольте представить, — сказал поручик. — Капитан Антонов, прапорщик Штраубе.

Офицеры коротко шаркнули каблуками изношенных сапог.

— Наблюдай на эту картину, Сема, — тихо вздохнул в углу исцарапанный Валет. — Что мене нравится? Сейчас она уйдет с ними совершенно задаром, даже ни разу не получив по морде. Мы с тобой так не умеем. Нету в нас понту офицерского…

После сумрака подземных коридоров, едва освещенных зыбким мерцанием плесени на стенах, небо над муравейником показалось Кате ослепительно ярким.

— Осторожно, здесь ступеньки! — поручик ловко подхватил ее под локоть. — Обопритесь о мою руку.

— Ничего, сейчас это пройдет, — Катя на секунду остановилась. — Голова немного кружится…

Она с наслаждением подставила лицо свежему порыву ветра, напоенного незнакомыми ароматами. Вытесняя из легких затхлый воздух камеры, он действовал опьяняюще.

— Идемте, идемте, господа, — негромко поторопил капитан Антонов. — Не стоит здесь задерживаться.

— Позвольте, я помогу! — поручик бережно обнял Катю за плечи, помогая спуститься. — И не открывайте глаза, пока они не привыкнут к свету. Смотреть здесь решительно не на что!

Но она уже справилась с выступившими было слезами и, щурясь сквозь ресницы, с интересом озиралась вокруг. Утоптанная площадка перед выходом из муравейника была тесно уставлена повозками, напоминающими большие плетеные корзины на колесах, сцепленные друг с другом на манер поезда.

— Балуй, саврасая! — гаркнул позади надтреснутый голос.

Катя испуганно прижалась к Яблонскому. Мимо нее, взрывая пыль неопрятно обломанными когтями, тяжело протопотал огромный, размером с корову, скорпион, подгоняемый щелчками казацкого кнута.

— Не пугайтесь, — успокоил поручик. — Зверь совершенно не опасен. Тягловая сила! А ты, — обратился он к погонщику, — гляди, куда гонишь, вахлак! Не видишь — барышня боится, леший дери твою душу, в Бога… пардон, мадемуазель. Яблонский смущенно прокашлялся.

— Огрубеешь тут, среди членистоногих…

— А что там, в корзинах? — спросила Катя, уловив шевеление за тесно сплетенными прутьями.

— Провиант, — живо ответил капитан Антонов.

— Угу, — кивнул поручик. — Корм для жука-носорога. Офицеры отчего-то рассмеялись.

Угрюмый казак неторопливо ввел скорпиона в оглобли передней повозки и, диковато косясь из-под лохматой шапки, принялся подвязывать постромки.

— Идемте же! — Яблонский потянул Катю за руку. — Нас ждут у полковника Лернера.

— А где все наши? — она с беспокойством оглядела площадку. — Где Егор?

— Здесь, недалеко, — Яблонский указал на тропу, огибающую гигантское здание муравейника. — Вы их скоро увидите.

Катя послушно пошла за ним.

— Что с ними сделали? Они живы?

— Ну, разумеется, живы! Просто не нужно было лезть в драку с муравьями, — поручик бросил торопливый взгляд на повозки, со скрипом тронувшиеся в путь. — Как только ваши друзья придут в себя, их сразу отпустят!

«Я здесь! Я здесь!» — отчаянно кричал Егор. Он видел Катю сквозь прутья корзины, но крик, разрывающий мозг, выходил из одеревеневшей гортани лишь тонким, едва слышным сипением. Слезы застилали глаза, ожившие первыми. Ни рук, ни ног Егор не чувствовал. Он не ощущал даже тяжести тел, горой наваленных на него сверху. Где-то под ним так же едва слышно сипел Яшка. Корзина дернулась, закачалась под аккомпанемент колесного скрипа, и спины офицеров, заслонившие Катю, уплыли прочь.

Повозки, набирая скорость, покатились под гору. Громада муравейника осталась позади, и перед глазами Егора до горизонта распахнулась пыльная степь в неопрятной щетине низкорослых трав.

В надземной части муравейника, куда Яблонский привел Катю, коридоры были гораздо просторнее и светлее, чем в тюрьме. Сложенный из плотно подогнанных стволов пол был гладко оструган и чисто подметен. Через каждые десять шагов стояли кокетливые плевательницы, сделанные из стрекозьих голов с удобно захлопывающимися жвалами. Муравьи, деловито сновавшие взад-вперед, были мельче тюремных и вели себя не в пример скромнее. Встречных людей они аккуратно обходили по стеночке, а то и по потолку.

— Как же вы здесь ориентируетесь? — удивлялась Катя, едва поспевая за Яблонским, уверенно избирающим дорогу в лабиринте переходов.

— Привычка, — поручик вежливо улыбнулся. — Хотя первые лет пятьдесят, конечно, плутали.

— Как пятьдесят?! — Катя недоверчиво посмотрела на него. — Вы шутите?

— Какие уж там шутки! — Яблонский вздохнул. — Вот и господин Купер удивлялся. Все рассказывал про парадокс какого-то еврея. Но у нас тут попросту: ни евреев, ни парадоксов, ни дней, ни ночей. Застыли, как мураши в куске янтаря. Годы летят, а мы все в одной поре. Даже вот китель, прошу прощения, не изнашивается.

— Сколько же вы здесь живете? — Катя округлила глаза.

— Был у нас один умелец, соорудил песочные часы, чтобы время считать, — охотно сообщил поручик. — До ста лет досчитал, да и повесился…

Караульный солдат с короткой пикой вместо винтовки пропустил Катю и Яблонского в помещение под сводчатым потолком, где за конторкой сидела коротко стриженная сухопарая брюнетка и томно курила самокрутку в длинном мундштуке, вяло тыча одним пальцем в клавиши разболтанной пишущей машинки.

— Бонжур, Софи! — произнес Яблонский, подводя к ней Катю. — Позвольте вам представить: Екатерина Максимовна Горошина… впрочем, вы ведь могли встречаться, она — дочь того самого доктора…

Брюнетка окинула Катю цепким фотографическим взглядом.

— А это, Катенька, — продолжал поручик, — Софья Николаевна Прутс, наша добрая фея…

— Софи! — послышался вдруг из-за двери зычный голос. — Как придет этот вшивый засранец, немедля гоните его ко мне!

— Его превосходительство ждет вас, — любезно улыбнулась поручику Софья Николаевна.

Яблонский густо покраснел, одернул китель и взялся за дверную ручку.

— Я сейчас, — сказал он Кате и скрылся в кабинете.

— Присаживайтесь, мадемуазель, — Софи указала на лавку у стены. — Сигарету не желаете? — она вставила новую самокрутку в мундштук, вышла из-за конторки и села рядом с Катей. — Неужели вы дочь Максима Андреевича? Боже мой! Как давно это было! Крым, война, обозные телеги… Несчастные мы люди… Но какими судьбами вы здесь?

— Вчера прилетела, — осторожно сказала Катя.

— Позвольте! — Софи уставилась на нее во все глаза. — Как же это возможно? Вас давным-давно не должно быть в живых!

— Парадокс Эйнштейна… — Катя застенчиво теребила поясок платья.

Софья Николаевна уныло опустила голову.

— Ну да, ну да… Вот и за мной, помню, ухаживал один банкир, тоже, между прочим, Горенштейн. Ради него я бросила сцену, покинула дом — и где в конце концов оказалась? В армейском обозе…

Ее прервал дробный топоток, раздавшийся в коридоре. В приемную, шустро перебирая лапками, вбежал муравей с белой цифрой «три», намалеванной на аспидно-черной спинке, и остановился в дверях.

— Простите, милочка, это ко мне, — Софья Николаевна встала, с хрустом потянулась, прикрывая ладонью зевоту, и взяла с конторки пачку бумаг. — Эх, старость — не радость! — она вдруг опустилась на колени и поползла навстречу муравью, уже шевелящему сяжками в нетерпении. Они сошлись посреди приемной, деловито потерлись дыхальцами, после чего муравей, ухватив жвалами бумаги, опрометью бросился к выходу.

— Смотри не перепутай, ты, таракан исходящий! — крикнула ему вслед Софи, поднимаясь с колен и отряхивая юбку. — Но что же я все о себе да о себе? — спохватилась она, снова подсаживаясь к Кате. — Расскажи-ка мне, детка, как ты прожила все эти годы? Что папенька? Здоров ли? — Катю вдруг кольнул острый проницательный взгляд, обычно занавешенный челкой. — Где-то он теперь? Есть информация?

— Одним словом, оружие и патроны вы упустили! — коротенький полковник Лернер, мерявший сердитыми шажками кабинет, остановился перед Яблонским и вцепился бульдожьим взглядом в полуоторванную пуговицу на его кителе. — Это единственный вывод, который я могу сделать из вашего пространного доклада, не так ли?

— Не совсем так, господин полковник! — стоявший навытяжку поручик осторожно скосил глаз на пунцовую лысину Лернера. — У меня есть нечто более ценное, чем оружие и патроны.

— Вот как? — мохнатая бровь приподнялась над бульдожьим глазом. — Любопытно.

— В приемной вашего превосходительства сидит девушка…

— О, да! Такая редкость стоит мортирного дивизиона, — язвительно заметил полковник.

— Это дочь Максима Андреевича Горошина.

— Какого Горошина? — вскинулся Лернер. — Доктора?

— Именно так, — кивнул поручик. — И она только что с Земли. На лице полковника отразилась сложная игра мысли, как будто бульдог рассматривал бабочку, севшую ему на нос.

— Вы хотите сказать…

— Я уверен, что она сможет доставить нас на Землю. Если мы захватим летающие снаряды…

Полковник несколько раз кивнул, размышляя.

— Снаряды… да, неплохо… Захватим, значит… — он ласково посмотрел на Яблонского и вдруг гаркнул: — Как же мы их захватим, дурья твоя башка, когда оружие ты подарил муравьям?!

— Оружие — ерунда, — упрямо проговорил поручик. — Они вручат нам его сами. Если начнется война.

— С кем война? — Лернер тоскливо отмахнулся. — На всю планету — десяток большевиков, и те в тюрьме…

Яблонский продолжал пристально смотреть на полковника.

— Война между муравейниками…

Над конторкой Софи коротко звякнул подвешенный на шнуре колокольчик.

— Полковник вызывает, — Софья Николаевна встала. — Я вернусь через минуту, никуда не уходите, хорошо? — она взяла потертую папку и, прежде чем войти в кабинет, снова улыбнулась Кате. — И не волнуйтесь за ваших друзей! Мы обязательно что-нибудь придумаем!

Оставшись одна, Катя еще раз оглядела приемную, но не нашла ничего, что задержало бы ее взгляд. Стены, сложенные из потемневших бревен, сводом сходились к большой кляксе светящейся плесени на потолке. Над конторкой, рядом с колокольчиком, висел пожелтевший лист с подписанным полковником приказом о категорическом запрете курения. Других украшений в комнате не было.

Все-таки удивительная женщина эта Софья Николаевна, подумала Катя. Отчего она не поставит здесь хотя бы цветок в

горшке? Растут же у них какие-то травы. Неужели можно вот так прожить в муравейнике, среди голых стен, больше ста лет, не видя никаких изменений и не меняясь самой? Однако что-то странное в ней все-таки есть. Как ловко ей удалось в течение десяти минут выудить из Кати все об отце, Егоре, полете до Красного Гиганта и обратно!

Катя покачала головой. Может быть, не стоило так откровенничать? Да нет, ерунда! Это ведь свои! Это люди, которым помог отец, и опасаться их нет причин.

Она попыталась прислушаться к невнятным голосам, доносящимся из кабинета полковника, но их заглушал шум в коридоре. Там постоянно сновали рабочие муравьи, таскавшие туда-сюда входящие и исходящие бумаги, оглашая коридор звонким цокотом коготков по деревянному полу. Неожиданно в этот звук вплелось суетливое ерзанье, приглушенный коленный стук и шарканье. Мимо приемной стремительно прополз на четвереньках человек в комбинезоне космонавта.

— Господин муравей! — прокатился под сводами знакомый голос. — Одну минутку, сэр! Разрешите обнюхать с вами пару вопросов! Да погоди же ты, факин инсект!

— Мистер Купер! — встрепенулась Катя. — Подождите!

Она бросилась к выходу, но дорогу ей заступил часовой с пикой.

— Не велено, барышня! — пробасил он. — Вертайтесь взад!

— Но это мой знакомый!

Кате удалось выглянуть в коридор, но Джеймс Купер уже скрылся за поворотом. Часовой решительно оттеснил Катю обратно в приемную.

— Сядьте на лавку и дожидайтесь! Отсюдова без пропуска не пущают…

— Я что — под арестом?! — вспыхнула Катя.

— А это уж как решат, — часовой отвернулся, оставаясь в дверях.

— …Антонову, Штраубе, Горюнову и Палицкому немедленно прибыть ко мне на совещание.

Полковник расхаживал по кабинету, заложив одну руку за отворот кителя, а другую за спину. Для портретного сходства с аустерлицким героем ему не хватало только треуголки. Софья Николаевна быстро покрывала вынутый из папки лист стенографическим бисером, время от времени значительно переглядываясь с поручиком Яблонским. Поручик сидел у стола с рюмкой в руке, неторопливо смакуя полковничий нектар. Лицо его светилось тихой гордостью.

— Четвертое, — продолжал Лернер. — Установить связь с нашими людьми в Деникинском муравейнике. Они должны провести акцию.

Перо в руке Софьи Николаевны на мгновение замерло.

— Какого рода?

Полковник глянул на секретаршу исподлобья и сейчас же отвел глаза.

— Перебить медоносных тлей, — медленно произнес он, будто набирая воздуха перед каждым словом.

— У-у-у-у-у, — поручик в ужасе зажмурился, опрокинул в рот рюмку и поспешно налил новую. — Это будет почище выстрела в Сараево!

— На месте проведения операции оставить несколько трупов из нашего муравейника, — продолжал полковник. — Поручик, позаботьтесь об этом.

— Слушаю, господин полковник! — Яблонский вскочил и вытянулся по стойке «смирно», забыв поставить рюмку на стол. — Муравьиных?

Полковник со значением посмотрел ему прямо в глаза.

— Всяких.

Поручик дернул щекой.

— Трупы будут.

— И, наконец, самое главное, — Лернер подошел к двери кабинета и прислушался. — С дочери Горошина глаз не спускать! — тихо проговорил он. — Поручаю это вам, Софи.

Софья Николаевна самодовольно усмехнулась.

— Мы уже подружились.

— Очень хорошо! — Лернер потер ручки. — Ну, и как она?

— Колется помаленьку. Между прочим, интересные вещи рассказывает. Оказывается, генерал Суханов с основными силами высадился на каком-то Красном Гиганте, а за ним туда прилетели и большевики…

— Да, я уже слышал об этом от поручика, — кивнул полковник. — И нахожу это весьма любопытным. Надеюсь, вы, с вашим опытом работы в контрразведке, сумеете как следует разговорить девочку. Жду подробного отчета в ближайшее время…

Он не успел договорить. В приемной послышалась отчаянная возня и изумленный вскрик Кати. Раздался тяжелый удар в стену, и все стихло.

— Что за черт?! — полковник опасливо попятился от двери. — Поручик, разберитесь!

Яблонский, первым выбежавший в приемную, обнаружил, что она пуста, если не считать часового, подающего слабые сигналы о

помощи из нижнего отделения конторки, куда он был втиснут чьей-то могучей рукой, а может быть, и ногой.

Катя Горошина исчезла.

Егору достался топчан у самой двери барака, как раз напротив отхожего места. Впрочем, постоянно свистящие в дверь сквозняки отгоняли неприятный запах в глубь помещения, и он заметно крепчал только возле топчана Яшки. Остальные обитатели барака вовсе не чувствовали никакого запаха. От них самих воняло так, что у непривычного человека слезились глаза.

Сидя на грязной циновке, покрывающей топчан, Косенков сосредоточенно разминал еще бесчувственную лодыжку.

— Ну, я же вам припомню, гниды казематные! Узнаете, как с красного командира обувку мародерить! Таких сапог у самого товарища Кирпотина не было! Кимрянская работа! На Земле, может, лет полтораста прошло, а они как новые!

— Ишь ты, обижается комиссар! — послышался хохоток из дальнего конца барака, где за дощатым столом собрались старожилы. — Не в той корзине, видать, привезли. Без баб!

Стол дружно грохнул. Яшка повернулся к весельчакам спиной и продолжал массировать ногу, беззвучно матерясь не столько от боли, сколько с досады.

Перед обедавшими на столе стоял жбан под пенной шапкой, рядом, наваленные горкой, лежали продолговатые куски вяленого мяса или рыбы — чего-то белесого, иссушенного, покрытого соляной патиной. Каждый едок старался выбрать кусок подлиннее и с усердием принимался колотить им о край стола, прежде чем сунуть в рот. Сухомятку запивали пенной жидкостью, напоминающей пиво только неудержимой отрыжкой у тех, кто ее употреблял. Жидкость черпали кружками прямо из жбана.

— Слышь, Егорка, — Косенков потянул носом, пытаясь не обращать внимания на отхожие запахи, а сосредоточиться на пищевых. — Ты спроворил бы тоже пожрать, что ли… А то я, видишь, не ходок… — он досадливо стукнул онемевшей пяткой о топчан, — да и не о чем мне с этой контрой разговаривать…

Егор направился к столу, ощущая на себе насмешливые взгляды закусывающих мужиков.

— Хлеб да соль! — сказал он, присаживаясь на лавку. — Чем тут кормят-то?

Он потянулся было за волокнистым куском вяленого мяса, но сидящий рядом бугай в гарусной жилетке на голое тело перехватил его руку.

— Кого кормят, а кого и на корм пускают! — заявил он. — Ты сперва себя на облаве покажи, потом за стол садись.

— А что за облава такая? — поинтересовался Егор.

— Увлекательная мероприятия! — вылез мелкий вертлявый парень, которого все звали Блошкой. — Дюже нескучная охота на броневик с лапками. Оттого новобранцев и кормят, только когда с облавы вернутся. Большая экономия получается!

— Ну ладно вам, крохоборы, — вступился старик по кличке Кули-паныч, — нашли чего жалеть — жучины вонючей! Ешь, парень, чего там… — он пододвинул к Егору остатки пахучей горки. — Эх! Сейчас бы картошечки с топленым салом намять…

На стол вдруг упал луч света. Дверь барака со скрипом откатилась в сторону.

— Ну вот, пообедали! — скривилось лицо со шрамом.

— Да, парень, не повезло тебе, — Кулипаныч сочувственно вздохнул. — Как бедному жениться, так и ночь коротка… Ну, да ничего, на пустой желудок бегается шустрее…

В дверях барака появился рослый жилистый человек, босой, одетый в такую же мешковину, как и остальные каторжники, но, судя по гордой неторопливой повадке, явный начальник.

— Кончай закусывать, ребята, — хмуро произнес он. — Выходи строиться.

Каторжане молча потянулись к выходу, по дороге снимая со стен нехитрые орудия: гарпуны с хитиновыми наконечниками, жерди, связанные из длинных стволов вроде бамбука, и смотанные бухтами веревочные арканы.

— Вставай, комиссар, — сказал Кулипаныч, проходя мимо Яшки. — Все равно мураши выгонят. Кусучие они, падлы! Побереги задницу.

Косенков с трудом поднялся и, опираясь на Егора, заковылял к двери.

— Ничего, — подбодрил его пожилой каторжник. — В дороге разгуляешься.

По утоптанной площадке перед бараками сновали муравьи-стражники, сгоняя людей в походные колонны. Угрожающе пощелкивали массивные зазубренные челюсти, раздавались команды старших по баракам, слышался надсадный кашель да усталые матерки каторжан.

Стоя в одной шеренге с Кулипанычем, Егор и Яшка удивленно крутили головами. Они наконец могли осмотреться, как следует, — не одним глазом сквозь частые прутья корзины, а во весь окоем. Только видно-то было немного, хоть шею сверни.

Четыре приземистых барака тесно сгрудились на дне обширной воронки с зыбучими песчаными откосами. Над ее краями то там, то сям появлялись и исчезали муравьиные головы.

— Ни хрена себе окопчик! — Яшка прищурился, измеряя

высоту склона. — Нарочно такой вырыли?

— Куда там! — подал голос Кулипаныч. — От муравьиного льва осталось. Неделю его отсюда выковыривали. Народу полегло — страсть!

— А в дождь не заливает? — спросил Егор, глядя на песчаные ручейки под ногами сбегающего по склону муравья.

В колонне порхнул смешок.

— Ты, паря, как дождь начнется, сразу народ созывай. Мы такого чуда, сколько здесь живем, не видали!

— А сколько вы здесь живете?

— Отставить разговорчики! — бросил, не оборачиваясь, старший барака. — Вперед — арш!

Вопрос, давно мучавший Егора, остался без ответа. Похоже, никто не собирался объяснять ему, никчемному зэку, каким вообще чудом существуют все эти люди, которых по всем законам физики уж много лет как не должно быть в живых, что они здесь делают и что собираются заставить делать его самого.

Колонна, потоптавшись на месте, двинулась за старшим.

— Шире шаг! — командовал он. — Ать! Ать! Ать-два-три! На брустверр бегом — арш!

Первые шеренги с разбегу кинулись на сыпучий склон и принялись изо всех сил месить босыми ногами песок, медленно поднимаясь к краю воронки. Егора снова толкнули сзади.

— Шевелись, шевелись, не растягивай строй! Из-за тебя еще и нас покусают!

Мимо, угрожающе взведя капкан жвал, пропылил муравей охраны. Пришлось работать ногами. Яшка пыхтел рядом, чертыхаясь от боли.

Наконец вылезли на край. Впереди до самого горизонта, размытого пыльной дымкой, простиралась сухая серая равнина, над ней гигантскими терриконами поднимались темные купола муравейников.

— Куда гонят-то? — Яшка вцепился в плечо Егора, неловко прыгая на одной ноге. — Ежели до тех вон колпаков, — он мотнул головой в сторону туманной громады у горизонта, — так я, пожалуй, и не дойду.

— Небось дойдешь, — утешил его Кулипаныч. — Вон гляди, где ковыль пожухлый, чуть правее — солончак. А за солончаком — торфяники. Так в тех торфяниках самое гнездо и есть.

— Чье гнездо? — спросил Егор.

Кулипаныч в сомнении пожевал губами, но ничего не сказал.

— Не торопись, комиссар! — встрял вездесущий Блошка. — Увидишь — не обознаешься! Главное — портки держи покрепче!

— Блошка! — прикрикнул старший, пропуская колонну мимо

себя. — Опять балаболишь? Гляди, вырву грешный твой язык!

Он поравнялся с шеренгой Егора и пошел рядом, небрежно похлопывая о ладонь короткой дубинкой.

— Что тут у вас? Раненые?

— Новобранцы, вашбродь! — пояснил Кулипаныч. — Не отошли еще после корзины…

Командир окинул Егора и Яшку заинтересованным взглядом.

— Так это вы — комиссары?

— Какие, в задницу, комиссары! — огрызнулся Егор. — На Земле давно ни белых, ни красных нет!

Яшка больно толкнул его в бок.

— Ты ври, да не завирайся! Как это так — нет красных?! — он гордо повернулся к старшему и смерил его презрительным взглядом с головы до ног. — Ну, я комиссар! Намедни лично с товарищем Лениным разговаривал!

— Да ну? — голубые глаза рослого командира насмешливо блеснули. — Ну и как он там? Не хворает?

— Поздоровейше тебя будет! — отрубил Косенков. — Бейте, говорит, товарищи, белую кость до полного истребления! Даже и ту, которая без сапог…

В колонне кто-то явственно хихикнул. Старший и сам не сдержал ухмылки.

— А ну, подтянись, белая кость! — крикнул он, повернувшись к строю. — Не то комиссар всех истребит!

В шеренгах заржали, уже не скрываясь. Обеспокоенные муравьи быстрее засновали вдоль колонны туда и обратно, вздымая пыль.

Плотно утоптанная глина под ногами постепенно сменялась мягким пружинистым ковром иссушенной травы. Мелкая труха поднималась при каждом шаге, окутывая колонну едким облаком. Разговоры смолкли. На лицах утвердилось одинаковое хмурое сосредоточенное выражение. Егор вдруг заметил, что муравьи отстали. Впереди пепельно-серым пятном расползалась обширная низина, сплошь покрытая ноздреватым мочалом торфяников.

— Рассыпсь! — отдал команду старший почему-то шепотом.

Колонна на ходу перестраивалась в цепь, охватывая низину широким полукольцом. Каторжники двигались осторожно, пригибаясь, как под обстрелом, и наконец совсем остановились.

Кулипаныч мягко подтолкнул замешкавшихся Егора и Яшку к командиру.

— Ну, держись, новобранцы, — бросил тот через плечо. — Сейчас поглядим, что у вас за кость комиссарская. Выдать им слегу подлиннее…

— А чего делать-то? — спросил Егор, принимая от Блошки

тяжелую жердину в три человеческих роста длиной.

— Тс-с! — Кулипаныч приложил палец к губам.

— Разведка, вперед! — негромко скомандовал старший.

Словно из-под земли, возле него вырос некто долговязый, болезненно подвижный, с мосластыми ногами и развинченными руками-плетьми. Он сразу пал на колени и чутко принюхиваясь к запахам, исходящим от земли, быстро, по-паучьи, пополз напрямик через торфяник.

— Идите за ним, — шепнул Кулипаныч. — Он покажет.

Егор и Яшка, взвалив слегу на плечи, двинулись вслед за пластуном, с невероятным проворством перебегающим от бугорка к бугорку. Иногда он надолго замирал, прижав к земле большое, как вареник, ухо и беззвучно шевеля губами. Пока прислушивался, ноздри его жили своей жизнью, нащупывая следы запахов в пыльном воздухе, глаза становились бессмысленными.

— Поблазнилось…

Он внезапно срывался с места и устремлялся к следующему бугорку.

— Кого ищем-то? — не выдержал Косенков.

— Нишкни!

Припавший к земле разведчик отчаянно замахал на него рукой, выслушивая что-то под землей. Его вздернутый костлявый зад азартно подрагивал. Наконец долговязый поднялся в рост, неторопливо отряхнул порты и с удовлетворением произнес, ткнув пальцем под ноги:

— Здеся!

Повинуясь его знаку, Егор и Яшка осторожно приблизились.

В земле у ног разведчика виднелось небольшое отверстие, обрамленное белесыми клочьями, напоминающими паутину.

— Как засунете слегу, — прошептал пластун, — сразу не шурудите, запихайте поглубже, сколько ходу даст…

— Сюда, что ли? — Яшка, примерившись, всадил заостренный конец жердины в отверстие.

— Куды ж ты без команды?! — насмерть перепуганный разведчик шарахнулся прочь и что есть силы припустил в дальние ковыли.

— Не нравится мне эта охота, — задумчиво сказал Егор, глядя ему вслед. — Похоже, нас на минное поле послали.

— Так, может, и мы пошлем их куда подальше? — Косенков обвел взглядом горизонт. — Да и в бега…

Жердина в руках Егора дернулась.

— Эй, эй! Ты чего? — испугался Яшка. — Сказано тебе — не шуруди!

— Я шурудю? — удивился Егор. — Это ты ее пихаешь!

— Да я ее вообще не держу! — Яшка отступил в сторону, но Егор по-прежнему чувствовал, что слега рвется из его рук, неудержимо погружаясь в дыру. Он разжал пальцы, и пятиметровая жердь, словно макаронина, втянутая голодным ртом, мгновенно исчезла под землей.

— Бежим! — дурным голосом заорал Косенков, но наглядного примера подать не смог. Он беспомощно ковылял, кренясь набок, и, хотя руками отмахивал, как заправский спринтер, скорости это не добавляло.

Егор бросился было ему на подмогу, но земля вдруг зашевелилась, поднимаясь бугром на его пути. Не удержавшись, он кубарем покатился назад, по склону стремительно растущего холма. Яшка пропал из виду, слышались только его крики, заглушаемые утробным гулом сил, рвущих землю изнутри. Почва на вершине холма покрылась трещинами, расселась с глухим шумом и осыпалась по склонам, поднимая тучи пыли. Егор, задыхаясь и кашляя, попытался подняться, но подземный удар снова сбил его с ног. В пыльном облаке, окутавшем холм, со скрежетом ворочалось нечто огромное, сипящее, как пневматика тридцатитонного тягача-заправщика.

— Егорка! Ты где? — снова послышался голос Яшки. — Помоги же, черт!

Сквозь мглистые клубы Егор увидел размытую фигуру, отчаянно ковыляющую прочь от холма.

— Я здесь! — заорал Егор, вскакивая.

Позади него вдруг что-то ухнуло, обвалилось, и сейчас же в каком-нибудь шаге справа в землю ударила облепленная глиной узловатая колонна. Егора обдало грязью. Посыпались жирные комья, обнажая острые полуметровые зубцы, торчащие из колонны во все стороны.

— Мама! — прошептал Егор и, не оглядываясь, побежал туда, где сквозь пыль маячила фигура Яшки.

Волны, прокатывающиеся по глади торфяника, предательски били под ноги. Яшка, с трудом удерживая равновесие, едва брел, раскачиваясь, как моряк на штормовой палубе. Егор, добежав, подхватил его под руку. Яшка испуганно всхрапнул, рванулся, отмахиваясь, но тут же узнал, облегченно повис на шее.

— Живой?! А я уж боялся, тебя завалило!

— Скорее, скорее, Яша! — бормотал Егор, задыхаясь. — Оно идет! Тяжелое буханье, сотрясающее землю, раздавалось все чаще и сильнее.

— А что оно-то?

— Да хрен его знает! Разбудили чего-то…

Над головами, со свистом разрезая воздух, пронеслась тонкая

черная плеть, послышался оглушительный щелчок. Яшка, скосив выпученный глаз, вывернув шею, словно взнузданная лошадь, вдруг ахнул, споткнулся и полетел на землю, увлекая за собой Егора.

— Ох, мать твою кавалерию! Это что за тварь?!

Егор с трудом сел, протирая запорошенные глаза, да так и замер.

Пыльное облако на месте развороченного холма уплотнилось, в нем проступила темная масса, над которой из стороны в сторону мотались два гибких, в суставчатой насечке, хлыста. Затем из облака выдвинулась голова — бронированная будка, со стеклянными колпаками глаз по бокам и непрерывно двигающимися жвалами, напоминающими садовые ножницы, если бы существовали ножницы, предназначенные для стрижки вековых дубов под корень. Шипастые ноги-колонны взрыли землю, и чудовище показалось целиком — покатый черный купол размером с трехэтажный дом.

— Жук навозный… — растерянно пробормотал Яшка. — Эк разожрался на трудовом элементе!

Матово сияющие глаза-иллюминаторы жука, набранные из тысяч зрачков, выражали полнейшее равнодушие, но Егор вдруг почувствовал, что чудовище смотрит прямо на него.

— Вставай, вставай! — засуетился он, подхватив Косенкова под мышки. — Уходить надо!

Взвалив тяжелого Яшку на спину, он рванулся было к спасительным ковылям на краю торфяника, но почувствовал, что не может сделать ни шагу.

— Ну, ты чего там?! — рявкнул он. — Нарочно цепляешься?!

Косенков что-то сдавленно промычал в ответ и вдруг с нечеловеческой силой потащил его назад. Егор опрокинулся на спину, заорал от страха, чувствуя, что его все быстрее волокут по земле. Он судорожно задергался, отдирая пальцы, вцепившиеся ему в рубаху, перевернулся на живот и только тут увидел черную плеть, захлестнувшую Яшкины ноги. Суставчатый ус жука выгибался и подрагивал, как удочка, поймавшая крупную добычу. Он неумолимо подтаскивал распластавшегося по земле Яшку все ближе к ротовому отверстию, где скрежетали и лязгали хитиновые пилы, напоминающие шнеки, шестерни и загребущие лапы снегоуборочной машины.

— По-мо-ги! — прохрипел Косенков, вычерчивая скрюченными пальцами глубокие борозды в торфянике.

Егор, спохватившись, кинулся за ним, но опоздал. Отчаянно размахивая руками, Яшка поднялся в воздух и повис вверх ногами возле самых глаз жука. Зазубренные ножницы сухо щелкали в

опасной близости от головы красного командира.

Егор закричал, в ужасе закрыв глаза, но тут что-то больно толкнуло его в спину, отбросило в сторону.

— Посторонись, паренек!

Пахнув жарким потом, мимо Егора тяжело прошлепал босыми ногами рослый каторжник с объемистым глиняным горшком под мышкой. Не сбавляя ходу, он ловко уклонился от лязгнувших жвал, широко размахнулся и метнул горшок прямо в голодно чавкающую воронку под ними. Хитиновые пилы во рту жука с хрустом разгрызли угощение, во все стороны брызнула ядовито-зеленая жижа.

Егор готов был поклясться, что на морде жука совершенно необъяснимым образом возникло озадаченное выражение. Оно мгновенно передалось и висящему вниз головой Косенкову, ощутившему вдруг, что он вот-вот выскользнет из ослабевших пут.

Каторжник, убедившись, что его снаряд достиг цели, живо ретировался из-под бронированной головы — и как раз вовремя, чтобы подхватить Яшку, рухнувшего на него с высоты второго этажа. Оба покатились по земле, навстречу набегающей толпе мужиков, вооруженных арканами и крючьями. Егора затолкали со всех сторон.

— Отойди, малец! Под кислоту попадешь!

Из глотки жука ударил фонтан зеленоватой пены, страшные челюсти с хрустом сомкнулись, сведенные судорогой. Многотонная махина, беспорядочно перебирая лапами, завертелась на месте.

— Жив, комиссар? — спаситель поднялся, отряхиваясь. Яшка вдруг узнал его — это был старший барака.

— Вашими молитвами, — буркнул Косенков, озабоченно сгибая руки и ноги. — Вроде, все цело. Стало быть, теперь я твой должник, вашбродь? Вот ведь какая хреновина…

— Жизнь длинная, сочтемся, — сказал старший и протянул руку, помогая Яшке подняться. — Ну, будем знакомы. Прапорщик Шабалин.

Яшка задумчиво вытер ладони о гимнастерку, взглянул исподлобья, но не выдержал и ухмыльнулся.

— Командир разведроты отдельного истребительного… ну, в общем, Косенков моя фамилия. Яшка…

— А я Михаил. Вот и познакомились. — Шабалин хлопнул Яшку по плечу и побежал к загонщикам, обступившим жука. — Братай его, ребята, пока не очухался!

Артель охотников лихо набросилась на чудовище, временно оглушенное муравьиной кислотой. В ход пошли арканы и крючья.

Каторжники мастеровито оплетали шипастые лапы и челюсти густой паутиной канатов, постепенно стреноживая жука и лишая его возможности обороняться. Кулипаныч и Блошка, взобравшись по веревкам, оседлали роговые наросты над глазами обреченной твари и с плотницким покрякиванием деловито вырубали под корень поникшие усы. По унылой морде жука стекала лимфатическая слизь и капала на стянутые канатами челюсти непрошенной слезой. Отдельная бригада раздельщиков, зашедшая с тыла, подваживая жердями толстые закрылки, уже вырубала из туши первые аппетитно сочащиеся куски мякоти…

Низкие своды складского коридора давненько не слыхали столь сладостных звуков. Чеканный строевой шаг сотрясал бамбуковую облицовку стен и дощатый настил пола, заставляя канцелярских муравьев робко тесниться по углам и поджимать усики. Сердце поручика Яблонского заливалось соловьем.

— Песню запе-вай! — не удержался он, впервые за долгие годы шагая во главе не инвалидной команды уборщиков, а настоящего воинского подразделения — комендантского взвода, откомандированного полковником Лернером для получения оружия.

— Муравей, муравей, пташечка! — истерически зазвенел тенор запевалы.

— Таракашечка жалобно ползет! — в тридцать глоток рявкнули басы.

Поручик украдкой смахнул влагу с ресниц. Хорошо! Безоблачное настроение, в котором пребывал Яблонский, несколько омрачалось лишь гневом полковника по поводу исчезновения Кати Горошиной. Однако поручик знал, что на ее поиски были брошены лучшие полицейские силы, и не очень волновался. Найдется, куда она денется?

— Шире шаг! — командный голос радостно вклинился в припев. Кованые сапоги загрохотали еще громче.

Далеко опережая строй, по коридорам катилось испуганное шуршание — мураши разбегались врассыпную, словно ошпаренные кипятком, оставляя на полу пахучие потеки и деловую переписку.

— Взво-од! Стой, ать-два!

Яблонский подошел к массивной двери складского помещения и дернул за ручку. Дверь оказалась заперта.

— Это еще что за кес ке се?! — поручик решительно ударил кулаком в широкие доски. — Эй, каптенармус! Отпирай! Так твою перерастак!

Ответа не последовало.

— Да что они там, сдохли все, что ли? — Яблонский попинал дверь ногами, чувствуя спиной выжидательные взгляды солдат. — Вот так у нас всегда, — сконфуженно проворчал он. — Война у порога, а в снабжении армии — бардак!

Взвод сочувственно перетаптывался. Настроение поручика было безнадежно испорчено. Такой патриотический порыв угасили, сволочи!

— Крысы тыловые! — крикнул он, наклонившись к замочной скважине. — Получу оружие — всех к стенке поставлю!

Что-то вдруг оскорбительно хлопнуло его по затылку. Яблонский отпрянул. В двери открылось небольшое окошко, сквозь которое на поручика любезно глядело неожиданно знакомое лицо.

— Слушаю вас, сэр, — сказало оно с едва заметным акцентом.

— Мистер Купер?! — ошарашенно пробормотал Яблонский, потирая затылок. — Что вы здесь делаете?!

— В данный момент обедаю, — ответил космический турист, промакивая губы снежно-белой гигиенической салфеткой. — Но если вы имеете срочное дело, я буду переносить мое пищеварение на попозже. Хотя это очень не полезно.

— Мне нужен начальник склада… — неуверенно начал поручик, едва справившись с изумлением. — У меня предписание полковника Лернера.

— О! Наш милый полковник! — заулыбался Джеймс. — Он уже раздает предписания? Крайне любопытно! Давайте.

Яблонский машинально подал ему бумаги.

— Так это вы начальник склада? А где предыдущий?

— Ищут, — мельком заметил Купер, погружаясь в чтение. — Одну ногу уже нашли…

— А давно ли вы заняли должность? — спросил поручик, снедаемый смутным подозрением.

Джеймс поднял на него один глаз.

— Кто знает? Вы не представляете, поручик, как медленно здесь тянется время!

Он аккуратно сложил бумаги и протянул их Яблонскому.

— К сожалению, ничем не могу помогать.

— То есть как это ничем?! — опешил поручик. — Я пришел за оружием!

— Это очень приятно с вашей стороны — навестить старого друга, — тепло улыбнулся Купер. — Передайте полковнику моего горячего привета! Но попросите его больше не присылать правительственные распоряжения на бланке торгово-закупочной артели!

— Как вы смеете?! — взбеленился Яблонский. — Полковник

был на приеме у муравьиной царицы и получил разрешение на выдачу оружия!

— Да-да, — покивал Джеймс Купер. — Мне это известно. Я был у Ее Величества сразу после полковника. Весьма воздушное создание! А какая тонкая ценительница французских духов! Одним словом, мы пришли к выводу, что будущее муравьиной цивилизации отнюдь не в междоусобных конфликтах, а в широкой космической экспансии, для которой нам и пригодится оружие…

— Ах ты, торгаш вонючий! — заорал поручик, багровея. — Большевистский шпион! Да я тебя сейчас по закону военного времени… Взво-од! Слушай мою команду!

— А вот это зря, — поскучнел Джеймс Купер, дергая незаметную рукоятку под столом.

В то же мгновение все шесть дверей, выходящие в коридор, распахнулись, и из них, пружинно щелкая жвалами, высыпали дюжие муравьи-солдаты. Взвод поручика Яблонского был вынужден в беспорядке отступить.

— Не дури, Купер! — кричал Яблонский из дальнего конца коридора. — Война уже идет, и без оружия ее не остановить! Сам прибежишь, когда прижмет, гадюка семибатюшная! Буржуй недорезанный!

Джеймс Купер со вздохом закрыл окошечко.

— Ужасно нервная работа, — сказал он. — И зачем я согласился?

— Не жалеешь ты себя, Джеймс Рональдыч, — сокрушенно покачал головой расконвоированный красноармеец Петухов, взятый Купером в помощники. Он сидел в дальнем углу помещения на мешке с крупой и допивал из котелка мутный пайковый нектар. — Хуже нет — с офицерней лаяться! Невежливый народ. Помяни мое слово — опять с бумажками прибежит!

— А пускай прибегает, — безмятежно улыбнулся Джеймс, вновь заправляя салфетку за воротник. — Никакого оружия тут давно нет.

— Уж это как водится, — Петухов одобрительно вытер губы рукавом. — Не век же ему на складе париться…

— …Поначалу, конечно, голодали, — прапорщик Шабалин переложил гарпун на другое плечо и взялся за рукоять груженых жучиной носилок, помогая Егору и Яшке. — Да ведь человек — скотина приспособляемая, кое-как научились подбирать крохи с хозяйского стола…

Он оторвал свисающий с носилок шматок розовой мякоти и

бросил пробегавшему мимо шестиногому стражнику. Тот, жадно щелкнув челюстями, поймал мясо на лету и, благодарно похлопав прапорщика усиками, запылил вдоль строя дальше.

— С муравьями общий язык найти не труднее, чем с константинопольским туркой, — продолжал Шабалин. — Ты его не трогаешь, и он тебя терпит.

— А по виду — так собачье племя, — проворчал Яшка, глядя вслед стражнику. — И замашки у всех одинаковые. Лишь бы людей за ноги кусать!

— Есть и другие, — усмехнулся Шабалин. — У них классовая структура такая, что товарищу Энгельсу и не снилась. Одни солдатами рождаются, другие пролетариями, а третьи — готовыми министрами. И никаких революций…

— Ну да, рассказывай, — буркнул Яшка. — Агитацию разводишь, вашброд. Будет и на их улице праздник! Придет время — скинут и министров, и царя к ногтю…

— У них царица, — пропыхтел Егор, едва поспевая за носилками. После приключения с жуком Яшка совсем забыл про больную ногу и пер, как лошадь.

— Ты-то откуда знаешь? — сердито покосился он на Егора.

— Читал. Все муравьи — дети одной царицы.

— Совершенно верно, — кивнул Шабалин. — Между прочим, у нее двор почище, чем у английской королевы.

— А ты и у королевы бывал? — съязвил Яшка. — Чего ж теперь в каторжниках ходишь?

— Судьба играет офицером, — прапорщик перехватил носилки поудобнее. — По морде я засветил одному из штабных. Есть у нас такая сволочь — полковник Лернер…

— Ну? — удивился Яшка. — Вот это по-нашему! А чего не поделили? Из-за бабы, поди?

— Скорее, по политическим мотивам, — Шабалин философски сплюнул в пыль. — Он, гад, пайками спекулировал в голодное время, а я узнал. Ну, слово за слово, хотел на дуэль его вызвать, да патроны кончились…

— Бывает, — согласился Яшка. — У нас как-то один взводный проворовался, так мы его тоже на дуэль вызвали. Возле стенки, в шесть стволов. Патроны, правда, тогда еще были…

Он сердито боднул в спину шедшего впереди Кулипаныча.

— Ну, чего ползешь, как неживой? Вон уже родную яму видно. Жрать охота — сил нет! Шагай веселей!

Но колонна продолжала сбавлять шаг, пока не остановилась совсем, отчего-то не решаясь спуститься в воронку, служившую домом и тюрьмой.

— Что-то там стряслось, — озабоченно сказал Шабалин. —

Пойду гляну.

Носилки поставили на землю, и прапорщик торопливым шагом ушел вперед. Навстречу ему по колонне катился испуганный шум голосов.

— Братцы! Да что же это?! — крикнули впереди.

Строй рассыпался. Каторжники, побросав ношу, столпились у края воронки. Неожиданно стало тихо. Егор пытался протолкаться в передние ряды, но плотно сомкнувшиеся перед ним спины застыли в оцепенении.

— Чего там? Чего? — напрасно допытывался он, подпрыгивая и заглядывая через головы.

— Порезали всех… — Егор едва узнал выбравшегося из толпы навстречу ему Блошку.

Лицо весельчака и балагура вытянулось и постарело, озорные морщинки вокруг глаз превратились в землистые трещины.

— И людей, и муравьев — в месиво… — подбородок его мелко задрожал, Блошка медленно опустился на землю и схватился руками за голову. — А у меня брательник там, во втором бараке…

— Кто порезал-то? — Егор заработал локтями, протискиваясь к брустверу.

На плечо его легла коричневая ладонь Кулипаныча.

— Не ходи, малец, нечего там смотреть. Камня на камне не осталось…

Толпа раздалась, пропуская дозорных муравьев, которые успели обследовать воронку. Они возвращались, перепачканные кровью по самое брюхо. Двое из них тащили труп необычайно крупного муравья с проломленной в нескольких местах головой. Остальные беспокойно суетились вокруг, возбужденно обхлопывая его усиками.

— А муравей-то не наш, — сказали в толпе. — Бойцовый солдат.

— Гарпунами забили…

— Видать, до последнего держались…

— Это как же понимать, братцы?!

— Похоже, война…

— С кем война? — спросил Яшка у Шабалина.

Старший барака хмуро окинул взглядом пыльный горизонт.

— С соседним муравейником.

— Так они что же, — Косенков почесал в затылке. — И друг с дружкой воюют?

— Редко, но бывает…

Из воронки показалась ушастая голова пластуна-следопыта. Он ловко, по-паучьи, вскарабкался на бруствер и запричитал

бабьим голосом:

— Беда, ребяты! Воду унесли! Ни единого горшка не осталось! Пусто в погребах!

Толпа всколыхнулась.

— Они что думают — им все дозволено?!

— Догнать и перебить всех! С водой-то не могли далеко уйти!

Муравьи-стражники, похоже, пришли к тому же выводу. Они забегали вокруг, снова выстраивая людей в колонну. Голова ее двинулась вперед, не дожидаясь команды. Подгонять каторжников не было нужды. Грозно рокоча и потрясая дрекольем, колонна рысцой запылила по степи. Впереди галопом неслись несколько дозорных муравьев, вынюхивающих следы. От них почти не отставал голенастый пластун, тоже, казалось, ставший вдруг шестиногим. За ним, прыгая через кочки и подбадривая друг друга матерками, бежали остальные. Порядка в шеренгах не соблюдали. Егора обогнал свирепо оскалившийся Блошка с тяжелым обломком жердины на плече.

Кулипаныч, сипло дыша в спину Егору и Яшке, успевал поучать на ходу:

— Бить надо по усам, они от этого шалеют. А если какой кинется, подсекай ему ноги и гарпуном по шее! Головенка-то на честном слове держится! Да один на один не лезь, держись бригады…

Выскочив на пологое всхолмье, бугристым валом заслонявшее линию горизонта, дозорные остановились и беспокойно зашевелили усами. Муравьи-стражники сейчас же вклинились в людскую колонну, на ходу разворачивая ее в цепь.

Армия каторжников взбежала на песчаный вал и оказалась на краю широкого лога, рассекающего степь надвое — вероятно, русла пересохшей реки. По отлогому противоположному склону беспорядочно сновали черные фигурки муравьев.

— Никак догнали, братцы!

— Ну, Господи, благослови!

Ощетинившись гарпунами и слегами, строй ринулся в атаку, увлекая за собой песчаные лавины.

— Ур-ра! — нестройно прокатилось по цепи.

Противоположный склон вдруг откликнулся звонким эхом. Вражеские муравьи, как по команде, разбежались в стороны, а над обрывом всколыхнулась густая поросль копий.

— Ур-ра! — донеслось оттуда, и навстречу каторжникам обрушился поток таких же оборванных людей, подгоняемых жвалами солдат.

Обе волны неудержимо катились вниз, не в силах задержаться на зыбких склонах.

— Стой! Стой! — отчаянно закричал Шабалин.

Обогнав цепь, он первым оказался на дне русла и заметался в стремительно сужающемся пространстве между армиями.

— Отставить, мать вашу! Куда?! — он перехватил слепо размахивающего дрыном Блошку и отшвырнул его назад, под ноги катящейся толпе.

Крики утихли. Обе армии, тяжело дыша, остановились, разделяемые узкой глинистой полосой на дне русла.

— С ума посходили! — произнес Шабалин, переводя дух. — С кем воевать собрались?

— А чего ж они? — злобно крикнули в толпе. — Сколько наших порезали! За такое убить мало!

— Заткнись, Меченый! — прапорщик поднял руку, требуя тишины. — Сперва разобраться надо.

— Чего там разбираться! — упрямо скривилось лицо со шрамом. — Они воду унесли — не разбирались!

— Подавиться бы вам той водой! — раздалось во встречной цепи. — Кто наших тлей передушил?!

Вражеская цепь угрожающе загудела. Кулипаныч повернулся к Шабалину.

— Командуй, старшой, щас мы им живо наваляем! Шабалин угрюмо покачал головой.

— Остынь, старик. Не терпится кровь пролить за родной муравейник?

— Да я ее с четырнадцатого года лью и не знаю, за что!

— Чего ждете?! — забился Блошка, вырываясь из удерживающих его рук. — Они Макарку зарезали! И вас всех перебьют!

— Не бреши ты, сморчок! — донесся со стороны противника голос, показавшийся Егору неожиданно знакомым. — По соплям получишь за клевету!

Яшка вдруг встрепенулся.

— Прокопенко! Ты, что ли? — крикнул он, вытягивая шею.

— Ох, мать моя! — из вражеских рядов, толкаясь, полез красноармеец в разодранной гимнастерке. — Здорово, командир!

— Как же ты, сукин кот, среди этой сволочи оказался?! — негодовал Косенков. — Ты же из нашего муравейника!

— А хрен его знает, Яков Филимоныч! Тут много таких! Какой-то штаб-ротмистр нас на бабу променял!

За спиной Прокопенко произошло шевеление, и к нему присоединились еще несколько красноармейцев.

Яшка, подсмыкнув обкусанные галифе, строго направился к ним.

— Это как же понимать, товарищи бойцы?! — раскатился его

гневный голос, ударяя в высокие берега. — Вы на кого наступаете? На своего же боевого командира наступаете! С бандитами снюхались? Людей по баракам режете? Последние трудовые горшки отымаете!

— Зря ты так, Яков Филимоныч, — насупился Прокопенко. — Не резали мы никого. Нас только что из лагеря пригнали.

— Ишь ты, как ловко устроился! — Косенков хлопнул себя по ляжкам. — Пригнали его! Ты командир отделения или скотина подъяремная? Человеческое разумение у тебя должно быть аль нет?

Он отодвинул понурившегося Прокопенко, прошел между красноармейцами и, уперев руки в бока, остановился перед строем противника.

— Я ведь ко всем обращаюсь, господа хорошие! Привыкли чужим умом жить? За генералами на чужбину полетели, а они вас — в каторгу! Теперь что же, муравьями прикрываетесь? Новых хозяев нашли? А эти самые муравьи… вот прапорщик не даст соврать, — он ткнул большим пальцем через плечо, — только что пустили в расход без малого сотню душ вашего же брата-каторжника. И с вами то же будет! Толпа загомонила.

— Как это так — в расход? За что?

— А ты не врешь, комиссар?

— Я вру?! — прогремел Косенков. — А ты вон у Блошки спроси, где его брательник единоутробный! — он повернулся к своим. — Где Иван да Семен, да Василий с Николаем? Боевые наши дружки, с которыми вместе не одного жука добыли, муравьиного льва за гриву дергали, последним куском делились! — Яшка голодно сглотнул. — Где они, я вас спрашиваю! Лежат верные наши товарищи на сырой земле, далеко разбросав руки да ноги, а кто и головы…

Яшка скорбно понурился, одним глазом из-под нахмуренной брови следя за настроением масс.

— Это верно, — вздохнул кто-то. — Сами как тли живем, а за чужие яйца воюем…

— Хлеба с двадцатого года не видали!

— Думаешь, нам легче? — откликнулся Кулипаныч. — Эвона я последнюю рубаху на охоте изорвал! Кто мне новую выдаст?

— Что рубаха? — подхватили в рядах противника. — Табачку бы хоть на затяжку! Мху, и того покурить не дают, все огня боятся!

— Табачку бы, табачку! — сладким стоном пронеслось по обеим армиям.

Яшка поднял голову.

— Знаю, кончится народное терпение! — голос его

возвысился, покрывая общий ропот. — А ну, ребята, вали все сюда, на митинг! Резолюцию принимать будем! Долой войну! Братайся!

Противостоящие цепи дрогнули, рассыпаясь. Каторжники с обеих сторон потянулись к Яшке, бросая оружие и смешивая ряды.

— За что я вас, большевиков, ценю, — сказал, подходя, Шабалин, — так это за ораторский талант. Вроде наврал с три короба, а пронял до самых печенок, будто отец родной!

— Классовое учение всесильно, — назидательно сказал Косенков, — потому что оно верно.

— Немедленно прекратить наступление! — кричал полковник Лернер, перегнувшись через стол и комкая побелевшими пальцами некстати подвернувшиеся под руку наряды на крупу. — Вы слышите, штабс-капитан? Немедленно!

На высоком табурете перед ним, робко поджав рахитичные лапки, застыл большеголовый муравей с необычайно длинными, широко расставленными усиками. Фасеточные глаза муравья безучастно смотрели в разные стороны, многократно отражая стены, пол и потолок — все, что угодно, только не разгневанное лицо полковника. Возле муравья суетился поручик Яблонский, непрерывно поливая его голову охлаждающей жидкостью. Глаза поручика разительно напоминали муравьиные, в них блуждало то же безучастное выражение.

— Александр Тимофеевич, голубчик, — продолжал полковник, выкрикивая слова в самое муравьиное рыльце. — Постарайтесь убедить ваше правительство, что инцидент исчерпан! Как поняли меня? Прием!

Муравей шевельнул усиками. Меж ними проскочила длинная искра, в воздухе запахло озоном.

— Рад бы, господин полковник, да не могу! — утробно прогудел муравей голосом штабс-капитана Пригожина. — Меня никто не слушает. Ее Величество получила от кого-то в подарок полфлакона французских духов и высочайше соизволила послать государственные дела… — в чреве муравья что-то неразборчиво хрипнуло. Он в сомнении поискрил усиками и раздвинул лакированные жвальца, изъявляя готовность к приему новой информации.

— Черт с ней, с царицей! — Лернер грохнул кулаком по столу так, что испуганная чернильница сделала лужу. — Действуйте собственной властью! Верните штрафные батальоны в бараки! Прием!

— Поздно! — глухо отозвался из муравьиного чрева штабс-

капитан Пригожин. — Большевики взбунтовали каторжников! На фронте братание!

— Как — братание?! А стража?

— Стражу перебили! Бандой командует прапорщик Шабалин! При нем — красный комиссар!

— Та-ак… — Лернер ошеломленно вытер разом вспотевшие руки о карту боевых действий. На полях будущих сражений длинными полосами пролегли несуществующие бастионы и контрэскарпы. — Поздравляю… Докатились и до революции…

— Они перешли в наступление! — жалобно прогнусавил муравей. — Прием!

— Прекратите панику! — рявкнул полковник. Слюна его зашипела на раскаленной голове живого передатчика. Яблонский поспешно сбрызнул обоих охлаждающей жидкостью. — Неужели вас пугает наступление горстки бунтовщиков?! Истребить всех до единого! Как поняли? Прием!

Лернер вдруг отразился в ячеистых глазах связиста, взглянувшего на него с непередаваемым ехидством.

— Так они не на меня наступают, — выдал муравей голосом Пригожина. — А на вас…

— Ананас… — прошевелил белыми губами Лернер, тяжело опускаясь в кресло.

— Слава Богу, у вас есть патроны! — с воодушевлением продолжал штабс-капитан. — Вы им покажете!

— Патроны?! — истерически взвизгнул полковник. — Какие патроны?!

Трясущейся рукой он схватил чернильницу и что есть силы запустил в голову муравья. К несчастью, перегревшийся передатчик в этот самый момент сухо щелкнул и, выпуская струйки дыма из дыхалец, завалился набок. Летящую чернильницу принял на грудь поручик Яблонский.

— Да, — задумчиво сказал он, обтекая фиолетовыми струйками. — С патронами вышел форменный пердимонокль…

Отряд Шабалина и Косенкова расположился на привал в неглубокой низинке, поросшей более сочной травой, чем остальная степь. Здесь можно было поискать воды и накопать червей на ужин. Каторжники разбрелись окрест, ковыряя землю наконечниками копий. Пластун Тимоха, отошедший дальше других, забеспокоился первым. Отложив пруток с нанизанными на него жирными комариными личинками, он завертел головой, ловя чутьистым носом мимолетные запахи. Пахло взрытой землей, едой, потом, пыльцой отцветающего чайного куста, но откуда-то совсем издалека нет-нет да и потягивало неприятно

знакомой кислинкой. Тимоха резво взбежал на пригорок и, приставив костлявую ладонь козырьком ко лбу, цепко вперился в горизонт синими пуговками глаз.

— Ай-яй-яй! Вот беда-то…

Он обернулся и махнул рукой Егору, промышлявшему неподалеку мясистыми корешками съедобных трав. Личинок Егор побаивался.

— Эй, паря, как тебя! Беги за их благородием! Живо!

— А чего сказать? — Егор вытер рукавом перепачканные землей губы.

— Скажи — отобедались! Пора платить…

Дымка, постоянно висящая над горизонтом, неуловимо изменилась. Она быстро сгущалась, словно со стороны муравейника накатывала низкая, распластанная по земле грозовая туча.

— Ну, держись, братва! Целая армия валит!

Высыпавшие на пригорок каторжники с тревогой следили за растянувшимися от края до края степи шеренгами муравьев.

— Хана, славяне, от этакой силищи гарпуном не отобьешься.

— Эх, пулемет бы сюда!

— Ни за понюх погибнем! Что ж теперь делать-то, а?

— «Со святыми упокой» затягивать, больше нечего…

— Слушай мою команду! — голос Шабалина прозвучал негромко, но его все услышали. — В каре — стройсь! Копейщики вперед!

Оборванная масса зашевелилась, выстраиваясь на пригорке плотным четырехугольником, поросшим частой щетиной копий.

Егора, у которого не было копья, оттеснили в глубь строя и сунули в руки обломок жердины, велев колотить по усам, кого достанет.

Муравьиная армия, пополняясь все новыми и новыми проступающими в пыли шеренгами, быстро приближалась.

— Красиво идут… — Косенков сплюнул. — Только барабана не хватает.

— Гвардия, мать их за членистую ногу! — сказал стоящий рядом с ним Шабалин. — Ну что, юноша? — он обернулся к Егору. — Повоюем?

— Окропим снежок красненьким, — ответил Егор первое, что пришло в голову.

Шабалин одобрительно кивнул.

— Изрядно сказано! Молодец, что не боишься!

Я не боюсь?! Егор прислушался к себе и с удивлением понял, что действительно не боится. Странно, еще минута-другая, и он, скорее всего, будет валяться на этом самом пригорке,

перекушенный пополам муравьиными жвалами. Веселенькая картинка… Егор сердито мотнул головой. К черту, надоело! Есть более важные мысли для таких минут! Он стал вспоминать родителей, но перед глазами вдруг появилось лицо Кати. Хорошо было бы встретиться еще хоть раз. Он ведь ей так ничего и не сказал… Интересно, что такого ты собирался сказать, лукаво улыбнулась Катя. Егор замялся, подбирая слова. Разве неясно и так? Почему об этом обязательно нужно говорить? Катя насмешливо вздернула бровь. Ты просто боишься… Дудки! Егор гордо выпрямился. Это я раньше боялся! А теперь — ничего я не боюсь!

— Батальо-он! — отчаянно закричал Шабалин. — За Бога, царя и Отчество!

— Коммунисты — вперед! — подхватил Яшка.

— Как ныне сбирается Вещий Олег отмстить неразумным хазарам! — грянул строй, перекрывая рокот накатывающей волны хитиновых панцирей с пеной разинутых жвал на гребне. — С Интернационалом воспрянет род людской!

Шеренги сшиблись. Хрустнуло. Песня обратилась в многоголосый вопль. Лавина муравьев, наткнувшись на колючий частокол пик, обтекала пригорок, заключая людей в кольцо. Сомкнутый строй каторжников не позволял муравьям пустить в ход челюсти, зато остро отточенные наконечники гарпунов жалили без промаха.

Егору была видна только потная спина Кулипаныча, орудующего охотничьим багром, как винтовкой в штыковом бою.

— Это вам за сапоги! — гремел голос Яшки в первых рядах. — Ну, кто еще хочет комиссарского тела? Подходи!

Перед стиснутым со всех сторон каре стремительно рос вал мертвых муравьиных тел, но все новые солдаты, щелкая жвалами, взбирались по трупам собратьев и бросались на людей сверху.

Кулипаныч вдруг замер, выронил багор и грузно осел, заваливаясь на спину. Лицо его был залито кровью. Егор кинулся к нему и сейчас же услышал над головой оглушительный щелчок сомкнувшихся челюстей. Он ударил дубиной наотмашь, но она скользнула по гладкому панцирю, не причинив здоровенному, как гоночный болид, солдату заметного вреда. Бронированная голова надвинулась, снова взводя окровавленный капкан жвал. Егор попятился, понимая, что ему не спастись. Но тут на спину муравья, размахивая топором, вскочил Блошка и сноровистыми плотницкими ударами отсек сразу две суставчатые лапы. Ткнувшиеся в землю челюсти взметнули пыльный фонтан у самых ног Егора. Егор заорал, бросаясь вперед и нанося беспорядочные удары по выпуклым сетчатым глазам, тонкой шее и сочащимся

белой слизью обрубкам лап…

Он не слышал собственного крика. Ярость, затопившая мозг, отсекла лишние звуки, вытеснила все мысли и чувства. Осталось одно страстное желание убивать. Глаза сами находили очередную цель, ноги точно рассчитывали разбег, прыжок — и руки, не ожидая команды мозга, обрушивали дубину на врага, безошибочно выбирая наиболее уязвимое место. Он не знал, что творится вокруг и как развивается битва. Временами казалось, что он остался один посреди моря черных панцирей, но это лишь придавало ему сил. Он снова крошил хитиновые черепа, косил антенны усов, топтал корчащиеся под ногами тела, а затем откуда-то появлялся с ног до головы заляпанный слизью Яшка или бледный как смерть Шабалин, становился рядом, и нахлынувшая волна муравьев откатывалась прочь, чтобы через мгновение снова захлестнуть пригорок.

— Мельчают, сучьи дети! — прохрипел Косенков во время короткой передышки. — Поначалу вон какие кони перли, — он толкнул ногой отсеченную муравьиную голову размером с камазовский бензобак. — Першероны! А теперь мелюзга, клячи обозные! Верно, Егорка?

Егор впервые огляделся. На пригорке, почти похороненном под грудами тел, вперемешку муравьиных и людских, теснилась жалкая кучка израненных бойцов — все, что осталось от двух каторжных лагерей. Обступившая их муравьиная армия ничуть не поредела, но, казалось, подрастеряла боевой дух. Малорослые солдаты топтались в нерешительности, перестукиваясь усиками и словно бы совещаясь.

— Похоже, гвардию-то мы перебили, братцы, — Яшка вытер перепачканные в крови и слизи руки о гимнастерку. — Все не так обидно помирать.

— Как же, перебили, — откликнулся Шабалин. — Ты вон туда посмотри!

Егор обернулся на его голос и увидел, как в однородную запыленную массу вражеской армии со стороны муравейника врезается жирный антрацитово-черный клин свежих сил. Новые солдаты, не дожидаясь, когда им освободят дорогу, просто перешагивали через мелких соплеменников и, не снижая скорости, неслись в наступление.

— Боевые слоны Ганнибала, — Шабалин с досадой воткнул обломок копья в землю и сложил руки на груди.

— Да уж, ганибала что надо, — помрачнел Яшка.

— Кваску бы сейчас… — тихо сказал Прокопенко. — Да в баньке помыться. А потом уж пускай режут…

— А-а-а, суки! — взвился вдруг Блошка и бросился вниз с

пригорка навстречу стремительно приближающемуся клину. — Молись, отродье тараканье!

Ряды мелких муравьев, теснясь и толкая друг друга, расступились перед ним, образовав широкий коридор. Блошка пробежал по нему, размахивая топором, и с криком налетел на переднего солдата наступающей армии. Но схватки не получилось. Бронированный гигант мимоходом срезал патлатую Блошкину голову и продолжал бег, будто и не заметив хрустнувшего под ногой черепа.

— Эх, Блошка, Блошка, — вздохнул Шабалин и широко перекрестился. — Вот и все, господа. Теперь наш черед…

Егор поднял голову. Белесое небо равнодушно смотрело на муравьиную планету мутным, лишенным солнечного зрачка глазом. Совсем как глаз насекомого, подумал Егор. Треснуть бы по нему дубиной!

И вдруг над самой его головой со свистом пронеслись один за другим три огромных крылатых силуэта. Они заложили лихой вираж, разворачиваясь над вражеской армией, и в то же мгновение перед наступающими муравьями взметнулись частые фонтанчики пыли. Раздался никак не ожидаемый здесь, но до боли знакомый звук — длинная очередь из автомата Калашникова.

— Господи Иисусе! — ахнул стоящий рядом Прокопенко. — Аэропланы!

Но это были не аэропланы. Сухо треща крыльями, над муравьиным войском зависли три большие стрекозы. Егор увидел, как, отделяясь от них, цепочкой пошли вниз маленькие черные точки. Он вдруг понял, что произойдет в следующую минуту, и во все горло заорал:

— Ложись!

Каторжники повалились на землю. Сейчас же в гуще муравьев сверкнуло пламя разрыва, за ним другого, третьего. Накатил грохот. Казалось, на равнине разом заработал десяток грязевых вулканов, выбрасывающих в небо бесформенные клочья плоти, обломки панцирей и оторванные конечности. Егор прижался к земле и закрыл голову руками, защищаясь от липко шлепающих вокруг комьев.

— Стойте! — раздался вдруг отчаянный крик Шабалина, напрасно пытавшегося перекрыть грохот разрывов. — Нельзя! Остановитесь!

Егор поднял голову. Прапорщик со всех ног бежал прямо под бомбежку, размахивая руками, будто хотел прогнать налетающих с неба стрекоз.

— Чего это он? — удивился Прокопенко. — По мне — так

райская музыка. Будто родную дивизионную батарею услыхал!

— Дура, — заорал на него пластун Тимоха, торопливо поднимаясь на ноги. — Тут ведь кругом торфяники! Они от любой искры занимаются почище пороха!

Взрывы, постепенно отдаляясь, становились тише.

— Ох, мать моя Первая Конная! — изумился Яшка, вставая. — Чисто!

Каторжники зашевелились, отряхиваясь и протирая глаза. На всем пространстве степи, начиная от вала мертвых тел вокруг пригорка и кончая пыльным горизонтом, не было видно ни одного живого муравья. Лишь кое-где среди трупов еще угадывались конвульсивные движения скребущих землю лап да слабые подрагивания усов.

— Разбеглись… — глуповато ухмыльнулся Прокопенко.

— Нам самим разбегаться надо! — Тимоха указал на закопченные пятна, оставшиеся на месте разрывов. Над ними, быстро густея, поднимались столбы желтоватого дыма. Кое-где уже поблескивало пламя. — Сейчас тут такое будет — пожалеешь, что жив остался!

На пригорок, прихрамывая, взбежал Шабалин.

— Уходим. Быстро! Поднимайте раненых!

— Да разве ж теперь уйдешь… — Тимоха безнадежно махнул рукой.

— А где ж спасители? — Косенков, оторвав от гимнастерки распоротый рукав, наспех заматывал кровоточащую рану на локте.

— Вон летят! — Прокопенко, сохранивший артиллерийскую зоркость, несмотря на заплывший глаз, ткнул пальцем в небо, указывая на три едва заметные точки.

— Как бы эти спасители за нас самих не взялись, — проворчал Шабалин. — Наверняка это подарочек от полковника Лернера. Старый маразматик сам не понимает, что делает! — он повернулся к Яшке. — И тебе спасибо, комиссар! Доставил этому дураку оружие!

Каторжники настороженно следили за стремительным приближением трех продолговатых тел, окруженных размытым сиянием. Но стрекозы не собирались нападать. Распластав крылья, они плавно снизились у самого пригорка и замерли, цепко впившись в землю посадочными штангами лап.

Ни дать ни взять вертолетное звено, отрешенно подумал Егор. Не хватает только подвесных турелей и звездочек на фюзеляже…

— Ты гляди-ка, — удивился Яшка. — Да ведь там мужики верхами!

— Два мужика, — поправил глазастый Прокопенко. — И одна баба.

— Катя… — не веря глазам, прошептал Егор. — Катя! — заорал он во все горло и припустил вниз по склону.

— Куда?! Назад! — раздался позади испуганный вопль Шабалина.

Почему «назад»? — удивился Егор. Это же Катя! А с ней Мустафа!

Земля вдруг тяжко просела прямо перед ним, распахивая бездонный провал, из которого ударила в небо нестерпимо яркая стена пламени, отрезавшая его от Кати. Жаркой волной Егора отбросило назад, он покатился по земле, закрывая руками опаленное лицо и слыша со всех сторон панические крики людей, гаснущие в реве огня.

Последнее, что он помнил — страшный рывок, отдавшийся болью в стиснутом стальными когтями теле, свист ветра в ушах и треск крыльев над головой…

Багровые всполохи, проникавшие сквозь иллюминатор, плясали на приборных панелях, заставляя каждый рычажок отбрасывать длинную колеблющуюся тень. Там, внизу, за бортом, гигантскими факелами пылали купола муравейников, раскаленной жаровней светилась бывшая степь. Защитный кокон, окружавший планету, лопнул, открывая равнодушным звездам картину гибели цивилизации муравьев и людей.

Это сон, думал Егор. Это не может быть правдой. Он кожей чувствовал обжигающее дыхание пожара, но из багрового тумана к нему протягивались прохладные руки Кати, касались лба, успокаивали боль. Егор снова проваливался в забытье, из которого его временами ненадолго возвращали знакомые и незнакомые голоса.

— …Привезли нас на стрекозиную ферму, — неторопливо говорил Мустафа. — Там бамбуковые леса стеной. Сплошь паутиной заплетены, непролазная чаща, бежать некуда… — голос улетал вдаль, эхом отдаваясь в голове. Ему на смену выплывал другой, незнакомый.

— Три кубика внутривенно обоим, и повязки поменяй…

— …И вот однажды накормил я свою эскадрилью, — возвращался голос Мустафы, — почистил, выгнал на поле. Огляделся по сторонам — никого. Ну, думаю, сейчас или никогда…

— Опять жар, — тревожный голос Кати. — Еще укол?

— Не нужно, пульс нормальный.

— …Don’t worry, мистер Косенков. Оружие я вернул на

станцию, как только вступил в должность. Бедные муравьи нисколько этому не сопротивлялись! Похоже, они лучше людей поняли, чем грозит пребывание оружия на планете… К сожалению, их это не спасло.

— …Отличный аппарат, кстати, — стрекоза! Взлет вертикальный, набор высоты — мгновенный, аж глаза на лоб лезут. Маневренность — куда там «Черной акуле»!

— Да… неприютная была планетка, а все жалко. И людей жалко, и божьих тварей…

— Гляжу — в хвост еще пара пристраивается. Думал, погоня, оказалось, нет — жены моего истребителя! Так звеном и пошли… И ведь что удивительно — вышли прямо на паровоз! Я чуть со своего стрекозла не свалился. Гляжу — ходит вокруг паровоза девочка в белом платьице, грибы собирает. Дюймовочка этакая…

— Четыре кубика…

— Пульс падает…

— Кислород…

Егор открыл глаза, удивляясь непривычной тишине. Голова казалась ясной, жаркий кровавый туман, так долго мучавший его, рассеялся, но приборные панели на потолке не исчезли, каким-то чудом выбравшись из бессвязного нескончаемого сна.

— Очухался? — спросил Яшка.

Егор повернул голову. Косенков, одетый в сиреневое термобелье с трехцветным флагом на груди, сидел на соседней кушетке, неторопливо выскребая деревянной ложкой остатки каши из миски.

— Где мы? — слабым голосом спросил Егор.

— Почитай что дома, — невесело усмехнулся Яшка. — До Красного Гиганта рукой подать.

Егор сел на кушетке, с удивлением обвел взглядом тесное помещение, показавшееся ему смутно знакомым.

— Это что, станция? А где Катя?

— Здесь твоя Катя, — Косенков облизнул ложку, подумал и спрятал ее под подушку. — Мустафа с американцем тоже здесь… И даже груз целехонек, до последнего ящика… — Яшка вздохнул.

— А Шабалин?

Косенков неопределенно повертел в руках пустую миску.

— Сгорел прапорщик. И Прокопенко не спасся…

— Как — сгорел?! Когда?

— А ты не помнишь? — Яшка поднялся, подошел к иллюминатору. — Горяча оказалась муравьиная земля… — голос его звучал глухо, будто увязая во тьме за стеклом. — От стрельбы да от гранат торф занялся, а он у них злее пороху. Ноздреват, как

буханка хлеба, тяга шибче печной. Ну и полыхнуло… — он повернулся к Егору. — Только нас с тобой и вытащили…

Егор почувствовал, как по его телу снова пробежала обжигающая волна. Он вспомнил пляшущие в иллюминаторе отсветы и дымные факелы муравейников на багрово мерцающей равнине. Значит, это был не сон…

Тонкая рука легла на его плечо.

— Егор! Ты зачем поднялся? Катя стояла рядом.

— Тебе нужно лежать, — строго сказала она, но глаза под старательно нахмуренными бровями сияли радостью.

— Катя, ты… — подступивший к горлу комок не дал ему договорить, и он молча потерся щекой о ее ладонь.

— Познакомься, — Катя отступила в сторону, и Егор увидел могучую фигуру в камуфляжном комбинезоне, с трудом протискивающуюся сквозь узкий проем люка. Поднявшись седой головой под самый потолок, гигант шагнул к Егору.

— Ну, здравствуй, космический турист!

Егор некоторое время внимательно разглядывал бронзовое лицо в обрамлении отливающей серебром бороды.

— Здравствуйте, доктор Горошин.

На экране паровоза, буксирующего станцию, разгоралась крупная рубиновая звезда. Из-за жирных протуберанцев, вырывающихся далеко за пределы короны, она казалась пятиконечной. Яшка подолгу стоял за спиной склонившегося над пультом Мустафы, вглядываясь в едва заметные искорки планет, рассыпанные по орбитам вокруг огромного светила.

— Которая наша-то?

— Если верить доктору, то вон та, самая блеклая.

— Блеклая… Много твой доктор понимает! Планета имени товарища Бебеля — это тебе не замызганный грош! Она должна сиять, как…

— Как начищенный пятак! — улыбался Мустафа.

Яшка отворачивался, сердито ворча, но из рубки не уходил.

Наконец Красный Гигант заполнил собой весь экран, а планета имени товарища Бебеля превратилась в отчетливо видимый серп цвета расплавленного металла. До выхода на орбиту оставалось меньше часа, и весь экипаж станции собрался в тесной рубке паровоза, наблюдая за тем, как проступают на освещенной части планеты подернутые облачной дымкой очертания большого материка.

Последним в рубку вошел доктор Горошин.

— Ну, вот вам, гражданин Косенков, и дивный новый мир, — сказал он, мельком взглянув на экран. — Надеюсь, наша

договоренность остается в силе?

— Я слов на ветер не бросаю, — буркнул Яшка. — Разгрузим станцию, и валите на все четыре стороны.

— Ну-ну, — Горошин демонстративно поправил ремень висящего на плече автомата. — Хочется верить, что на сей раз обойдется без сюрпризов.

— Разгрузить — не проблема, — Мустафа на секунду оторвался от пульта. — Да кому сдавать? Твоего товарища Кирпотина, поди, уж из учебников вычеркнули и из мавзолея вынесли.

— Не кажи «гоп», — сварливо огрызнулся Яшка. — Доктор-то вон жив…

— Со мной — другое дело, — усмехнулся Горошин. — Я следовал за вами, как на привязи, до Земли и обратно, а здесь прошло добрых полтора столетия.

— Боюсь, теперь ваше оружие, — заметил Джеймс Купер, — имеет исключительно антикварную ценность. Кстати, одно время я не без некоторых успехов торговал антиквариат! Если мы найдем новых заказчиков…

— Ты уж однажды нашел! — оборвал его Косенков.

— Не понимаю, зачем вообще оружие, если здесь все изменилось! — Катя тревожно переводила взгляд с одного члена экипажа на другого. — Разве не так? Егор, ты чего молчишь?

— Смотрю, — взгляд Егора не отрывался от экрана. На лице его играли багровые отсветы Красного Гиганта. — Вам не кажется, что эта планета чем-то очень похожа на муравьиную?

Яшка свирепо просверлил его глазами, но тут же сник и отвернулся.

— М-да… — неопределенно протянул Мустафа. — Мрачноватая картинка… — и, заметив сигнальную вспышку на пульте, добавил: — Переходим на орбитальную траекторию.

— Вот и замечательно, — доктор Горошин с искусственным оживлением потер большие ладони. — Скоро все решится само собой.

— Что решится, папа?! — досадливо поморщилась Катя. — Неужели ты не понимаешь, какую глупость мы все совершаем?!

— Нас это не касается, — отрезал доктор. — Тут распоряжается товарищ Косенков. Ему и карты в руки.

Яшка зло посмотрел на Горошина, но ничего не сказал.

— Ну, что же вы? — настаивал доктор. — Командуйте, Яков Филимонович!

— А ты меня не подгоняй! — окрысился Косенков. — Я, может, еще ничего не решил! Прикажу вот Мустафе оглобли заворачивать…

— И поручение партии останется невыполненным.

— Перед партией буду отвечать я — не ты! — Яшка треснул кулаком о пульт. — Не было мне такого поручения — планету за планетой губить! — он тронул Мустафу за плечо. — Вот что, товарищ майор, давай-ка держи обратно на Землю!

— Ну, это вряд ли, — в голосе Горошина появились неприятные нотки. — В крайнем случае, комиссар, можно ведь обойтись и без тебя.

Яшка вдруг увидел, что ствол автомата нацелен ему прямо в живот.

— Отойди от пульта, — продолжал великан, — и подними руки повыше. А не то наглотаешься пилюль — не переваришь…

— Ты кому грозить вздумал, сволочь?! — Косенков вдруг яростно бросился на доктора, но, сбитый молниеносным движением приклада, перелетел через пульт и рухнул в углу.

Горошин передернул затвор и предостерегающе посмотрел на Джеймса и Мустафу.

— Без глупостей, господа. Оружие должно быть доставлено на планету.

— Папа! — испуганно вскрикнула Катя. Горошин, не оборачиваясь, махнул рукой.

— Не волнуйся, девочка, все в порядке.

— Я так не думаю, — сдавленно произнес Егор.

Горошин живо обернулся и замер, увидев прижатый к виску дочери ствол нагана. Обхватив Катю за шею, Егор медленно отступал к стене.

— Бросьте оружие, доктор, — сказал он. — Или как вас там? Вы ведь на самом деле никакой не доктор, правда?

— С чего ты взял?

— Вам нужно тщательнее следить за речью, — именной, подаренный Яшкой наган мелко дрожал в руке Егора. — Слишком много киношных фразочек, которых в двадцатом году еще не было. Проговариваетесь.

— Ты с ума сошел! — хрипела Катя, пытаясь вырваться. — Пусти сейчас же!

— Не трепыхайся, — посоветовал Егор. — Я ведь могу и выстрелить. С тобой тоже далеко не все ясно. Мустафа, возьми-ка у Максима Андреевича ствол…

Горошин, не сводя глаз с Егора, медленно снял автомат с плеча и отдал Каримову.

— Отпусти ее, она ничего не знает.

— Сейчас узнает, — пообещал Егор. — Это ведь вы подсунули Яшке оружие и посоветовали угнать станцию?

Катя застыла, с ужасом глядя на отца. Горошин помялся.

— У нас не было выхода. Появление на земле аппарата из будущего да еще с ротой красноармейцев на борту неизбежно привело бы к нашему разоблачению.

— Поэтому вы сделали все, чтобы красные и белые перестреляли друг друга в космосе?

Горошин склонил голову.

— Это не мое решение.

— А чье? Фальшивого товарища Ленина? Не скромничайте, Максим Андреевич, вождя пролетариата тоже подкинули вы или ваши коллеги, ведь нужно было, чтобы все прошло тихо и тайно.

— Ах ты ж, сучий потомок! — простонал лежащий в углу Яшка, сплевывая кровь. — Над святым посмеялся, гнида!

— Историю нельзя переписывать, — угрюмо произнес Горошин. — Даже из человеколюбия. Земляне не могут допустить появление во Вселенной новой, не зависимой от них цивилизации. Я нарушил это правило, когда помог спастись врангелевцам. С тех пор расхлебываю…

— Ничего себе, человеколюбие! — всплеснул руками Купер. — Сколько планет вы собирались спалить, чтобы замять это дельце?

Горошин отчаянно замотал головой.

— Все это вышло случайно! Лично я хотел только спасти дочь и вернуться назад, в свой две тысячи сотый год…

— Две тысячи сотый? — Джеймс, Егор и Мустафа переглянулись.

— А что вы делали в двадцатом? — спросил Джеймс. — Шпионаж? Диверсии? Устранение неугодных предков?

— Экскурсии, — грустно сказал доктор.

— Да ладно! — Егор недоверчиво махнул на него наганом. — Что еще за экскурсии?!

— Самые обычные, — доктор пожал плечами. — У меня было туристическое бюро, доставлявшее людей в прошлое. Историки, литераторы, просто любопытные — сотни туристов… К сожалению, технологии обратного переноса в будущее не существует. Поэтому приходилось совершать небольшой космический полет на околосветовой скорости, с расчетом вернуться в свое время. Для этого у меня был запас кораблей. Только и всего…

— Только и всего… — задумчиво повторил Егор, машинально поглаживая Катю по волосам. — Можно больше не вырываться, — сказал он ей, чмокнув в ушко. — Похоже, теперь наш папа говорит правду…

— Чей-чей папа? — с беспокойством спросил Горошин. — Вы-то здесь при чем?!

— Спокойно, папаша! — улыбнулся Егор, пряча пистолет в карман. — Из любого, даже самого глупого положения всегда можно найти выход! Что если вам совершить еще одну экскурсию в прошлое?

Максим Андреевич опустил седую голову.

— Меня больше не пустят. После крымского инцидента путешествия во времени запрещены.

— Придется разрешить, — твердо сказал Егор. — Уничтожить внеземную цивилизацию силами товарища Косенкова вам не удалось…

Каурый Черт, плохо кованый, полумертвый от усталости и бескормицы, заметно припадал на левую заднюю, но честно тянул разбитую подводу с ранеными в гору.

— Сгубили коня, — вздыхал ездовой тяжелой батареи Алексеев. — Где ж это видано — кровного аргамака с-под седла да в оглобли!

Алексеев шел рядом с подводой, изредка «деликатно» встряхивая поводьями. Погонять Черта было ни к чему. Конь и так исходил паром, скользил сбитыми копытами по заиндевелым голышам. Глядя на него, Алексеев чуть не плакал. Жилы рвет конь, торопится вслед за колонной на трясущихся тонких ногах, не жалея сил, словно бы уже и сам понимает, что к смерти своей спешит. На корабль ведь не возьмут, да и красным не оставят. Не скакать ему по степям лихим сумасшедшим галопом, как вон тот резвый да сытый полуэскадрон, что грохочет копытами навстречу!

Один из раненых откинул шинель, приподнялся на локтях.

— Что там, Алексеев?

— Разведка прибегла, — сказал ездовой, — должно, с Феодосии… Разведчики, огибая колонну, взрыли придорожную грязь, чуть прикрытую ледком, и осадили у коляски командира дивизии. Один из них спешился, откинув башлык, приложил ладонь к козырьку измятой фуражки и шагнул на дорогу. Коляска остановилась, а вслед за ней и вся колонна, не дожидаясь приказа, встала.

— Говорите прямо, Климович, — генерал Суханов не мог понять по глазам разведчика, чего ожидать от доклада, а ведь это было самое важное сейчас. — Суда… есть?

— Хм… как бы вам сказать…

Суханов раздраженно притопнул, качнув коляску.

— Не узнаю вас, ротмистр! Вы солдат или баба? Или меня принимаете за институтку? Отрапортуйте решительно! Есть суда?

— Так точно, ваше превосходительство! — вытянулся Климович. — Английский транспорт «Утопия» ждет под парами!

«Слава тебе, Господи!» — Суханов поднял глаза к белесому, лишенному солнечного зрачка небу, равнодушно взиравшему на него, словно глаз насекомого.

— Чудом удалось задержать, — продолжал ротмистр, — остальные ушли.

— Благодарю вас, Григорий Сергеевич, — Суханов с чувством пожал руку разведчика. — От себя и от всей дивизии.

Ротмистр покачал головой.

— Это не моя заслуга, Петр Арсентьевич. Некто доктор Горошин, из местных, буквально силой вынудил английского капитана задержаться. Сам Бог нам этого доктора послал. Я оставил ему в помощь прапорщика Шабалина с пулеметным отделением, но следует поторопиться, ваше превосходительство, красные наступают от Керчи. Прикажите прибавить шагу…

— Егорка! Где ты там? — сквозь бамбуковую занавеску на окне в комнату просунулась коротко стриженная и дочерна загорелая голова отца. — Самое интересное пропустишь!

Егор с сожалением оторвался от книги.

— Страничка всего осталась.

— Страничку можно и потом дочитать, — торопил отец. — А станция ждать не будет. Бульк — и все. Зря, что ли, пол земного шара отмахали?

— Иду, иду! — Егор заметался по комнате в поисках фотоаппарата. Вечно папка не кладет его на место!

— Да вон же твой фотоаппарат, на вешалке! — отец нетерпеливо гремел занавеской. — Майку надень! Все-таки историческое событие…

— Ну ее на фиг! — отмахнулся Егор. — Будем гордиться загаром… раз больше нечем.

— Та-ак, — грозно протянул отец. — Это что сейчас было? Ворчание красного коня?

— Сам же говорил, что полетим на «Мир» космическими туристами!

Отец нахмурился.

— Мало ли что я говорил… Кто ж знал, что все так быстро произойдет? Не успели… Да и ладно, деньги целее будут.

— Эх! — Егор мечтательно прищелкнул языком. — Скакнуть бы в прошлое на годик-другой, слетать туда-обратно, а там — пусть топят!

— Фантазер, — вздохнул отец. — Историю, брат, не перепишешь… — голова его скрылась за занавеской. — Короче, ты тут можешь мечтать, а я пошел. Встретимся на пляже!

Егор торопливо нахлобучил соломенную шляпу туземного

плетения, повесил фотоаппарат на шею и выбежал из бунгало, тут же пожалев, что забыл обуться. Раскалившийся за день песок больно обжигал пятки. Егор издал аборигенский клич и вприпрыжку понесся к пляжу, где в чахлой тени пальм уже толпился пестрый курортный люд.

— Be careful, boy! — долговязый сосед-американец, с ног до головы обвешанный камерами, поспешно отвернулся, сберегая оптику от фонтанов песка.

— Айм сорри, мистер Купер! — не останавливаясь, бросил Егор.

На пляже было не протолкнуться. Всю полосу берега, включая обрывы, окружающие лазоревую лагуну, облепила публика, ощетинившаяся объективами и биноклями. Для разминки снимали друг друга. Бесцеремонно расталкивая толпу, кругом сновали черноногие продавцы пива и мороженого в строгих нарядах, состоящих из форменной кепки с эмблемой отеля «Фиджи», белой бабочки на шее и простыни на бедрах.

Надо было с крыши снимать, с запоздалым сожалением подумал Егор. Тут одни уши да лысины выйдут.

— Егорка, сюда! — окликнул отец.

Он затесался в толпу низкорослых японцев, возвышаясь над ними, как Останкинская башня над девятиэтажками. Мудро, оценил Егор и заработал локтями, протискиваясь к нему.

— Look! Look! — истерически завопил вдруг кто-то. — There they are!

Толпа ахнула, как один человек. По всему побережью прокатился дружный залп щелкающих затворов.

Егор вскинул фотоаппарат, лихорадочно шаря глазами вдоль линии горизонта.

— Наверх смотри, балда! — крикнул отец, тыча пальцем в небо. Егор поднял голову. В ослепительной голубизне медленно ползли три белые черточки, похожие на инверсионный след самолета. Он поймал их в объектив, запустил zoom и разглядел дымные шлейфы, тянущиеся за едва мерцающими огоньками. Он успел дважды щелкнуть затвором, когда его неожиданно толкнули под локоть.

— Поосторожнее! — Егор сердито обернулся.

— Извините, — по-русски сказала тоненькая загорелая девушка в белом сарафанчике. Она отступила в сторону и снова поднесла к глазам видеокамеру.

«Катя!» — чуть было не вскрикнул Егор, но вовремя удержался. Почему именно Катя? Может быть, Юля или Наташа? Где я мог ее видеть? Точно не на пляже и не в отеле. А вдруг еще в Москве? В школе? Или на тусовке в «Би-2»? Ни черта не помню!

Но лицо определенно знакомое…

Возможно, где-то в другой жизни или в альтернативной реальности, по привычке расфантазировался Егор, они были знакомы, дружили, а может, даже испытывали вместе невероятные приключения. Но кто-то повернул в прошлом большой черный переключатель — и все пошло иначе. Как не было полета на станцию «Мир», так не было и встречи с этой девушкой в белом сарафанчике. Историю, брат, не перепишешь… Хотя это мы еще посмотрим!

Словно почувствовав его пристальный взгляд, девушка опустила камеру и улыбнулась.

— Ну вот и все.

— Как все?! — Егор живо вскинул голову, но успел разглядеть лишь тающие белые полоски над самым горизонтом.

Толпа зашевелилась, медленно разбредаясь и разноязыко делясь впечатлениями. Кто-то хвастался, что успел снять момент отделения «Прогресса». Ему возражали, что «Прогресс» был отстыкован от станции еще на орбите. Кто-то жаловался, что за такие деньги зрелище могло быть и покруче. Долговязый Джеймс Купер, вручив гостиничному бою всю свою аппаратуру, разделся и полез купаться, как видно, в надежде отыскать плавающие в океане обломки станции. Отца не было видно: наверное, вернулся на корт.

Егор шел в двух шагах позади девушки, не решаясь заговорить. Их обогнала компания спортивных, подтянутых ребят в одинаковых футболках.

— Все-таки жалко, — сказал один из них. — Так и не довелось на «Мире» поработать. А ведь это как-никак эпоха…

Девушка вдруг обернулась к Егору.

— Видел? — шепотом спросила она. — Космонавт!

— Ага, — Егор авторитетно кивнул. — Карим Мустафаров.

— Мустафа Каримов, — в изумрудных глазах девушки запрыгали смешинки.

Егор хлопнул себя ладонью по лбу.

— Точно! Это я на солнышке перегрелся. Скоро собственное имя забуду, — он протянул руку. — Кажется, Егор…

Она засмеялась, тряхнув пшеничными волосами, рассыпавшимися по плечам, и коснулась его ладони тонкими прохладными пальцами.

— Катя…

КОНКУРС «АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

Уважаемые участники конкурса!

Последнее полугодие прошло ровно, гладко, без всплесков. Финала достигло несколько рассказов, каждый из которых, в принципе, мог претендовать на победу. Жюри отметило работы В. Гвоздея из Астрахани, О. Гончаровой из Тулы и петербуржца С. Мякина. Однако по сумме баллов вперед вышел А. Колосов.

Колосов Алексей Павлович родился в 1985 году в Туле. Сейчас — студент четвертого курса факультета кибернетики Тульского государственного университета. Обучается по двум специальностям — программист и переводчик с английского. Литературой, особенно фантастической, увлекается с детства. Первый фантастический рассказ — «Феномен» — был напечатан в 2002-м в альманахе «Тула». Затем последовали публикации в альманахах «Прикосновение» и «Литературная тусовка». В 2006 году А. Колосов попробовал свои силы в конкурсе «Альтернативная реальность», однако успеха добился лишь год спустя с рассказом, который мы предлагаем вниманию читателя. Сотрудничает с «Если» в качестве переводчика, увлекается компьютерной графикой.

Благодарим всех участников конкурса, ждем новых рассказов. Условия — на нашем сайте.

Жюри

Алексей Колосов
КОПИИ

— Твою сестру опять сбила машина.

Это было уже в пятый раз.

Ей поразительно не везло с машинами.

— Понятно, — ответил Олег и отключился.

Он не испытывал ничего, кроме раздражения. Девчонка все время попадала под машину. В свои 16 лет она была на редкость непоседливым подростком. Вздохнув, Олег достал из стола флешку, закатал рукав рубашки и воткнул ее в разъем на своем запястье. Индикатор на флешке моргнул, показывая готовность принимать данные. На несколько мгновений Олег застыл — его взгляд уперся в равномерно белую стену офиса. Затем флешка моргнула еще раз, и Олег вытащил ее, с щелчком вернув на место защитный колпачок. Застегнул рукав рубашки, снял со спинки кресла пиджак и вышел из комнаты. Секретарша лучезарно улыбнулась ему.

— Я переписал все документы, которые нужно им отправить, на флешку. Она лежит у меня на столе. Займешься?

— Канешна шефф.

Олег еще раз вздохнул. Когда-то он пытался научить ее не использовать сленг и смайлики в деловых переговорах. Начальники иногда просматривали записи разговоров на корпоративном сервере ICQ. Начальники были большими и серьезными людьми, и им не нравилось видеть сознательно исковерканные слова, отсутствующие (по современной моде) знаки препинания и улыбки из символов. Но все без толку. Двадцатидвухлетняя блондинка оставалась именно двадцатидвухлетней блондинкой — такой, какой ее привыкло видеть современное общество. И она не хотела меняться. Зачем?

Олег, в свою очередь, не стал бороться со стереотипами. Если ей нравится быть такой, зачем вколачивать в нее насильно какую-то индивидуальность?

— Я пошел обедать.

— Удачно попитаццо!!! — сообщение настигло его, когда он уже закрыл дверь.

— *Хорошо хоть отучил ее вслух разговаривать…* — тихонько пробормотал Олег и направился к лифту.

Устные разговоры в последнее время совсем вышли из моды. Если человек заговаривал с вами вслух — значит, у него не хватало денег на имплантанты. А это уже автоматически

отделяло его от успешной части общества и означало принадлежность к нижним ступенькам социальной лестницы. С такими людьми никто не хотел иметь дела.

Социальный статус состоял из множества порой почти незаметных деталей — чем выше стоял человек, тем больше было этих деталей. Для того, чтобы подтверждать свой социальный статус, нужно выполнять целое множество негласных, но незыблемых ритуалов. Ты должен иметь имплантанты определенной мощности, должен жить в определенном районе, водить машину соответствующего класса, носить одежду от определенных модельеров, отдыхать на определенном курорте, далее, далее, далее, а в самом конце — порода и ошейник твоей собаки. Малейшее изменение — и общество не признает тебя за своего. Ты мог водить правильную машину, но если ты вдруг пообедал в ресторане более низкого класса, тебя вычеркивали из списка себе подобных. Большую часть жизни люди занимались тем, что подтверждали свой социальный статус. И боролись за то, чтобы перебраться в более престижный район, купить более престижную машину, и так далее.

* * *

Иногда Олег уставал от всего этого. Но ему некуда было спрятаться: в свои двадцать пять лет он благодаря родителям уже стоял на этой лестнице достаточно высоко и не мог позволить себе расслабиться — это бросило бы тень на отца.

Ведь если сын не подтверждает своего статуса, это означает, что отец не следит за ним. А значит, ослаб и отец — эта новость разнесется мгновенно. И следующая же важная сделка может сорваться.

Продолжая думать об этом, Олег вышел из здания. Теперь его могли достать только по внешней, не корпоративной, сети ICQ — отправить сообщение на американский сервер, чтобы тот переправил его в соответствующий имплантант. Имплантант Олега был круглосуточно (как и у всех деловых людей его уровня) подключен к интернету.

* * *

Стоило чуть-чуть отойти от здания, как слева нахлынул поток — людской поток; он был настолько безликим, что даже подчинялся правилам правостороннего дорожного движения.

Люди, шедшие вперед, двигались по правой стороне тротуара. Шедшие назад — по левой, ближе к проезжей части.

Во все порты имплантанта начал стучаться спам — назойливые рекламные сообщения всех возможных видов. Но Олег платил немалые деньги за то, чтобы лучшие специалисты регулярно проводили настройку его брандмауэра, и брандмауэр справлялся, не пропуская в имплантант ни рекламы, ни вирусов.

Сегодня Олег решил пожертвовать обедом ради более важного дела. Случай с сестрой, о котором только что сообщил отец, напомнил о том, что ему самому пора сохраняться.

Теперь специалисты поднимут записи о сестрице в своей базе данных и вырастят по ним клона нужного возраста, в которого затем зальют через имплантант всю память, сохраненную при последнем ее визите в городской Центр реинкарнации населения.

Возможность интеграции компьютера в человеческий мозг, в особенности прямой передачи и сохранения памяти, заставила правительства всего мира отказаться от запрета на эксперименты по клонированию людей.

Правительства поняли свою выгоду. Вместо того, чтобы держать огромный штат людей, *предотвращающих* гибель в быстром и смертельном современном мире со всеми его террористами и катаклизмами, правительства предпочли держать куда меньший штат специалистов, боровшихся с *последствиями* гибели. Умерших людей просто заменяли на новых — если, конечно, у родных и близких на то имелись деньги.

От клонов, как правило, скрывали их происхождение — психологи уверяли, что так будет лучше. Проходило несколько дней положенного по традиции траура — и человек возвращался к своим друзьям и знакомым, которые сразу же забывали о случившемся. Проблемы возникали, только когда последняя «контрольная точка», то есть дата последнего сохранения, оказывалась слишком далеко в прошлом, и целое множество дней приходилось заполнять «пустышками» — искусственными воспоминаниями, изготовление которых было на сегодняшний день самой сложной и ресурсоемкой задачей в сфере информационных технологий.

Обретя информационное бессмертие, люди почти перестали размножаться. Рождаемость приходилось строго контролировать, и даже если паре удавалось получить разрешение, дети все равно не рождались, а выращивались в том же Центре реинкарнации — в качестве исходного материала для них использовался отборный генофонд страны, а не родители.

Олег никогда особенно не задумывался о том, как он относится к реинкарнации. Он, в отличие от сестры, ни разу не

умирал и умирать совершенно не собирался, только проходил процедуру сохранения с положенной по закону частотой — не реже одного раза в месяц.

Сегодня, однако, он решил нарушить традицию и зайти в Центр на три дня раньше положенного срока.

Добравшись до нужного здания, он оставил свою машину у входа и, минуя стеклянные двери и металлические скульптуры, уверенным шагом направился к лифтам, ведущим в подвал, где находились самые тщательно охраняемые базы данных в городе.

Он проторил эту дорогу уже давно.

Когда-то он приходил сюда вместе с Мариной.

Это было ее первое сохранение, она боялась и наотрез отказывалась идти без Олега.

Она знала о строгой конфиденциальности всех сохраняемых данных, но все равно боялась, что кто-то залезет в ее воспоминания.

Она знала, что эта процедура абсолютно безопасна, но все равно опасалась за свою ранимую душу.

И приводила еще тысячу подобных аргументов.

Она всегда была странной. Но именно эта странность и привлекала Олега больше всего. Он не всегда понимал ее, особенно когда она начинала вполне серьезным тоном рассуждать на такие отвлеченные темы, как душа, романтика и прочее, когда она вдруг начинала фантазировать и говорить об окружающих предметах так, будто они были живыми. Однако она всегда ему нравилась такой, какая она есть.

Марина умерла на следующий же день после своего первого сохранения. Никто не знал, что с ней случилось. Олег позаботился о том, чтобы эта информация не просочилась наружу.

В тот день Марина оставила короткую записку: «Теперь у тебя всегда будет то, чем можно меня заменить», — и сделала шаг из окна.

С тех пор Олег встречался с ее клоном — и очень боялся, что история повторится.

Но этого не произошло. Марина всегда была непредсказуема. Она продолжала периодически сохраняться, но сочетания мыслей и настроений никогда больше не заводили ее в тот роковой тупик.

Когда Олег впервые встретился с ее клоном, он, внутренне вздрогнув, спросил себя, есть ли разница.

И до сих пор не мог ответить на этот вопрос.

Работа Олега заключалась в том, чтобы следить за соблюдением авторских прав. Он руководил обширным штатом

специалистов. А специалисты фиксировали перемещения и попытки копирования каждого лицензионного экземпляра программ, книг, фильмов и прочей информации, которую доверяли на сохранение компании его отца. Один человек мог контролировать до 1000 экземпляров, а когда он уставал, его тут же сменял другой. Эти люди подключались к системе слежения и после этого практически переставали воспринимать окружающий мир вплоть до конца рабочей смены — настолько полно имплантант в эти часы поглощал все их внимание. Такие специалисты были хорошо обеспечены, но уходили на пенсию не позднее тридцати лет — по причине разного рода заболеваний. Они отдавали самые яркие, самые сильные и наполненные жизненной энергией годы своей жизни в обмен на деньги. Многих это устраивало.

А Олег, наблюдавший за тем, как изо дня в день тысячи его ровесников медленно умирают в подвале того самого здания, под крышей которого он пьет свой утренний кофе, часто задумывался о том, какие же блага дает человечеству возможность свободного копирования любой информации.

Дает ли информационный век что-то новое? Новая реальность, о которой говорили ученые, фантасты и наркоманы? Что-то такое, чего не было раньше?

И каждый раз, сколько бы ни старался, Олег приходил к одному и тому же ответу.

— Вы по записи? — на мгновение этот вопрос поставил задумавшегося Олега в тупик. Секунду спустя он осознал, что давно уже спустился в подвал и стоит сейчас в ярко освещенном коридоре перед маленькой стальной дверью.

— Вы по записи? — сообщение еще раз достигло его имплантанта, обогнув все проверки и фильтры. Значит, вопрос задавал человек, а не автомат.

— Нет. Но я хотел бы сохраниться пораньше. Уверен, когда вы откроете мою анкету, то поймете, что это возможно даже без предварительной записи.

— Проходите, — ответ пришел почти незамедлительно, а значит, имплантант его собеседника отличался завидным быстродействием.

— Благодарю.

Олег зашел со служебного входа, поэтому стены в комнате были белыми, воздух — безвкусным, и слышалось только тихое гудение вентиляторов.

Все тем же уверенным шагом Олег прошел по знакомому маршруту до комнаты 021, в которой его встретили два человека в белых халатах и пустое кожаное кресло.

— Здравствуйте, — сообщение было по-прежнему, как и положено в цивилизованном обществе, отправлено по интернету, но руку протянул уже вполне осязаемый человек — бородатый низкорослый техник в очках. Олег помнил его еще с прошлого раза. Техник, похоже, тоже вспомнил его и приветливо улыбнулся. Олег бросил взгляд на ассистентку бородача — весьма привлекательную молодую девицу, но вряд ли толковую помощницу.

— Как видите, я тут обучаю стажерку, — пояснил техник. — Она у нас недавно. Кстати, вы не против, если я параллельно буду посвящать ее в некоторые детали?

— Извольте.

— Прекрасно.

— *Итак, стажер, прошу обратить внимание на этот набор настроек. Сегодня сутра у нас были неполадки с сервером, но системщики, по-моему, уже все починили…* — Олег вздрогнул от неожиданности и в следующий момент мысленно проклял себя за тупость. Конечно же, техник не стал бы спрашивать у него разрешения, если бы речь шла об обычном общении. А раз он спрашивал, значит, речь шла об *устном* рассказе!

Кажется, Олег все-таки не сдержался, и в его взгляде мелькнуло презрение, потому что девушка вдруг покраснела и вздрогнула, как от пощечины.

— *У м-меня еще нет имплантанта…* — дрогнувшим, извиняющимся голосом сказала она.

— *Это ваше личное дело. Меня это не касается,* — Олег пожал плечами, пытаясь показать максимальное безразличие, а техник бросил на него осуждающий взгляд.

— Пожалуйста, сядьте в кресло и отключите свою систему защиты, — техник отослал стандартное сообщение, не изменив в нем ни буквы.

Олег кивнул, застыл на мгновение, а потом опустился в кресло.

— Подключите черный провод справа от вас к ближайшему свободному разъему на вашем теле.

Олег начал расстегивать рукав рубашки, продолжая слушать стандартные инструкции.

— Введите себя в режим сна и установите генератор ритмов на автоматическое пробуждение через тридцать минут. Желаем вам приятного сохранения.

Олег установил таймер, подключил провод к разъему на запястье и запустил программу управления организмом Microsoft Body Manager, задав в качестве необходимого действия переход в режим сна.

Последним, что увидел Олег, было все еще красное лицо стажерки, внимательно слушавшей размеренный рассказ техника.

И один ее неожиданно агрессивный взгляд, брошенный прямо в его закрывающиеся глаза…

Пробуждение было внезапным. Олег даже не стал открывать глаза, а только проверил время по внутренним часам.

Так и есть, пробуждение произошло на пятнадцать минут раньше. Такое иногда случалось — контролировать состояние человека удавалось не всегда, и корпорация Microsoft периодически выпускала многочисленные обновления для своего продукта, каждое из которых должно было приблизить пользователя к возможности абсолютно точного контроля над собственным организмом.

Олег собирался было вновь войти в режим сна, но его мозг невольно воспринял и осознал смысл происходившего в комнате устного диалога:

— *…оригинал вот этого человека в кресле умер еще ребенком, когда ему было пять лет. А у нынешнего клона срок истек. В любом случае нужно было бы на следующей проверке его выкидывать. Понимаете, стажер, у искусственно состаренных клонов, в отличие от обычных, выращенных из генофонда детей, есть свой срок годности. Старение у них происходит не так, как у нас, а по весьма крутой экспоненте — они долгое время остаются молодыми, но потом, через двадцать лет после рождения, наступает фаза молниеносного старения. Чтобы это не вызывало проблем, клонов, доживающих до этого возраста, незаметно ликвидируют во время очередной проверки и заменяют новыми. В общем, слив информации из мозга мы закончили. И хотя этот приятель пожаловал на три дня раньше, чем ему было положено, клон на замену, по-моему, уже должен быть готов. Я что-то не могу связаться с биологами, наверное, наши системщики опять перезапускают сервер, отвечающий за внутреннюю связь, так что я схожу к ним и лично проясню этот вопрос. А вы сидите здесь и ничего не трогайте.*

— *Хорошо,* — после чего последовал звук шагов и стук закрывающейся двери.

Олег почувствовал слабость, как будто все его мышцы вдруг отказались повиноваться. Его тело охватил жар, а лицо — холод. Он знал это чувство. Это был страх.

Инстинкт самосохранения не могли отключить даже программы от Microsoft.

— Вы можете открыть глаза, — сказала стажерка. — Я все равно знаю, что вы проснулись. Это я перенесла ваш таймер — ведь вы же отключили всю защиту, чтобы дать нам доступ к своей

памяти. И потом, вы стали белее моего халата, поэтому все и так ясно.

— *Зачем?* — Олег приложил колоссальные усилия к тому, чтобы его голос прозвучал спокойно, но звук все равно получился какой-то писклявый и жалкий.

— *Я хотела, чтобы вы поняли, как работает вся эта система. Чтобы вы увидели мир таким, какой он есть, а не рафинированным, как вам его показывают. Через пять минут ваш знакомый вернется сюда со шприцем и с той же улыбкой, с которой он вас встретил, сделает так, что вы уже никогда не проснетесь. Уходите. Простите за то, что я вас разбудила. Не считайте это местью. Мне не за что вам мстить. Считайте это жалостью. Наверное, я еще не привыкла. Я не могу спокойно смотреть на то, как они здесь убивают людей, пусть даже искусственных.*

Олег выдернул провод из разъема на запястье и поднялся из кресла. Потом пошатнулся — ноги плохо держали его — и автоматическим движением, пытаясь застегнуть рукав рубашки, буквально вывалился в коридор. Пригибаясь, словно у него над головой уже свистели пули, он побежал к выходу.

А несколько минут спустя техник вернулся в комнату, держа в руках шприц.

— *Отлично, отлично. Как я и предполагал, копия уже готова, и они даже начали заполнять ее памятью. Осталось только…* — увидев пустое кресло, техник застыл.

— Где он?!

— *Сбежал…* — выдохнула стажерка. — *Он вышел из режима сна раньше и услышал наш разговор. Когда вы отлучились, он вскочил и побежал к выходу. Я не успела его остановить.*

— *Вы… понимаете, что это значит?*

— *Н-нет…*

— *Его непременно нужно ликвидировать. В крайнем случае, мы могли бы позволить ему просто дожить свои несколько месяцев — он все равно умрет естественной смертью, но теперь, когда процесс оживления его клона уже начат, когда в него уже заливают память, этот клон официально становится гражданином нашей страны. И мы уже не можем заморозить его до лучших времен. С этого самого момента в мире существуют два абсолютно одинаковых человека. И один из них подлежит скорейшей ликвидации.*

Стажерка вскрикнула и зажала рот рукой.

— *Он — сын крупного бизнесмена. И нам абсолютно не нужны скандалы. Поэтому сейчас я свяжусь с нашей службой безопасности. А ты не забывай о том, что тоже замешана в этой истории. Со всеми вытекающими отсюда последствиями и*

возможной ответственностью.

* * *

Марина сидела на спинке кресла и смотрела на облака. Девушка водила пальцем по краю пустой чашки — она всегда так делала, когда думала о чем-то таком, чего Олег не мог понять. Когда он вошел, открыв дверь своим ключом, она даже не заметила этого.

Впрочем, секунду спустя она встрепенулась.

— Что с тобой? — вопрос получился быстрым, тревожным. Марина задала его еще до того, как обернуться. Дело было в походке Олега. Неровные, порывистые шаги вместо обычных размеренных движений.

— Мне нужно с тобой поговорить, — Олег стоял, опираясь о дверной косяк, и глотал воду прямо из кувшина. Это было совсем на него не похоже.

Струйка сбежала по его подбородку и забралась под рубашку. Пропитывая ткань, она оставляла за собой темный след, словно трещину, раскалывающую человека пополам.

— Что произошло? — Марина слезла со спинки кресла и сделала движение навстречу другу, но в полуметре остановилась.

— Я… — Олег вздрогнул. — Я… ненастоящий. Поколебавшись мгновение, Марина все же сделала последний шаг и обняла его.

— Не имеет значения, — тихо прошептала она. — Я люблю того, с кем встречалась все это время. Мне все равно, настоящий ты или нет, — Олег вздрогнул несколько раз подряд, затем попытался сделать глубокий вдох. Вместо этого получился всхлип — комок в горле с трудом пропускал даже воздух.

— Ты… тоже.

— Что?

— Ненастоящая.

Марина отстранилась от него на мгновение — чтобы посмотреть в неестественно блестящие глаза, затем снова прижалась к Олегу. Она впервые видела, как он плакал. Это было тихо, беззвучно. Она попыталась представить что-то, что могло заставить плакать *его.* И ей стало страшно.

— И только-то? Ну что ты, любимый… Какая разница? Ведь мы же все равно люди.

— Мы… люди, — неуверенно повторил он и судорожно вздохнул. В комнате наступила тишина. Пауза. Длинная — наверное, целая минута прошла в молчании.

— Давай убежим, — не дожидаясь ответа, Марина отстранилась от Олега и пошла к шкафу.

— Что?

— Убежим. Как тогда, когда мне вдруг захотелось в другой город. Помнишь? Ты бросил все дела, отменил все встречи, и мы с тобой просто уехали, ничего никому не сказав. Остановились в первой встречной гостинице. И целый день гуляли по городу. А потом путешествовали еще пять дней. Лучшие пять дней моей жизни. Помнишь?

— Конечно, — Олег вздрогнул в последний раз, а потом потер ставшие вдруг сухими и горячими руки. Затем сжал их в кулаки. Марина мысленно отпраздновала свою победу — он всегда делал так, когда принимал важное решение. Это означало, что сейчас он разовьет бурную деятельность и не остановится, пока не доведет дело до конца.

— Конечно, — повторил он. — Давай убежим.

* * *

Они выскочили из подъезда через пятнадцать минут. Марине часто приходили в голову безумные идеи, и она легко срывалась с места, как лист, подхваченный ветром.

Олег прижал палец к сенсору, и машина тронулась с места, набирая скорость.

Подруга сидела рядом и изучала его лицо. Она хорошо знала это лицо. Но то, что отражалось на нем сейчас, было ей непонятно. Слегка опущенные уголки губ и периодически сжимающиеся челюсти — едва заметно, лишь чуть-чуть двигались мышцы. Глаза при этом сосредоточенно смотрели в одну точку.

Она пыталась прочесть это выражение. Злость? Но в глазах не хватало решимости. Он, всю жизнь обладавший властью, привыкший к ней и пропитанный ею, злился совсем по-другому. Когда он злился, то уже знал, кому и как будет мстить — уже перебирал ходы и варианты, которые у него имелись всегда. Он так же сжимал челюсти, да, но взгляд был совсем другой. Обида? Такое бывало — несколько раз, из-за Марины. Тогда у него был именно такой взгляд, как сейчас. Что же это? Смесь злости и обиды одновременно? И что-то еще…

Продолжая перебирать, Марина решила действовать методом исключения. И вновь вернулась к своему первому выводу. Страх. Единственная эмоция, которой она никогда не видела на его лице.

«Вот, значит, как он боится…» — Марина поежилась. Подумав

еще несколько секунд, она все-таки произнесла:

— Ты рассказал мне не все.

— Да, — Олег даже не пытался отрицать. Это заставило ее съежиться еще сильнее. И тогда Марина решилась.

— Я… тоже.

— А?

— Я тоже рассказала тебе не все.

Повисло молчание. Олег сосредоточенно управлял машиной. Марина смотрела на него и готовилась, подбирая слова. Он не торопил ее и даже вообще, казалось, забыл о последней фразе.

— Я не принимала таблетки, — выпалила она наконец. И сразу прижалась к дверце машины, отодвинулась от него, сжалась, ожидая реакции.

На несколько мгновений — опять тишина. Потом Олег усмехнулся.

— Ты всегда была непредсказуема. За это я и люблю тебя.

— Ты же знаешь, что это нарушение закона, что нам нельзя, да? — она сказала это с какой-то странной надеждой. Мгновение спустя она поняла почему. Она ожидала, что он рассердится. Он, всегда такой правильный, просто не мог не рассердиться. Но Олег только усмехнулся и сказал, что любит ее. Это было пугающе неправильно, словно вода, текущая снизу вверх.

— Вылезай, — велел Олег и резко остановил машину. Марина посмотрела в окно. Они находились уже на окраине города.

— Почему?

— Не спрашивай. Вылезай.

— Я хочу знать. Я сказала тебе то, что скрывала. Теперь твоя очередь.

Он принимал важное решение. Она видела все внешние признаки. Сейчас они были особенно сильны, словно решение принималось не мозгом, а пальцами. В конце концов, Олег изо всех сил ударил по приборной доске. Аудиосистема, покрывшись трещинами, горестно пискнула и погасла.

— Через несколько дней мы снова увидимся. И никаких проблем не возникнет, вот увидишь. Я буду такой же спокойный и уверенный, как и всегда. Только, пожалуйста, выйди здесь и дай мне самому уладить это дело, — неестественно мягко сказал Олег.

— Нет, — Марина медленно покачала головой. Странное выражение лица — страх, обида и злость — наконец она собрала все это воедино. Она поняла. — Я увижу не тебя. Они выдадут мне замену. Да?

— Да, — Олег закрыл глаза. После того, как она каким-то

загадочным образом постигала правду, спорить с ней было бесполезно. Он никогда не понимал, как ей это удается, и не хотел верить в женскую интуицию, но Марина часто угадывала то, чего он не говорил ей. И после этого ему никогда не удавалось сбить ее с выбранного пути.

— А что случится с тобой?

— Меня убьют. Скорее всего, они уже выехали.

— За что?! Какой в этом смысл?

— Я в любом случае должен умереть. Сейчас я жив лишь благодаря ошибке. Благодаря тому, что задел девушку, не имевшую имплантантов.

— Умереть… от чего?

— От старости. Я — искусственно состаренный клон. И мой срок годности… — Олег развел руками и истерически рассмеялся.

И снова наступила пауза. Марина посмотрела на него сверху вниз. А затем рванулась вперед и крепко прижалась к Олегу. И заговорила — быстро, жарко дыша:

— Мне не нужна замена. Я люблю тебя, только тебя. Я только вчера узнала, что я… что у меня… и ведь он же будет именно твой, понимаешь? Даже если нам осталась какая-нибудь пара минут, я все равно останусь с тобой. Я не брошу тебя — до самого конца. Мне не нужны копии. Мне нужен ты…

Олег ничего не отвечал, только все так же смотрел вперед, сжимая и разжимая кулаки. Потом все-таки оторвал руки от руля и обнял Марину. Ощутил ее запах — знакомый, безумно знакомый, более знакомый, чем собственное отражение в зеркале.

Несколько мгновений спустя она отстранилась. А затем улыбнулась и каким-то озорным, бесшабашным тоном скомандовала:

— Поехали!

Олег посмотрел на нее и вздрогнул. Именно такое выражение лица у нее было в тот день. Именно таким тоном она попрощалась с ним, когда они в первый раз вышли из Центра.

Машина снова тронулась с места и, набирая скорость, направилась за город.

* * *

Она говорила почти без остановки — сумбурно, порой даже бессвязно, словно старалась выговорить все, что собиралась сказать ему в будущем. Она говорила обо всем подряд, перескакивая с темы на тему. Говорила о том, как она его любит,

и о том, что когда-то, наверное, люди были такими же, как облака — ведь весь наш мир когда-то был просто скоплением газа. Она говорила о том, что в те времена людям, наверное, жилось намного проще. Потом говорила про то, как ей нравятся розы, и про то, как, наверное, красив рассвет на Северном полюсе.

Олег слушал ее, стараясь не пропустить ни слова, и в то же время бросал взгляд в зеркало заднего вида. С каждым часом он делал это все чаще и чаще. В конце концов преследователи, как он и ожидал, появились. На автомобиле, не уступающем по мощности и способном столь же быстро перемещаться по трассе.

Олег пытался хоть как-то контролировать себя, постарался скрыть свою реакцию на то, что он увидел в зеркале, но Марина прореагировала почти мгновенно.

— Уже, да? — И смысла спорить опять не было.

— Да. Они едут за нами. Я не смогу от них оторваться — здесь идет длинный и прямой участок дороги, без ответвлений. Но и они не смогут меня быстро догнать. Скорее всего, они будут стрелять, чтобы заставить нас остановиться. Прошу тебя, пригнись.

Марина молча пригнулась и зажмурилась, положив голову ему на колени. Ах, как он был благодарен ей за то, что она не задала этого бессмысленного вопроса: «А как же ты?»

Он любил ее еще и поэтому. Она всегда все понимала.

А потом раздался хлопок — неожиданно тихий по сравнению с теми, которые звучат в боевиках.

Заднее стекло хрустнуло, а на переднее брызнули красные капли. Плечо охватил жар. Марина вздрогнула и зажмурилась еще сильнее.

— Держись, — прошептал Олег и изо всех сил надавил на тормоз.

В последний момент, когда машина преследователей надвинулась с невероятной быстротой, Олег вдруг подумал о том, что узор трещин, который остался от пули на заднем стекле, очень похож на карту города. Спустя еще один удар сердца Олег подумал о том, что в этом новом, неожиданном городе тоже может кто-то жить — кто-нибудь очень маленький. Эта мысль показалась ему невероятно важной.

Потому что в этот момент он впервые в жизни подумал так, как думала Марина — эта мысль пришла вместе со следующим ударом сердца и с сокрушительным грохотом, наполнившим рот металлическим, солоноватым привкусом.

* * *

Весь мир вокруг был опутан темными клочьями, и ощущалось только полосатое движение вперед.

Полосатое — потому что оно отмечалось продольными полосами. В эти полосы превращалась трава, когда какая-то сила тащила его — отчаянно, зло.

Посередине оставалась еще одна полоса — изогнутая, темно-красная, неровная, словно взбесившаяся синусоида, решившая выйти из берегов, очерченных для нее математиками.

А потом вдруг стало темно, и полосатое движение прекратилось. Земля резко приблизилась, вместе с прохладой.

Затем пришло осознание яростного, хриплого дыхания. Чужого дыхания. Олег повернул голову.

Марина лежала рядом с ним, так же привалившись спиной к сколоченной из досок стене. Она лежала рядом и никак не могла отдышаться. Это она тащила его сюда.

Сквозь щели между досками Олег видел две машины, смятые в гротескный металлический баян, и двух людей, выбирающихся из этой бессмысленной кучи железа. Они пошатывались, но оба держали в руках оружие. Обычные взрослые люди в деловых костюмах. От заброшенного, почти обрушившегося одинокого дома до дороги было не так уж далеко, но Олег все равно не мог понять, как Марине удалось дотащить его сюда.

— Сделай что-нибудь, — прохрипела она, все еще пытаясь отдышаться. Из-под ее волос на траву стекла одинокая красная струйка. — Я знаю, ты можешь.

И она была права. Олег не был беззащитен. Глубоко внутри его имплантанта хранилось то, что он не должен был использовать ни в коем случае.

Впервые такую вещь разработали программисты, работавшие на наркоторговцев. Вирус взламывал защиту программы управления телом и получал доступ к недокументированным возможностям имплантанта. За определенную сумму можно было получить код, на время пробуждавший этот вирус. Почти как карта оплаты услуг сотовой связи. Код — и организм послушно вбрасывал в кровь нужные вещества. Серотонин, эндорфин, адреналин, какой-нибудь еще «-ин» — Олег никогда не вдавался в подробности и даже не был уверен в правильности названий.

Потом эти программы получили неожиданное развитие. Их стали использовать террористы. Взламывая системы защиты, они научились временно брать тела других людей под контроль. Разными способами, кнутами и пряниками, они доводили жертву до состояния почти полного отупения, до тех пор, пока она не начинала слушаться приказов. Не слушаешься — получаешь боль. Слушаешься — получаешь удовольствие. Такие «заводные куклы»

взрывали себя в метро. Врезались в здания правительств на полном ходу. И делали многое другое.

Программа, которой — абсолютно незаконно — владел Олег, называлась «Шинигами». И она была самой смертоносной из всех. Она могла, проломившись через защиту, убить любого человека, если Олег знал точный электронный адрес его имплантанта или если этот человек просто находился в зоне прямой видимости.

Люди с оружием сошли на обочину, но не торопились подходить к зданию.

— Олег… — прошептала Марина. Олег зажмурился изо всех сил. Затем вздрогнул.

— Прости, любимая… Я не могу. Я не могу убить человека, — Олег вздрогнул еще раз.

— Ничего. Все хорошо, — Марина подползла к нему и провела рукой по щеке.

А затем, впервые за весь этот безумный день, она поцеловала его.

В этом кратком поцелуе слилась вся история их отношений, все те чувства, которые они испытывали друг к другу — все это одновременно накрыло их, на несколько мгновений полностью изолировав от внешнего мира, спрятав в их собственном мирке, маленьком, жалком, но таком настоящем.

— Пойдем? — спросил Олег.

— Пойдем, — прошептала Марина. И помогла ему подняться, опираясь о деревянную стену.

Пошатываясь, они вышли из тени и встали в давно уже опустевшем дверном проеме.

Люди, стоявшие возле машины, вздрогнули и направили на них до этого бесцельно блуждавшие стволы. Марина вдруг как-то странно, по-детски улыбнулась:

— Простите нас… пожалуйста… — она посмотрела в глаза человеку, целившемуся в нее.

— Простите нас за то, что мы появились на свет, — добавил Олег. На этой ноте тишина оборвалась. Раздалось два выстрела — на этот раз куда более громких.

* * *

Выстрелы, почти слившиеся в один, разнеслись далеко по открытому пространству, и девочка, стоявшая в этот момент на берегу реки, на другом конце поля, вопросительно посмотрела на маму:

— Гром. Будет дождь, да? — потом озабоченно посмотрела на

облака и покачала головой, опровергая собственное утверждение. Мама только сильнее сжала ее руку и еще раз обернулась. Они стояли у самой воды, берег здесь был крутой и довольно высокий, так что от дороги их увидеть не могли.

— А что там, на другом берегу? — девочка указала на темнеющие силуэты производственных зданий.

— Там завод, — с готовностью ответила мама и на всякий случай присела на корточки. — Там делают еду.

— И сосиски? — неожиданно спросила девочка.

— Да, наверное, и сосиски.

— А люди ведь могут копировать все, что угодно, даже мысли, да?

— И мысли, и память, — подтвердила мама.

— Тогда мне не нравятся люди, — решительно заявила девочка и тоже села на корточки, с живым интересом глядя на поверхность воды.

— А кто же тебе нравится? — удивленно спросила мама.

— Ну, как же ты не понимаешь? — девочка наморщила носик. — Если люди будут копировать мысли, они же все станут совсем-совсем одинаковые, как сосиски! А мне нравятся облака. Они всегда разные. И красивые. Мама, а о чем думают облака?

В этот самый момент копия Олега вышла из Центра реинкарнации населения. Одно нажатие кнопки в том же здании запустило процесс изготовления новой Марины. С конвейера на заводе сошла очередная пачка сосисок. А где-то высоко-высоко ветер нежно обнял большое облако и обрадованный полетел дальше, резвясь. От ветра по воде и по траве прокатились волны.

И даже эти волны отличались друг от друга сильнее, чем два человека в костюмах, безмолвно стоявших возле разбитой машины.

ВИДЕОДРОМ

Елена Навроцкая
РАЗВЕСИСТЫЙ ТРЕШ

Эти двое часто работали вместе. Но впервые сотрудничество двух знаковых режиссеров современного кинематографа, Роберта Родригеса и Квентина Тарантино, получилось настолько демонстративным, что не все поняли, сколько фильмов они сняли: один, два или целых шесть? Во всяком случае, российский прокат решил, что два, и показал их по отдельности.

Grind House — сленговое название кинотеатров, где демонстрируется низкобюджетное кино, два фильма по одному билету. В основном, конечно, трэш-хоррор. То, что вы так любили смотреть в детстве в видеосалонах, если вам повезло жить в это веселое время. Маньяки на дорогах, зомби, живая мертвечина и прочие нехитрые радости любителей разлагающейся плоти. Роберт Родригес и Квентин Тарантино, всегда играя на грани трэша, не могли пройти мимо столь развесистой клюквы и отдали дань целой культуре фильмов класса B, не преминув эту культуру как следует высмеять. Эта парочка сняла проект Grind House («Молотильня»), состоящий из двух новелл и четырех фейк-трейлеров — рекламных роликов несуществующих фильмов.

«Планета страха» (Planet Terror) — первая новелла Родригеса, относится к жанру так называемых «зомби-мувис». Как ясно из названия, эта часть рассказывает о нашествии зомби на США.

Сюжеты таких фильмов весьма однообразны, и Родригес ни на шаг не отступает от традиций. Тут вам и страшное биологическое оружие, превращающее людей в ходячие трупы, и военный злодей, выпустивший это оружие на волю, и храбрые, но немного чокнутые спасители мира, поражающие иногда безграничной тупостью. Основное отличие «Молотильни» от фильмов, которыми она была вдохновлена, — это фирменные фишки от Родригеса-Тарантино. В первую очередь, черный юмор, заставляющий смеяться над штампами подобного кино, и, конечно же, незабываемые персонажи, каждый со своей выдающейся харизмой. Как, например, одноногая стриптизерша с пулеметом вместо ноги (а теперь попытайтесь вспомнить, где вы еще видели героев, у которых вместо потерянных конечностей приспособлено оружие?). Или доктор, ковыряющийся в ране инфицированного больного и при этом тянущий в рот все, что валяется у него на прозекторском столе. Не хватит места, чтобы перечислить то, на что оказалась горазда буйная фантазия Роберта Родригеса.

Актеры, занятые в фильме, тоже постарались на славу. Поклонники сериала «Lost» увидят Нэвина Эндрюса (Саида) в роли биохимика-мафиози, заядлого коллекционера вражеских частей тела, не будем уточнять, каких именно. Брюс Уиллис сыграл здесь того самого злобного вояку, но вид у него, как всегда, иронично-невозмутимый — спасает он мир или уничтожает его. Сам Тарантино выступает в роли полусгнившего мертвеца, но все равно охочего до плотских радостей жизни.

И как апофеоз кроваво-разнузданного веселья — вертолет, крошащий винтом толпу зомби в фарш. Приготовьте бумажные пакеты.

Новелла «Доказательство смерти» (Death Proof) Тарантино в отличие от «Планеты страха» не заливает зрителя потоками крови. По жанру напоминает «роад-муви» больше, чем заявленный фильм-слэшер, повествующий о маньяках, вооруженных колюще-режущими предметами.

Эффект старого трэшевого кино, которое крутят в дешевом кинотеатре, достигается обрывами и дефектом пленки, пропавшим изображением, закадровым смехом, а также виртуозно трясущейся рукой оператора. Задумка на самом деле замечательная, и любители антиквариата будут в восторге. Если бы новелла не проигрывала фееричной «Планете страха» в борьбе за зрительское внимание. Больше часа зритель вынужден слушать пустопорожнюю женскую болтовню, якобы призванную намекать на знаменитые тарантиновские диалоги. Девушка в желтом платье, видимо, должна навести на мысли о поясе Невесты из

«Убить Билла». Как говорится, постмодерничненько, но невероятно скучно.

И только последние 15 минут фильма заставляют проснуться и, затаив дыхание, наблюдать за великолепной автомобильной погоней, этаким смертельным дерби на шоссе. Так что кнопка «перемотать вперед» может пригодиться.

Но и это еще не все о странном и кошмарном, настолько же любопытном, насколько провальном проекте Grind House. Новеллы предваряются фейк-трейлерами, которые сняли разные режиссеры. Собственно, эти трейлеры — лучшее во всем проекте. «Мачете» Родригеса с неподражаемым Дэнни Трехо в роли мексиканца-мстителя. «Женщины-оборотни СС» Роба Зомби — название говорит само за себя. «День благодарения» Эли Рота, отсылающий к фильмам о маньяках, преследующих сексуально озабоченных подростков. И «Не надо» Эдгара Райта — все штампы о привидениях в трехминутной упаковке.

РЕЦЕНЗИИ

1408

(1408)

Производство компаний Dimension Films и Di Bonaventura Pictures, 2007.

Режиссер Михаэль Хафстрём.

В ролях: Джон Кьюсак, Сэмюель Л. Джексон, Мэри Маккормак и др.

1 ч. 34 мин.

Жизнь писателя Майка Энслина состоит из постоянных разъездов по местам, якобы отмеченным вниманием потусторонних сил. Тот факт, что ни в одном из них он так и не наткнулся ни на призрака, ни на привидение, ни даже на завалящий полтергейст, лишь укрепляет его скепсис и неверие в паранормальщину, совершенно не мешая при этом выпускать книгу за книгой о встречах со сверхъестественным. Но визит в номер 1408 отеля «Дельфин» заставит героя пересмотреть свои представления…

Рассказ, положенный в основу картины, был задуман Стивеном Кингом в качестве иллюстрации к труду «Как писать книги». Получившийся же фильм тоже может служить примером — скажем, для учебника актерского мастерства. Полтора часа экранного действия Джон Кьюсак дает мастер-класс по выполнению знакомых всем студентам театральных вузов упражнений (одно из которых, кстати, называется «В комнате — привидение»), блестяще изображая реакцию на быструю смену обстоятельств, одно невероятнее другого.

На славу потрудились и сценаристы, придумывая эти самые обстоятельства. Творящийся в «нехорошем номере» кошмар, описанию которого Кинг уделил всего пару абзацев, не просто обрел плоть. Его подчиненное «вывихнутой» логике абсурда течение пугает до дрожи, — чего стоит сцена с двойником в окне напротив или эпизод мнимого спасения, когда реальность вокруг героя неожиданно рушится. Не забыта и классика: проверенные временем страшилки, вроде неожиданно возникающего за спиной монстра с топором, тоже имеют место.

Но головокружительный калейдоскоп ужасов не самоцель, это ключ к пониманию внутреннего мира героя Кьюсака, открывающий, что цинизм и скепсис Энслина — лишь ширма, за которой прячется страстное желание найти реальные доказательства связи между миром живых и миром мертвых в надежде, что это смягчит боль от потери родных. И ночь, полная смертельной опасности, есть цена, которую герой готов заплатить за возможность еще раз с ними встретиться.

Матвей ГРИБКОВ

НОЧЬ ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ 3D

(NIGHT OF THE LIVING DEAD 3D)

Производство компаний Lux Digital и Horrorworks, 2006.
Режиссер Джефф Броадстрит.
В ролях: Брайана Браун, Сид Хэйг, Грег Трэвис, Джоанна Блэк, Адам Чэмберс, Кен Уорд и др.
1 ч. 20 мин.

Девушка по имени Барб приезжает на кладбище, на похороны тетушки. Но вместо убитых горем родных и близких видит брошенный гроб, а после едва уносит ноги от оживших трупов, наводнивших округу. Едва не став жертвой прожорливых зомби, Барб спасается в одиноком доме, населенном весьма странными жильцами, которые почему-то не желают звонить в полицию и явно не любят чужаков…

Принято считать, что весь современный кинохоррор о зомби вырос из кинокартины «Ночь живых мертвецов», снятой Джорджем Ромеро в 1968 году. Новая «Ночь…» — уже вторая попытка переснять классику жанра, и, к сожалению, попытка крайне неудачная.

Бывает так, что нас пугают, а нам не страшно. Бывает так, что нас пугают, а нам смешно. Работа Джеффа Броадстрита относится ко второй категории. Странно, что, имея возможность пустить на нас с экрана оголодавших и безумных мертвецов, создатели новой «Ночи…» применили 3D-эффекты в каких-то проходных, а иногда и комичных моментах. Ну кого, спрашивается, способен ужаснуть серенький дорожный указатель или «торчок», тянущий в зал руку с дымящим косяком? И ладно бы дело только в неумелом использовании разрекламированных эффектов, так еще и ожившие трупы словно бы перекочевали из комедии «Шон против живых мертвецов». Такие же медлительные и практически

безобидные. Да их не отстреливать нужно, а в зоопарке показывать.

Спустя полчаса довольно занудного действа становится ясно, что режиссер снимал трэш. По крайней мере, все признаки на месте: дешевые декорации, никчемная актерская игра и литры кетчупа в кадре. Ближе к финалу приходит осознание того, что, оказывается, даже у трэша есть свои степени качества, и среди них «Ночь живых мертвецов 3D» стала двоечницей. Из кинозала выходишь со стойким чувством обиды. А в памяти остается лишь актерская работа Сида Хэйга, старательно сыгравшего чокнутого гробовщика.

Степан КАЙМАНОВ

ВАМПИРША

(RISE)

Производство компаний Mandate Pictures, Ghost House Pictures, Destination Films и Kingsgate Films (США/Новая Зеландия), 2007.

Режиссер Себастьян Гутьеррез.

В ролях: Люси Лью, Майкл Чиклис, Джеймс Д'Арси и др.

1 ч. 34 мин.

Рок-журналистка Сэйди Блейк (Люси Лью), пытаясь разобраться в обстоятельствах гибели своей молодой коллеги, попадает сначала в жуткую переделку, а затем — в морг. Где и приходит в себя с ощущением, что стала не вполне человеком. Ощущение усиливается, когда Сэйди не обнаруживает в зеркалах своего отражения. А уж когда она, не в силах с собой совладать, утоляет голод кровушкой невинного бродяги, сомнений не остается. У героини. Зритель-то давно догадался, а тем, кто не понял, подсказали прокатчики, изменив оригинальное название фильма.

Сэйди Блейк пополнила легион бессмертных кровососов. Новое состояние отчего-то совсем ей не нравится, и она решает умереть еще раз, но теперь окончательно. Однако тут ее подбирает добрый человек, вручает арбалет с антивампирскими стрелами и советует, прежде чем свести счеты с жизнью, рассчитаться с негодяями, пьющими кровь невинных горожан. После чего исчезает из фильма, оставляя зрителей в догадках, откуда он так много знает о вампирах, почему сам не берется их истреблять и кто он, собственно говоря, такой.

Недоумение — основное чувство, которое возникает во время

просмотра (помимо чисто физиологических реакций на созерцание изуродованных трупов и луж крови). Складывается впечатление, что режиссер так и не решил до конца, снимать ему драму или же вампирский слэшер, задаться вопросом о природе человека или развлекать зрителя боями кровососов, эстетизировать насилие или показать его неприглядность…

Затянутость картины (действие начинается лишь ближе к середине) сошла бы за медитативность, но, увы, единственное, когда хочется медитировать — это созерцая кадры с обнаженной Люси Лью, а их до обидного мало. В остальном же — невнятное, полное штампов зрелище убийства одними вампирами других (с перерывами на обед из очередного подвернувшегося под руку человечка) вряд ли может заинтересовать кого-то. Кроме разве что самих вампиров.

Сергей ЦВЕТКОВ

ГАРРИ ПОТТЕР И ОРДЕН ФЕНИКСА

(HARRY POTTER AND THE ORDER OF THE PHOENIX)

Производство компании Warner Brosers Pictures, 2007.
Режиссер Дэвид Йетс.
В ролях: Дэниэл Редклифф, Руперт Гринт, Эмма Уотсон, Хелена Бонэм Картер, Гарри Олдман и др.
2 ч. 20 мин.

Новый учебный год — новые проблемы для волшебника Гарри Поттера. Воландеморт, в возрождение которого никто не верит, не дает покоя ни днем, ни ночью, новая учительница — сущий изверг, старина Дамблдор, защита и опора, почему-то игнорирует любимого ученика. И опять стоит вопрос об отчислении, ибо нельзя волшебникам перед маглами заклинания творить. А как не творить, если дементоры средь бела дня нападают, покинув пределы тюрьмы Азкабан.

Напряженная и гнетущая атмосфера, посеянная Альфонсо Куароном еще в третьей части поттерианы, к пятому фильму буйно расцвела, превратив детскую сказку в мрачную подростковую фэнтези, чуть ли не хоррор. Гарри Поттер довольно трогательно страдает от одиночества, ибо как никогда прежде нуждается в семье. Он редко улыбается, часто злится; иногда в его глазах, даже сквозь стекла очков, можно увидеть страх. Места злоключений юных волшебников тоже работают на общую атмосферу фильма: магические схватки часто перенесены в

темные коридоры и тонущие во мраке комнаты, иногда озаряемые вспышками файерболлов. Хогвартс, похоже, окончательно и бесповоротно превратился в зловещий готический замок. Да и безрадостная музыка не предвещает ничего хорошего героям фильма.

Если перед режиссером Дэвидом Йетсом стояла задача снять самую страшную часть поттерианы, он с этой задачей справился. Даже кое-где переборщил. Не хватает лучика света, детской шутки, яркого безобидного заклинания, как не хватает глотка свежего воздуха в душной комнате. Новые персонажи — стерва-училка Долорес Амбридж и милашка Палумна Лавгуд — вышли на редкость колоритными. Кроме того, не подвели и старые герои, хотя гибели Сириуса Блэка явно не достает драматизма. Но главная заслуга создателей — бережное обращение с первоисточником. Несмотря на то, что многие моменты так и не покинули пределы книги, в фильме все логично и ясно.

Степан КАЙМАНОВ

ТРАНСФОРМЕРЫ

(TRANSFORMERS)

Производство компаний DreamWorks SKG и Paramount Pictures, 2007.

Режиссер Майкл Бей.

В ролях: Шиа Лабеф, Меган Фокс, Джош Дюхамель, Рейчел Тейлор, Энтони Андерсон, Джон Туртурро и др.

2 ч. 10 мин.

Давным-давно, в далекой-далекой галактике, на планете Кибретрон грянула война между праведными автоботами и коварными десептиконами. В ходе войны был утерян животворящий энергокуб, а также исчез глава десептиконов Мегатрон. Прошли годы, минули века, когда наконец-то выяснилось, что и могущественный куб, и Мегатрон находятся на планете Земля. Конечно, легко догадаться, что будет дальше. По всем голливудским канонам комедийного боевика (а новый фильм Майкла Бея — именно комедийный боевик) в кадре появятся герой-лоботряс, сексапильная красотка и много-много суровых военных. Штампы штампами, но неспроста же продюсированием фильма занялся сам Спилберг?…

«Трансформеры» — прекрасная иллюстрация новых веяний Фабрики грез: ни одной звезды в титрах, максимум спецэффектов

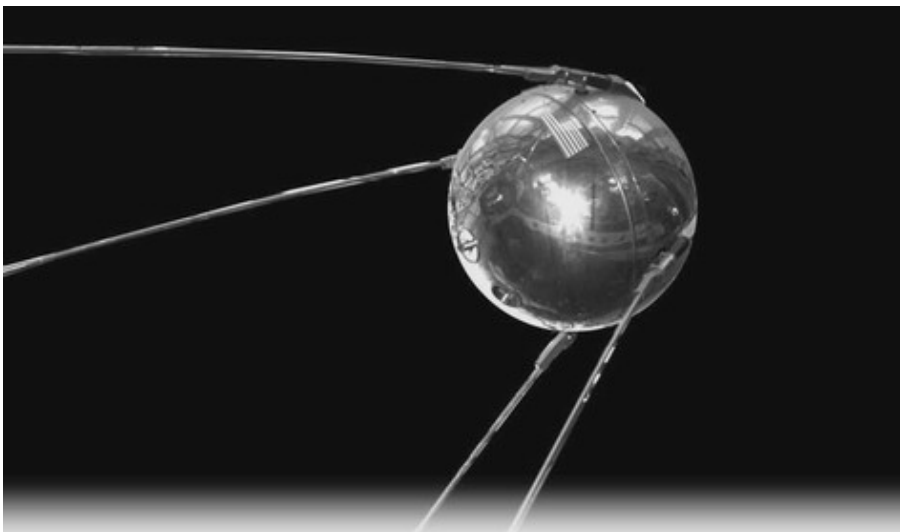
и действия. Но как, черт возьми, это снято! От аплодисментов удержаться трудно, даже если пытаться сравнивать с другими блокбастерами этого года. Каждый робот создан с такой тщательностью и любовью, что невольно веришь в его присутствие в той реальности, где творится экшен-беспредел. После невнятного «Острова» Бей как будто решил реабилитироваться. Вернулся прежний задор, прибавилось юмора… Упрек же всего один — излишняя политизация некоторых моментов. Впрочем, этим грешит весь западный кинематограф. Президента США снова выставили полным дураком, к оси зла наряду с Северной Кореей и Ираном зачем-то добавили Россию.

Недалек тот день, когда зрителям в кинотеатре станут выдавать тоненькие брошюрки с кратким описанием сюжета и характеристиками основных действующих лиц, а все экранное время будет отдано под спецэффекты и экшен. Но пока этого не случилось, фильм Бея выглядит недосягаемой вершиной для большинства кинокомпаний. Посмотреть его стоит хотя бы ради того, чтобы увидеть, каких успехов достигли современные кинотехнологии.

Алексей СТАРКОВ

ТЕМА

Антон Первушин
ДРУГОЕ НЕБО



Продолжаем публикацию очерков Антона Первушина о космическом кинематографе. В год юбилеев Королёва, Циолковского и первого спутника грех не вспомнить об «альтернативной» космонавтике в кино.

До 4 октября 1957 года не было и по определению не могло быть «альтернативной» космонавтики. Она появилась в тот день и в тот час, когда на околоземную орбиту был запущен первый искусственный спутник Земли, названный «ПС-1» — «Простейший спутник номер один».

До этого исторического момента всякая космонавтика считалась теоретической и перспективной. Маленький алюминиевый шарик с четырьмя антеннками, выйдя на орбиту, изменил мир, проведя черту между эрами: докосмической и космической. И ровно тогда же родилась «альтернативная» космонавтика.

Через шесть дней в программе новостей для американских кинотеатров появился минутный мультипликационный ролик «Новая Луна», в котором неведомый художник попытался реконструировать запуск «ПС-1». Поскольку тяжелая баллистическая ракета «Р-7» была засекречена и ее профиль с

«боковухами» еще ни разу не публиковался, в ролике западный кинозритель увидел знакомую ракету «Авангард», а спутник, наверное, показался ему совершенно фантастическим устройством, больше всего напоминавшим ядерную боеголовку с шипами детонаторов на внешнем корпусе. Фактически, это был самый ранний альтернативно-исторический проект, связанный с космической программой. Возможно, именно так и выглядел бы первый ИСЗ, запущенный на орбиту, если бы его отправил в космос какой-нибудь другой Советский Союз и какой-нибудь другой главный конструктор, а не Сергей Павлович Королёв.

Другие ракеты

Несмотря на устойчивый спрос на космическую тематику, в массе фантастической прозы довольно трудно отыскать произведения, посвященные «альтернативной» космонавтике. История космонавтики насчитывает всего пять десятилетий, пилотируемая космонавтика пока еще не продвинулась дальше Луны, а потому описание любого нового корабля и любого нового космического полета — это, скорее, фантастика перспективы, даже если кажется, что это не так. Автор должен четко понимать, что он делает и зачем, и хотя бы в общих чертах знать, как выглядит реальная техника, что она умеет, а чего не умеет. Задачка не из самых простых.

Поэтому примеры «альтернативно-космической» прозы наперечет. Из наиболее известных произведений позволю себе напомнить роман «Операция „Луна“» Пола Андерсона, в котором описана космическая программа США в альтернативном мире, где науку заменила магия. Писатель умело обыгрывает детали проекта «Аполлон», заменяя ракеты-носители и космические корабли на магических «летающих бронзовых коней».

Классикой «альтернативно-космической» прозы является рассказ Стивена Бакстера «Шестая Луна» («Если» № 3, 2000), в котором представлены десятки альтернативных миров и всевозможные проекты покорения Луны: от британского конца 1930-х годов до советского, который так и остался на бумаге.

Если оставить в стороне детскую прозу и всяческих незнаек на Луне, то расцвет альтернативно-космической фантастики в России пришелся на постперестроечный период. Особенно на этом поприще отличились Виктор Пелевин и Сергей Синякин. И если первый прославился спорной повестью «Омон Ра», то второй написал целых три заметных произведения, представляющих космонавтику в новом ракурсе: «Монах на краю Земли» (космонавтика в плоском мире, «Если» № 7, 1999), «Полукровка»

(запуск первого космонавта в Тысячелетнем рейхе, «Если» № 3, 2005) и «Медная Луна» (запуск первого спутника в монархической Руси, «Если» № 1, 2007).

И вот что интересно, если далеко не всякий писатель решится взяться за такую трудоемкую тему, как альтернативная история космонавтики, то кинематографисты делают это легко и непринужденно, часто даже не подозревая, что снимают фильм в столь редком жанре.

Происходит это по двум причинам. И первая из них — отсутствие достоверной информации.

Так, подробности советской космической программы долгое время скрывались. Очень многие нюансы вы не сумеете выяснить и сегодня — гриф «Секретно» с некоторых разработок не снят. Поэтому правда заменяется художественным вымыслом.

Классическим примером здесь может послужить двухсерийный кинороман «Укрощение огня», снятый в 1972 году режиссером Даниилом Храбровицким по его собственному сценарию. В фильме повествуется о работе конструкторов. Однако у знающего человека этот рассказ может вызвать только недоумение, ведь даже официальная история советской космонавтики заметно отличалась от того, что показал Храбровицкий.

Своего рода манифестом альтернативно-космического направления в фантастике звучит вступительное обращение к кинозрителю: «Быть может, не всё, что мы собираемся рассказать, было именно так в действительности. Это не хроника и не протокол. Но подлинными являются чувства, мысли, поступки людей и события, которые принадлежат уже истории». Вопрос: какой истории?

Приведу лишь несколько расхождений, хотя в фильме их множество!

Центральным персонажем ленты является главный конструктор Андрей Ильич Башкирцев, чьим прототипом, очевидно, был Сергей Павлович Королёв. Его вехи жизни хорошо известны и воспроизведены в фильме. Однако сразу обращает на себя внимание происхождение Башкирцева — он показан пролетарием, «самородком из глубинки», в то время как Королёв получил прекрасное образование авиационного инженера-конструктора. Башкирцев, собиравшийся в Москву, случайно заехал в Магнитогорск, где повстречал престарелого популяризатора космонавтики, прототипом которого, скорее всего, является Фридрих Артурович Цандер. Однако, в отличие от Цандера, популяризатор не только ведет административную работу в московской Группе изучения реактивного движения, но и

выступает чуть ли не политруком. После встречи с Циолковским (чего в реальности не было) Башкирцев-Королёв начинает строить свой ракетный самолет и участвует в его испытаниях, чего у реального Королёва не получилось, и даже спасает пилота из кабины в момент аварии. В то же время «самородок из глубинки» не забывает о военном применении ракет и создает «катюшу». Дальше — больше. Башкирцев отправляется с первой партией «катюш» на фронт, попадает с батареей в окружение, чудом остается жив, после чего организует серийное производство «катюш» в Подмосковье. Королёв же в это время сидел в туполевской «шараге» и мечтал только о том, чтобы его допустили к разработке ракетных ускорителей. И так далее, и тому подобное.

Один из знающих кинозрителей как-то отметил, что в «Укрощении огня» показана советская космонавтика такой, какой она могла бы стать, если бы не была подчинена военным, — грубо говоря, если бы в СССР возникло агентство, подобное американскому НАСА.

Отношение режиссера Храбровицкого к материалу хорошо характеризует зафиксированный конструктором Борисом Чертоком разговор:

«Я вовсе не обязан благоговейно относиться к действительным характерам и биографиям, — говорил режиссер конструктору. — Герои фильма мои, а не ваши, и зритель мне поверит потому, что этих героев он полюбит. Я сознательно идеализирую людей, хочу, чтобы они такими были. Это не должны быть отлакированные идеалы, но зритель должен полюбить каждого из моих героев. Злодеев, предателей, палачей, проституток, шпионов в нашем фильме не будет. Я восхищаюсь вами всеми такими, какие вы есть, но хочу сделать вас еще лучше».

Таким образом, Храбровицкий снимал соцреализм, однако вышла у него альтернативная история с элементами утопии.

В заключение следует сказать, что сразу после всесоюзной премьеры фильм «Укрощение огня» получил главный приз «Хрустальный глобус» на Международном кинофестивале в Карловых Варах, а в 1973 году — первую премию на Всесоюзном кинофестивале в Алма-Ате. Ракетчики пытались убедить Храбровицкого снять вдогонку художественный фильм о лунной программе СССР, и тот даже обещал, однако этим планам не суждено было сбыться — в 1980 году режиссер умер.

Другой Гагарин

Кстати, в «кинороман» Храбровицкого нет Юрия Алексеевича Гагарина. Точнее, первый космонавт планеты там есть, но он не персонифицирован, и его называют не по имени-отчеству или, скажем, по воинскому званию, а «надеждой всего прогрессивного человечества». Звучит это по меньшей мере глупо, ведь весь мир знал, кого имеет в виду Храбровицкий.

Совсем по-другому в этом смысле смотрится полнометражный аниме-фильм «Королевские космические силы — Крылья Хоннеамиз», выпущенный режиссером Хироюки Ямага в 1987 году и показанный по российскому телевидению под названием «Королевский десант». Замысел режиссера становится очевидным с первых минут просмотра. В фильме показан альтернативный мир, история которого в значительной степени отличается от знакомой нам — можно говорить, что мир этот выдуман от начала до конца.

Действие происходит в государстве Хоннеамиз — это конституционная монархия, управляемая королевской семьей. Несмотря на экономические трудности и военные неудачи в противостоянии с некоей Республикой, наука и техника в Хоннеамиз находятся на достаточно высоком уровне. Фактически, это единственная страна, имеющая свою космическую программу и запускающая спутники.

В то же время наличие уникальной технологии ничего не изменило в скептическом отношении населения Хоннеамиз к космическим полетам. Даже главный герой фильма — молодой майор Королевских космических сил Сироцу Ладатт — убежден в бесперспективности освоения космоса, и только относительно неплохая зарплата удерживает его от увольнения из ККС. Однако после встречи с девушкой Лейквинни Нондэрайко, последовательницей довольно своеобразного религиозного культа, он меняет свое отношение к идее освоения космического пространства. Майору повезло — командующий ККС принимает решение вывести космическую программу из стагнации, запустив первого человека на орбиту, и Ладатт становится главным кандидатом на этот полет.

Придумывая альтернативный мир, режиссер Ямага не стал изобретать велосипед. Его «альтернативная» космическая программа вполне реализуема, представляя собой причудливую смесь из советской и американской космических программ. Так, ракета-носитель, доставляющая корабль Ладатта на орбиту, выглядит комбинацией из ракеты «Р-7» («Спутник», «Мечта», «Восток», «Восход», «Союз») и ракетной ступени «S-IVB», созданной американцами в рамках проекта «Сатурн-Аполлон».

Фильм «Крылья Хоннеамиз» является уникальным в своем

роде — это единственная тщательно продуманная реконструкция альтернативного мира, где в подробностях показаны другая космонавтика и другой Гагарин. И тут замена вполне оправданна, поскольку в мире Хоннеамиз нет ни СССР, ни России.

Иным путем пошел российский режиссер Алексей Федорченко, снявший псевдодокументальную кинокартину «Первые на Луне» (2005).

Первоначальный замысел, изложенный в сценарии Александра Гоноровского и Рамиля Ямалеева, строился на криптоисторическом подходе: мол, подлинная история на самом деле не такова, какой мы ее знаем, в ней очень много «белых» пятен, которые еще ждут своего исследователя. Одним из таких пятен якобы является история довоенной космической программы СССР. Еще в 1928 году конструктор Федор Федорович Супрун принес в Кремль чертежи ракеты для полета на Луну и получил высочайшее одобрение на реализацию своего фантастического проекта. Через пять лет на секретный проект работали уже шесть с половиной миллионов человек, а зимой 1938 года летчик Иван Сергеевич Харламов совершил полет на Луну. При возвращении он потерпел катастрофу потерял корабль, пробы лунного грунта и отснятые пленки, а потому первый космический запуск в истории человечества остался тайной за семью печатями.

Режиссер Федорченко счел, что всё это недостаточно эффектно, и изменил сюжетную канву в пользу альтернативной истории. Количество анахронизмов в его фильме зашкаливает. Подчеркнутая жестокость властей по отношению к членам довоенного отряда космонавтов (их травят в фильме газом всего лишь для того, чтобы устранить утечку информации о секретном проекте) вообще не имеет аналогов в реальной практике.

Можно сказать, нам, российским зрителям, с Федорченко еще повезло. Он по крайней мере утверждает, что наш соотечественник побывал на Луне. А ведь многие американцы, в том числе и знатные деятели Голливуда, даже свою лунную программу «Аполлон» считают псевдодокументальной мистификацией.

Другая орбита

Западные режиссеры, для которых зрелищность всегда стояла выше достоверности и скучной правды, склонны придумывать всяческие приключения на орбитах. Рутина космической экспансии их не вдохновляет, и они часто снимают фильмы о полетах, которых никогда не было, но которые вполне могли быть, сложись история иначе.

В 1968 году на экраны вышел фильм режиссера Роберта Олтмана «Обратный отсчет», снятый по научно-фантастической повести Хэнка Сирлса «Проект „Первый колонист“» (1965). Эта кинолента интересна тем, что в ней представлена вполне реальная схема полета на Луну с использованием орбитального корабля «Джемини». Стремясь опередить Советский Союз в космической гонке, НАСА отправляет к Луне одного астронавта, который должен высадиться на поверхность, найти заблаговременно высланный модуль с системой жизнеобеспечения и ждать прилета корабля «Аполлон». Понятно, что такой самоубийственный план должен был закончиться катастрофой — астронавт садится, но теряет связь с Землей и бродит в поисках модуля. По дороге он натыкается на советский космический корабль, разбившийся при посадке, хоронит мертвых космонавтов и бредет дальше. На последнем издыхании американец находит модуль, однако теперь ему предстоит дождаться прилета «Аполлона»…

Интересно, что в 1967 году был опубликован комикс «Обратный отсчет», нарисованный на основе сценария, и на его обложку были вынесены удивительные слова: «Вы сделали гигантский шаг!» (You’ve made it the giant step!). Возможно, эту обложку видел и Нил Армстронг, первый человек на Луне, обыгравший рекламный лозунг из комикса в своем историческом спиче.

Еще один «альтернативный» полет, на этот раз орбитального корабля «Аполлон», показан в киноленте «Потерянные», выпущенной режиссером Джоном Стурджесом в 1969 году и получившей премию «Оскар» за визуальные эффекты. Сценарий был написан по мотивам одноименного романа Мартина Кэйдина, первое издание которого увидело свет в 1964 году (на русском языке он был напечатан тремя годами позже под названием «В плену орбиты»).

Три астронавта отправляются в корабле «Железный человек-1» (в качестве прототипа использовался командно-служебный модуль «Аполлона») к долгоживущей орбитальной станции. После пяти месяцев пребывания на станции они хотят вернуться на Землю, однако у корабля отказывает тормозная двигательная установка, и он не может сойти с орбиты. ЦУП НАСА приходит к выводу, что корабль не способен вернуться к станции, а кислорода в нем осталось на четыре дня. Чтобы эвакуировать экипаж «Железного человека», с мыса Канаверал запускают экспериментальный космоплан «X-RV» (очень похожий на реально существовавший космоплан «X-24A»). В последний момент к «Железному человеку» прилетает и советский корабль.

Действуя вместе, советский и американский спасатели помогают терпящим бедствие астронавтам добраться до космоплана.

Схожий сюжет был использован при создании телевизионного мини-сериала «Мыс», снятого американским режиссером Йеном Тойнтоном в 1996 году. На орбите происходит ЧП: выходит из строя советский разведывательный спутник с ядерной энергетической установкой на борту. Падение спутника может привести к радиоактивному загрязнению восточного побережья США. По решению правительства к спутнику отправляется экспедиция на шаттле, в которой принимает участие российский космонавт Микоян. Задача экспедиции — не дать спутнику упасть на Землю.

Тема угрозы, исходящей от старых советских спутников, очевидно, еще долго будет стимулировать воображение голливудских режиссеров. И это легко объяснимо, ведь со времени запуска «ПС-1» всё, что выводили Советы на орбиту, вызывало у американских обывателей страх. Можно сказать, что современные кинодеятели, которые в конце 1950-х еще не вылезли из пеленок, впитали этот страх с молоком матери.

Проникся страхом к советским спутникам и известнейший актер Клинт Иствуд. В 2000 году он снял киноленту «Космические ковбои», выступив не только исполнителем центральной роли, но и в качестве режиссера и продюсера. В этом фильме довольно точно воспроизведены детали американской космической программы, только в космос на шаттле «Дедал» (такого шаттла в нашей реальности не существует) отправляются не молодые энергичные астронавты из действующего состава, а поросшие мхом ветераны, по разным причинам уволенные из НАСА. Их прошлый опыт понадобился для того, чтобы обезвредить советский спутник «Икона», который, как выяснилось, является ударной космической платформой с ядерными ракетами, нацеленными на США. Во время маневрирования на орбите «Дедал» сталкивается с «Иконой», после чего на платформе срабатывает механизм запуска ракет. Стремясь предотвратить глобальную катастрофу, престарелый астронавт Уильям Хэвкинс жертвует собой, уводя опасную платформу к Луне.

Любому человеку, мало-мальски разбирающемуся в космонавтике, ясно, что стоило Иствуду от показа реалий НАСА перейти к реалиям космоса, как режиссер тут же сел в лужу. Околоземное пространство в его представлении довольно сильно отличается от реального.

Другой космос

Собственно, в ошибках Клинта Иствуда нет ничего особенного. Он не первый и далеко не последний.

И теперь можно вернуться к тому, с чего мы начали. Как уже было сказано, есть две причины, по которым режиссеры снимают «альтернативно-космическую» фантастику. Первая — недостаток достоверных сведений. Вторая — элементарная безграмотность, усугубленная очевидным нежеланием вникать в детали. Поэтому космос во многих американских фильмах давно стал «альтернативным», то есть устроенным по иным физическим законам, нежели наш.

Альтернативный космос не пуст и по своим свойствам больше всего напоминает Мировой океан. В альтернативном космосе есть верх и низ, сила инерции в нем гасится сопротивлением среды. В альтернативном космосе хорошо распространяются звуки, а невесомость (если это можно назвать невесомостью) наличествует только вне стен орбитальной станции.

Подавляющее большинство западных космических фильмов показывают нам именно такой альтернативный космос. Однако здесь мы упомянем лишь те из них, в которых присутствует современная нам космонавтика, отбросив перспективные или совсем фантастические проекты.

Сразу же возникают вопросы. Если в таких мультипликационных и концептуальных фильмах как «Уоллас и Громит: Пикник на Луне» (1989) или «Из пушки на Луну и далее без остановок» (1990) наличие альтернативного космоса вполне оправданно, то чем объяснить его в крупнобюджетном блокбастере «Столкновение с бездной» (1998), снятом Мими Ледером под руководством самого Стивена Спилберга?

В «Столкновении с бездной» обыграна стандартная для научной фантастики ситуация. К Земле приближается комета Вольфа-Бидермана, которая грозит уничтожить все живое на нашей планете. Чтобы остановить и уничтожить ее, правительства США и России создают чудо-корабль «Мессия», состыковав на орбите новый посадочный корабль, созданный на основе системы «Спейс шаттл», и ядерный взрыволет «Орион» (это реальная разработка 1950-х годов, только в фильме она почему-то приписывается нашим конструкторам, а не американским). Экипаж «Мессии» (в нем опять наличествует один русский — Михаил Тульчинский, актер Александр Балуев) высаживается на ядро кометы, чтобы установить атомные заряды, которые разрушат ее. В процессе установки начинаются проблемы, и астронавтам приходится спасаться. Комету им удается взорвать только со второй самоубийственной попытки, приведшей к гибели корабля и всего экипажа.

Фильм «Столкновение с бездной» снят грамотнее других и мог стать одной из лучших фантастических кинолент последнего времени, однако всё испортил альтернативный космос с его развесистыми атрибутами.

Впрочем, по количеству ляпов на единицу зрительского времени всех и навсегда превзошел блокбастер «Армагеддон», премьера которого состоялась через два месяца после выхода на экраны «Столкновения с бездной». Эту поделку Майкла Бэя не вытащил даже прекрасный актерский ансамбль, собранный сыграть команду бурильщиков, которые отправляются в космос с задачей заложить в недра астероида всё те же пресловутые атомные заряды. Наиболее глупой выглядит сцена в середине фильма, когда перед перелетом к астероиду два шаттла с бурильщиками пристыковываются к российской станции «Мир», чтобы подзаправиться топливом, которым, по мнению астронавтов описываемого альтернативного мира, является… кислород! Затем мы видим, как на станции действует искусственная сила тяжести, что подразумевает либо непрерывное и очень быстрое вращение «Мира» (невозможное из-за его конструкционных особенностей), либо наличие фантастических гравитаторов. По станции слоняется полупьяный космонавт Лев Андропов, который в отличие от американских коллег, выглядит куда более образованным — ведь он прожил на «Мире» 18 месяцев, а вот американцы развалили станцию за полчаса. Ну и так далее и тому подобное. Про прекрасную акустику в космосе и отсутствие силы противодействия, которая равна силе действия, я уж и не говорю.

Очевидное пренебрежение законами физики и элементарной логики вызвало ожидаемые и резко отрицательные отзывы с стороны кинокритиков. «Армагеддон» был выдвинут на получение знаменитого антиприза «Золотая малина» сразу в семи номинациях, однако, к сожалению, победил только в одной из них — Брюс Уиллис, сыгравший главного бурильщика, был отмечен за худшую актерскую работу.

Столь же пренебрежительное отношение к космическим реалиям проявили авторы кинокартин «Жена астронавта» (1999) и «В плену у космоса» (2001).

В мини-сериале «Одиссея-5» (2002) клюквы уже поменьше, но сцена гибели Земли в пламени-грохоте таинственного взрыва и вылетающий из отсека шаттла «Одиссея» лабораторный модуль снова портят впечатление.

Подкачал в этом смысле и совсем новый фильм «Фермер-астронавт» (2007), посвященный теме частнособственнического освоения околоземной орбиты. Бывший пилот Фармер, так и не

слетавший в космос, строит у себя в сарае ракету-носитель и космический корабль к ней. Пока действие происходит на Земле, фабула еще кажется убедительной, но стоит Фармеру выйти на своем корабле в космос, как связность теряется, а законы физики перестают работать.

Но тут уж ничего не поделаешь. Западные режиссеры всё для себя давно решили, и нас ждут новые встречи с альтернативным космосом. Можно посоветовать только одно — критичнее относиться к тому, что мы видим на экране. Вдруг нас дурачат, выдавая за подлинник альтернативно-историческую подделку…

КРИТИКА

Александр Ройфе
ИСКУССТВО СОБИРАТЬ ЦВЕТЫ

Пришло время поговорить о российских фантастических антологиях — сборниках повестей и рассказов, написанных разными авторами, которые по той или иной причине собрались под одной обложкой (кстати, с греческого слово «антология» переводится как «собрание цветов»). Уж больно много издается таких антологий в последние годы, их выпуск уже можно считать явлением в отечественной фантастике, а всякое явление заслуживает отдельного разговора.

Совсем еще недавно, каких-то семь-восемь лет назад, среди писателей-фантастов было принято сетовать на вкусы массовой аудитории, которая якобы уважает одни лишь романы, а повести с рассказами цинично игнорирует. В этом писателей дружно уверяли издатели, ссылавшиеся на статистику продаж и совершенно не желавшие печатать сборники. Сегодня даже трудно понять, о какой статистике шла речь, ведь во второй половине 1990-х в центральных российских издательствах увидели свет всего три антологии, составленные из произведений действующих авторов (первые два тома «Времени учеников» в «АСТ» и «ФБ'98» в «Армаде»). Скорее всего, мы имели дело с предубеждением и личными антипатиями отдельных книготорговцев, чьи взгляды, помноженные на традиционную издательскую мнительность, на несколько лет стали тормозом естественного развития фантастики.

Что и говорить, ситуация складывалась абсолютно ненормальная. Учитывая недолговечность большинства журнальных проектов в этой сфере, количество «площадок», где можно было напечатать фантастическую повесть или рассказ, уменьшилось примерно до единицы (я имею в виду, разумеется, журнал «Если», чьи возможности были отнюдь не безграничны). Но ведь сама короткая прозаическая форма — не прихоть своевольных сочинителей, выбор жанра произведения должен гармонировать с масштабом авторского замысла. И напротив, стрекоза, увеличенная до размеров собаки… в смысле — рассказ, раздутый до размеров романа, производит самое чудовищное впечатление.

К тому же обострялась вечная проблема с молодыми перспективными авторами. Разве правильно, когда дебютанты

вынуждены с места в карьер сочинять романы и даже целые сериалы? Не стоит лукавить: у юного и неопытного в житейском смысле человека едва ли хватит свежих идей сразу на эпопею. Максимум, чего от него можно ждать, — это более-менее внятные перепевы того, что уже спели раньше, причем много раз. (И такими «перепевами» у нас завалены все прилавки. Не потому ли все чаще и чаще приходится слышать упреки во вторичности, провинциальности нашей фантастики как таковой?!) На долю же тех, кто выбирал естественную дорогу от простого к сложному — от рассказа к роману, оставался только интернет…

В общем, гипотетический сговор массового читателя и боязливого издателя должен был рухнуть под натиском самой природы писательства. И он рухнул! Сперва издали персональный сборник рассказов Сергея Лукьяненко, а потом то же «АСТ» выпустило коллективную антологию «Фантастика-2000». Книги, что называется, пошли — успешно продались, собрали хорошую прессу. И вскоре выпуск сборников и антологий был уже поставлен на поток… Вот об этих последних и стоит поговорить. Все-таки успех или неуспех авторской книги целиком зависит от такой зыбкой и субъективной категории, как талант. Можно сколько угодно доказывать, что подборки рассказов Леонида Каганова или Евгения Лукина значительнее, чем подборка рассказов Шимуна Врочека, — в мироздании это ничего не поправит. С антологиями дело обстоит по-другому. Это прежде всего результат издательских стратегий, а стратегия — вполне рациональная штука, сочетание экономического расчета и социального прогноза. Из чего, в частности, следует, что стратегия может быть изменена в любой момент, например, после изучения убедительной аналитической статьи. Так приступим же к этому анализу и поглядим, какие антологии вообще бывают.

Выставка достижений фантастического хозяйства

Собрать все лучшие повести и рассказы за определенный год и выпустить их в одном томе — что может быть логичнее такой инициативы? Кто оспорит ее коммерческий потенциал? Ничто не может, и никто не оспорит. Однако в нашей стране, увы, это на данном этапе нереализуемо. Не открою никакого секрета, если скажу, что обычной практикой российских издателей является заключение эксклюзивных договоров с талантливыми фантастами, которые в обмен на гонорары и «раскрутку» обязуются ни под каким видом не печататься у конкурентов. А это значит, что составитель антологии заранее ограничен в выборе, и когда в магазины поступает ежегодный сборник лучших

произведений, можно быть уверенным: это действительно самое лучшее… из того, что было доступно!

Пионером в деле издания подобных антологий, как уже говорилось, стало московское издательство «АСТ». Лапидарное название «Фантастика-2000» напрямую отсылало к легендарным сборникам «Фантастика», которые с начала 1960-х и до конца 1980-х годов выпускала «Молодая гвардия». Из тех сборников была позаимствована и структура издания: блок повестей, блок рассказов и непременно блок non-fiction, то бишь мемуары фантастов и теоретические статьи. И хотя в старое время включение статей в «молодогвардейские» книги было, скорее, вынужденным шагом, связанным с отсутствием специализированного периодического издания, именно наличие в «Фантастике-2000» воспоминаний Кира Булычёва, футурологии Сергея Переслегина и обзора Дмитрия Байкалова и Андрея Синицына придало сборнику масштаб, подтвердило значительность издательских амбиций. Что касается прозаической части, ее в основном составили тексты лучших авторов «АСТ» той поры — С. Лукьяненко, В. Васильева, Кира Булычёва, Э. Геворкяна, А. Громова, С. Синякина, А. Дашкова. Через год, в антологии «Фантастика-2001», Булычёва и Геворкяна заменил Евгений Лукин.

Читательский успех первых двух «Фантастик» оказался настолько велик, что издательство не устояло перед искушением выпускать подобные сборники чаще. В 2002 году вышло сразу три выпуска этой антологии, в 2003-м — два. Стал значительно разнообразнее круг авторов, добавились «вольные стрелки», обычно подвизающиеся в других издательствах (Генри Лайон Олди, Р. Злотников, В. Головачёв, О. Дивов, А. Бессонов…), и подающая надежды молодежь (Е. Некрасова, О. Овчинников, В. Леженда, В. Каплан, Я. Разливинский…). Однако общий уровень сборников существенно упал, что обернулось снижением интереса к ним. И в результате первый выпуск «Фантастики» за 2004 год так и остался единственным, в 2005-м появились очередной номерной сборник и юбилейный, десятый по счету, — без номера, под названием «Что там, за дверью?». В 2006-м напечатали одну книгу (почему-то сразу второй выпуск), и на этом составитель сборников, главный редактор издательства «АСТ» Николай Науменко взял тайм-аут… Возможно, следующие антологии «Фантастика» придут к читателю в обновленном виде и опять окажутся в центре внимания поклонников жанра.

Чем же запомнились уже вышедшие одиннадцать сборников? Иногда — прекрасной фантастической прозой, хотя практически вся она впоследствии переиздана в формате авторских книг.

Неизменно — сильным нехудожественным разделом, «фирменной» чертой которого стали статьи Д. Байкалова и А. Синицына… И еще об одной особенности этих антологий нельзя не сказать — о включении туда отрывков из будущих романов, которые публикуются под видом повестей, хотя зачастую не имеют ни начала, ни конца. Нет, понятно, что подобная публикация рассматривается как средство «раскрутки», а наличие в содержании, например, фамилии Лукьяненко благоприятно скажется на коммерческих перспективах книги. Однако презентационные цели, на мой взгляд, серьезно расходятся с предполагаемым по умолчанию желанием дать адекватную картину произошедшего в российской фантастике за отчетный период. Куда логичнее для этих целей выпускать специальный сборник наподобие вышедшей в том же издательстве антологии «Атлантида», где желающие могли прочитать фрагменты будущих книг Ю. Остапенко, Д. Юрина, Э. Раткевич, Е. Малинина, А. Фомичёва.

Неизменный конкурент «АСТ» на фантастическом поле — столичное издательство «ЭКСМО», конечно же, не могло не обзавестись собственной серией антологий, точнее говоря — сразу тремя. С 2003 года выходят сборники «Фэнтези», с 2005-го — «Русская фантастика», с 2007-го — «Русский фантастический боевик» (составителем книг выступает Василий Мельник). Вторжение на территорию, занятую конкурентом, происходило, как мы видим, постепенно: сначала была предложена, так сказать, «жанровая альтернатива», потом, по мере ослабления позиций «АСТ», началось лобовое противостояние, и наконец, появление «Русского фантастического боевика» знаменует собой начало тотального доминирования «ЭКСМО» в данном сегменте рынка.

За счет чего это издательство добилось успеха? Основных причин, судя по всему, три. Во-первых, «ЭКСМО» отвергло идею включения в антологии нехудожественного раздела, здраво рассудив, что такой раздел нужен лишь части читателей (пусть даже лучшей части), а основная масса просто желает оказаться в вымышленных мирах. Во-вторых, «презентационная» составляющая сборников была сведена к минимуму, хотя без парочки фрагментов все же не обошлось. В-третьих, «ЭКСМО», как выясняется, значительно легче идет на литературные эксперименты и вовсе не склонно отбраковывать тексты по критерию «жанровой чистоты». Фантастический мейнстрим в исполнении, к примеру, К. Бенедиктова, А. Зорича, В. Головачёва, Д. Трускиновской, Н. Резановой, Е. Прошкина, А. Громова сочетается с пограничными, неожиданными вещами таких авторов, как К. Налбандян, К. Асмолов, Г. Панченко, В. Березин и,

разумеется, сюрреалистический Василий Мидянин. Неожиданность в литературе — это далеко не всегда хорошо, но неизменно интересно…

Последней к изданию ежегодных фантастических антологий приступила санкт-петербургская «Азбука». Собственно, начали они с переводов аналогичных американских сборников, составленных Гарднером Дозуа, но не удержались и составили такой же из произведений отечественных авторов. «Русским Дозуа» был назначен критик Василий Владимирский, а название издатели решили оставить прежнее, чрезвычайно претенциозное: «Лучшее за год» (The Year's Best). Учитывая, насколько они ограничены в выборе конкурентами из московских издательств, к названию этому можно отнестись лишь с иронией. Хотя достойных текстов на страницах двух опубликованных антологий немало (назову рассказы П. Копыловой, А. Щеголева, А. Лукьянова…), ни одна из подборок гордого титула «лучшее за год», увы, недостойна.

А еще в питерских антологиях есть критический блок. И там та же картина: отдельные удачные публикации Д. Володихина, А. Первушина, В. Силина не улучшают общего впечатления, которое предопределяют слабые, непрофессиональные обзоры А. Руха и А. Караваева.

В заключение этого раздела маленькая подсказка читателям: если вы хотите не пропустить лучшие повести и рассказы российских фантастов, обращайте внимание не столько на ежегодные антологии, сколько на журналы. Поверьте, действительно лучшие художественные тексты (а равно и большая часть критических) сначала печатаются именно в периодике.

Реализация статуса

Выше мы говорили о том, сколь полезным для издателя может быть регулярный выпуск фантастических антологий. Однако не менее важен он для литературных тусовок, отдельных писателей, а также конкурсов и конвентов. Собственно, издание коллективных сборников — это традиционный для литературы способ самопрезентации нового художественного направления. К примеру, последний значимый тренд в фантастике — киберпанк — конституализировался после выхода антологии «Зеркальные очки».

За минувшее десятилетие в отечественной НФ можно выделить одну-единственную попытку подобного плана — публикацию в маленьком издательстве «Мануфактура» шести

сборников «Сакральная фантастика» (2000–2006). Дмитрий Володихин, Ольга Елисеева, Елена Хаецкая и еще несколько авторов взялись доказать возможность и уместность фантастики, написанной с учетом существования Творца. И хотя в художественном отношении их произведения смотрелись вполне убедительно, сколь-либо влиятельным этот тренд не стал: во-первых, его не поддержали крупные издатели, а во-вторых, сами основатели течения со временем отказались от широкого понимания «сакральной фантастики» в пользу узкого, связанного исключительно с православным мироощущением.

С другой стороны, идейное влияние — вещь тонкая, нет-нет, да и прорвутся кое у кого из современных авторов (скажем, у С. Чекмаева) концепции, близкие к тем, что пропагандировались «сакральщиками». Кстати, те же люди выпускали и сборники по итогам работы литературного семинара «Бастион» («Секунда после полуночи», 2002; «Все флаги», 2003; «Ковчег Бастион», 2005; «Дом», 2006). Но эти сборники были уже менее интересны: из новых авторов запомнился, пожалуй, только Ярослав Веров.

Другие писательские группировки не претендовали на открытие художественного метода, но настаивали на высоких эстетических достоинствах своих произведений и пытались противопоставить себя фантастическому мейнстриму В 2003 году в санкт-петербургской «Амфоре» вышел сборник «Книга врак» (составители Сергей Красиков и Макс Фрай), объединивший, в основном, авторов, имевших отношение к сетевому ресурсу «Пуговички». Увы, отличные рассказы Л. Каганова, Ю. Нестерова, В. Силина терялись среди образчиков «чернушного постмодернизма»…

Сочинители, близкие к сетевому же Клубу русских харизматических писателей, представлены в антологии «Перпендикулярный мир» (изд-во «ЭКСМО», 2004), которая открывалась манифестом за подписью Владимира Березина, требовавшего, чтобы фантастика отказалась от «унылых социальных привычек» и следила за «личным авторским стилем». Упомянутый сборник обошелся практически без проколов, хотя для этого пришлось призвать на помощь «варягов» — маститых Геннадия Прашкевича, Андрея Саломатова и «пятиголового» автора с Украины: Дяченко — Олди — Валентинова… Через три года многие из «харизматиков» поучаствовали в антологии «Академия Шекли». Но эта антология, что называется, не задалась: ее составитель, опытнейший Алан Кубатиев, не сумел придать хаотическому собранию текстов (в диапазоне от недурственных до посредственных) должной осмысленности и внятно объяснить, что делают в книге писатели, крайне далекие

от «шеклианского канона».

Впрочем, все познается в сравнении. Прочие самопрезентации литературных тусовок оставляли куда худшее впечатление. После прочтения сборников «На перекрестках фэнтези» (изд-во «Армада», 2004) и «Новое тысячелетие» (изд-во «АСТ», 2005), подготовленных участниками литературного клуба «Стиратели-2000», стало понятно: никого эти участники не сотрут, мэтры могут жить спокойно. Столь же скромно выглядели антологии «Вся неправда Вселенной» (изд-во «Геликон», 2002) и «Гофра» (изд-во «Снежный Ком», 2006), куда вошли тексты из раздела «Самиздат» Библиотеки Мошкова. Неудивительно, что многие авторы названных антологий и поныне пребывают в статусе «сетевого литератора»… И совсем уж негуманно с нашей стороны было бы разбирать малотиражные провинциальные сборники вроде «Весов» (изд-во не указано, 1999) или йошкар-олинской «Фантарктики» (1997).

Поговорим лучше об антологиях, изданных по результатам литературного конкурса «Рваная грелка», который проводился завсегдатаями сервера «Русская фантастика» на протяжении ряда лет. Тему такого конкурса задавал обычно знаменитый писатель, а участники должны были за 48 часов написать рассказ не менее чем на 5 тыс. знаков, после чего многотуровым голосованием выявить победителя.

Демократия в литературе не работала никогда — не сработала и на сей раз. Хитрые участники быстро смекнули, что голосование против явных фаворитов повышает их собственные шансы. В результате в топы конкурсов стали проникать «серые» и скучные тексты, а иные профессиональные литераторы, решившие поиграться в «Грелку», принялись нарочно занижать уровень письма, дабы не быть отсеянным уже на первом этапе. И осталось бы все это только фактом виртуальной жизни, если бы не Сергей Лукьяненко. Уверен, им двигали самые лучшие чувства, когда он решил, что «грелочникам» надо дать шанс, и подбил издательство «АСТ» на выпуск антологий «Псы любви» (2003) и «Гуманный выстрел в голову» (2004). Кое-что любопытное, конечно, в этих сборниках было, но Сергей не счел необходимым «прополоть» лауреатские грядки, и в целом бал в антологиях правит серость… Не всему, нет, не всему нужно давать шанс! Потому-то меня, грешным делом, радует, что конкурс «Рваная грелка» умер естественной смертью и таких антологий больше не будет!

Некоторая реинкарнация этого конкурса, однако, наблюдается на конвенте «Роскон», где проходит последний, очный тур голосования так называемой «Роскон-грелки». Но это

уже совсем другой коленкор: участвовать в упомянутом состязании можно только по персональному приглашению, а значит, широкие массы беззастенчивых графоманов сюда проникнуть не смогут. Оттого и сборник «Последняя песня Земли» (изд-во «АСТ», 2006), куда вошли лучшие тексты «Роскон-грелки» прошлого года, оказался гораздо сильнее своих предшественников. Туда же, кстати, угодили рассказы победителей мастер-классов «Роскона», любопытные самим фактом своего прохождения через частое сито мастеров: А. Громова, О. Дивова, М. и С. Дяченко, А. Лазарчука, С. Лукьяненко, Н. Перумова.

Между прочим, «привязка» некоего корпуса фантастических произведений к названию того или иного конвента сейчас довольно популярна. Собственно, все действующие конвенты России и Украины уже обзавелись аналогичными сборниками. Екатеринбургское издательство «У-Фактория» в 2004, 2005 и 2006-м годах выпускало антологии «Аэлита. Новая волна» (составители Борис Долинго и Евгений Пермяков) в основном из рассказов, поступивших на местный конкурс молодых фантастов. В Харькове выходил сборник «Звездный мост» (изд-во «Энергоресурс», 2004), а в Киеве — «Мифотворцы: Портал в Европу» (изд-во «Сварог», 2006). Питерская «Азбука» как бы скрестила украинские конвенты в названии книги «Звездный портал» (2005), и это не случайно: в антологию действительно включены тексты постоянных участников обоих форумов. Последним престижной игрушкой обзавелся «Интерпресскон». В 2007 году издательство «Лениздат» напечатало антологию «Теория неожиданности», построенную по привычной модели: победители «творческих студий» + дружественные конвенту маститые писатели + немного критики. В целом все перечисленные сборники небезынтересны и познавательны, но включать их в круг обязательного чтения я бы не стал…

Примерно такие же чувства вызывают антологии, составленные из продолжений (подражаний) произведений популярных писателей. Начал эту линию в новейшем российском книгоиздании Андрей Чертков, с подачи которого издательства «АСТ» и «Terra Fantastica» выпустили сборник «Время учеников» (1996). С. Лукьяненко, Л. Кудрявцев, М. Успенский, В. Рыбаков и другие продолжили культовые повести братьев Стругацких, и для первого раза это было концептуально, имело культурную значимость, вызвало дискуссии в прессе… Однако в 1999-м и 2000-м годах вышли второй и третий тома данного сборника, и тенденция нарисовалась следующая: культурного там было все меньше, а коммерческого — желания подзаработать на

знаменитом имени — все больше. И когда впоследствии появились книги, эксплуатирующие популярность миров Сергея Лукьяненко («Дип-склероз», изд-во «АСТ», 2001), Ника Перумова («Эвиал», «Мельин и другие места», изд-во «ЭКСМО», 2005), Вадима Панова («Правила крови», изд-во «ЭКСМО», 2006), о каком-то творческом диспуте с создателями миров речь уже не заходила. В этих книгах мы встречаем чистейшие образчики фэнской прозы из серии «Что же было дальше с любимым героем». Фэны пишут такие тексты — и фэны же их читают (покупают). Замкнутый цикл.

Не теряя надежды

Не очень оптимистичная пока получается картина. Антологий как бы и много — но в каждой, если присмотреться, найдутся свои недостатки. Что же, нет на нынешнем книжном рынке сборников, которые можно покупать без оглядки, в которых можно не сомневаться? Спешу успокоить читателей: такие сборники есть! И это, конечно же, ТЕМАТИЧЕСКИЕ антологии. У них имеются бесспорные достоинства: во-первых, их составители не претендуют на охват всего фантастического поля (выше уже говорилось о том, почему сегодня это невозможно); во-вторых, определенная широта взглядов в освещении избранной темы достигается без значительных усилий, просто за счет естественной разницы между писательскими стилями; в-третьих, даже слабенький в художественном отношении текст в таком сборнике может оказаться уместным, если он, допустим, демонстрирует какой-то новаторский подход к рассматриваемому предмету. Последнее четко видно на примере самой первой подобной антологии (считая от начала тысячелетия) — «Пятой стены» (2002, составитель Андрей Щербак-Жуков). 29 рассказов о жилище будущего были очень разными по литературному уровню, но сборник в целом — играл!

Замечательные тематические антологии готовит для издательства «АСТ» Андрей Синицын. Сборники «Человек человеку — кот» (2004) и «Поваренная книга Мардгайла» (2005), включившие в себя фантастические рассказы кошачьей и кулинарной тематики, приятно удивили наличием произведений классиков советской НФ Дмитрия Биленкина и Ильи Варшавского. Когда восстанавливается распавшаяся связь времен, это всегда хорошо… В 2007 году А. Синицын составил антологию «Мифы мегаполиса» — ив известном смысле вступил в конкуренцию с Ольгой Трофимовой, подготовившей для издательства «Азбука» в 2004-м и 2005-м годах два выпуска

сборника «Новые легенды». Выиграли от этой конкуренции любители мистической прозы, получившие сразу три любопытнейших тома… Достойно выступил на составительском поприще и постоянный соавтор Синицына по критическим статьям Дмитрий Байкалов, усилиями которого издана антология «Закон Дальнего космоса» (изд-во «ЭКСМО», 2007). И еще одну книгу обязательно надо назвать в качестве образца — «Новые марсианские хроники» (изд-во «Рипол Классик», 2005). Составитель Алексей Калугин подбил своих коллег Г. Прашкевича, В. Михайлова, А. Саломатова, С. Синякина, Н. Романецкого и других написать по рассказу о Марсе в знак уважения к Рэю Брэдбери. Результат превзошел ожидания! Забавно, что, рецензируя этот сборник, критик В. Владимирский посоветовал издателям выпустить аналогичную антологию в честь Роберта Шекли, имя которого по-прежнему привлекает внимание посетителей книжных магазинов. Совет критика был услышан, о чем у нас уже заходила речь…

Не всегда, конечно, тематический сборник вызывает только положительные эмоции. К примеру, знакомство с антологиями «Право на пиво» (изд-во «АСТ», 2005) и «Хищные вещи» (изд-во «ПринТерра-Дизайн», 2005) наводит на мысль, что собирали их с миру по нитке, брали буквально первое попавшееся. Тем не менее специфика подобных изданий проявляется и здесь, делая антологии более-менее читабельными…

Отдельная песня — это сборники юмористической фантастики. Таковых в последние годы вышло три: «Капуста без кочерыжки» (изд-во «Армада», 1999), «Наши в городе» и «Наши в космосе» (изд-во «ЭКСМО», 2001, составитель Ирина Молчанова). Однозначно оценить их сложно, юмор — дело сугубо индивидуальное, лично меня навязчивые попытки сделать мне смешно только раздражают, а кого-то, наоборот, заставят смеяться до колик. Читателям же сборники скорее понравились, если судить по тому факту, что плотная компания авторов «Наших…» оперативно выпустила еще и антологию «Наших бьют!», в которой уже не смешила, а пугала.

…За рамками этого обзора осталась «Библиотека русской фантастики», выходившая в «Русской книге» (а что о ней говорить? Литпамятники — они и есть литпамятники), и десятитомник «Антология мировой фантастики» (изд-ва «Аванта +» и «Мир энциклопедий», 2003–2006) — своеобразный проект, в котором мастодонты западной НФ 1930–1960 годов соседствовали с нашими соотечественниками и современниками, чей вклад в литературу, мягко говоря, небесспорен. Останавливаться на этом подробно нет смысла, потому что цель

обзора — обрисовать положение дел в определенном сегменте фантастического рынка, отражающем именно текущий литературный процесс. Остается понять, возможен ли какой-то прогноз на будущее, и если да, то какой?

Ну, во-первых, издание антологий в ближайшее время не остановится: уж больно это важный инструмент издательской политики, чтобы кто-то вдруг отказался его использовать. Во-вторых, выпуск «абсолютной» антологии, составленной без ограничений в подборе авторов, по-прежнему немыслим в ближайшие годы, увы. А в-третьих… чудеса ведь случаются! Всегда есть шанс, что звезды встанут так, как надо, и свет увидит коллективный сборник, прекрасный во всех отношениях. В нем отыщется внутренняя драматургия, он затронет серьезные темы, заставит думать и сопереживать… И чем больше мы будем ждать такого сборника, чем чаще говорить о его желанности, тем этот шанс будет выше.

РЕЦЕНЗИИ

Люциус ШЕПАРД
ЗОЛОТАЯ КРОВЬ
СПб.: Азбука-классика, 2007. — 384 с.
Пер. с англ. А. Александрова.
(Серия «Gold Collection»).
4000 экз.

Подгнило что-то в замке Банат — традиционном месте проведения церемонии Сцеживания. Смешалось все в семье европейских вампиров, и празднество нарушено ужасной, а самое главное, преждевременной смертью предполагаемой жертвы. Найти отступника должен Мишель Бехайм, молодой вампир и бывший сыщик.

Несмотря на очевидную детективную завязку, главное в книге — расследование не самого преступления, а темных закоулков человеческих и вампирских душ.

Это раннее произведение Шепарда, и неудивительно, что во многом оно является парафразом романа «Жизнь во время войны» — наиболее известной книги автора. Все характерные приметы налицо: противоборствующие семейные кланы, наделенные необычными способностями люди и сверхлюди, сеть манипуляций, объединяющая и разделяющая персонажей, и сложные взаимоотношения между главными героями — мужчиной и женщиной, разумеется.

«Золотая кровь» не шедевр, но в ряду «вампирских романов» все-таки выделяется. В отличие от канонических произведений, где центральное место занимает борьба отважных вампироборцев с нежитью, Шепард описывает постепенное превращение человека в вампира, причем его интересует не столько физическая метаморфоза, сколько психологическая. Путешествие героя по замку Банат олицетворяет собой путешествие в глубины собственного сознания и подсознания. И покидающие замок герои обретают не только внешнюю, но и внутреннюю свободу.

Внутренний мир вампиров, этих рефлексирующих сверхлюдей, описан автором в подробностях. Однако искать в книге что-либо иное не стоит. Насыщенный символами и эмоциями роман является не вампирским детективом (проницательный читатель легко вычислит настоящего убийцу, которого автор и не думает маскировать), а психологическим этюдом, увеличенным до размеров романа.

Сергей Шикарев

Леонид КАГАНОВ
ДЕФИЦИТ БЕЛКА
Москва: АСТ, 2007. — 382 с.
(«Черная серия»).
8000 экз.

Новый сборник рассказов Леонида Каганова озаглавлен цитатой из уже ставшего знаменитым «Тигренка» — рифмованной новеллы, где сошлись все приметы стиля автора: блестящее владение формой, едкий, порой черный юмор, мизантропия и обстёбывание литературных штампов. Диапазон Каганова очень широк: от фельетонной «Сирусянки» (очень точной и злой насмешки над натурализовавшимися эмигрантами) до драматичного «Правого дела» (современной вариации классического «Демона истории» Севера Гансовского), но фирменная кагановская метка на текстах всегда различима. Хочется даже скаламбурить — «черная метка». Но Каганов — писатель умный и злой — все же иногда бывает щемяще человечен. Вдобавок он один из немногих современных «научных» фантастов, щедро и без натуги разрабатывающий все мало-мальски заметные идеи и достижения науки и техники (в том числе и таких загадочных гитик, как НЛП и бизнес-тренинг).

Автор — мастер короткой новеллы. В отличие от большинства ровесников, он и начинал свой путь со сборника повестей и рассказов, а не с объемного романа. То, что рассказ, излюбленный фантастами жанр, возвращает свои позиции в отечественном книгоиздании, во многом и его заслуга; сейчас по проторенному пути смогли пройти другие яркие новеллисты, выпустившие авторские сборники. Некоторые даже дебютировали сборником рассказов, что каких-то десять лет назад было непредставимо.

Единственный недостаток сборника вытекает из достоинств автора: Каганов — человек, пишущий «хорошо, но мало». Помимо свежих текстов читатель может встретить здесь и переиздание полюбившихся старых рассказов: «Мамма Сонним», «Итак, хоминоиды», «Путешествие фантаста Свечникова» — всего числом шесть. Все они вынесены во вторую часть сборника. Новых рассказов (вернее, не выходивших в авторских сборниках) в книге девять, и сконцентрированы они в первой части сборника.

Мария Галина

Илья НОВАК, Лев ЖАКОВ
АКВАЛОН
Москва: ЭКСМО, 2007. — 384 с.
(Серия «Похитители миров»).

8000 экз.

У нового романа есть два достоинства. Во-первых, оригинальная основа, на которой построен «вторичный мир» (Аквалон). Он состоит из нескольких континентов и множества островов, плавающих в облачном океане, разреженном в верхней части и сгущающемся книзу до состояния плотной, почти непроходимой субстанции. Обитатели мира на разнообразных корабликах и кораблищах экзотических конструкций бороздят облачный океан, торгуют, промышляют пиратством, вступают в сражения…

Второе достоинство — стильная обложка. Книга сама просится в руки!

А вот все остальное художественной удачей не назовешь. Допустим, для Льва Жакова это дебют, и в качестве дебюта «Аквалон» смотрится сносно. Но Илья Новак — матерый приключенец. Для его уровня этот роман — чистой воды халтура. Тут нет сравнения не то что с темными рассказами раннего Новака или, скажем, с его романом «Demo-сфера», но даже с наиболее удачными боевиками (например, «Клинки сверкают ярко»). «Аквалон» — самый примитивный уровень фэнтезийного боевика. Картонные персонажи (в том числе и центральные), ноль психологии, гнетущее однообразие лексики. И хорошо бы сюжет удивлял неожиданными узлами… однако все неожиданности и вся динамика заменены чудовищным количеством боевки. Как это ни парадоксально, но в результате боевик оказался перегружен драками. Чтобы пополнять набор ситуаций, в которых очередная потасовка может возникнуть, авторы романа стягивают все большее и большее количество действующих лиц, не давая себе труда «прорисовать» новичков, и с ходу бросают их в бой. Вероятно, Илья Новак и Лев Жаков хотели добиться эффекта стопроцентного драйва, но вместо этого действие забуксовало, и перебор с «баталовом» отнял желание дочитать роман до конца.

Авторы обещали продолжить «Аквалон». Но, кажется, в данном случае одного раза достаточно.

Дмитрий Володихин

Пэт ХОДЖИЛЛ
ПОСТУПЬ БОГА
СПб.: Азбука-классика, 2007. — 704 с.
Пер. с англ. В. Двининой.
(Серия «Gold collection»).
5000 экз.

Писательница и критик Пэт Ходжилл — автор не самого первого ряда. Ее работы по теории жанра (Ходжилл —

профессиональный филолог) встречались с большим интересом, чем романы. Тем не менее включение цикла «Кенцират» в «Золотую коллекцию» фэнтези трудно оспорить. Эта захватывающая и одновременно глубокая серия имела немалый успех в США. Да и вообще, опыт практического приложения теории всегда интересен. Иногда и поучителен. А в данном случае опыт удался. Под обложкой русского издания собрано начало цикла, вышедшее на английском в 1980-е годы — два первых романа («Поступь Бога» и «Затмение Луны») и рассказ-связка «Ворон».

Сюжет в общем типичен для фэнтези, но это вполне осознанный подход автора — исследователя именно фэнтезийных шаблонов. Вновь, как и тысячи раз в десятках тысяч фэнтезийных томов, на некий вымышленный мир (здесь, кстати, блестяще разработанный) надвигается Древняя Тьма. Остановить ее может только явление Героя.

Однако Герой, на первый взгляд, не соответствует своей высокой миссии. Хотя бы потому, что это женщина, воровка и танцовщица. К тому же гонимая своим прошлым. Однако пересказывать всю, не закрывающуюся в этом сборнике, интригу не стоит.

Кому рекомендовать романы Ходжилл? Плохо спрятанный феминизм прочитывается слишком очевидно. С другой стороны, самих любителей всевозможного (в том числе феминистского) ревизионизма насторожат, а то и разозлят столь же явные христианские намеки. Поклонники же «христианской фэнтези» в духе К. С. Льюиса прочтут у Ходжилл тот самый ревизионизм в наиболее откровенной форме — и тоже не порадуются. Наконец, любителей легкого и непритязательного чтива явно озадачат серьезные философские надстройки романа. Тем не менее как раз многозначность цикла может и оказаться ценной для вдумчивого читателя.

Сергей Алексеев

Александр БОРЯНСКИЙ
ТРИ СТОРОНЫ МОРЯ
Москва: Форум, 2007. — 416 с.
(Серия «Другая сторона»).
3000 экз.

Сколько веков прошло с тех пор, как воспевала богиня гнев Ахиллеса, Пелеева сына! А музы лучезарного Аполлона продолжают посещать авторов по всему миру, вдохновляя их на новые свершения во славу бессмертного творения Гомера.

Вот и Александр Борянский всерьез взялся переписать

историю знаменитого Похищения.

Откроется яркая обложка издательства «Форум», и вновь заструятся неспешные воды великого Нила мимо сонных берегов Черной земли Кемт, вспенятся изумрудные волны Эгейского моря под носами черных ахейских ладей, и железным лязгом отзовется из сердца Малой Азии могущественная империя хеттов.

Три стороны моря, три древних полюса силы, а в центре — Троя, или по-хеттски Велуса. Торговый город у входа в Дарданеллы и камень преткновения в борьбе за господство. Именно так видит ситуацию Ба-Кхенну-фу, убийца брата, вор и осквернитель гробниц, а затем советник самого Рамзеса II. Именно он, безвестный человек, стоит за глобальными процессами, изменившими лицо древнего мира.

За исходом иудеев из Египта стоит Моисей. А кто стоял за ним? Елену в Трою привез Парис. А кто похитил ее для Париса?

Доволен фараон: границы его защищены от железных копий хеттов армией варваров-иудеев. Доволен Парис: он обладает самой прекрасной женщиной на земле. Доволен и Агамемнон: его армада не знает равных в истории.

Но что же досталось бедному Ба-Кхенну-фу? Жаркое солнце Африки, пыль и безумие. Ново вселенной, созданной Александром Борянским, как и в первоисточнике — «Илиаде», имеется одно фантастическое допущение. Боги существуют! А значит — жди чуда.

И оно будет явлено. Незаметное для глаза смертных, но значимое для горних высот. В меру закономерное, в меру обыкновенное. Да и как ему не случиться в мире, где миф и реальность еще не определились со своим амплуа. И боги продолжают верить в то, что они вечны.

Николай Калиниченко

Чарльз де ЛИНТ
МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА
СПб.: Азбука-классика, 2007. — 640 с.
Пер. с англ. И. Посредниковой.
(Серия «Городские легенды»).
6000 экз.

Вот и еще одно классическое произведение англоязычной фэнтези добралось до нашего читателя. Впервые на русском языке — роман без преувеличения виднейшего канадского фэнтезийного автора, многогранно одаренного Чарльза де Линта. Писатель для нас не новый — в России уже выходили книги популярного цикла «Легенды Ньюфорда». Однако «Маленькая страна» к нам несколько запоздала. На родине автора роман

вышел еще в 1991 году, вызвал бурю восторженных откликов и собрал внушительную коллекцию наград.

Де Линт любит писать сложную, многоуровневую фэнтези. «Маленькая страна» — не исключение. Сплетение жанров и стилей, мотивов фэнтези, сюрреализма, конспирологии и много чего иного. Собственно, и определять-то текст как фэнтези или мистическую фантастику можно лишь в самом расширительном смысле. Второе определение, пожалуй, даже точнее. В центре романа — вовсе не захватывающая интрига, не перипетии действий ярко выписанных персонажей. Подлинный герой книги — это английское графство Корнуолл. «Маленькая страна» вообще очень английский по духу и стилю роман.

Где-то в недрах реальности нынешнего Корнуолла — то ли в параллельном мире «малого народца», то ли просто в народной памяти — скрывается таинственное нечто, маленькая страна, которую вызывает к жизни магическая книга. Путь в мир магии можно прокладывать бескорыстно, но привлекает он и немало зла…

Де Линт — значимая фигура в мире фэнтези. А таковых критики особенно любят укорять. Де Линта частенько упрекали и в цитировании, и в излишнем философствовании. «Маленькая страна», повторюсь, не легкое чтиво для электричек. Роман насыщен культурологическими аллюзиями. Но для того, кто ждет от «ненаучной» фантастики не только развлечения, знакомство с книгой канадского писателя просто необходимо.

Сергей Алексеев

Дмитрий ВОЛОДИХИН
ДОБРОВОЛЕЦ
СПб.: Лениздат — Ленинград, 2007. — 384 с.
5050 экз.

Новый роман московского писателя и критика — из категории социально-исторической НФ.

Хроноинвейдеры — функционеры Невидимого университета — пытаются устранить просчеты, совершенные в прошлом ради светлого настоящего. Другими словами, сделать из обычной истории историю альтернативную. Если не считать этого фантастического допущения, «Доброволец» является братом романа «Флегетон» Андрея Валентинова. То есть к НФ имеет отношение лишь формальное.

Кровавое, мрачноватое действо под общим лермонтовским слоганом «Мы долго молча отступали…» вновь отправляет читателя на поля гражданской войны, чтобы вместе с главным героем, хроноинвейдером Михаилом Денисовым, солдатом

Корниловской Добровольческой армии, понять простую вещь: и красные не яростные демоны, и белые не раненые ангелы.

Череда из сражений и передышек героических корниловцев на пути к неминуемому разгрому увлекает сама по себе. Орел и Севастополь, Харьков и Феодосия, страшная зима в степи и знойное малороссийское лето — невеселый вояж со смертельным исходом. Красиво упакованное, ровно уложенное повествование не пугает пространными диалогами и не утомляет затяжной описательной частью. Сурово, иногда печально, но читается легко.

А где же суть? — спросите вы. И попадете в точку. Развязка не даст вам однозначного ответа. Да ее, как таковой, и нет. Лишь авторское послесловие приоткроет завесу неопределенности финала. Оказывается, роман направлен против смуты, или, если угодно, революции во всех ее проявлениях. Цель, конечно, благая. Вот только бороться со смутьянами Дмитрий Володихин предлагает с революционной экспрессией. Спускать их с лестниц, травить и закатывать в деревянные пиджаки. Как тут не вспомнить замечательное стихотворение Евгения Лукина:

На исходе века
Взял и ниспроверг
Злого человека
Добрый человек.
Из гранатомета
Шлеп его, козла!
Стало быть, добро-то
Посильнее зла.

Николай Калиниченко

СТАТИСТИКА

Леонид Каганов
ЖАНРЫ БЕССМЕРТИЯ

Московский писатель Леонид Каганов обратился к участникам традиционного интернет-опроса с идеей, можно сказать, классической для фантастики, волновавшей не одно поколение научных и ненаучных фантазеров: когда люди достигнут бессмертия? Ответы распределились следующим образом:

Когда медицина победит старение — 22 %;

Когда сознание человека научатся копировать в компьютер — 11 %;

Когда ученые воскресят всех живших во все века, как учил Н. Ф. Фёдоров — 3 %;

Душа человека и так бессмертна, после смерти тела она встретится с Богом — 22 %;

Смысл жизни в обновлении, людям бессмертие не нужно — 42 %.

Всего в опросе приняли участие 620 человек.

Проблема бессмертия волновала человека с незапамятных времен, хотя, по сути, это вопрос эгоизма: ведь в целом человечество не умирает, а год от года размножается. Смерть не грозит ни вашим генам (они у вас такие же, как у миллиардов, ничего уникального), ни вашим концепциям и делам (подрастет смена, найдутся продолжатели). И большая часть участников опроса, 42 %, это понимают. Они реалисты, ценящие прозу жизни. Выражаясь литературным языком, мейнстрим.

Но, несмотря на здравый смысл, отсутствие личного бессмертия воспринимается как предательство вселенского масштаба. Возникает эта эмоция там, где разум пытается состыковаться с инстинктом самосохранения.

Человек отличается от животного попыткой кэшировать в собственном мозгу копию реальности во всех четырех измерениях. Конечно, мы храним в голове не всю Вселенную, но особенно необходимые нам участки. В том смысле, что у каждого из нас где-то в голове расположен собственный дом, в доме — комната, в комнате — стол, в столе — коробка с инструментами, в коробке — пассатижи, которые вы не брали в руки с прошлого года. Но все это хранится там, в голове, на тот случай, если вдруг нам понадобятся пассатижи. И тогда мы без особого труда

пронесемся по извилинам мозга через нашу внутреннюю модель реальности и мысленно найдем их в коробке в ящике стола. А затем повторим этот путь в реальной Вселенной и, скорее всего, тоже найдем их в коробке.

Так информация хранится в голове. Но этого мало — в голове хранятся сведения не только о пространстве, но и о времени: о том, кто и когда нам подарил пассатижи, как долго они валялись на тумбочке для обуви в прихожей, как при уборке перекочевали в коробку, а магазинный ценник был оторван и полетел в урну. То есть содержится не только Вселенная такой, какая она есть, но и такой, какой была. И немножко — какой она, возможно, будет. Ведь у нас в голове есть какая-то мысль насчет будущей судьбы этих пассатижей, иначе зачем мы их храним год в коробке, хоть они нам ни разу еще не понадобились? Более того — у нас есть представление, хотя и крайне смутное, о том, как все предыдущие тысячелетия эти пассатижи лежали в земле в качестве руды, как эту руду китайцы недавно вынули, разбавили жестяным мусором и пассатижи отлили. Короче, колоссальный объем информации хранится у нас в сильно упакованном виде, составляет нашу внутреннюю вселенную и тем отличает нас от животных, чья внутренняя вселенная крайне куцая.

Да, звери тоже могут кэшировать пассатижи. Если этот инструмент полжизни лежит у хомяка в клетке, он их в своем мозжечке закэширует. А для верности еще и пометит в реале. Но объемы внутренней реальности несравнимые. По объемам кэша реальности мы превосходим зверей примерно так же, как звери превосходят дождевых червей. У червей ведь тоже есть нервная система, где тоже что-то кэшируется или хотя бы хранятся какие-то минимальные куки.

Но вернемся к человеку. Вовсю кэшируя Вселенную в настоящем, прошлом и будущем, человек неизбежно кэширует и самого себя. То есть у него есть очень четкое представление о том, кто он, как выглядит и где располагается в данный момент. Где читает сейчас этот текст. Где и каким был десять лет назад. И в самых общих чертах — где и кем будет через десять лет. С вариантами.

И все бы ничего, но в этой всеобъемлющей копии Вселенной, которую каждый из нас носит в своей черепушке, есть моменты, которые совершенно не поддаются осмыслению: где мы были до рождения и особенно где будем после смерти вместе со своими вселенными, которые пока живут в нашей черепушке.

И вот тут человечество столкнулось с неразрешимым парадоксом. Потому что нас на Земле шесть миллиардов, и должно быть безразлично, когда кто-то родился, а кто-то помер. И

отдельному человеку это действительно безразлично, пока дело не касается его самого. Потому что в отдельном человеке, как в червяке и хомяке, крепко сидит инстинкт самосохранения. И для этого инстинкта категорически не приемлем вариант гибели, поскольку смерть постоянно воспроизводится в той самой будущей Вселенной, которую мы храним в черепушке. Потому что фактически мы храним в голове и собственную могилку в будущем, зачастую прекрасно представляя, где она будет располагаться и как выглядеть.

Что же делать человеку? Вариантов много. Например, преодолевать инстинкт самосохранения, как это делают герои и камикадзе. Либо искать возможности для продления жизни. Либо попытаться исказить внутреннюю картину мира таким образом, чтобы там, в своем воображаемом будущем, нашлось хоть какое-нибудь место взамен небытия. По сути, этот прогиб внутренней картины мира называется религией.

Ни в коей мере не задевая чувства верующих людей, мы все-таки отметим, что основной вопрос, который берется решать любая религия — это именно перспектива жизни после смерти. Перевоплощение, загробное царство, жизнь вечная, душа бессмертная, рай, ад, колесо Сансары — любая конфессия обещает что-то после смерти. Вопрос посмертного существования может оказаться ключевым, и такая религия будет вести речь исключительно о спасении, объясняя, кто и на каких условиях получит прекрасную вечную жизнь, а кому в этом будет отказано. Вопрос посмертного существования может и не быть центральным, но в любом случае ответ на него каждая вера даст, и ответ этот будет утвердительным.

Если религия ничего не обещает после смерти, это уже не религия, а книжка по диете и кодексу чести, и такие верования не выживают, ибо оказываются неконкурентоспособными в тысячелетней битве мировых конфессий за каждый новый человеческий мозг. При этом не следует недооценивать блага и достоинства любой религии, каждая из которых по большому счету учит человечество правильно питаться, вести приличный образ жизни, существовать в обществе себе подобных, творить добро и совершенствоваться духовно. Но надо смотреть правде в глаза: все эти духовные ценности не стоили бы в глазах человечества ломаного гроша, если бы любая из религий не обещала заманчивого продолжения жизни всем, кто принял правила игры, и наказания всем, кто не принял. Ведь то, что делает религию религией, это вовсе не Бог (которого нет, скажем, в буддизме), а именно обещание жизни после смерти. Только на этой доктрине строится любая вера. И наоборот: как только где-то

у кого-то появляется обещание жизни после смерти, подобное учение немедленно вырастает в религию.

Поэтому почти 22 % опрошенных ответили, что душа человека бессмертна и после смерти тела встретится с Богом. Справедливости ради отметим: у нас нет никаких доказательств, что эти люди ошибаются — точно так же, как нет доказательств и у них. Ведь загробный рай — это не Турция, куда можно слетать на десять дней и вернуться со свежими впечатлениями, сувенирами и фотками. Но сам взгляд на мир, где действуют предопределения, неведомые и магические законы, не доступные простым смертным, тоже имеет полное право на существование. Это — фэнтези. По определению.

Оставшиеся 36 % возлагают надежды на прогресс, который в будущем победит смерть и старение. Это твердая научная фантастика. Как видим, она в полтора раза популярнее, чем фэнтези. Научная фантастика — жанр самый молодой, но перспективный. Еще несколько веков назад никакой веры в прогресс не было и не могло быть: жизнь катилась медленно и циклично, как времена года; внуки жили точно так же, как и деды. Никому не приходило в голову, что когда-нибудь в мире что-то изменится, потому что сама природа, глубоко цикличная по своей сути, не давала повода так думать. Сегодня же прогресс идет так стремительно, что внук, обучающий деда набирать SMS на мобильнике и читать новости в интернете, скорее, норма, а дед, обучающий внука своему ремеслу, скорее, редкость. Иными словами, сама идея ждать от будущего каких-то решительных событий и благ — мысль сравнительно новая и перспективная. Вот и 36 % респондентов ждут от прогресса решительных новостей в вопросах цикла жизни и смерти.

Что же это за новости, которых мы ждем от прогресса?

Большинство верящих в прогресс участников опроса — 22 %, связывают бессмертие с успехами медицины в области победы над старением. Идея жить вечно (или очень-очень долго) не противоречит природе белковых организмов. А медицина развивается очень быстрыми темпами — чуть медленней, чем электроника и информатика, но все же… Логичнее назвать это научной фантастикой ближнего прицела, потому что тут действительно вопрос времени, как и в любой области развивающихся технологий. Развивается технология — будет результат. Если у нас совершенствуются ракеты для полетов в космос — рано или поздно мы освоим другие планеты. Если медицина развивается по всем фронтам — рано или поздно она что-нибудь придумает и в области старения. И тем, кто знаком с биологией, уже сегодня в общих чертах понятно, что для этого

следует делать с клетками, шлаками, хромосомами и прочим телесным багажом, от которого зависит существование разума. Неясно еще, как это сделать (может, нанотехнологии помогут?), но уже вполне понятно, что требуется: вовремя и качественно обновлять выходящую из строя биологическую ткань.

Далее, 11 % участников опроса считают, что бессмертие будет достигнуто наукой, когда сознание человека научатся копировать в компьютер. Это фантастика среднего прицела, поскольку мы пока вообще не представляем технологий, которые сделают подобное возможным. Создание мощного компьютера — вопрос времени, но не совсем понятно, что именно туда копировать — магнитные поля, электрические напряженности нервной ткани, соединения аксонов и дендритов между нервными клетками? А может, ни то и ни другое, а что-то совсем иное? Как работает сознание? Тут пока наши знания не очень тверды. Вдобавок возникают и этические парадоксы: а будет ли копия той же самой личностью? И что делать с оригиналом, когда готова копия? Ведь сколько бы ни было копий, для оригинала вопрос смерти не решается — жить-то хочет именно он.

И три процента — это фантастика самого дальнего прицела. Потому что не располагает даже самыми общими соображениями насчет того, как будет технически осуществима задача. Но сама идея крайне заманчива, потому что в ней нет проигравших или «не успевших» к прогрессу: она обещает силой технической мысли подарить бессмертие всем, кто жил, но до этого дня не дожил. Как именно — нам пока знать не дано. Фактически, эту идею первым внятно высказал Николай Федорович Фёдоров (1828–1903). Эта личность ныне почти забыта, хотя в свое время его называли «московским Сократом». Перед ним преклонялись Толстой и Достоевский, этот человек был учителем Циолковского и считался мыслителем примерно такого же масштаба, если не больше. Идея учения Фёдорова о «патрофикации» состояла в том, что когда-нибудь — когда-нибудь! — человечество научится каким-то образом собирать все развеянные по свету молекулы и атомы, чтобы воссоздать из праха заново всех умерших предков живыми и здоровыми. И в этом есть конечная цель и долг человечества — максимально развиться, нравственно и технически, и вернуть к жизни всех, кто когда-либо жил на Земле. Впрочем, может, дело не в молекулах, а в чем-то другом, что можно собрать и реставрировать. Здесь — самый широкий простор для фантазии. Но здесь же и наивысшая привлекательность. Ведь если для всех прочих теорий годится выражение «поживем-увидим», то здесь можно с чистой совестью сказать «помрем — поглядим».

КУРСОР

Начались съемки

экранизации раннего романа Сергея Лукьяненко «Рыцари сорока островов». Сценарий фильма, постановку которого осуществляет одна из украинских кинокомпаний, написали киевляне Марина и Сергей Дяченко. Презентация проекта состоялась во время сентябрьского фестиваля фантастики «Звездный мост» в Харькове. Роман повествует о подростках, над которыми пришельцы осуществляют жестокий психологический эксперимент: помещают на один из сорока островов искусственного архипелага, где каждый остров соединен с тремя соседними узкими мостами. Цель кровавой игры — захватить все острова и получить свободу.

Новая версия

классического НФ-фильма Ричарда Флейшера «Фантастическое путешествие» (1966), новеллизацию которого писал сам Айзек Азимов, появится на экранах в 2010 году. Историю вояжа внутрь человеческого тела преподнесет, раскрасив всеми возможными спецэффектами, известный голливудский режиссер немецкого происхождения Роланд Эммерих («Луна-44», «Универсальный солдат», «День независимости», «Послезавтра»).

Многие родители

при рождении чада испытывают трудности с выбором имени для ребенка. Им решил помочь американский писатель Роберт Шнейкенберг. Его книга «Фантастические имена детей» (Sci-Fi Baby Names) содержит около пятисот имен, позаимствованных из всевозможных источников — НФ-литературы, кино, телевидения, комиксов. Каждая позиция сопровождается краткой характеристикой обладателя имени, а также цитатой из описания персонажа или произнесенной им ударной фразой.

Закончена разработка

концепции восемнадцатисерийного телесериала по мотивам повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Ее выполнили Александр Бачило и Игорь Ткаченко по заказу компании АМЕДИА — лидера среди фирм, производящих сериалы. На счету АМЕДИА сверхпопулярные «Моя прекрасная няня», «Кто в доме хозяин?», «Звездочет», «Не родись красивой», «Татьянин день».

Стивен Кинг

чуть не стал жертвой собственной скромности. Будучи в Австралии, он неузнанным зашел в супермаркет и решил незаметно подписать несколько своих новых книг, выложенных на прилавке. Однако бдительные покупатели заподозрили в незнакомце вандала и вызвали охрану. Недоразумение, впрочем, быстро разрешилось, а первым одну из шести подписанных автором книг приобрел вызвавший охрану борец с вандализмом.

Орсон Скотт Кард

выпустил неожиданную книгу в жанре подростковой космооперы — «Космический мальчик». Герою книги Тодду, мечтающему стать астронавтом, выпадает шанс. Он встречает инопланетянина, который берет подростка с собой. Как и положено в космоопере, вскоре мальчишке и его инопланетному другу придется спасать мир.

Другая космоопера,

на этот раз российская, уже успела прославиться за рубежом. Роман Сергея Лукьяненко «Танцы на снегу» получил в Германии престижнейшую книжную награду Corine-2007 как лучшее произведение для юношества на немецком языке. «Корина» — премия, находящаяся под личным патронатом премьер-министра земли Бавария, вручается «выдающимся книгам, завоевавшим истинную читательскую любовь». Такой книгой и стал роман Лукьяненко, вышедший в Германии под названием Das Schlangenschwert («Змеемеч»). Гала-церемонию вручения, состоявшуюся 16 сентября в Мюнхене, транслировали несколько немецких телеканалов.

Телекомпания BBC

готовит полнометражную экранизацию киплинговской «Книги джунглей». В работе будут использованы новейшие достижения в области спецэффектов и дрессуры животных. Этим займется Джон Доунер — пионер совмещения съемок животных с компьютерными технологиями, известный по документальной драме о жизни львов «Прайд».

Десятку самых популярных

бессмертных персонажей в истории представил сайт LiveScience (www.livescience.com). Первое место заняла полуэльфийка Арвен из «Властелина Колец», второе — библейский Мафусаил, третье — Рыцарь Грааля из фильма «Индиана Джонс и Священный Грааль». Также в десятке: горец Коннор Маклауд; уайлдовский Дориан Грей; греческий — Тифон; создатель Философского камня Николас Фламмель; хайнлайновский Лазарус Лонг; граф Дракула; вечный мальчишка Питер Пэн.

И в Сибири

стали снимать хоррор. В Омске закончены съемки полнометражного фантастического фильма «Спора». Режиссером и сценаристом стал руководитель анимационной студии «Орбита» Максим Дьячук, в фильме снялись актеры омских театров, премьера запланирована на 2008 год. Сюжет вполне традиционен — группа подростков попадает на заброшенный завод, где творятся невероятные вещи.

НФ-критики

подвели итоги очередного литературного года. По результатам заочного голосования известных жанровых критиков были вручены призы «Филигрань». На этот раз они достались рассказу Кирилла Бенедиктова «Точка Лагранжа», повести Александра Зорича «Дети Онегина и Татьяны» и роману Дмитрия Быкова «ЖД». Церемония вручения призов состоялась 25 августа и, как обычно, соседствовала с чтениями памяти А. Н. Стругацкого.

вручались в этом году в необычном месте. Хозяином главного мирового конвента Worldcon, проходившего с 30 августа по 3 сентября, стал японский город Иокогама. Призы «Хьюго» достались Вернору Винджу за роман «Конец радуги»; Роберту Риду за повесть «Миллиард Ев» (уже известную читателям нашего журнала под заголовком «Ева раз, Ева два…». — *ред.);* Иэну Макдональду за короткую повесть «Жена Джинна» и Тиму Пратту за рассказ «Невозможные мечты» (этот рассказ вы сможете прочесть в следующем номере «Если». — *ред.)*. Лучшим драматическим представлением, согласно голосованию мирового фэндома, стал фильм Гильермо Дель Торо «Лабиринт Фавна» (рассказ о творчестве этого режиссера и его последнем фильме см. в «Если» № 3 за этот год. — *ред.)*. Лучшим редактором признан давний партнер «Если» Гордон Ван Гелдер, возглавляющий журнал «The Magazine of Fantasy & Science Fiction»; лучшим дебютантом, получившим приз им. Джона Кэмпбелла, — американка Наоми Новик.

Агентство F — пресс

PERSONALIA

БАЧИЛО Александр Геннадьевич

Писатель и драматург Александр Бачило родился в 1959 году в г. Искитиме Новосибирской области. После окончания Новосибирского электротехнического института работал программистом в Институте ядерной физики Сибирского отделения РАН. Участник литобъединения «Амальтея» М. П. Михеева, Малеевских семинаров и ВТО МПФ.

Дебютировал в 1983 году рассказом «Элемент фантастичности», а в 1988-м написал в соавторстве с Игорем Ткаченко первую книгу «Путешествие в таинственную страну, или Программирование для мушкетеров». В 1990 году этот творческий тандем выпустил еще одно произведение для детей — фантастическую повесть «Пленники черного метеорита». В 1989-м вышла сольная книга А. Бачило «Ждите событий», затем «Проклятие диавардов» (1991), «Незаменимый вор» (2000, 2002) и сборник новелл «Академонгородок» (2004). Перебравшись в 1999 году в Москву, А. Бачило стал работать на телевидении сценаристом и режиссером программ «О.С.П.-студия», «Несчастный случай» и телесериалов.

ГАРКУШЕВ Евгений Николаевич

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 6 за этот год)

Рецензенты журнала «Мир фантастики» так охарактеризовали НФ-творчество писателя: «Будущее по Гаркушеву соответствует многим современным тенденциям: нехватка ресурсов, понижение общего интеллектуального уровня, измельчание духовных ценностей, оцифровка товарно-денежных отношений и при этом активное развитие высоких технологий. Писатель не увлекается социальной стороной грядущего, делая ставку на психологию наших потомков и технологический прогресс. При этом он не забывает и о мелких деталях, что в сумме дает весьма целостную картину».

ДЖОНС Гвинет (JONES, Gwyneth A.)

Английская писательница Гвинет Энн Джонс родилась в 1952 году в Манчестере и закончила Университет Суссекса с дипломом историка. С 1980 года писала детскую литературу под псевдонимом Энн Халам. В 1977 году дебютировала в фантастической прозе романом «Вода в воздухе». С тех пор писательница, с одинаковым успехом работающая и в научной фантастике, и в фэнтези, опубликовала две дилогии — «Божественное терпение» и «Белая королева», трилогию «Внутренняя земля», более двадцати внесерийных романов, а также два десятка рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборники «Определяя объект» (1993) и «Семь историй и притча» (1995).

Гвинет Джонс дважды завоевывала Всемирную премию фэнтези (обе в 1996 году — за рассказ «Травяная принцесса» и за сборник «Семь историй и притча»), Британскую премию фэнтези (в 1998 году — за рассказ «La Cenerentola»), Премию имени Джеймса Типтри-младшего (в 1991 году за роман «Белая королева») и Премию имени Артура Кларка (в 2002 году за роман «Просто как любовь»).

ДЕГТЯРЕВ Максим Владимирович

Родился в Санкт-Петербурге в 1967 году, живет и работает в Москве. Высшее образование получил на механико-математическом факультете МГУ. Книжным дебютом стал роман в жанре НФ-детектива «Карлики» (2002), ставший одновременно первой книгой в цикле произведений о приключениях космического сыщика Федора Ильинского. Позже вышли еще два романа цикла — «Моролинги» (2003) и «Ок-но» (2003). Рассказы Дегтярева регулярно публикуются в периодике. Кроме того, автор занимается разработкой компьютерных игр.

КРЕСС Нэнси (KRESS, Nancy)

Одна из ярких представительниц современной американской «мягкой» (иначе говоря, гуманитарной) научной фантастики, Нэнси Кресс родилась в 1948 году в Буффало (штат Нью-Йорк) и закончила Университет в Платтсбурге. Проработав некоторое время в рекламном агентстве, Кресс с середины 1970-х годов полностью переключилась на литературную деятельность. Ее первой публикацией стал рассказ «Блуждающие на Земле» (1976), а первым романом — «Принц утренних колоколов» (1981).

Подлинное признание пришло к писательнице после выхода романа «Чуждый свет» (1988). Первый роман трилогии о «Неспящих» — «Нищие в Испании» (1991) — принес автору букет высших премий: «Хьюго», «Небьюлу» и французскую Imaginaire Award. За последующие годы увидели свет еще две трилогии — «Перекрестный огонь» и вторая: «Вероятностная Луна» (2000), «Вероятностное Солнце» (2001) и «Вероятностный космос» (2002); последний роман был награжден Мемориальной премией имени Джона Кэмпбелла. Перу Кресс принадлежат еще 10 одиночных романов и 80 рассказов и повестей, лучшие из которых составили три сборника. В коллекции литературных трофеев Нэнси Кресс еще две премии «Небьюла» — за рассказ «Вдали от всех этих ярких звезд» (1985) и за короткую повесть «Цветы тюрьмы Аулит» (1996); последняя завоевала также Премию имени Теодора Старджона.

Нэнси Кресс — автор двух научно-популярных книг: «Начала, середины и концы» (1993) и «Динамичные характеры» (1998). В 1998 году Нэнси Кресс вторично вышла замуж за коллегу по перу — известного писателя-фантаста и ученого Чарлза Шеффилда, а после его смерти в 2002 году вернулась в родной штат Нью-Йорк, чтобы быть поближе к своим взрослым детям.

ЛОВЕТТ Ричард

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 6 за этот год)

Как уже известно читателям «Если», канадский автор Ричард Ловетт проявил себя не только в научной фантастике. Он человек широчайшего спектра интересов, обладатель трех университетских дипломов, автор шести книг и более 2000 статей на самые разнообразные темы.

В дополнение к ранее сказанному можно добавить, что неутомимый турист Ловетт объездил «на своих двух колесах» 35 американских штатов и пять канадских провинций, а на лыжах прошел всю Исландию и совершил круговой марафон по Гренландии. По собственным словам писателя, ежегодно он проходит на лыжах или проезжает на велосипеде несколько тысяч миль.

ТКАЧЕНКО Игорь Анатольевич

Писатель, драматург и журналист-популяризатор Игорь

Ткаченко родился в 1960 году во Владивостоке. После окончания Новосибирского государственного университета долгое время работал по специальности в Институте ядерной физики СОРАН.

Участник новосибирского литобъединения «Амальтея», руководимого писателем Михаилом Михеевым, ВТО МПФ, Игорь Ткаченко начал публиковаться в 1985 году (рассказ «Советы начинающим»), а книжный дебют состоялся в 1988-м — роман «Сережка, Вовка, Зина и вычислительная машина», написанный в жанре научно-художественного повествования с элементами НФ и адресованный читателю-подростку. В соавторстве с Александром Бачило написал две книги и повесть для детей. Рассказы и повести И. Ткаченко регулярно публиковались в региональной периодике и в сборниках «Румбы фантастики». Кроме того, он автор ряда детективных и фантастических книг, написанных как сольно, так и в соавторстве с Алексом Яром — «Пасьянс гиперборейцев» (1990), «Гопак для президента» (2005; в соавт.), дилогия «Стрингер» (2006; в соавт). Живет в Москве. Работает сценаристом кино и телевидения.

ХЬЮЗ Мэтью (HUGHES, Mathew)

Мэтью Хьюз родился в 1949 году в английском городе Ливерпуле, а в пятилетнем возрасте был увезен родителями в Канаду, где и проживает по сей день. Бросив университет, Хьюз работал некоторое время в газетах, спичрайтером, рабочим на фабрике, шофером грузовика, автодилером и санитаром в психиатрической клинике, а затем переключился на литературную деятельность, став известным автором детективов. Вклад Хьюза в фантастику более скромен: пока на его счету одна трилогия фэнтези — «Глупцы, сбившиеся с пути» (2000), «Одурачь меня дважды» (2001) и «Черный бриллион» (2004). Вместе с женой и тремя сыновьями писатель проживает в небольшом городке на острове Ванкувер у западного берега Канады.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

notes

Примечания

1

В индуизме — аскет, давший обет отшельничества и странничества. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Публичное самосожжение вдовы вместе с трупом мужа.

3

Розеттский камень — черная базальтовая плита с трехъязычной надписью на египетском иероглифическом, египетском демотическом (разговорном) и древнегреческом языках, обнаруженная в 1799 г. на берегу Розеттского рукава Нила. Тексты на камне высечены в 196 г. до н. э. В 1822 г. иероглифический текст был дешифрован, что положило начало изучению египетской иероглифической письменности.

4

Минус 178 градусов по Цельсию. (Здесь и далее прим. перев.)

5

Ash — в переводе с английского «пепел», а птица Феникс, согласно известной легенде, бросалась в пламя и возрождалась из пепла.

6

Энцелад — спутник Сатурна, на котором зонд «Кассини» в 2005 году обнаружил водяные вулканы, выбрасывающие пар и кристаллы льда на высоту до 500 километров.

7

Терминатор — граница дня и ночи, перемещающаяся по поверхности планеты.

8

Фемтосекунда равна 1015 секунды.

9

Цитируется одно из известных стихотворений английского поэта и писателя Джона Мейсфилда (1878–1967) «Морская лихорадка» (перевод Михаила Генина).